

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

А.С. АМАНЖОЛОВ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПИСЬМА

Алматы
«Мектеп»
2003

ББК 81.2

А 61

Издается согласно Программе Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан

Аманжолов А. С.

А 61 ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПИСЬМА. Алматы: ЗАО «Издательство «Мектеп», 2003. — 368 с.

ISBN 9965-16-204-2

Древнетюркская руническая письменность (тюркская руника) Южной Сибири, Монголии, Средней Азии и Казахстана является исключительно ценным источником для истории тюркских языков и их носителей. Регионы распространения и хронологические рамки древнетюркской письменности так или иначе соотносятся с древнетюркской государственностью VI—X вв. Вместе с тем, истоки этого процесса, как устанавливает автор, уходят значительно глубже. В монографии на уточненном материале исследуется тюркская руническая графика, дается всесторонний анализ эпиграфических находок на территории Казахстана, приводятся наблюдения по ранним типам письма и выдвигается принципиально новая трактовка генезиса тюркского рунического алфавита.

Для лингвистов, филологов, историков и широкого круга читателей, интересующихся древней письменной культурой тюркского мира.

А 4402000000-248
404(05)-03

ББК 81.2

© Аманжолов А. С., 2003
© Художественное оформление
Все права защищены
Имущественные права принадлежат ЗАО
«Издательство «Мектеп»

ISBN 9965-16-204-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография — итог многолетнего изучения истории и теории древнетюркского письма на обширном эпиграфическом материале азиатского ареала. Собственно говоря, научным поиском охвачены важнейшие вопросы истории древнетюркской письменности, входящие в сферу тюркской эпиграфики (тюркской рунологии) и графической лингвистики.

Тюркская эпиграфика — одна из наиболее сложных и перспективных отраслей тюркологии, призванная расшифровывать, объяснять и всесторонне изучать древнетюркские надписи в тесной связи с историей языка, письменности, общественных отношений и общественного сознания у древних тюркоязычных племен. Малоизученная история древнетюркской письменности, прежде всего, начинается с зарождения и становления тюркского рунического алфавита, которым широко пользовались древние тюркоязычные племена Тянь-Шаня, Саяно-Алтайского нагорья и Хангая.

Тюркская рунология — такая же комплексная дисциплина на стыке истории, археологии, этнографии, лингвистики, эпиграфики и палеографии (в расширенном понимании — наука об эволюции письма).

Графическая лингвистика — новая отрасль языкознания, связанная с изучением письма, письменного знака и письменного языка. В графическую лингвистику как общую науку о письме входят эпиграфика, палеография, графика, орфография, графемика. В теории графемики прослеживаются закономерности соотношения графической и фонематической систем языка. Особого внимания заслуживает фонетико-фонологическая интерпретация графических знаков различных письменных памятников, прежде всего — древнейших алфавитных систем письма. В отличие от графемики палеография в узком понимании совершенно не интересуется графической системой и графемно-фонемными соответствиями. Может быть, поэтому наши «обобщенно-палеографические поиски», предпринятые с позиций графемики с целью интерпретации тюркской рунической графики, обычно не учитываются историками при поверхностном, чисто внешнем «конкретно-палеографическом» анализе.

Привлечение новых достоверных данных по истории древнейшего тюркского письма (в частности, по истории тюркского рунического алфавита), анализ динамики развития графических систем и орфографических принципов письменных тюркских языков, несомненно, будет способствовать дальнейшему обоснованию тюркской графической лингвистики, позволит расширить фундамент и проблематику графической лингвистики. Следует отметить, что термины «письмо» (дополнительное к звуковой речи средство коммуникации при помощи системы графических знаков) и «письменность» (совокупность письменных текстов, письменная культура) иногда отождествляются, т. е. можно сказать «истоки древнетюркского письма» и «истоки древнетюркской письменности» (здесь «письменность» — разновидность «письма»).

Памятники древнетюркской рунической письменности, обнаруженные в Южной Сибири, Монголии, Кыргызстане и Казахстане, являются исключительно ценным источником по языку, истории, этногенезу, географии, духовной культуре, письменной традиции, верованиям и мировоззрению древнетюркских племен. Необходимость всестороннего изучения графики тюркских рунических надписей вызвана неточностью отдельных публикаций, произвольностью встречающихся толкований и наличием нерасшифрованных рунических знаков. Вопросы истории древнетюркской письменности приобрели особую актуальность в свете новых эпиграфических находок на территории Казахстана. Дальнейшее выявление и изучение древних письменных памятников Казахстана имеет большое значение для разработки новых научных проблем, позволит глубже понять древнюю культуру тюркских народов и их вклад в мировую цивилизацию.

В данной работе поставлено задачей рассмотреть общий процесс становления и распространения древнетюркской письменности, исследовать на большом фактическом материале графическую систему языка древнетюркских рунических надписей, представить уточненные эпиграфические материалы и, отчасти, исследования по таласской, енисейской и орхонской рунике, дать эпиграфический, историко-культурный и лингвистический анализ древнетюркских рунических и «древнегреческих» надписей Казахстана, сообщить результаты наблюдений по ранним типам письма (пиктография, идеография) и, наконец, определить пути к решению проблемы происхождения (генезиса) тюркского рунического алфавита.

Широкий круг историко-лингвистических проблем, затрагиваемых в монографии, обусловлен накопленным нами новым фактическим материалом и самой спецификой тюркской эпиграфики как вспомогательной историко-лингвистической дисциплины, требующей комплексного подхода. На столь трудном и неизведанном пути научного познания не исключены различного рода слоры и сомнения, однако автор твердо надеется, что его работа послужит толчком к дальнейшему решению проблем тюркской эпиграфики, тюркской рунологии и истории древнетюркского письма.

В основу книги положена докторская диссертация автора на тему: «Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности», защищенная в 1975 году и частично опубликованная в виде научных статей (1967–1978 гг.) и методического пособия «Тюркская руническая графика» (ч. I – 1980, ч. II – 1981, ч. III – 1985). Книга дополнена результатами дальнейшей научно-исследовательской работы на основе новых эпиграфических и палеографических данных.

Автор глубоко признателен видным тюркологам – незабвенному учителю Владимиру Михайловичу Насилову, Шевкету Салсыкоевичу Айлярову, Владимиру Дмитриевичу Аракину, Галине Федоровне Благовой, Аннемари (Мариям-апа) фон Габэн, Эльвире Александровне Груниной, Льву (Арсланбеку) Николаевичу Гумилеву, Андрею Николаевичу Кононову, Алькею Хакановичу Маргулану, Карлу Генриховичу Менгесу, Эмиру Наджиповичу Наджипу, Юлиусу (Дьюле) Францевичу Немету и коллективу кафедры тюркской филологии Московского университета имени М. В. Ломоносова за моральную поддержку и ценные консультации по теме исследования.

ВВЕДЕНИЕ

ДРЕВНЯЯ АЛФАВИТНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ
ТЮРКСКОГО МИРА

ДИАЛЕКТНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

К ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНОВ *türk, türgeş, Keçeres*
В ОРХОНСКИХ ТЕКСТАХ

шифровать орхоно-енисейский рунический алфавит, а затем совместными усилиями тюркологов многие надписи были прочитаны. Древнетюркские надписи памятников Бильге-кагану (Могилян-хану) и Кюль-Тегину были впервые прочитаны и переведены на немецкий язык В. В. Радловым⁵, затем переведены с немецкого на русский язык П. М. Мелиоранским⁶.

В дальнейшем вплоть до недавнего времени было открыто и издано еще несколько десятков тюркских рунических надписей на камне — в Монголии (в бассейнах Селенги, Толы — притока Орхона, в Монгольском Алтае, Гоби)⁷, в Сибири (в верховьях Енисея и в Минусинской котловине, в Горном Алтае, в Прибайкалье, на Лене)⁸, в Семиречье (в долине р. Талас и у Иссык-Куля)⁹. Тюркские руны нередко представлены на золотых и серебряных предметах из курганов в Хакасии¹⁰ и на Алтае¹¹, на бронзовых зеркалах и монетах из коллекции Минусинского музея¹².

Бумажные фрагменты с тюркскими руническими письменами шаманского, манихейского, буддийского и юридического содержания (VIII—X вв.) были найдены в Восточном Туркестане¹³.

К ранним формам тюркской руники относится, вероятно, надпись на деревянной палочке из долины Таласа¹⁴. Загадочный руноподобный текст, написанный тушью на тонкой коже, обнаружен среди согдийских документов на горе Муг в верховьях Зеравшана¹⁵.

Краткие рунические надписи на глиняных сосудах-хумах встретились в Фергане¹⁶, а также на хуме из городища Кой-Крылган-Кала (IV—III вв. до н. э.) на Амударье¹⁷.

Имеются достаточные основания считать, что древнетюркская письменность получила распространение и в Европе от Северного Кавказа до Дуная в связи с переселением тюркоязычных гуннов (IV—V вв.) и булгар (VII в.). На это указывают не только многочисленные руноподобные письма (так называемые гуннские и болгарские руны, многие из которых еще недостаточно расшифрованы), но и легко читаемые тюркоязычные надписи на греческом алфавите (византийское уставное письмо IV—VIII вв.) из Болгарии, Венгрии и Румынии. Как известно, позднее на основе византийского устава IX в. сформировалась славянская азбука «кириллица»¹⁸. Глубоко символично следующее умозаключение В. А. Истрина: «Доказательством давнего применения славянами греческого письма для записи своей речи могут служить многочисленные протоболгарские надписи. Надписи эти, относящиеся к VIII — началу IX вв., когда во главе Болгарского царства стояли цари тюркского происхождения, передают при помощи греческих букв тюркские слова. Правда, аналогичных надписей середины IX в., когда тюркские завоеватели были ассимилированы и переняли славянский язык, в Болгарии пока не найдено»¹⁹.

Между прочим, древнее самоназвание «булгар» сохранилось у потомков аспаруховых булгар — тюркоязычных гагаузов на Балканах (славяноязычных болгар, перенявших древнетюркское имя, они называют иначе — «тукан»).

Таким образом, задолго до славянских просветителей юрковский языковед мнр знал и употреблял древнюю грекографическую письменность, наряду с оригинальной рунической.

На замечательных по исполнению золотых сосудах с изображениями мифических животных, сцен охоты, всадников на крылатом льве, на кентавре, на коне из так называемого «клада Аттилы», найденного в 1799 г. в Венгрии в селении Надь-Сент-Миклош (Трансильвания, ныне север Румынии), представлены 14 своеобразных рунических или руноподобных надписей и три тюркоязычные надписи греческими буквами вокруг христианского креста (на сосудах № 21 – византийский устав IV–V вв., на сосудах № 9 и 10 – византийский устав VII–VIII вв.). В. Томсен²¹ на основании грекографических надписей считал эпиграфику данного клада болгарской (золотая чаша № 21 датируется ориентировочно V веком, однако грекографическая надпись могла быть составлена несколько позже). Ю. Немет²¹ на основании некоторого сходства руноподобных знаков из Венгрии с буквами таласских и енисейских памятников относил эту руническую письменность к печенегам (X в.).

Весьма загадочна и проблематична языковая принадлежность рунических или руноподобных надписей, найденных на Дону и Кубани (Северный Кавказ). По существу говоря, здесь мы имеем дело с письменами, лишь внешне напоминающими древнетюркские рунические знаки Центральной и Средней Азии. Отдельные попытки прочесть доонские и кубанские руноподобные надписи (А. М. Шербак, М. А. Хабичев, Г. Ф. Турчанинов) трудно признать удачными, поскольку такие чтения покоятся исключительно на конъюктурах. А. М. Шербак²² связывает эти надписи с тюрками, М. А. Хабичев²³ – с тюркоязычными аланами, а Г. Ф. Турчанинов²⁴ – с ираноязычными аланами и касогами (черкесами).

Основанием для пересмотра прежних подходов, для выявления болгарской языковой и этнической принадлежности своеобразной руники Северного Кавказа послужили северокавказские билингвы – руноподобные надписи в сопровождении уйгурографических надписей. В результате, С. Я. Байчоров²⁵ предложил новую дешифровку северокавказских, волгодонских и дунайских рунических надписей, привел сравнительную таблицу северокавказского, дунайского и волго-донского вариантов западнотюркского рунического алфавита и их соответствий в секлерском и орхоно-енисейском письме, сделал достаточно убедительный вывод о болгарской языковой принадлежности надписей всех трех регионов Европы. Разумеется, не все памятники, связанные с миграцией тюркоязычных болгар на Дон и Дунай в VII в., в одинаковой мере поддаются дешифровке (некоторые сомнения остаются относительно чтения рунических надписей из Мурфатлар в Северной Добрудже). Возможно, некоторую корректировку могут внести надписи, еще не вовлеченные в орбиту исследования. К сожалению, остается непрочитаемой загадочная руническая надпись, обнаруженная в волго-камском регионе на территории Башкорт-

тостана и имеющая, вероятно, непосредственное отношение к Волжской Булгарии (надпись осмотрена нами во время экспедиционной поездки в 1977 г.).

Дешифровка дунайских, волго-донских и северокавказских рунических надписей, предложенная в монографии С. Я. Байчорова (защита в качестве докторской диссертации в 1991 г.), выгодно отличается от ранее опубликованных попыток Ю. Немета, А. М. Щербака, М. А. Хабичева и других тюркологов более аргументированным, системным подходом к графическим и фонетическим особенностям данных текстов. Дешифровщик совершенно справедливо отказался от отождествления знаков рассматриваемых надписей с внешне схожими знаками древнетюркского рунического письма азиатского ареала, поскольку такое сходство нередко бывает случайным. Он исходит, в первую очередь, из внутренне мотивированных соотношении графем в письменном тексте (статистический метод дешифровки).

В тюркологической литературе, в ряде так называемых «конкретно-палеографических» исследований нередко наблюдается обратное, когда сопоставляются различные, в большинстве своем недешифрованные алфавиты, исходя из случайного, внешнего сходства. Сторонники поверхностных сопоставлений, например, И. Л. Кызласов²⁶, опираются не на прочитанный или в значительной части дешифрованный текст конкретного памятника, а на графические aberrации, на заведомо недоказуемые иллюзорные построения.

Опираясь в процессе дешифровки на отдельные билингвы (рунические и уйгурографические болгарские надписи из Хасаута), рунические и грекографические болгарские надписи из Надь-Сент-Миклоша, С. Я. Байчоров шаг за шагом раздвигает круг известных графем и их комбинаций, приходит к очень важному выводу: «Азиатская и европейская разновидности древнетюркского рунического письма имеют разные алфавиты, подвергшиеся значительному взаимодействию, ряд общих букв, общие принципы правописания»²⁷.

В дальнейшем наши исследования ограничиваются азиатским ареалом древнетюркской письменности, поскольку интерпретация своеобразной древнетюркской (болгарской) руники Европы является самостоятельной задачей.

Попытки составления аннотированного указателя тюркской рунической письменности азиатского ареала были ранее предприняты А. С. Аманжоловым²⁸ и Д. Д. Васильевым²⁹. Ныне они нуждаются в существенных поправках и дополнениях, благодаря новым эпиграфическим находкам (отчасти в Казахстане).

На территории Казахстана к настоящему времени выявлено около тридцати тюркских рунических надписей, однако не все надписи опубликованы (подробнее об этом в соответствующих главах). Например, в бассейне р. Талас (Казахстан) известны четыре рунические надписи, две из которых остаются непрочитанными. Это — наскальная надпись из местности Чагар-Могол в Таласском Алатау (Южно-Казахстанская область), опубликованная А. Н. Бернштамом в 1958 г. в XII выпуске «Эпиграфики Востока» и надпись на

каменной плите (Жамбылская область). В 1976 г. нами были выявлены и прочитаны две тюркские рунические надписи из городища Атлах (Жамбылская область) — на подвесной каменной печати правителя данной местности и на половинке каменного диска.

Несколько тюркских рунических надписей выявлено на различных глиняных предметах из древних городищ долины Сырдарьи (Южно-Казахстанская область). Три наскальные рунические надписи обнаружены нами в 1964 г. в бассейне р. Или (Уйгурский район Алматинской области). Содержание надписей — охотничья магия. Руническая надпись прочитана на бронзовом перстне из древнего погребения, вскрытого К. М. Байпаковым в 1969 г. (Илийский район Алматинской области).

Два бронзовых зеркала с тюркскими руническими надписями обнаружены в Восточном Казахстане, а точнее — в Урджарском районе б. Семипалатинской области (случайная находка 1935 г., ныне хранится в Государственном Эрмитаже) и в Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области (раскопки 1969 г. под руководством археолога Ф. Х. Арслановой). Первую надпись опубликовал в 1948 г. во II выпуске «Эпиграфики Востока» известный археолог А. Н. Бернштам, правда, без перевода. Надпись выгравирована на китайском зеркале Танского времени, все буквенные знаки надписи — типично орхоно-енисейские. Вторую надпись (на зеркале местного производства из Зевакинского кургана IX—X вв.) опубликовали в 1973 г. Ф. Х. Арсланова и С. Г. Кляшторный. К сожалению, это зеркало также увезено в Россию, а надпись прочитана не вполне правильно.

В Прииртышье встречаются также наскальные рунические надписи. Например, надпись из Жарминского района б. Семипалатинской области (находка 1983 г.) и надпись из Маркакольского района Восточно-Казахстанской области (находка 1985 г.). Подвесная каменная печать с тюркской рунической надписью найдена в Курчумском районе Восточно-Казахстанской области.

Интересна судьба серебряного браслета с рунической надписью из Павлодарской области (находка 1986 г.). Примечателен сам факт, что именно на Иртыше серебряный браслет с рунической надписью передавался из поколения в поколение (от бабушки к внучке), подтверждая древнюю казахскую традицию.

Две тюркские рунические надписи на металлических предметах (бронзовое зеркало, серебряное сасанидское блюдо) из Западного Казахстана выявлены и прочитаны нами в 1985 г. при осмотре хранилища Центрального музея Казахстана. Предметы найдены в начале XX века в бассейне р. Янк-Урал при раскопках, которые проводила Оренбургская архивная комиссия (И. А. Кастанье) на территории нынешних Актюбинской и Западно-Казахстанской областей. Руническую надпись на серебряном сасанидском блюде правомерно соотносить по времени с расцветом древнетюркской державы (конец VI в. — начало VII в.), что позволяет, наконец, отклонить упорно навязываемое мне-

ние о том, что древнетюркская руническая письменность возникла лишь во Втором тюркском каганате (682–745 гг.). Об этом нами было доложено на международной тюркологической конференции, посвященной столетию дешифровки орхон-суйсейского алфавита (Анкара – Стамбул, декабрь 1993 г.).

Таким образом, в научный оборот включаются иртышские, илийские, сырдарьинские и яикские (уральские) рунические надписи. Новые эпиграфические находки значительно расширяют прежние представления о древнетюркской эпиграфике Казахстана и позволяют по-новому взглянуть на многие нерешенные проблемы истории древнетюркской письменности.

Эпиграфика Казахстана нуждается в самом серьезном внимании исследователей. Реально установленные факты не позволяют согласиться с поспешным выводом Д. Д. Васильева: «Находки на территории Казахстана и отчасти Северной Киргизии выглядят очень противоречиво. С одной стороны, мы имеем надписи, отличающиеся более или менее традиционными палеографией и хронологией, с другой – ряд находок являет собой образцы надписей руноподобных, довольно далеких от тюркской рунической графики других регионов. [...] Рассмотрение данных исторических территорий в рамках одного региона может показаться неправомерным. Однако существование в науке совершенно различных точек зрения на руническую эпиграфику севернее Таласа не позволило в ходе исследования (когда данные палеографических корреляций еще не были известны) выделить последнюю в отдельный регион»³⁰.

К сожалению, прошлая деятельность эпиграфической экспедиции при Институте языкознания Академии наук Казахстана, отраженная в ряде статей и в сборнике «Эпиграфика Казахстана» (Алма-Ата, 1971), оказалась малопродуктивной и вызвала справедливые нарекания специалистов³¹. Примечательно, что из опубликованных находок названной экспедиции подтверждается, вероятно, только одна (из трех) древнетюркская надпись – надпись на сырцовом кирпиче с Сырдарьи³². Две другие оказались мистификациями³³.

«Руническую надпись», опубликованную Г. Айдаровым, мы осмотрели в экспозиции Жамбылского (Джамбулского) областного историко-краеведческого музея в 1976 году. При этом выяснилось, что на левом боку древнетюркского изваяния прорезаны очертания поясных подвесков, а вовсе не рунические знаки.

«Руническую надпись», опубликованную Г. Г. Мусабаевым, мы осмотрели в Кегенском районе Алматинской области и убедились, что на левом боку древнетюркского изваяния вырезаны очертания трех различных предметов (кинжал, сосуд в виде кумгана и фляга), которые ранее были приняты за рунические знаки. Несмотря на нашу критику в печати³⁴, несуществующая «надпись» вновь вошла в сборник «Эпиграфика Казахстана» и в XII том «Казахской Советской Энциклопедии» (1978 г., на казахском языке).

Заключительным аккордом упомянутой экспедиции стала находка в 1973 г. близ Алматы так называемого «Пробного камня» или «Каменя преткновения», когда ученые-тюркологи (С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров, Г. Г. Мусабаев)

приняли за подлинную бутафорскую руническую надпись, изготовленную для кинофильма «Кыз Жибек», и тем самым уронили престиж академической науки³⁵.

Работа по выявлению и изучению древнетюркских рунических надписей на территории Казахстана, несомненно, будет продолжена. Залогом успехов в этом направлении должно стать формирование высококвалифицированных научных кадров, создание в Казахстане солидной научной школы по древнетюркской тематике, искоренение невежества и дилетантизма в науке.

Регионы распространения и хронологические рамки древнетюркской письменности так или иначе соотносятся с древнетюркской государственностью VI–X вв. Вместе с тем, истоки этого процесса уходят значительно глубже. Как показали наши исследования (подробнее в дальнейшем изложении), об этом определенно свидетельствуют прототюркские рунические надписи – эпиграфические памятники ранних кочевников в долинах Иртыша и Или.

Установить конкретную родоплеменную принадлежность и хронологию тех или иных памятников тюркского рунического письма азиатского ареала, за исключением династических орхонских эпитафий VIII в., довольно трудно.

В Семиречье в долине р. Талас известны в настоящее время около двадцати тюркских рунических надписей, однако ни одна из них не датирована. Условно их можно отнести (частично) к V–VIII вв.³⁶ Вместе с тем высказывалось предположение, что таласские памятники принадлежат исконным тюркоязычным обитателям этой территории – *канглы*³⁷. Этот древнетюркский этноним (слово *қағли* имело также нарицательное значение «телега, колесница»), отражен, по-видимому, в транскрипции «кангюй» или «канцзюй» из китайских источников³⁸.

Из современных исследователей С. Г. Кляшторный³⁹ называет временем создания таласских надписей 716–739 гг., т. е. завершающий период существования Тюркешского каганата в Семиречье и на Тянь-Шане, а И. Л. Кызласов⁴⁰ возражает ему на зыбком основании «наибольшей вероятности отнесения таласских надписей к IX–X вв.» и связывает их с карлуками (собственно говоря, с Карлукским каганатом).

Стремясь обосновать возникновение рунической письменности первоначально на Енисее, И. А. Батманов связывал происхождение таласского рунического письма с передвижением енисейских племен. «Вместе с тем, наличие в Таласе памятников енисейского типа говорит о давних культурных и этнических связях древнего населения Верхнего Енисея и Тянь-Шаня (передвижение древних кыргызов или других тюркоязычных племен)»⁴¹.

Содержание той или иной тюркоязычной рунической надписи долины Енисея иногда подсказывает нам приблизительную дату ее написания. Например, в одной эпитафии на стеле, обнаруженной недавно в Туве, упомянут какой-то «уйгурский хан»⁴². Следовательно, время написания эпитафии относится к периоду существования уйгурского ханства (745–840 гг.), которое покорило на Енисее чиков и кыргызов.

Вместе с тем, некоторые хронологически неопределенные енисейские надписи могут оказаться значительно старше надписей VIII–IX вв. Случайно ли некоторые рунические надписи-эпитафии представлены на рыбообразных стелах или «олениных камнях» Тувы? Эти стелы являлись, по-видимому, посмертными памятниками VП–IV вв. до н. э.⁴³ Конечно, не исключена вероятность повторного использования отдельных рыбообразных стел для древнетюркских эпитафий, но это все равно говорит об этнической преемственности. Что же касается аналогичного памятника с р. Уюк-Туран (Е 3), который мы имели возможность осмотреть в 1969 г. в Кызыле, то складывается впечатление о композиционном единстве рунической эпитафии и замечательных изображений лошадей, кабанов и оленей на этой огромной каменной рыбе. Такое единство не может быть случайным, а значит начало раннетюркской письменности на Енисее фиксируется, по всей вероятности, скифским временем.

Благодаря археологическим изысканиям Ю. Аспелина⁴⁴, ранее складывалось мнение, что енисейские надписи на стелах относятся, в основном, к гуннской этнической традиции и датируются началом нашей эры. В. В. Радлов⁴⁵, в свою очередь, также находил возможным отождествить письмо гуннов, упоминаемое в китайских хрониках, с тюркским руническим алфавитом. Затем это мнение становится однозначным, т.к. возобладала концепция о более позднем происхождении тюркских руи.

С. Е. Малов⁴⁶ связывал енисейские памятники с древними кыргызами (кстати, название «кыргызы» почему-то ни разу не встретилось в этих текстах), и с предками тувинцев, тофаларов (карагасов) и других тюркоязычных народностей Южной Сибири, а всю енисейскую рунику ориентировочно датировал V–X (XI) вв. Попытка археолога Л. Р. Кызласова⁴⁷ пододвинуть эту письменность к VII–XII вв. вызвала серьезные возражения И. А. Батманова⁴⁸.

Что касается недешифрованных и недатированных «южноенисейских рунических надписей», отличающихся своеобразием графических знаков (например, надпись на прясльнике Минусинского музея, надпись на, возможно, повторно использованных стелах могильника Эдегей VII–III вв. до н. э.), то попытка источниковеда-палеографа И. Л. Кызласова⁴⁹ отнести эти надписи к VIII–X вв. решительно ничего не доказывает из-за своей безрезультатности.

Тюркская руника, надо полагать, широко употреблялась в древнетюркских (раннесредневековых) государствах VI–X вв. В них была распространена грамотность, высокого развития достиг письменно-литературный язык, иначе именуемый «древнетюркским языком». По отношению к территории Казахстана это, прежде всего, Первый тюркский каганат (552–630 гг.), Западно-тюркский, Тюркешский и Карлукский каганаты, позже Кимакское государство IX–X вв.

Древние тюрки в середине VI в. создали на Алтае мощное государство, с расширением последнего ставка тюркского кагана (верховного хана) была перенесена с Иртыша на Орхон. В это объединение входили различные племена – кыпчаки, огузы, карлуки, ягма, уйгуры, татары, курыканы, тюркешы.

кыргызы, чики, басмылы и др. Слово *türk* как обозначение правящей этнополитической группировки в государстве дало название Тюркскому каганату (этимология названия «тюрк» предлагается ниже).

К 70-м годам VI в. Первый тюркский каганат распространял свою власть на значительной территории от Саяно-Алтайского нагорья на севере до Тянь-Шаня и Согда на юге, от Черного и Каспийского морей на западе до Великой Китайской стены на востоке. В это же время тюркская династия официально принимает буддизм. В 581 г. тюркское военно-племенное объединение распалось на две части — восточную и западную. Отмечается воссоединение каганата в 593 г. и новое разделение в 604 г.

Западно-тюркский каганат (ставка хана — на р. Чу в Семиречье) составили пять племен дулу и пять племен нушиби⁵⁰. Это — так называемый «десятистрельный», точнее «десятиплеменный» народ орхонских текстов (on iq bodunt). Ослабленный постоянной междоусобицей Западно-тюркский каганат все больше и больше дробился. После 704 г., когда был убит последний хан из династии западных тюрков, в государстве возвышаются тюркени.

Восточно-тюркский каганат со ставкой хана на р. Орхон в Монголии просуществовал до середины VIII в., в 630–681 гг. он подчинялся китайским императорам династии Тан, затем снова обрел независимость. Последний период существования каганата освещен в орхонских текстах (сообщения китайских хроник и орхонских рунических надписей об этом периоде согласуются).

В середине VIII в. на месте Восточно-тюркского каганата возникает Уйгурский каганат (745–840 гг.), в котором официально утвердилась манихейская вера. В это объединение, как сообщается в руническом тексте памятника уйгурского хана Мююн-Чура («Селенгинский камень», около 759 г.), первоначально вошли три племени карлуков (iŋ qarluq) и девять племен огузов (toquz oʻuz). Вскоре карлуки вышли из подчинения уйгурам и заняли территорию «десяти племен» (on iq), т. е. Западно-тюркского каганата.

В 840 г. уйгурское ханство было разбито кыргызами, жившими в бассейне среднего Енисея. Китайская хроника «Таншу» отмечает общность языка и письменности у кыргызов (хягас) и уйгуров (хойху): «Письмо их и язык совершенно схожи с хойхускими»⁵¹. Кыргызское ханство объединило предков хакасов, тувинцев, тофаларов и других тюрков Южной Сибири (примечательно, что у тувинцев сохранились родовые названия *кыргыз* и *уйгур*, у хакасов, шорцев, алтайцев — название *кыргыз*). Восточными соседями кыргызов были трехплеменные курыканы (iŋ qurqan) у озера Байкал, чики в верховьях Енисея и дубо.

Наиболее поздние из енисейских рунических памятников, как отмечалось выше, можно отнести к VIII–XI вв., но их родоплеменная принадлежность еще не установлена.

Около десяти рунических надписей найдено в западном Прибайкалье (две надписи на каменшугольных пряслицах для веретена, остальные — на скалах) и в Центральной Якутии на р. Лене. Самая северная руническая надпись на

скале находится у с. Петровского, в 200 км от г. Якутска. А.П.Окладников связывает эти прибайкальские и ленские надписи с южными предками якутов — курьканами (VI—X вв.)⁵²

С. В. Киселев считал возможным допустить наличие рунической письменности у карлуков — древних обитателей Западного Алтая и Тарбагатай⁵³.

Учитывая общую историческую обстановку древнетюркской эпохи, связанной со становлением феодальных отношений и складыванием народностей у тюркоязычных племен, лучше пока воздержаться от поспешных выводов в определении родоплеменной принадлежности отдельных недатированных памятников древнетюркской письменности. Мало оснований и для того, чтобы по одному только названию сблизать древние языки (диалекты) тюркских племен и племенных союзов с современными общенародными и национальными тюркскими языками. Языковые особенности древнетюркских памятников в известной мере отражают давно пройденный этап развития всех живых тюркских языков, поэтому трудно согласиться с односторонними попытками отнести некоторые рунические памятники к истории исключительно одного какого-либо современного языка.

Вслед за рунической письменностью во второй половине I тысячелетия н. э. у тюркоязычных племен Средней Азии и Восточного Туркестана распространялась манихейская письменность, возникавшая из сирийского письма «эстрангело» христиан-несторианцев, и согдийская письменность. В. В. Радлов⁵⁴ полагал, что древнейший тюркский перевод «Покаянной молитвы манихейцев» (Chuastuapigt) на манихейском алфавите сделан в Семиречье около V в. н. э. (до нас дошли рукописи на манихейском и так называемом уйгурском алфавитах).

В Монголии на Бугутской стеле-памятнике тюркской династии Ашина (начало 80-х годов VI в.) представлены согдийская надпись и санскритская надпись письмом брахми⁵⁵. На Сэврэйской стеле-памятнике уйгурской династии выбиты тюркская руническая и согдийская надписи (посвящены походу 762 г. в Китай). Интересен трехязычный древнеуйгурский памятник из Кара-Балгасуна на Орхоне (795 г.), имеющий тюркскую руническую, китайскую и согдийскую надписи, где говорится о борьбе уйгуров с карлуками и тибетцами и о принятии манихейства.

Переработкой новосогдийского письма применительно к тюркским наречиям, в основном к языку уйгурского каганата, в VIII в. явилось «уйгурское письмо»⁵⁶. Расцвет уйгурской письменности в Средней Азии и Восточном Туркестане относится к VIII—XIII вв., в дальнейшем уйгурское письмо применялось в канцеляриях Тимуридов и золотоордынских ханов (XIV—XV вв.), этим письмом переписано в 1439 г. в Герате этико-поэтическое сочинение «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (начато в Баласагуне и закончено в Кашгаре в 1069 г.). В буддийских монастырях Центрального Китая уйгурское письмо просуществовало вплоть до начала XVIII в.

Вместе с религией буддизма к тюркоязычным племенам в VIII—X вв. прони-

кали также древнеиндийское письмо «брахми» (в переводах на тюркский санскритских текстов) и его видоизменение — тибетское письмо

С распространением ислама у тюркоязычных племен и народностей Туркестана появляется арабский алфавит, который постепенно сменил у них все остальные виды письма, а в XX в. почти повсеместно уступил свои позиции латинскому и русскому кириллическому алфавитам. Наиболее старый тюркоязычный памятник арабского письма — уже упомянутое сочинение «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (XI в.). Наманганская и каирская рукописи этого сочинения на арабском алфавите относятся, вероятно, к XII—XIII вв.⁵⁷ Несколькоими годами позже был написан на арабском языке выдающийся тюркологический труд Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» (1072—1074 гг.), известный по единственной рукописи 1266 г.⁵⁸

Таким образом, мы имели возможность убедиться, что тюркоязычные народности и их языки имеют весьма древнюю письменную традицию, восходящую, по крайней мере, к рубежу нашей эры. В процессе исторического развития у тюркоязычных народностей сменилось немало письменностей, иногда письменная традиция по каким-либо социально-экономическим и политическим причинам временно прерывалась. Тем очевидней условный и ненаучный характер деления живых тюркских языков на «старописьменные» и «младописьменные», предложенного некоторыми языковедами⁵⁹ без учета истории письменности. Во-первых, история не знает ни одного народа, каким бы «примитивным», так сказать, он ни был, у которого бы не было письма в какой-либо форме. Во-вторых, тюркские языки, отнесенные к «младописьменным» (тувинский, хакасский, алтайский, якутский, чувашский, башкирский, каракалпакский, ногайский, кумыкский и другие языки автономных республик и областей), имеют не меньшее отношение к древнетюркской рунической письменности, чем «старописьменные», к которым эти языковеды причисляют и киргизский язык как язык союзной (ныне независимой) республики. Заметим, что конъюнктурная установка официальной советской науки относительно «старописьменных» и «младописьменных» тюркских языков была подвергнута нами своевременной печатной критике⁶⁰. В конечном счете, почти все современные тюркские языки являются «младописьменными» по отношению к латинскому и русскому кириллическому алфавитам, независимо от масштаба их современных общественных функций.

Со времени дешифровки В. Томсенom в 1893 г. древнетюркского рунического (орхоно-енисейского) алфавита несколько поколений тюркологов занималось исследованием все возрастающего количества письменных памятников VI—X вв. из Центральной Азии и сопредельных регионов. Здесь к настоящему времени обнаружено около трехсот древнетюркских рунических надписей. Несмотря на значительные успехи, остаются трудные, спорные места в чтении, переводе и интерпретации не только вновь найденных, но и неоднократно изучавшихся орхоно-енисейских надписей.

Большинство прежних публикаций древнетюркских рунических па-

мятников уже не удовлетворяют требованиям тщательного научного анализа, имеют некоторые (порой досадные) отклонения от оригинала. Отсюда происходят многочисленные ошибки и натяжки в лингвистической и, тем более, в историко-культурной интерпретации древнетюркских текстов. При этом у специалистов часто возникает острая необходимость визуальной сверки ранее изданных (в частности енисейских и таласских надписей) с оригиналами, находящимися сейчас в различных музеях или местах обнаружения.

Новое, уточненное издание древнетюркских рунических надписей является необходимым условием дальнейшего лингвистического, литературоведческого и историко-культурного изучения данных надписей.

В 1969–1972 гг. нами была проделана довольно кропотливая работа по визуальному изучению, выявлению графических особенностей, заново выверенному чтению и копированию более 50 енисейских рунических надписей, хранящихся в краеведческих музеях Минусинска, Абакана и Кызыла. В дальнейшем работа по детальному обследованию енисейских надписей на месте была продолжена в 1974–1977 гг. Д. Д. Васильевым и в 1987–1996 гг. и И. В. Кормушиным. Оба наших последователя получили возможность ознакомиться с нашими прорисовками надписей, уточненным чтением и переводом по тексту докторской диссертации еще в 1975 г., а также по отдельным нашим публикациям 1974–1981 гг.

Ранее изданные таласские рунические надписи были нами тщательно сверены с оригиналами в 1970–1980 гг. в Государственном Эрмитаже г. Ленинграда (Санкт-Петербург) и в 1976 г. в Историческом музее г. Фрунзе (Бишкек) после обследования Таласской долины. Некоторые уточненные прорисовки таласских надписей приведены в нашей брошюре «Тюркская руническая графика», ч. II (Алма-Ата, 1981).

В недавно составленном нами сборнике «Орхонские надписи» (Алматы, 2001) содержатся ранее опубликованные материалы и проблемные исследования. Сборник предваряет собой новое, академическое издание Атласа орхонских рунических надписей. Над подготовкой нового, дополненного Атласа, уточненных текстов и их переводов, давно работают ученые-тюркологи разных стран – России, Турции и Казахстана.

После экспедиционной поездки ученых Казахстана в Монголию (июль 1997 г.) нами была разработана новая научная программа по теме: «Историко-лингвистические исследования древнетюркских памятников». Древнетюркские письменные памятники являются важными свидетельствами высокого уровня языковой культуры и государственности далеких предков тюркских народов вообще, казахского народа в частности. В связи с этим приобретают особое значение исследования древнетюркского языка и письменности, историко-культурных и этнополитических процессов древнетюркской эпохи.

Корпус тюркской руники (научная перспектива на ближайшее будущее) должен непременно учитывать все выявленные закономерности тюркской рунической графики. В целом, тексты таласских и енисейских памятников

были многократно сверены автором по оригиналам, тексты орхонских памятников — по фотоснимкам и частично по оригиналам.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 32, 36, 40 (МЧ, восточная сторона, строка 21—22).

Ядринцев Н. М. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 г. — Сборник трудов Орхонской экспедиции, V, СПб., 1901, с. 43, 1—54.

Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. — Сборник трудов Орхонской экспедиции, III, СПб., 1897, с. 1—36. Ср. Бичурин (Якинф) Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, СПб., 1851, с. 337 (переиздание — М.—Л., 1950, с. 276—277): «В девятнадцатое лето, 731, Кюэ Дэээ умер. Отправлены во-сначала Чжан Кюэ-и и сановник Люй Сян с манифестом за государственную печатью утешить и принести жертву. Император приказал изсечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую его; на всех четырех стенах написать виды сражений. Указано отправить шесть превосходных художников расписать все отличною работою, чего в тукюеском государстве еще не бывало. Могилянь с сокрушением смотрел на этот памятник».

⁴ Inscriptions de L'Jénissei recueillies et publiées par la Societe finlandaise d'Archéologie, Helsingfors, 1889. Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890, et publiées par la Societe Finno-Ougrienne, Helsingfors, 1892; Атлас древностей Монголии, изданный В. В. Радловым (Atlas der Alterthümer der Mongolei), СПб., 1892 (последующие три выпуска вышли в 1893, 1896, 1899 гг.).

⁵ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin. SPb., 1894. Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1—3. SPb., 1895. Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1897, SS. 130—159 (тексты, транскрипция и четвертый немецкий перевод двух орхонских памятников).

⁶ Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. — Сборник трудов Орхонской экспедиции, IV, СПб., 1897, с. 1—45, табл. I—VII.

⁷ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. Die Inschrift des Tonjukuk. SPb., 1899 (первое чтение и перевод на немецкий язык рунической надписи на двойном памятнике Тоньюкука, 712—716 гг., открытом в 1897 г. Е. Н. Клеменцом); Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. «Journal de la Societe Finno-Ougrienne» (JSFOu), XXX, 3, Helsingfors, 1913 (руническая надпись на памятнике Моюн-Чуру, — 759 г., утерянная руническая надпись на памятнике из Суджи — оба памятника открыты Г. И. Рамстедтом в 1909 г.); Kotwicz W. et Samoilovitch A. Le monument turc d'Jkhe-khochotu en Mongolie centrale. «Rocznik Orientalistyczny», t. IV (1926), Lwow, 1928, pp. 60—107 (руническая надпись на памятнике Кули-Чуру, — 721 г., открытом в 1912 г. В. Л. Котвичем); Самойлович А. Н. Новые тюркские руны из Монголии (I) «Известия АН СССР», отд. общественных наук, 1934, с. 631—634 (надпись на черепице); Самойлович А. Н. Новые тюркские руны из Монголии. II. «Известия АН СССР», Отд. общественных наук, 1935, № 7, с. 657—659; Малов С. Е. Новые памятники с

турецкими рунами. — «Язык и мышление», IV—VII, 1936, с. 251—279; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959; Бернштам А. Н. Новые древнетюркские и китайские эпиграфические находки. «Эпиграфика Востока», XII, 1958, с. 68—69 (руническая надпись на горе Ару-Богдо); Ramstedt G. J., Granö J. G., Aalto P. Materialien zu der alttürkischen Inschriften der Mongolei. JSFOu, LX, Helsinki, 1958, SS. 62—76 (см. наскальные надписи Хойто-Тамира по прорисовкам Г. И. Рамстеда); Гружарский Е. L'inscription turque runiforme d'Arkhanen, en Mongolie. «Ural-Altäische Jahrbücher» (Wiesbaden), XXXVI, 3—4, 1965, pp. 423—428 (наскальная надпись из трех строк); Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Сэврэйский камень «Советская тюркология», 1971, № 3, с. 106—112 (руническая и согдийская надписи на небольшой стеле из Гоби); Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии. «Тюркологический сборник — 1975», М., 1978, с. 151—158 (уточненные рунические надписи, в том числе Хэнтейская надпись из Восточной Монголии); Кляшторный С. Г. Терхинская надпись. «Советская тюркология», 1980, № 3, с. 82—95 (руническая надпись на стеле); Кляшторный С. Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрена. — Страны и народы Востока. Вып. 22. М., 1980, с. 90—102 (руническая надпись в бассейне Толы на южной границе Хангая, относятся к периоду 688—691 гг.); Кляшторный С. Г. Тэсинская стела (предварительная публикация). «Советская тюркология», 1983, № 6, с. 80—88; Кляшторный С. Г. Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии. — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987, с. 19—37.

* Donner K. und Rasanen M. Zwei neue türkische Runeninschriften JSFOu, LXV, 2, Helsingfors, 1931 (два пряслица из Западного Прибайкалья); Киселев С. В. Неизданные надписи енисейских киргизов. «Вестник древней истории», № 3(8), 1939, с. 124—134; Киселев С. В. Письменность енисейских кыргызов. «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXV, М.—Л., 1949, стр. 33—41 (сообщение о загадочной надписи на пряслице из Минусинского музея, некоторые знаки напоминают тюркские руны); Бернштам А. Н. Древнетюркское письмо на р. Лене. «Эпиграфика Востока», IV, 1951; Рыгдылон Э. Р. Новые рунические надписи Минусинского края. «Эпиграфика Востока», V, 1951, с. 87—93 (первая публикация рунических надписей на двух каменных плитах и на двух обломках китайских металлических зеркал); Аранчы Н. Ю. Л. Сайгынская плита с древнетюркской надписью. «Эпиграфика Востока», V, 1951, с. 76—77; Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков М.—Л., 1952; Окладников А. П. История Якутской АССР Т. I, М.—Л., 1955; Рыгдылон Э. Р. Подкунинская руническая надпись. «Эпиграфика Востока», XI, 1956, с. 59—62 (о забытом енисейском памятнике, найденном в 1907 г. А. В. Адриановым); Шербак А. М. Новая руническая надпись на камне. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. IX, Кызыл, 1961, с. 238—241; Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисеика Фрунзе, 1962; Арагачи З. Б. Новые эпиграфические находки в Туве. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. X, Кызыл, 1963, с. 247—256 (четыре стелы с руническими надписями); Насилов Д. М. О некоторых памятниках Минусинского музея. «Народы Азии и Африки», 1963, № 6, с. 124—129; Šerbak A. M. L'inscription runique d'Oust-Elegueste (Touva). «Ural-Altäische Jahrbücher», XXXV, V, 1964, pp. 145—149; Батманов И. А. и Кунаа А. Ч. Памятник из Ийме. Сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, с. 92—94; Сейдакमतов К. Древнетюркские надписи в Горном Алтае Сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, с. 95—101

(прориси семи наскальных рунических надписей); Б а т м а н о в И. А. и К у н а а А. Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы, Вып. III. Кызыл, 1965 (пять новонайденных стел с руническими надписями); К ы з л а с о в Л. Р. Новый памятник енисейской письменности. «Советская этнография», 1965, № 2, с. 104–113; Б а с к а к о в Н. А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской Автономной области. «Советская этнография», 1966, № 6, с. 79–83; Т е н и ш е в Э. Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая — Тюркологический сборник К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 262–265; Ш е р б а к А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. «Тюркологический сборник — 1970», М., 1970, с. 111–134; К л я ш т о р н ы й С. Г., С а м б у И. У. Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. XV, Кызыл, 1971, с. 245–249; В а с и л ь е в Д. Д., К л я ш т о р н ы й С. Г. Руническая надпись Йир-Сайыр. «Советская тюркология», 1973, № 2, с. 105–110; А м а н ж о л о в А. С. Две енисейские рунические надписи. «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XIX, Абакан, 1974, с. 137–140; А м а н ж о л о в А. С. Уточненные енисейские надписи. Сб. «Казахский язык и литература», вып. 5, Алма-Ата, 1974, с. 100–104; В а с и л ь е в Д. Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. «Тюркологический сборник — 1975», М., 1978, с. 92–101; В а с и л ь е в Д. Д. Новая древнетюркская надпись из Тувы. «Археологические открытия — 1979», М., 1980, с. 193 (наскальная надпись из Саянского каньона Енисея); А м а н ж о л о в А. С. Тюркская руническая графика, ч. II (наглядный материал), Алма-Ата, 1981, с. 13–48 (уточненные материалы по енисейской рунике); В а с и л ь е в Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983; К о р м у ш и н И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.

К а л л а у р В. А. Камень с древнетюркской надписью из Аулиеатинского уезда. «Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества» (ЗВО РАО), т. XI. СПб., 1899; Н е i k e l В. А. Alterthümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. «Travaux ethnographique», VII. Helsinki, 1918; М а л о в С. Е. Древнетурецкие надгробья с надписями бассейна р. Талас. «Известия АН СССР», Отд. гуманитарных наук, 1929, № 10, с. 804–805 (о находке камня с руническими и арабскими письменами на берегу Иссык-Куля около урочища Койсары); М а л о в С. Е. Таласские эпиграфические памятники. «Материалы Узкомстариса», вып. 6–7. М.—Л., 1936; Б е р н ш т а м А. Н. Новые древнетюркские и китайские эпиграфические находки. «Эпиграфика Востока», XII, 1958, с. 67–68 (сообщение о рунической наскальной надписи в Таласском Алатау, Южно-Казахстанская область); В и н н и к Д. Ф. К о ж е м я к о П. Н. Памятники древнетюркской письменности из урочища Айртам-Ой. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)», Фрунзе, 1962, с. 3–10, рис. 1–4 (о новой находке четырех камней с руническими надписями в долине р. Талас); Б а т м а н о в И. А. Новые тексты. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)», Фрунзе, 1962 (чтение новонайденных рунических надписей); Д ж у м а г у л о в Ч. (составитель). Эпиграфика Киргизии. Вып. I, Фрунзе, 1963, с. 13–33 (чтение и перевод рунических надписей даны С. Е. Маловым и И. А. Батмановым); Б а т м а н о в И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971. Д ж у м а г у л о в Ч., К а р а г у л о в а Г. Новый таласский древнетюркский памятник. «Известия АН КирССР», 1978, № 1, с. 86–88; А м а н ж о л о в А. С. Тюркская руническая графика, ч. II (наглядный материал), Алма-Ата, 1981, с. 4–12 (новое чтение 4 таласских надписей на валунах и 2 таласских надписей на мелких каменных изделиях); Д ж у м а г у л о в Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. III, Фрунзе, 1989, с. 8–20, 21–37.

⁹ Евтюхова Л. и Киселев С. Чаа-тас у села Копены. «Труды Гос. Исторического музея», вып. XI, М., 1940; Боровков А. К. Енисейские надписи на сосудах. Сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, с. 194—196 (новое чтение рунических надписей на двух золотых кувшинчиках из Хакасии).

¹⁰ Мелиоранский П. М. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. — ЗВО РАО, т. XIV, СПб., 1902, с. 017—022; Мелиоранский П. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея — ЗВО РАО, т. XV, СПб., 1903, с. 034—036; Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 году. «Труды Гос. Исторического музея», вып. XVI, М., 1941; Боровков А. К. Енисейские надписи на сосудах. Сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, с. 190—194 (новое чтение рунических надписей на двух серебряных кувшинчиках и серебряной поясной бляхе с Алтая).

¹¹ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975 (фотоснимки бронзовых зеркал с руническими надписями); Щербак А. М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска. «Вестник древней истории», 1960, № 2, с. 139—141; Аманжолов А. С. Две енисейские рунические надписи. «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XIX, Абакан, 1974, с. 137—139 (чтение и интерпретация рунической надписи на китайской монете 759 г.); Васильев Д. Д. Тюркская руника на металлических зеркалах из Минусинской коллекции. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», вып. 14, ч. 1, М., 1979, с. 27—33; Добродомов И. Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних енисейских тюрков. — В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 94—97.

¹² Le Coq A. von. Köktürkisches aus Turfan. «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften» (SPAW), Phil.-hist. Classe, Berlin, 1909, XI; Radloff W. Alttürkische Studien, III «Известия Академии наук», 1910 (рунический фрагмент из экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга); Thom sen V. Ein Blatt in Türkischer «Runeninschrift» aus Turfan. SPAW, Phil.-hist. Classe, 1910, XV; Thom sen V. M. A. Stein's Manuscripts in turkish «runic» script from Miran and Tun-Huang. «The Journal of the Royal Asiatic Society» (JRAS), London, 1912, January

¹³ Малов С. Е. Таласские эпиграфические памятники. «Материалы Узкомстарица», вып. 6—7, М.—Л., 1936; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 63—68. Попытки расшифровать надпись на таласской палочке пока еще не увенчались успехом.

¹⁴ Бернштам А. Н. Древнетюркский документ из Согда (предварительное сообщение). «Эпиграфика Востока», X, 1951, с. 65—75.

¹⁵ Бернштам А. Н. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. «Эпиграфика Востока», XI, 1956, с. 55—58; Баруздин Ю. Д. Находки на юге Киргизии. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961)», Фрунзе, 1962, с. 11—13, рис. 6 (о находке фрагмента рунической надписи на глиняном черепке из городища Ак-Тепе в Баткенском районе Ошской области)

¹⁶ Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. — Кой-Крылган. «Вестник древней истории», 1953, № 1,

с. 163, 169. Ср. Ш е р б а к А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи // «Материалы и исследования по археологии СССР», № 75, т. II, М.–Л., 1959, с. 387 (довольно интересное предположение о том, что надпись IV–III вв. до н. э. связана с рунической письменностью печенегов, обитавших в Приаралье в IX в. н. э.)

¹⁷ Д и р и н г е р Д. Алфавит. М., 1963 (перевод с английского издания, 1949 г.), с. 552. «Нет никаких сомнений в том, что прототипом кириллицы был греческий унциальный алфавит IX в. н. э., большая часть букв кириллицы тождественна по начертанию, фонетическому и числовому значению буквам греческого алфавита». И с т р и н В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965, с. 354

¹⁸ И с т р и н В. А. Возникновение и развитие письма, с. 452.

¹⁹ T h o m s e n V. Une inscription de la trouvaille d'or der Nagy-Szent-Miklos. Samlede Afhandlinger, III Bind, Kobenhavn, 1922. Ср. М а л о в С. Е. Болгарская золотая чаша с турецкой надписью // «Казанский музейный вестник», 1921, № 1–2, с. 69–70: «Томсен доказывает ..., что круг в его целом с мотивом христианского креста и надписью вокруг ... не мог быть присоединен иначе, как уже после фабрикации самой чашки, тогда как орнамент нижней стороны с его мотивом чисто ориентальным из животного мира... сделан первоначально».

N é m e t h J. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. «Bibliotheca Orientalis Hungarica», II. Budapest–Leipzig, 1932. N e m e t h J. The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklos and the runiform scripts of Eastern Europe. «Acta Linguistica», XXI, 1–2. Budapest, 1971

²⁰ Ш е р б а к А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // «Советская археология», XIX, М., 1954, с. 269–282

²¹ Х а б и ч е в М. А. О древнетюркских рунических надписях в аданских катакомбах. // «Советская тюркология», 1970, № 2, с. 64–69.

²² Т у р ч а н и н о в Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, с. 71–72, 75–78, 80–81.

²³ Б а й ч о р о в С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волгодонскому и дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989, с. 37–38, 89–92, 281–282

²⁴ К ы з л а с о в И. Л. Рунические письменности степной зоны Евразии. Проблемы источниковедения. Автореферат докт. дисс., М., 1990, с. 2–3, К ы з л а с о в И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с. 4–5, 159. «Вполне естественно, что состав каждого из евроазиатского алфавитов не представляется окончательно установленным. Со временем уточнится и алфавит-основа. Думается, здесь не следует стремиться решить вопрос о происхождении самой этой основы. Такая задача очень сложна и вполне самостоятельна»

²⁵ Б а й ч о р о в С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы, с. 37

²⁶ А м а н ж о л о в А. С. Ранняя алфавитная письменность тюркоязычных племен. «Қазақ тілі және әдебиеті мәселелері». VIII шығуы, Алматы, 1971, с. 24–33. Ср. А м а н ж о л о в А. С. Древнетюркская письменность и памятники ранней государственности на территории Казахстана. «Казахстан и мировое сообщество», 1996, № 4, с. 13–15

²⁹ Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. «Советская тюркология», 1976, № 1, с. 71–81; Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала, II. «Советская тюркология», 1978, № 5, с. 92–95; Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. (Опыт систематизации.) М., 1983, глава II «Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала (обзор источников)», с. 21–43.

³⁰ Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала, с. 38–39.

³¹ Кормушин И. В., Насилов Д. М. За научное, глубокое изучение древнетюркских рунических памятников. «Советская тюркология», 1972, № 5, с. 140.

³² Мусабаев Г. Г., Айдаров Г. Сыр-Дарьинская надпись. «Вестник АН КазССР», 1966, № 6 (254), с. 85–86. Ср. наше уточненное чтение: Аманжолов А. С. Две рунические надписи с Сыр-Дарьи. «Вестник АН КазССР», 1969, № 3, с. 72–74

³³ Айдаров Г. Еще одна находка по орхон-енисейской письменности. «Эпиграфика Востока», XIX, 1969, с. 106–108 (сообщение о «рунической надписи» на каменном изваянии воина, находящемся в Джамбулском областном музее); Айдаров Г. Көне түркі жазулы сыңас. «Вестник АН КазССР», 1963, № 2, с. 77–79 (аналогичное сообщение на казахском языке о «рунической надписи» на изваянии воина); Мусабаев Г. Г. Кегенская надпись. «Вестник АН КазССР», 1967, № 3(263), с. 83–85 (сообщение о «рунической надписи» на гранитном изваянии воина, находящемся *in situ* в Кегенском районе Алматинской области).

³⁴ Аманжолов А. С. Илийские рунические надписи. «Вопросы языкознания», 1969, № 3, с. 151.

³⁵ См. об этом: «Комсомольская правда» (Москва), № 37(14932), 13.2.1974; № 182(15077), 6.8.1974.

³⁶ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959, с. 63.

³⁷ Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алмата, 1959, с. 120; Аманжолов С. Памятники древнетюркской письменности и их отношение к современному тюркским языкам. «Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4–11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958, с. 833–834.

³⁸ Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и каракиргизов на основании родоплеменных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований «Живая старина», вып. III–IV, СПб., 1894, с. 403; Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 11.

³⁹ Кляшторный С. Г. О датировке рунических памятников Таласа. — Бартольдовские чтения. 1980. Год пятый. тезисы докладов и сообщений. М., 1981; Кляшторный С. Г. Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии. — Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб., 1999, с. 30–33.

⁴⁰ Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. с. 214

⁴¹ Батманов И. А. Новые тексты. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961)», Фрунзе, 1962, с. 21.

⁴² Батманов И. А. и Кунаа А. Ч. Памятник из Ийме. Сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, с. 92–94

⁴³ Маннай-оол М. Х. Оленные камни Тувы. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», Кызыл, 1968, с. 139, 148–149.

⁴⁴ Aspelin J. R. Fels- und Stein-Inschriften am oberen Jenissei, «Zeitschrift für Ethnologie», XIX, Berlin, 1887, SS. 529-531; Aspelin J. R. Die Jenissei-Inschriften, «Zeitschrift für Ethnologie», XXI, Berlin, 1889, SS. 744-746.

⁴⁵ Radloff W. Die Vorislamischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben. «Известия Академии наук», VI серия, 1908, с. 835–836. В тюркоязычности гунов или хунну сомневаться не приходится, т.к. транскрипция гунского выражения в тексте «Цзиньшу» (IV в.) читается по-древнетюркски в полном соответствии с китайским переводом (L. Bazin. Un text prototurk du IV siècle: le distique Hiong-nu du Tsin chou, «Oriens», vol. I, p. 2)

⁴⁶ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.–Л., 1952, с. 4, 7–8; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959, с. 74–75.

⁴⁷ Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. «Советская археология», 1960, № 3, с. 118

⁴⁸ Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, с. 30; Батманов И. А. О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. X, Кызыл, 1963, с. 294–295, 302.

⁴⁹ Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994, с. 43, 51, 289–316.

⁵⁰ Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири. Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 191–192

⁵¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. I, с. 353.

⁵² Окладников А. П. История Якутской ССР, т. I, М.–Т., 1955, с. 303, 310, 338.

⁵³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.–Л., с. 345.

⁵⁴ Radloff W. Alttürkische Studien, V, «Известия Академии наук», СПб., 1911, с. 446.

⁵⁵ Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута – Сб. «Страны и народы Востока», X, М., 1971, с. 121–146; Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.) «Тюркологический сборник – 1972», М., 1973, с. 257, 262–263.

⁴⁶ Muller F. W. K. Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nordlichen Mongolei. SPAW, 1909, XXVII, S. 730; Gauthiot R. De l'alphabet sogdien. «Journal Asiatique» (JA), 10 série, t. XVIII, Paris, 1911, Janv – Fevr. pp. 81–95.

⁴⁷ Reşid Rahmeti Arat. Kutadgu bilig, I, Metin, Istanbul, 1947, s. XXXVI–XXXIX.

⁴⁸ Махмуд ал-Кашгарӣ. Китаб диван лугат ат-турк, тт. I–III. Издад Килисли Ахмед Рифат Абдулкерим. Стамбул, 1915–1917 (на арабском языке).

کتاب دیوان لغت الترک مؤلفی محمد بن الحسین بن سعید الکاشغری

⁴⁹ Белодед И. К., Бокарев Е. А., Кенесбаев С. К., Корзятану Н. Г. Русский язык – язык межнационального общения народов СССР. – Сб. «Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», Алма-Ата, 1964, с. 43.

⁵⁰ Аманжолов А. Жазу дәстүріміз. «Қазақ әдебиеті», № 51(778), 17.12.1965 (еженедельник Союза писателей Казахстана, на казахском языке); Аманжолов А. С. Ранняя алфавитная письменность тюркоязычных племен, с. 29.

* * *

В монографии сохранены общепринятые обозначения древнетюркских рунических (таласских, енисейских, орхонских) надписей:

Т - Таласские памятники

Е - Енисейские памятники

О - Онгинский памятник, VIII в.

Х - Памятник Бильге-кагану (хану Могилянцу), VIII в.

КТ (КТм, КТб) - Памятник в честь Кюль-тегина (малая и большая надписи), VIII в.

КЧ - Памятник Кули-Чуру, VIII в.

Тон - Памятник в честь Тоньюкука, VIII в.

МЧ - Памятник Мокун-Чуру, VIII в.

ДИАЛЕКТНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Древнетюркские памятники рунического, манихейского и уйгурского письма VII–XI (XIII) вв., как это вполне установлено, своеобразно отражают единое во множестве – древнетюркский язык в его диалектных проявлениях. Диалектные различия памятников древнетюркской письменности выступали в фонетических (орфографических), лексических и некоторых грамматических отклонениях, не затрагивая, однако, основного словарного фонда и грамматического строя древнетюркского языка. В. В. Радлов отмечал: «Древнетюркский язык, судя по всем до сих пор представленным древним языковым памятникам из далекого Востока, был почти единым, так что диалектные различия особенно из-за уйгурского письма, недостаточного для точной звуковой передачи, можно разглядеть только при педантично тщательном сравнении орфографии письменных памятников в единичных, едва заметных на глаз отклонениях»¹.

Тюркская руническая письменность широко употреблялась на территории Центральной Азии и сопредельных областей, преимущественно в тюркском каганате (VI–VIII вв.), в его восточной и западной частях. По мнению Ю. Немета², слово *türk* с исходным нарицательным значением «сильный, могучий» (зафиксировано в древнеуйгурских письменных памятниках) стало обозначением правящей этнополитической группировки в тюркском каганате.

Язык тюркской руники, будучи языком письменно-литературным, несомненно складывался на основе близких диалектов ряда древних племен и племенных союзов, вошедших ныне в этнический состав многих тюркских народов. Этот язык значительно отошел в своем развитии от общетюркского или прототюркского состояния; отдельные черты которого могут сохраняться и в современных тюркских языках, например, в якутском. Язык тюркских рунических памятников VII–IX вв., как признает А. Н. Кононов³, находился под сильным влиянием древнетюркских диалектов или племенных языков – огузского и уйгурского. Более того, принимая во внимание некоторые графические и, соответственно, фонетико-морфологические различия в языке рунических памятников, этот исследователь устанавливает, что надпись в честь Кюль-тегина составлена на диалекте господствующего племени ашина («огузско-уйгурский тип»), а надпись Тоньюкука – на диалекте племени ашиде («чисто огузский тип») ⁴.

Во второй половине I тысячелетия н.э. у тюркоязычных племен Средней Азии и Восточного Туркестана имели распространение манихейский и согдийский алфавиты. Из новосогдийского письма в VIII в. возникло уйгурское алфавитное письмо.

Древнетюркские памятники манихейского письма (переводные в своей массе с среднеперсидского или согдийского языка) создавались прежде всего

среди западных «десятиплеменных» тюрков (on uq) — «десятиплеменных уйгуров» (on ujuq)⁵ или гюргешей (türgäš, türgis), а затем уже переписывались и распространялись среди восточных тюрков — «деятиплеменных огузов» (toquz oquz) или «деятиплеменных уйгуров» (toquz ujuq). Не случайно в древнетюркских манихейских текстах отразилась этнонимика и топонимика Семиречья и Кашгарии⁶. В. В. Радлов с полным основанием отметил: «Собственно все эти писания, как доказывает Chuastuani(f)t, составлены не на уйгурском языке, а на одном из западных диалектов и были уже готовыми введены в употребление в Восточном Туркестане, и именно, на манихейской письменности»⁷.

Памятники древнеуйгурской письменности тесно примыкают как в языковом отношении, так и хронологически к тюркским руническим памятникам. А. И. Самойлович особо подчеркнул их близость: «Памятники енисейско-орхонской и уйгурской письменности не дают, по-моему, достаточно доказательств в пользу существования основных различий между языками этих двух письменностей, и я потому не склонен резко разграничивать эти языки, хотя, конечно, не могу отрицать за каждым из них некоторых особенностей»⁸.

Древнеуйгурская письменность в VIII—XIII вв. имела широкое распространение у многих тюркских племен и народностей Центральной и Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. Уйгурским (resp. согдийским) письмом написаны многочисленные покаянные молитвы и религиозные трактаты христианского, манихейского и буддийского содержания (переводы с согдийского, тохарского, китайского, тибетского языков), юридические и медицинские документы, календари и т. п.

Первую попытку классифицировать древнетюркские диалекты по памятникам письменности сделал В. В. Радлов в пятом выпуске «Древнетюркских этюдов» (*W. Radloff. Alttürkische Studien, V. St. — Petersburg, 1911*). Он делит язык древнетюркских памятников на северный, южный и смешанные диалекты. К древнему северному диалекту, или «языку тюрков-сиров», им отнесены все памятники тюркской рунической письменности, к древнему южному диалекту, или «уйгурскому языку», — рукописи сутры «Raja(va)vdaka», документы уйгурского курсивного письма из Турфана и гератская рукопись «Кутадгу билиг». В. В. Радлов отмечает некоторые фонетические и морфологические различия южного и северного диалектов, важнейшие из них: 1) назализация начального *b > m* под влиянием носового *n* или *ŋ* (*ban > maŋ* «я», *baŋa > maŋa* «мне», *biŋ > miŋ* «тысяча») в южном диалекте; 2) в южном диалекте существуют исходный падеж на *-in, -in, -din, -din* и местный падеж на *-ta, -ta, -da, -da* в отличие от нерасчлененного местно-исходного падежа на *-ta, -tä, -da, -dä* в северном диалекте.

Так называемые «смешанные диалекты» с языковыми признаками, характерными как для северного, так и для южного, в свою очередь, делятся на два диалекта — западный, или «язык западных тюрков» (тюркские памятники манихейского письма, манихейские сочинения на уйгурском алфавите, каир-

ская рукопись «Кутадгу билиг» на арабском алфавите), и восточный, или «весь древний литературный язык» (тюркские переводы буддийских сочинений «Maitrisimit», «Suvnarparabhṛsa», «Tīśastvustik», «Saddharmapundarika» и др.)

Рассмотренная классификация древнетюркских диалектов по памятникам письменности, в сущности, остается недоказанной, хотя и оказала влияние на последующие попытки. Естественно, в ней не учтен выдающийся филологический труд на арабском языке «Диван тюркских языков» Махмуда Кашгарского (XI в.), обнаруженный в начале нашего столетия в Турнии. В нашей работе использовано узбекское издание трехтомного «Дивана» Махмуда Кашгарского⁹, которое обозначается индексом *МК I–III*.

В своей «Древнетюркской грамматике» А. Габэн¹⁰ взяла за основной критерий выделения древнетюркских диалектов различие звуков *п* (*пj* – имеет специальное обозначение в орхонских надписях), *п* и *ј* в инлауте и ауслауте некоторых основ, например: *аііу*, *апіу* и *ајіу* «дурной, злой, зловредный», *сіуап*, *сіуап* и *сіуај* «бедный, немущий», *јап* – и *јај* «разогнать, рассеять; побеждать», *қој* и *қој* «овца».

По наблюдению Махмуда Кашгарского, в XI в. представители племени аргу в отличие от собственно тюрков регулярно заменяли звук *ј* в середине или конце слова на *п* [МК I, с. 67]. Кроме того, аргу произносили *оула* вместо *оулап* «мальчик, подросток» [МК I, с. 149] и жили в районах Исфиджаба (Сайрам), Тараза (Таласская долина) и Баласагуна (Чуйская долина). Этноним аргу сохранился в родоплеменном названии *арғын* у современных киргизов, казахов, каракалпаков, туркменов и некоторых других тюркских народов.

Согласно А. Габэн, тюркские рунические надписи зафиксировали *п*-диалект, большинство рукописей манихейского содержания и некоторые рунические рукописи зафиксировали *п*-диалект (сближается с *п*-диалектом), а буддийские, позднеманихейские и многочисленные светские рукописи – *ј*-диалект. Рукописи на индусском алфавите брахми и рукописи христианского содержания на уйгурском алфавите также тяготеют к *ј*-диалекту.

В другой своей работе А. Габэн¹¹, ссылаясь на Махмуда Кашгарского, отметила принадлежность *п* (*пj*) диалекта западнотюркским племенам – аргу, кыпчакам, огузам (гузам) и другим, а *ј*-диалекта – древним уйгурам. Вероятно, данное диалектное различие развилось из первоначального звука *п* тюркского протоязыка.

Примечательно, что в якутском языке звук *п* (*пj*) часто соответствует древнетюркскому звуко сочетанию *пс*. Ср. якут. *ас* – *аһар* (*ас* – *аһар*) «колоть, заколоть, пронзить» и др.-тюрк. *санс* – «1. колоть, вонзать, втыкать; 2. побеждать, поражать» (в древнеуйгурских текстах представлен также другой вариант этого слова *сај* – «прокалывать, пронзать», ср. кирг. *чанч* – *сай* – «колоть, вонзать, прокалывать, пронзать»), якут. *сиһгас* (*сиһһыһгэс*) «тонкий» и др.-тюрк. *јіпсга* «тонкий».

Соответствие *п* – *пj* представлено в двух вариантах имени ханского на-

ставника Тоньюкука — *tuŋuq* (памятник Тоньюкука) и *tuŋjuq* (памятники Бильге-кагана и Моюн-Чура). На основе соответствия *n*(*ŋ*) — *n̄* можно связать слово *tuŋuq* ~ *tuŋjuq* с глаголом *tuŋuqti* - «печалиться, задохнуться, оцепенеть от горя» (ср. *ag tuŋuqti* «мужчина опечалился» [МК II, с. 264]). В таком случае имя Тоньюкука представляет собой отглагольное прилагательное (**tuŋuq-*, **tuŋjuq-*, соответственно *tuŋuq-* + аффикс именного словообразования *-uq*) со значением «печальный, опечаленный».

Древнее фонетическое соответствие *n*(*ŋ*) — *n̄*, по отношению к которому якутский язык обнаруживает наибольшую архаичность, проявилось и в генетической связи орхонского знака для *n* с орхоно-енисейскими знаками для *n̄*¹².

С. Е. Малов¹³ связывал классификацию древнетюркских памятников с языковыми особенностями рунической, уйгурской и арабской письменностей, сменяющих друг друга. Основным критерием древности при делении тюркских языков на древнейшие, древние, новые и новейшие у С. Малова является глухость — звонкость, окончание прошедшего времени *-ti* вместо *-di* после гласных, звонких и сонорных согласных, звуки *t*, *d*, *z* вместо *j* (в словах типа *atah* ~ *adaq* ~ *azaq* ~ *ajaq* «нога»). По этой классификации язык руи («огузский язык») и древнеуйгурский язык (V—XIII вв.) отнесены к древним тюркским языкам, вместе с тофаларским (карагасским), тувинским, хакасским и шорским, в то время как печенежский язык (рунические надписи на золотых сосудах в Венгрии — IX—X вв.) и кыпчакский язык (арабские грамматики XI—XIV вв.) — к новым тюркским языкам.

По ретроспективной классификации Н. А. Баскакова¹⁴, древнетюркский язык енисейско-орхонских надписей и древнеуйгурский язык вместе с современным тувинским и карагасским языками (по признаку *adaq*) отнесены в уйгуро-тюкюйскую подгруппу уйгурской группы восточнотюркской ветви тюркских языков, а язык «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Диван лугат-ат-тюрк» Махмуда Кашгарского, «Хибат ал-хаканк» Югнеки, «Кысас ал-анбия» Рабгузи и литературный язык Золотой Орды — к карлукско-уйгурской подгруппе карлукской группы западнотюркской ветви тюркских языков. Древнетюркский язык, или язык древнетюркских письменных памятников Центральной и Средней Азии, как полагает Н. А. Баскаков¹⁵, подразделяется на древнеогузский, древнеуйгурский и древнекиргизский языки (название «древнекиргизский язык» предложено по отношению к языку енисейских рунических надписей).

А. М. Щербак¹⁶ выделяет в языке древних тюрков Восточного Туркестана два диалекта — «уйгуро-огузский» и «карлукский» или «карлукско-уйгурский» по противопоставлению *n*-основ и *j*-основ, йокания и джекания, а также некоторых морфологических признаков, отмеченных А. Габэн. К уйгуро-огузскому диалекту он отнес все памятники уйгурской и манихейской письменностей из Турфана, а к карлукскому диалекту — «Кутадгу билиг», «Хибат ал-хаканк», уйгурскую версию истории принцев Кальянамкара и Папамкара, легенду об Огузе, соответствующие места «Дивана» Махмуда Кашгарского, часть

текстов на алфавите брахми и «Кысас ал-анбия» Рабгузи. Однако живые диалекты огузов, карлуков и кыпчаков не противопоставлялись друг другу по признаку $j - dz$, они известны преимущественно как джекающие (ср. переход начального j в dz , z перед узкими гласными в современном уйгурском языке).

В языке западных тюрков, как обнаруживается из греческих, армянских, арабских и китайских источников VI—VIII вв., было известно употребление аффрикаты dz вместо шелевого среднеязычного согласного j в начале слова, например, $dzabyu \sim jabyu$ (титул), $dzoy \sim joy$ «погребение, похороны», $dzajiq$ «река Яик»¹⁷. Отмечая в древнетюркском языке йокающий (восточный) и джекающий (западный) диалекты, А. Н. Бернштам высказал оригинальное предположение, что «язык руники вообще будет, по всей вероятности, отражать йокающий диалект, так как это письмо и язык господствующего класса тех племен, где джеkanie не было известно»¹⁸.

Джеkanie, по свидетельству Махмуда Кашгарского, было характерно для языков (диалектов) огузов и кыпчаков. Кыпчаки, в свою очередь, входили в состав «халаджей» или «халачей» — $halac$ [МК III, с. 237—238]. Представляется несомненной трансформация данного этнонима в алаш (алач) — синоним названия «казах» в казахских и киргизских легендах¹⁹.

В отличие от собственно «тюрков» Махмуда Кашгарского, огузо-туркмены и кыпчаки заменяли начальный j на dz ($jindü$ «жемчуг», $joydu$ «длинный верблюжий волос», $jatti$ «он догнал» — $dzindü$, $dzoydu$, $dzatti$ [МК II, с. 364], ср. в современном уйгурском $ünçä$, $džogday$, $üätti$, в казахском $інжу$, $шуда$, $жетті$), начальный m на b (man «я», $mün$ «бульон, суп» — ban , bun [МК I, с. 67]), начальный q на h ($qaju$ «который», $qizim$ «моя дочь», $qanda$ «где» — $haju$, $hizim$, $handa$ [МК III, с. 237—238]), w на v (aw «дом», aw «охота» — av , av [МК I, с. 68]) и т. д.

Слова $adaq$ «нога», $adığ$ «жеребец», $adü$ «добро: хороший», kad «очень», $adig-$ «разделять», $tođ$ - «насыщаться» и т. д. в памятниках рунического письма обычно транскрибируются со смычным зубным звонким согласным звуком d , а в памятниках уйгурского письма и в арабских рукописях «Кутаду билиг» — с шелевым межзубным согласным $đ$: $adaq$, $adığ$, $adü$, kad , $adig$, $tođ$ - и т. д. По этому признаку язык древнетюркских памятников сближается с якутским ($atah$) и тувинским ($adaq$), с языками 2-группы ($azaq$) — хакасским, шорским и сарыг-югурским (язык желтых унгулов), но отличается от большинства других современных тюркских языков, которые являются j -языками ($ajaq$, $ajığ$, $ajig-$, $toj-$ - и т. д.). С. Е. Малов, относя вслед за В. В. Радловым и П. М. Мелиоранским памятники древнетюркской письменности к языкам d -группы, писал: «Для Центральной Азии переходным временем для замены письма вместе с религией и даже языком (вместо „д“-языка тюрки переходили на „п“-язык) были приблизительно XI—XIV вв.»²⁰

О диалектном делении древнетюркского языка в XI в. по признаку $đ - z - j$ имеется указание Махмуда Кашгарского [МК I, с. 68]. Согласно его наблюдениям, в языке племени чигиль и прочих «тюрков» звук $đ$ сохранялся ($adaq$

«нога», qadīḡ «береза»), в языке племен йемек, сувар, булгар, у части кыпчаков и других племен на западе этот звук переходил в z (azaq), а в языке племен ягма, тухси, кыпчак, ябаку, кай, татар, чумул, огуз и у части аргу на востоке — в звук j (ajaq, qajīḡ). Вместе с тем он отметил свободное чередование звуков d ~ ḡ в словах типа qadūi ~ qadūi «печаль, горе, скорбь», qodī ~ qodī «вниз», quduḡ ~ quduḡ «колодец», qudruq ~ qudruq «хвост», adaḡ ~ adaḡ «друг», jaḡaḡ ~ jaḡaḡ «пешный», ḡaḡ ~ ḡaḡ «не» (отрицательная частица в языке племени аргу), ud ~ ud «корова» (в языке чигилей и прочих «тюрок»), bod ~ bod «туловище, стан; рост», bādik ~ bādik «большой», bādik ~ bādik «танец», kaḡ ~ kaḡ «особый, особенный, отменный», od ~ od «время» и т. д. Следовательно, как уже было замечено нами²¹, звуки d и ḡ в древнетюркском языке не противопоставлялись друг другу и употреблялись как варианты одной фонемы d.

Тюркские рунические надписи, вероятно, не отражали (или отражали крайне непоследовательно?) звуковой переход ḡ > s в инлауте и ауслауте, получивший распространение в казахском, каракалпакском, ногайском, сарыг-югурском, хакасском и якутском языках. Взаимозаменяемость знаков для ḡ и s, как отметил В. В. Радлов²², является орфографической особенностью тюркских рунических памятников.

Недостаточно точная передача фонетического строя древнетюркского языка различными алфавитами (особенно уйгурским) очень затрудняет классификацию. Так, в уйгурском письме не различались согласные q и ḡ, k и g, t и d, p и b, s и z, ḡ и ž, c и dž, иногда ḡ и s (в «Хуастуанифт» ḡ постоянно обозначается как s).

В тюркских рунических и древнеуйгурских памятниках графически можно наблюдать кажущееся колебание звуков a и i, например, в словах eī «племенной союз» (графически aī или iī), ski «два» (aī или iī), jēg «земля» (графически jāg или jīg) и др. По всей вероятности, различное написание слов, подобных перечисленным (иногда в одних и тех же текстах), своеобразно отражает корневой звук e — закрытый вариант широкой гласной фонемы a²³, но не свидетельствует о делении орхоно-енисейских древнетюркских текстов по диалектному признаку a(e)—i, как полагал И. А. Батманов²⁴. Спорность точки зрения И. А. Батманова по данному вопросу отмечена А. М. Щербаком²⁵.

Принимая доводы В. Томсена, который подметил наличие гласного звука e в корневом слове и соответственно транскрибировал орхоно-енисейские надписи (например, jēg, a не jāg и jīg), В. В. Радлов пришел к очень важному заключению: «...так как переход e//i в современных волжских наречиях представляет собой более новое изменение, то мы вправе согласиться, что в этих словах всех древнетюркских диалектов следует произносить e»²⁶. Однако транскрипция древнетюркских текстов, приведенных в исследованиях С. Е. Малова, как правило, не отражает корневой гласный звук e(e). Может быть, это и послужило основанием для ошибочного вывода о том, что орхоно-енисейские (а также таласские) рунические памятники «отражают два явно выраженных наречия: „э” и „и” (ср. э и ил — народ, племенной союз)»²⁷.

Весьма спорным представляется мнение О Прицака²⁹ относительно употребления широких гласных вместо узких в первом слове и в некоторых аффиксах (а в. *i*, ә в. *i*), якобы характеризовавшего «тюркютский» диалект или язык рунических надписей тюркского каганата и рукописи рунического письма «Birk битиг», например *aṅaṅ* «плохой» в. *aṅiṅ* (п-диалект в рассмотренной ранее классификации А. Габэн и в. *aṅiṅ* (j-диалект или уйгурский диалект, согласно А. Габэн и О. Прицаку), *kaltəmәz* «мы пришли» в. *kaltamaz* (п-диалект) и в. *kaltimiz* (уйгурский диалект). Употребление в аффиксах широких гласных (а, ә) в. узких (*i*, *i*), как уже отметила А. Габэн, отразилось во многочисленных рукописях манихейского содержания, относящихся к п-диалекту. Примечательно, что именно в п-диалекте твердо фиксируется *aṅiṅ*, хотя этому диалекту больше соответствовало бы гипотетическое *aṅaṅ* (по аналогии с гипотетическим звучанием *aṅaṅ*). Об отсутствии колебания звуков *i* и *a* в слове *aṅiṅ* «дурной, злой, зловерный (плохой)» убедительно свидетельствуют орхонские надписи — *ṅiṅ* («Памятник в честь Кюль-Тегина», стк. 3, 5, 7) или *ṅiṅ* («Памятник Тоньюкука», стк. 34). Здесь, как и вообще внутри слова, рунический знак для гласных *i* и *i* встречается редко (всем, кто непосредственно занимался изучением тюркской руники, эта особенность употребления хорошо известна), однако отсюда никак не следует, что редко обозначаемые графически внутри слова негубные узкие гласные *i* и *i* должны восприниматься в качественно преобразованном виде — как негубные широкие гласные *a* и *a*.

Правда, Махмуд Кашгарский обратил внимание на то, что огузы, кыпчаки, сувары и другие племена на западе иногда заменяют в аффиксах «кясру» (*i*, *i*) на «фатху» (а, ә), в отличие от тюрков, например, говорят *bardam* в. *bardim* «я пошел» [МК III, с. 153]. Нам думается, однако, что «фатху» в аффиксе прошедшего категорического времени отражает не качественно другую фонему, а редуцированный (сверхкраткий) произносительный вариант негубного узкого гласного *i* или *i*. Аналогичные звуки представлены в современном казахском, хакасском, татарском, башкирском (графически *ы* и *i* = *e*) и чувашском (графически *ä* и *ë*) языках. Редукция узких негубных согласных, развившаяся в ряде современных тюркских языков, зафиксирована, можно полагать, в диалектах огузов и кыпчаков в XI в. Последние, как известно, тогда были джекающими. Следовательно, у нас нет оснований распространять данное явление на язык тюркских рунических памятников.

Характерно, что А. Н. Кононов, хотя и одобрительно оценивает приведенный взгляд О. Прицака на древнетюркскую фонетику, все же на практике придерживается традиционного взгляда. Так, в своей исключительно ценной монографии, обобщающей весь накопленный опыт изучения тюркской руники, он констатирует: «Однако, ввиду того, что трудно с полной определенностью установить, какие из ТРП (тюркские рунические памятники — А. А.) полностью сохраняли огласовку широкими гласными и какие из них были огласованы узкими гласными, мы вынуждены принять т р а д и ц и о н н у ю транскрипцию ТРП»²⁹.

Отдельные фонетические (графические) и морфологические отклонения в языке памятников древнетюркской письменности обусловлены не только влиянием разных племенных диалектов, но и динамикой развития одного, можно полагать, опорного диалекта. Разнообразные ранние диалектные напластования, локальная и хронологическая неоднородность памятников, архаичность древней языковой нормы и ограниченное влияние живой тюркской речи — все это способствовало тому, что язык тюркских рунических надписей и его прямой наследник — язык древнеуйгурских буддийских рукописей (древнеуйгурский литературный язык), как и следовало ожидать, принимают «наддиалектный характер»³⁰.

Диалектная классификация памятников древнетюркской письменности и сближение их с некоторыми современными тюркскими языками на основе какого-нибудь фонетического (соответственно грамматического) признака остаются в известной мере предположительными.

Особенности употребления отдельных языковых единиц в рунических и древнеуйгурских текстах, несмотря на недостаточность их различительных языковых признаков, позволили Л. Ю. Тугушевой³¹ сделать вывод о наличии функциональных сдвигов в древнеуйгурском литературном языке, качественно отличающих последний от «орхоно-тюркского». Всестороннее выявление наиболее существенных разграничительных признаков древнетюркских диалектов даст возможность глубже понять особенности исторического развития тюркских языков.

¹ Radloff W. Alttürkische Studien, V. Die alttürkische Dialekte. — Известия АН, 1911, VI серия, т. V, № 6, с. 427 (всюду перевод наш — А. А.).

² Németh J. Der Volksname Turk. — Körösi Csoma-Archivum, 1926, Bd II, 4, S. 275.

³ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, с. 40.

⁴ Там же, с. 40—41.

⁵ Ср. в одном из манихейских гимнов, переведенных на тюркский с «тохарского», словосочетание *alqatmīs idduq on ujur ilinta* «в благословенном священном государстве он-уйгуров» A. von Gabain und W. Winter. Türkische Turfantexte IX. — «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jahrgang 1956, Nr. 2, Berlin, 1958, S. 18.

⁶ Le Coq A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho, I — «Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften» [APAW], Jahrgang 1911. Philosophisch-Historische Classe. Abh. VI, Berlin, 1911, SS 1—61.

⁷ Radloff W. Alttürkische Studien, IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte. — Известия АН, 1911, VI серия, т. V, № 5, S. 323.

⁸ Самойлович А. [Н.] Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922, с. 7.

- ⁹ Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони (Девону луғотит турк) Т. I—III. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, 1960, 1961, 1963.
- ¹⁰ Gabaïn A. von. Altürkische Grammatik. 2. verbesserte Aufl. Leipzig, 1950, S. 3–8, 53.
- ¹¹ Gabaïn A. von. Altürkische Schrifttum. – SBAW (Berlin), 1950, Phil.-hist. Kl., № 3, S. 21–22.
- ¹² Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика (методическая разработка). Алма-Ата, 1980, с. 21–22.
- ¹³ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки. – «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1952, № 2.
- ¹⁴ Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков. – «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1952, № 2; Баскаков Н. А. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. – Труды Института языкознания АН СССР, 1952, т. I.
- ¹⁵ Баскаков Н. А. Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков. – В кн.: Тюркологический сборник. – 1977. М., 1981, с. 24–25.
- ¹⁶ Шербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.–Л., 1961, с. 23–26, 30.
- ¹⁷ Бернштам А. [Н.] О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии. – В кн.: Памяти академика Н. Я. Марра (1864–1934). М.–Л., 1938.
- ¹⁸ Там же, с. 24.
- ¹⁹ Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 40.
- ²⁰ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 221.
- ²¹ Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун. – «Вопросы языкознания», 1978, № 2, с. 77, примеч. 10.
- ²² Radloff W. Die altürkische Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1887, S. 19.
- ²³ Thomson V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrees. – MSFOu, 1896, t. V., p. 14–16.
- ²⁴ Батманов И. А., Арагачи Э. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисейка Фрунзе, 1962, с. 45–50; Батманов И. А. Следы говоров в языке памятников орхон-енисейской письменности. – В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 118–119; Батманов И. А. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. – В кн.: Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Фрунзе, 1971, с. 12–13, 24–25.
- ²⁵ Шербак А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. – В кн.: Тюркологический сборник – 1970. М., 1970, с. 130.
- ²⁶ Radloff W. Altürkische Studien, V. S. 428.
- ²⁷ Батманов И. А. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках, с. 12–13, 24–25.

²⁸ P r i t s a k O. Das Alttürkische. – In: Handbuch der Orientalistik. 5. Bd. Altaistik. I. Abschn. – Türkologie. Leiden – Köln, 1963.

²⁹ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв., с. 40.

³⁰ Те ни ш е в Э. Р. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. – В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 164, 170–171; Те ни ш е в Э. Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских надписях. – «Советская тюркология», 1976, № 1, с. 33; Те ни ш е в Э. Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте. – «Вопросы языкознания», 1979, № 2, с. 81–82.

³¹ Т у г у ш е в а Л. Ю. Орхон-тюркский и древнеуйгурский языки. их сходство и различие. – В кн.: Тюркологический сборник – 1974, М., 1978, с. 124.

К ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНОВ *türk, türgeş, Keçeres* В ОРХОНСКИХ НАДПИСЯХ

TÜRK

В древнетюркских рунических текстах VIII в. из Монголии широко представлен этнический термин 𐰉𐰺𐰽 *türk* или *türük* $\text{𐰉𐰺𐰽} \cdot \text{𐰇𐰏𐰏}$, который в китайских хрониках принимал искаженное звучание *тукюэ, туэюэ* — *tu-chueh*¹. Происхождение династийного племени, объединявшего под своей властью в VI–VIII вв. тюркские каганаты, теснейшим образом связывается с Алтаем и Семиречьем². Этимология термина *түрк* (*турук*), несмотря на неоднократные попытки объяснить его, за отсутствием надежного лингвистического обоснования остается невыясненной.

Обычно принято считать, что термин *түрк* так или иначе связан со значением «сильный, могучий». В. В. Радлов³ полагал, что слово *түрк* как бывшее название династии или государства приобрело в древнеуйгурских письменных памятниках значение «сила, власть, могущество; сильный, могучий» — это значение отмечено им в парных словах *ерк түрк* «сила, власть, могущество», *еркlig түркlig* «сильный, могущественный». В отличие от В. В. Радлова, у Ю. Немета⁴ «сила, могущество» связывается с первоначальным значением слова *түрк*, ставшего затем этнонимом.

Б. Мункачи⁵ и позднее Л. Базэн⁶ попытались объяснить, слово *түрк* — *турук* как именное образование от глагола *төре-* — *төрү-* «возникать, рождаться, появляться; рождать» (*türk < törük* «qui s'est formé, développé»).

Подобные попытки весьма уязвимы, поскольку замена исконного звука *ө* первого слога на *ү* в древнетюркских словах не наблюдается (это характерно для современных татарского и башкирского языков, частично для чувашского языка).

А. Н. Бернштам⁷ связывал термин *түрк* с названием определенной общественно-экономической стадии — «раннего этапа становления классового общества феодального порядка» и, соответственно, со словом *төркүн* «род, племя; дом кровных родственников» в словаре Махмуда Кашгарского. А. Н. Кононов⁸ сначала попытался дополнить построение А. Н. Бернштама с филологической стороны: *түрк < төркүн < төр* «передний угол, почетное место, главное место у очага» + аффикс множественности, собирательности *-күн*, а впоследствии стал рассматривать *төркүн* — *түркүн* как отглагольное имя, причем «само *türkün* в результате обычной гаплогической утраты конечного *-ин* превратилось в *türk*»⁹. Тем не менее, совершенно невозможно допустить древнетюркский переход исконной гласной фонемы *ө* $\rightarrow$ *ү* в первом слоге.

Термин *түрк* в словаре Махмуда Кашгарского¹⁰ употребляется как по от-

ношению тюркоязычных племен вообще, так и для обозначения какого-то династийного племени или этно-политической группировки собственно «тюрков» (в отличие от туркмен огузов, кыпчаков, чигилей, ягма, кыргызов и др.). В том же сочинении XI века приводится слово *түрк* с довольно прозрачным нарицательным значением «вершина, высшая степень, высшая точка, кульминация развития», которое раскрывается в сочетаниях *түрк үзүм өдi* «время наивысшей зрелости винограда», *түрк куйаш өдi* «верхняя кульминация, наивысшее положение Солнца на небе; истинный полдень», *түрк йигит* «достигший зрелого возраста, взрослый юноша» [МК I.335]. Ср. «Древнетюркский словарь», где три последних словосочетания переведены соответственно как «пора самого винограда», «время самого солнцепека» и «самая молодость (т. е. пора самого расцвета)», откуда *түрк* наделяется значением «самый обильный, предельный»¹¹.

Нарицательное значение слова *түрк*, зафиксированное Махмудом Кашгарским, находит свое подтверждение в фактах живых алтайских языков — ср. киргизск. *түрк* «об овцах крупный и жирный»¹², бурятск. *түрүү* «первый; головной, передовой; перен. почетный»¹³ и монгольск. *түрүүн* (*тэргүүн*) 1) уст. глава; вожак; 2) первый; передовой, начальный, главный»¹⁴.

Монгольское *түрүүн* должно восстанавливаться в древней монгольской речи, соответственно реальному фонетическому преобразованию, примерно с XIV в. *үгү, егү, игү > үү*¹⁵ *түрүгүн, где обнаруживается основа *түрүг* (*түрүк*) и морфологический элемент *н* с предшествующим гласным. Последний формант характерен для многих монгольских имен, но, как правило, отсутствует в генетически родственных тюркских словах. Например, *баян* — *бай* «богатый», *ариун* (*аригун*) — *арыг* «чистый», *хонин* (*хонь*) — *қон, қой* «овца», *хучин* (*хуч*) — *күч* «сила, мощь»¹⁶. Отсюда следует, что монгольскому *түрүүн* < *түрүгүн закономерно соответствует тюркское слово *түрүк* — *түрк* со сходным нарицательным значением.

На основании приведенных фактов можно заключить, что термин-этноним *түрк* (*түрүк*) имел первоначально нарицательное значение «1) голова; глава; вожак; 2) верхняя часть чего-либо, верхушка, вершина; начало» (а атрибутивной функции соответственно «главный, верховный, высший»), т. е. выступал абсолютным синонимом общетюркского слова *баш* (*бас, пас*) или общемонгольского слова *толга* (*толгай, толгой*). Примечательно, что в китайской хронике VI–VII вв. «Суйшу»¹⁷ название тюрков выводится из монгольского слова *дуулга* < *дугулга* «шлем» на том основании, что их местожительство — Цзинь-шань «Золотые горы» (Алтай) формой похожи на шлем. Летописец, судя по всему, примыслил мотивировку названия тюрков на базе звуковой ассоциации монгольских слов *толга* (*толгай*) «голова; вершина» и *дуулга* (*дугулга*) «шлем». Ю. А. Зуев¹⁸ справедливо предположил, что информатором в данном случае был не тюрк, а носитель монгольского языка. В юго-

западной части Алтая, возле озера Зайсан, в Кокпектинском районе нам доводилось воочию видеть горную вершину *Толагай* (монгольск. *талугай* «голова; вершина», ср. казахск. *толагай шын* «голая вершина», *толагай тау* «дысяя гора»), форма которой, действительно, напоминает голову богатыря в шлеме.

По-видимому, прав Г. Дёрфер¹⁹, полагая, что слово *türk* в надписях используется преимущественно не в значении названия племени, а в нарицательном значении (*türk bodun* «das Staatsvolk», иначе говоря, не только «тюркский», но и «господствующий» народ). Наряду с этническим обозначением, у этого слова в орхонских надписях можно усмотреть нарицательное атрибутивное значение. см. словосочетания *türk qaγan* («тюркский каган» и «главный, верховный каган»), *türk bilge qaγan* («тюркский мудрый каган» и «главный, верховный мудрый каган»), *türk oγuz beγläri bodun* («тюркские и огузские беки и народ» и «главные, верховные огузские беки и народ»), *türk bodun* («тюркский народ» и «главный народ»), *türk qıbçaq* («тюрки-кыпчаки» и «главные кыпчаки»), *türk sir/esir bodun* («народ тюрков-сиров» и «главный орлиный народ», ср. тувинск. *эзир* «орел») и др.

Наречение ранних тюрков-ашина именем с основной семантикой «голова; глава — главный», вероятно, оправдывалось их ведущей, главенствующей ролью в политической, экономической и идеологической борьбе общественных групп у раннекочевых племен Саяно-Алтайского нагорья и Тянь-Шаня. О соответственной глубине исторических корней тюркской династии свидетельствует китайский источник, отмеченный Ю. А. Зуевым²⁰: «...Ашина к эпохе Цзинь (265—420) и Вэй (с 338 г.) были царским родом уже в течение десяти поколений (Юаньхэ синцзуань, г. 5)».

Вместе с тем, сквозь призму историко-этимологического анализа отчетливо обнаруживается семантическая адекватность термина *түрк* шумерской фонетической логограмме САГ «голова; глава» (IV—I тысячелетия до н. э.), которая в аккадской и хеттской клинописи используется в качестве идеограммы²¹. Более того, за неслучайность данного смыслового соответствия говорит значительное количество лексических параллелей (или заимствований) между «шумерским» и древнетюркским языками²². Например: УД «день; время — *од* «время», ГУД «бык» — уд «корова; бык», ГИГ «болезнь» — *иг* «болезнь», НИГ «вещь» — *нег* «вещь», БАРАГ «святилище» — *барк* «здание, сооружение», САГ — (*саг* — *саң*) «голова; глава» — *сагун* «титул старших по возрасту у карлуков», *ата сагун* «титул тюркских знахарей» (в словаре Махмуда Кашгарского), ср. киргиз., *саң* «(в эпосе) повелитель, хан», казахск. *саңдақ* — *саңлақ* «отборный, избранный, лучший», соответственно казахск. *сақа* «достигший зрелого возраста, взрослый», *сақа жігіт* «взрослый юноша» (последние тюркские соответствия позволяют проследить упорядоченные семантические отношения).

Исходя из вышесказанного, имеются основания предположить, что самоназвание ранних азиатских кочевников-саков (*saka* древнеперсидских текстов, *sakā* в языке Авесты, *sək>sə*, *sa* китайских династийных хроник) восходит к прототюркскому источнику, представленному в шумерском САГ (*caḡ* – *caḡ*) «голова; глава», ср. тюркские лексические соответствия. Попытки объяснить древний этноним *saka* на индо-иранской (арийской) почве по весьма компонентному признанию Г. Бэйли²³ успеха не имели.

Таким образом, приведенный историко-этимологический анализ позволяет установить прямое смысловое соответствие этнического термина *türk* «тюрк» предшествующему этническому термину *saka* «сак». Данные материальной культуры и письменные источники подтверждают этническую преемственность сако-усуней и тюрков-ашина, которая возникла, вероятно, в результате длительных разносторонних связей и взаимовлияния древнего населения Центральной Азии. Что касается широко распространенного, традиционного мнения насчет исключительно «арийской» языковой принадлежности автохтонов Алтая и Семиречья, то оно, судя по всему, нуждается в пересмотре.

TURGES. KENERES

Этимологически со словом *türk*, несомненно, связано в орхонских и нисейских текстах название западных тюрков-«тюргешей»: $\text{𐰽𐰺𐰍} \text{ tūrḡes}$ (в «Памятнике Тоньюкука» отмечено, наряду с таким, единичное написание $\text{𐰽𐰺𐰍} \text{ tūrḡes}$, $\text{𐰽𐰺𐰍} \text{ tūrḡis}$). Термин *tūrḡes* состоит из основы *tūrḡ* и загадочного окончания *-es*. Конечное *к* основы в этом случае озвончается, ср. родоплеменное название Тиргеш²⁴ в составе племени Туба-кижи на Алтае.

В. Л. Котвич²⁵ попытался объяснить это окончание через слово *es* «друг, сподвижник», однако это окончание предпочтительнее соотнести с мертвым формантом *-es* в древнетюркском слове *künesh* «солнце, солнцепек» («Гадательная книжка» из Дуньхуана, начало IX в.), ср. турецк. *güneş* «солнце», казахск. *күнес*, башкирск. *көнес* и киргизск. *күнес* с одинаковым значением «сторона, обращенная к солнцу; солнечная сторона; солнцепек» (*künesh* – *künesh* < *kün* «солнце»).

Следы первоначального значения форманта *-sh*, *-ash*, *-es* в тюркских именах типа *tūrḡes* и *künesh* уводят к доисторической общности или к древнейшему языковому союзу прототюрков и индоевропейцев, поскольку данный афикс, во-первых, исторически не был словообразовательным и, во-вторых, представляет собой не что иное, как реликтовое окончание ичентельного падежа, ср. сходный формант в индоевропейском хеттском языке²⁶. Дополнительные факты обнаруживаются в якутском и других тюркских языках, например, якутск. *ураҕас* – казахск. *сырық* «длинный шест», якутск.

названия рек Тянь-Шаня с таким же окончанием *-с, -ас, -ес*: *Текес, Кунес* (старое дельтовое русло Или), *Талас* (ср. *Каратал, Көктал*), *Келес* и др.

Семантика рассматриваемого топонима раскрывается на тюркском материале, ср. киргизск. *кеңир* (кенири. кеңри) «широкий, обильный», кенирси- «чувствовать себя свободно на просторе; широко раскинуться»³², уйгурск. *көңү* (көңри) «много», көңүчилик «раздолье»³³. Вероятно, еще с незапамятной древности термин *кеңир* (Кенгир. Кенгерес) имел нарицательное значение «широкий, просторный, раздольный; обильный, изобильный».

Трудно не заметить и какой-то загадочной связи термина *Кенгерес-Кенгир* (*Keğeres < Keğer-Keğir*) с собственно шумерским названием страны Шумер — *Кеґер*³⁴. Возможно, прототюрки Центрального Казахстана, достигшие пять тысяч лет назад Двуречья, закрепили тем самым воспоминание о своей исконной родине. Просторные долины Кенгира изобилуют памятниками культуры глубокой древности, являются одним из красивейших мест Сарыарки. Для западных тюрков-тюргешей, владевших территорией от Алтая до Улытау, местность Кенгерес (Кенгир), несомненно, была последним прибежищем, священной землей предков.

¹ P u l l e y b l a n k E. G. The Chinese name for Turks//Journal of the American Oriental Society, 85/2, 1965, p. 122.

² Б е р и ш т а м А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII ввек. М.—Л., 1946, с. 82—85; З у е в Ю А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрок Автореферат канд. дисс. Алма-Ата, 1967, с. 3—4, 10—11

³ R a d l o f f W. Tišastvustik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddistisches Sutra// Bibliotheca Buddhica, XII. SPh., 1910. S. 70.

⁴ N e m e t h J. Zur Kenntnis der Petschenegen//Körosi Csoma-Archivum. 1. 3. 1922, с. 220. N e m e t h J. Der Volksname Türk//Körosi Csoma-Archivum. 2. 4. 1926. S. 275.

⁵ M u n k ä c s i B. Die Bedeutung des Namens der Turken//Körosi Csoma-Archivum. I. 1. 1921, S. 62.

⁶ B a z i n L. Notes sur les mots «oguz» et «türk»// Oriens, 6/2, 1953, S. 315—322

⁷ Б е р и ш т а м А. Н. Происхождение тюрков//Проблемы истории докапиталистических обществ. — М., 1935, N 5—6, с. 47—48

⁸ К о н о н о в А. Н. Опыт анализа термина «turk»//Советская этнография 1949, N 1, с. 40—47.

⁹ К о н о н о в А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, с. 51.

¹⁰ М а х м у д К а ш г а р с к и й. Диван лугат-ат-турк Т. I. перевод (на узбекский

язык) и подготовил к печати С. М. Муталибов. Ташкент, 1960, с. 43–44, 64–69, 489. Далее обозначение индексом МК I–III.

¹¹ Древнетюркский словарь. Редакторы: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969, с. 599.

¹² Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 783.

¹³ Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951, с. 458.

¹⁴ Ринчинэ А. Р. Краткий монгольско-русский словарь. М., 1947, с. 220–226.

¹⁵ Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964, с. 24–25.

¹⁶ Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 41, 94.

¹⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.–Л., 1950, с. 220–221, 226–227.

¹⁸ Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания..., с. 12.

¹⁹ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, unter Besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. 2. Wiesbaden, 1964. S. 484.

²⁰ Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания..., с. 13.

²¹ Driver G. R. Semitic Writing from Pictograph to Alphabet. London, 1948, p. 36.

²² Аманжолов А. С. «Шумеро»-тюркские соответствия и изобразительные логограммы//Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker. Berlin, 1974, с. 65–71.

²³ Bailey H. W. Languages of the Saka//Handbuch der Orientalistik, Abt. I, Bd. IV, Absch. I, Linguistik. Leiden-Köln, 1958, p. 133.

²⁴ Баскаков Н. А., Тошаклова Т. М. Ойротско-русский словарь. М., 1947; с. 215.

²⁵ Kotwicz W. Contributions à l'histoire de l'Asie Centrale// Rocznik Orientalistyczny. T. XV. 1949, p. 181.

²⁶ Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963, с. 113–115, 121–122, 136.

²⁷ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 32, 41.

²⁸ Thomsen V. Altürkische Inschriften aus der Mongolei in Uebersetzung und mit Einleitung//Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 78. Leipzig. 1924–1925, S. 53.

²⁹ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 162–163.

³⁰ Marquart J. Die Chronologie der altürkischen Inschriften. Leipzig. 1898, S. 3–10.

¹¹ К у р а т А. Н. Реçenek tarihi. Istanbul, 1937, s. 58-59.

¹² М а г қ и а т J. Die Chronologie der altturkischen Inschriften. Leipzig, 1898, S. 10.

¹³ Ю д а х и н К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 274.

¹⁴ Б а с к а к о в Н. А., Н а с и л о в В. М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939, с. 84.

¹⁵ Falkenstein A. Das Sumerische//Handbuch der Orientalistik, Abt. I, Bd. II, Absch. 1-2, Geschichte der Forschung, Sprache und Literatur. Leiden, 1959, с. 14-15.

Главо I

ТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ ГРАФИКА

ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ
РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

ПРАВИЛА ЧТЕНИЯ ТАЛАССКИХ, ЕНИСЕЙСКИХ И
ОРХОНСКИХ НАДПИСЕЙ

ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

Судя по современному состоянию изучения таласских, енисейских и орхонских надписей, тюркский рунический алфавит в общих чертах отражал звуковую систему древнетюркского языка. «По графической системе языка текстов приближенно можно представить фонетическую систему, которая характерна для большинства древних и новых тюркских языков, за исключением интердентальных диффузных звуков, звонких аффрикат и долгих слоговых и неслоговых гласных»¹.

В транскрибировании и переводе древнетюркских рунических надписей, по мере накопления новых наблюдений, вносились существенные поправки и уточнения. Дальнейший прогресс в этом направлении, по существу, подготовлен той кропотливой работой по чтению, переводу и изучению языка древнетюркских рунических памятников, которую проделали В. Томсен, В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, В. Банг, Г. И. Рамstedт, Х. Н. Оркун, А. Габен, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, В. М. Насилов, И. А. Батманов, А. М. Щербак, Дж. Клосон, Т. Текин и другие.

Интерпретация фонем, обозначаемых тюркскими руническими знаками и их локальными графическими вариантами, наталкивается на большие трудности. Это в значительной степени связано не только с невозможностью применения экспериментально-фонетического метода, но и с хронологической неоднородностью рассматриваемых надписей и их диалектной принадлежностью разным родоплеменным группам Тянь-Шаня, Саяно-Алтайского нагорья и Хангая.

По той же причине фонетические значения некоторых тюркских рун все еще окончательно не установлены, хотя В. Томсен блестяще расшифровал большинство знаков орхонских и енисейских надписей. «Как это признано многими тюркологами, — отметил И. А. Батманов, — характерные особенности, отличающие современные тюркские языки (или их группы) друг от друга, во многом соответствуют тем диалектным различиям, которые обнаруживаются в орхоно-енисейских текстах, а потому можно предполагать, что они начали формироваться в период, предшествовавший возникновению этой письменности или даже раньше»².

Звуковая система языка тюркских рунических надписей, по всей вероятности, включает в себя восемь гласных фонем (a, ā – e³, ī, i, o, u, ö, ü) и шестнадцать согласных фонем (b, c, d–δ⁴, g–γ, j, k–q, l, m, n–ñ⁵, ŋ, p, r, s, š, t, z). Таблица I, приводимая ниже (на стр. 51), содержит краткую характеристику качественных признаков древнетюркских фонем как словоопознавательных единиц.

В древнетюркском слове и его формах качество (течбр) слогаобразующе-

го гласного обуславливает «твердый» или «мягкий» вариант произношения соседних согласных. Эта общая закономерность – результат тесного переплетения исконного сингармонизма слога (или односложного слова) и закона нёбной гармонии гласных в двухсложном и многосложном слове. Твердые (заднерядные) гласные сочетаются с твердыми (велярными, задненёбными) вариантами согласных. Мягкие (переднерядные) гласные сочетаются с мягкими (палатальными, средненёбными) вариантами согласных. В таблице I мягкие варианты согласных фонем не отражены, за исключением k' и g' (твердые варианты этих согласных – q и γ).

В артикуляционном отношении мягкие варианты согласных отличаются от обычных твердых вариантов соответствующих согласных дополнительным (неодинаковым по степени) подъемом средней части языка к твердому нёбу°. Позиционное употребление твердых и мягких вариантов согласных фонем в слове (сингармонизм слога) можно признать очень древней фонетической закономерностью⁷.

В тюркском руническом (орхоно-енисейском) алфавите представлено тридцать пять фонограмм или букв, довольно полно отражающих звуки древнетюркского языка и четыре «избыточных» знака для сочетаний согласных звуков *lt-l't'*, *nt-n't'*, *nc-nc'* и *rl* (об этом ниже, см. также таблицу II на стр. 51–52, где приводится уточненный список тюркских рунических знаков в их разнообразных графических вариантах). В таласских надписях, в отличие от орхоно-енисейских, зафиксировано несколько меньшее количество рунических знаков – тридцать четыре буквы и два знака для звуко сочетаний (загадочная надпись на таласской палочке, которая по существу, еще не прочитана и поэтому здесь не учитывается).

Для подавляющего большинства тюркских рунических надписей характерно направление строки справа налево, однако изредка встречается и обратное направление строки (т.е. от левой руки к правой, например, в таласских памятниках №№ 1 и 3, в енисейских памятниках №№ 18, 19 и 24). Перевернутые начертания рунических знаков в строках, читающихся слева направо, отмечены в таблице II звездочками. Границы между словами или словосочетаниями в тюркских рунических надписях обычно обозначаются знаком словораздела, который имеет разные начертания (в енисейских надписях последний, кроме того, иногда встречается перед падежными окончаниями).

Восемь гласных фонем древнетюркского языка обозначались в тюркском руническом алфавите всего четырьмя полифонными буквами. Одинаково обозначались гласные а и ā, і и і, о и u, ö и ū. На письме они отражаются лишь частично и весьма своеобразно, можно сказать, в зависимости от позиции в слове. Негубные широкие гласные а, ā в языке тюркских рунических надписей могут выступать в любой позиции, однако обозначаются, как правило, только в абсолютном конце слова. Негубные узкие гласные і і занимают лю-

Гласные

По степени раскрытия рта и положению языка (по вертикали)	По участию губ и положению языка (по горизонтали)		Негубные		Губные	
	Заднего ряда (твердые)	Переднего ряда (мягкие)	Заднего ряда (твердые)	Переднего ряда (мягкие)		
Широкие (нижнего подъема)	a	a				
Среднеширокие (среднего подъема)		(e)	o	ö		
Узкие (верхнего подъема)	ĩ	i	u	ü		

Согласные

По способу произношения		По месту образования	Губно-зубные	Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные	
				зубные небно-зубные	зубные		средне-небные (палатальные)	задне-небные (велярные)
Шумные	звонкие смычные глухие	b	d				g - γ	
	звонкие шелевые глухие	p	t		j		k - q	
			z (δ)					
смычно-шелевые (аффрикаты)		s	ʃ					
Сопорные (сонанты)	смычно-носовые	m	n		(ŋ)		ŋ	
	шелевые (боковые)		l					
	дрожащие			r				

Таблица 1. Звуковая система языка древнетюркских рунических надписей.

бую позицию, однако обозначаются преимущественно в начале и конце слова и часто не передаются графически внутри слова. Губные среднеширокие гласные o, ö могут выступать только в первом слове, а губные узкие гласные u, ü – в любом слове (в любой позиции). Буквы > o, u и No, ö могут употребляться

повсеместно. Вместе с тем, их использование на письме становится факультативным по соседству с особыми знаками для согласных q и k', указывающими на губной характер слогаобразующего гласного. Примечательно, что полифония букв > и N проявляется только в первом слоге, а в непервом слоге эти буквы передают только губные узкие гласные u и ü (как исключение, u и ü могут обозначаться одной и той же буквой N – пятая наскальная надпись Хойто-Тамира).

Намечаемая система в употреблении знаков для гласных (гласных букв), тем не менее, не всегда строго соблюдалась. Не установлено, являются ли отклонения в написании знаков для гласных в одних и тех же словах (иногда в одном и том же тексте) отражением древнетюркской фонетики или же они объясняются неустойчивостью орфографии. Поэтому количественные признаки (краткость – долгота) гласных в языке тюркских рунических надписей остаются невыясненными.

Енисейский знак X , согласно интерпретации В. Томсена⁸, должен был передавать исключительно гласный звук e. Так ли это на самом деле? Не совпадают ли значения енисейского знака X и орхонско-енисейского знака L i?

Как справедливо отмечено исследователями⁹, в орхонских надписях звук e встречается в первом (корневом) слоге, где графически можно наблюдать кажущееся колебание звуков ā и i, например: Y^{C} и Y^{I} il (el «племенной союз, государство»), Y^{C} j'g и Y^{I} j'g (jet «земля»), r^{H} j'ti и r^{H} jiti (jeti «семья») и др. Аналогичные факты прослеживаются и в енисейских надписях

Таким образом, гласный звук e представляет собой более узкий или закрытый вариант широкой гласной фонемы a [e]. Он встречается, как полагают, только в первом (корневом) слоге, где графически можно наблюдать кажущееся колебание звуков ā и i.

Буква X енисейских надписей, как выявляется при тщательном обследовании, имеет собственное звуковое значение l, i (подобно букве L l, i), ср. J^{A} X^{D} j'la «увы» (памятник № 59) и J^{A} L^{D} j'la «увы» (памятники № 10, № 43, № 44). X^{N} X^{C} kinim «мои родные» (памятники № 10, № 59) и X^{N} L^{C} kinim «мои родные» (памятники № 3, № 45, № 59) и др.

Вместе с тем, в енисейских надписях эта буква нередко косвенно указывает на звук *e* в корневом слого, например: Υ^{a} , $\Upsilon\Gamma$ il и ΥX il (el «племенной союз»), Υq j²r и $\Upsilon\text{X}\text{q}$ jir (jer «земля»), $\Gamma\text{h}\text{q}$ j²ti и $\Gamma\text{h}\text{X}\text{q}$ jiti (jeti «семь»), X^{a} X^{a} šim и X^{a} X^{a} išim (ešim «мой друг»), Γq ^aki, $\Gamma\text{q}\Gamma$ iki и $\Gamma\text{q}\text{X}$ iki (eki «два») и др. Следовательно, звук *e* не имеет специального обозначения в тюркском руническом алфавите. По всей вероятности, различное написание слов, подобных перечисленным (иногда в одних и тех же текстах), своеобразно отражает корневой звук *e*, но не свидетельствует о делении орхоно-енисейских надписей по диалектному признаку *a* – *i*, как полагал И. А. Батманов¹⁰. Спорность точки зрения И. А. Батманова по данному вопросу отмечена А. И. Шербаком¹¹.

Отвлекаясь от сказанного, добавим, что звуки *a* – *e* как варианты одной фонемы некоторые тюркологи (Дж Клосон, О. Н. Туна и др.) обозначают графическими знаками *e*–*e*. Транскрипции древнетюркских текстов, приведенные в исследованиях С. Е. Малова, как правило, не отражают корневой гласный звук *e* (*e*).

Система тюркского рунического письма была прежде всего консонантной и требовала обязательного обозначения согласных. Шестнадцать согласных фонем (и их позиционные произносительные варианты) передавались тридцатью одной буквой, не считая особых знаков для сочетаний согласных.

Согласные фонемы *b*, *d* (*δ*), *g* (*g'–γ*), *j*, *k* (*k'–q*), *l*, *n*, *r*, *s*, *š*, *t* обозначались в тюркском руническом алфавите так называемыми «парными» согласными буквами, т.е. двояко в зависимости от твердых или мягких произносительных вариантов согласных фонем¹².

В орхоно-енисейских надписях звуковые разновидности согласной фонемы *k* (*k'–q*) при губном слогообразующем гласном могут обозначаться также специальными «парными» буквами, которые читаются соответственно как *k'*, *k'*, *k'* и *q*, *oq*, *uq*. Кроме того, особой буквой мог передаваться в орхоно-енисейских надписях согласный звук *q* при негубном узком гласном (эта буква читается в слове как *q*, *'q*).

Графическое противопоставление твердых и мягких вариантов согласных фонем, за исключением *k'–q*, нередко подвергалось нейтрализации. Об этом свидетельствует частичная взаимозаменяемость «парных» букв для фонем *b*, *d*, *g*, *j*, *l*, *n*, *r*, *s*, *š*, *t* в орхонских и енисейских надписях.

Как правило, «мягкие» согласные буквы орхоно-енисейских надписей могут означать и мягкие, и твердые варианты согласных фонем. Только в таласских надписях «парные» согласные буквы не подвергаются нейтрализации и полностью сохраняют свой звуко-различительный характер (исключение

представляет «мягкая» согласная буква для фонемы s). Отсюда следует, что противопоставление «парных» согласных букв развивалось под влиянием сингармонизма слога и слова и что тюркский рунический алфавит, неоднородный в своих локальных разновидностях, прошел долгий самостоятельный путь развития. Что касается вывода о так называемом «условном характере» графического различия твердых и мягких согласных звуков,¹² то он представляется нам не вполне оправданным, так как сделан без детального графического анализа орхоно-енисейских надписей и без учета таласских надписей.

Звуковые значения «парных» согласных букв тюркских рунических текстов, в целом, уже твердо установлены и не вызывают сомнений.

Особо стоит вопрос о реальном звучании «парных» согласных букв 𐰇 и 𐰈 . Обычно считается, что они повсюду передают смычную зубную звонкую согласную фонему d, ее твердый и мягкий произносительный варианты [d, d']. Согласно же произносительным нормам, буквы 𐰇 и 𐰈 в аффиксах после основ, оканчивающихся на глухие шумные согласные, как справедливо подметил В. В. Радлов¹⁴, могли обозначать только твердый или мягкий смычный зубной глухой согласный звук [t, t']. В подтверждение сказанному приведем несколько примеров из текста «Памятника в честь Кюль-Тегина»: 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 toɣu baliqda[baliqta] «при городе Тогу» (КТ₄₄), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 ol süñüşdä [süñüşta] «в том сражении» (КТ₄₂), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 uçduqda [učtuqta] «когда он улетел, т.е. умер» (КТ₃₀), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 uçdı [učı] «он улетел, т.е. умер» (КТ – угловая строка III), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 tutdı [tutı] «он схватил» (КТ₄₁), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 itdi [etti] «он устроил» (КТ₁₆), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 tikdim [tiktim] «я водрузил» (КТ₂₅) и др.

Как полагал В. Томсен,¹⁵ орхоно-енисейские буквы 𐰇 d твердое и 𐰈 d' мягкое частично отражают шелевой межзубный согласный звук ð (ð). Например, в словах 𐰇𐰇 adaq [adaq-adaq «нога», ср. диалектные варианты этого слова по Махмуду Кашгарскому – اڭاق adaq, ازاق azaq, اياق ajaq «нога»), 𐰇𐰇 bodun (bodun–bodun bojun «народ», ср. по Махмуду Кашгарскому بۇدۇن bodun, بۇدۇن bodun, بوچۇن bojun «народ») и 𐰇𐰇 öd (öd–öd «время», ср. по Махмуду Кашгарскому – اۋد öd, اۋد öd, اوز öz «время»).

Махмуд Кашгарский (МК I 32 или МК I 68 узб. изд.) указал на дифференциацию тюркских диалектов XI века по признаку ð–z–j. Согласно его наблюдениям, в языке племени чигиль и прочих «тюрков» звук ð сохранялся, в язы-

Следовательно, в некоторых позициях (на стыке основы и аффикса), где оглушение согласных звуков γ и g было по всей вероятности, неизбежным, буквы 𐰇 и 𐰈 могли передавать звуки q и k' . Последние, как правило, представляют собой твердый и мягкий варианты смычной заднеязычной глухой фонемы k , однако в отдельных случаях (например, для аффикса направительного падежа - $\gamma a\gamma u$, $-g\bar{a}g\bar{u}$, $-q\bar{a}g\bar{u}$, $-k\bar{a}g\bar{u}$) противопоставление g и k по звонкости-глухости не было фонематичным.

Согласные фонемы ζ , m , η , p , z отражались «одинарными» буквами, независимо от твердых или мягких разновидностей обозначаемых звуков. «Вопрос о причине этого, — как отметил И. А. Батманов,¹⁸ — нуждается еще в выяснении». Возможно, «одинарные» согласные буквы являются производными, но возникли раньше, чем развилось противопоставление «парных» согласных букв.

Звуковые значения «одинарных» согласных букв особых уточнений не требуют. Следует лишь указать на предполагаемое иногда разграничение графических вариантов 𐰇 $\bar{c}$, $\bar{s}$ и 𐰇 $i\bar{c}$ в орхонских надписях,¹⁹ ср. букву 𐰇 $\bar{c}$, $\bar{s}$ енисейских надписей.

Помимо простых (одиночных) согласных, в языке тюркских рунических надписей отмечаются также некоторые удвоенные согласные.²⁰ Последние образуются на стыке корня (основы) и аффикса или на стыке слов, например: 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 q^2t^1qqa [qarluqqa] «на карлуков» (КЧ₁₀), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 : 𐰇𐰇𐰇𐰇 $j^2bl^1q q^2r^1n$ [jablaq qaγan] «плохой каган» (КТб₃), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 $^2d^1q q^2m\bar{s}^1tdi$ [adaq qamšatti] «(тюркский народ) пришел в смятение, дрогнул (букв. привел в движение ноги)», 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 $t^2z^1kk\bar{a} t^2gi$ [tezikkā tegi] «до тезиков» (КЧ₁₆), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 $birt^1kg^1r\bar{u}$ [bert^1kk^1r\bar{u}] saqinmatı «он не думал отдавать» (КТб₁₀), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 : 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 $jolliy tigin$ [jolliy tegin] «Йоллыг-Тегин (собственное имя)» (КТ — угловая строка I), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 ill^1g^1g [elligig] «имеющих племенной союз (форма винительного падежа)» (КТб₁₈), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 $bititd^1m$ [bitittim] «я велел написать» (Тон₁₈), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 $s\bar{u}l^1td^1m$ [s\bar{u}l\bar{a}ttim] «я двинул войско» (Тон₁₈), 𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇𐰇 $iltidi$ [el\bar{t}ti или el\bar{a}tti] «она носила» (E29,) и др.

Удвоение согласных звуков не всегда отражалось на письме. Трудно сказать, проявлялась ли в этом их «тенденция превратиться в одиночный звук»²¹ Так, например, удвоенные согласные звуки qq и kk , ll и ll' , tt и tt' могли

В заключение остановимся на знаке , поллинное звучание которого в тюркской рунике все еще проблематично. Одни исследователи²⁵ усматривают в этом знаке графическое обозначение звука $\bar{p}$, то есть сильно смягченный (палатализованный) вариант смычно-носовой фонемы p , другие²⁶ – среднеязычный шелевой назализованный звук j или $\bar{j}$.

Во время осмотра енисейских памятников, собранных в краеведческих музеях Кызыла и Минусинска, выявилось, что енисейский знак представляет собой графический вариант знака для звукосочетания $\bar{p}\bar{c}$, ср. (памятник № 59), (памятник № 6) и (памятник № 25) $qul\bar{c}^*j^*m$ «моя госпожа (принцесса)». Знаки и в енисейском памятнике № 41 внешне напоминают перевернутый знак , однако прочесть слова $^*t^*l^*r^*m^*$ и $s^*?m^*q$ в соответствии с контекстом не удается.

Орхонский знак в немногих словах с твердыми гласными передает звук $\bar{p}$, который по диалектам мог заменяться звуками p и j . Например: $\gg \downarrow$ qop «овца» (ср. диалектные варианты qop и qoj «овца» по Махмуду Кашгарскому, монгольск. хонин, хонь, «овца»). $\gg$ $\gg$ $c\bar{i}y\bar{n}$ «бедный, немущий» (ср. диалектные варианты $c\bar{i}y\bar{n}$ и $c\bar{i}y\bar{a}j$ «бедный, немущий» по Махмуду Кашгарскому). $\bar{p}^*c$ $\gg$ $ap\bar{i}y$ «1. дурной, злой, зловерный; 2. зло, порча, порок» (ср. варианты $ap\bar{i}y$ в древнетюркских рукописях манихейского содержания и $aj\bar{i}y$ в позднеманьчжурских и буддийских рукописях из Восточного Туркестана) и др. Употребление звука $\bar{p}$ вместо j внутри и в конце слова Махмуд Кашгарский связывал с языком племени аргу (МК I 67 узб. изд.). Соответствие $\bar{p}$ ($\bar{p}j$)– p – j А. Габэн²⁷ рассматривает в качестве основного признака для классификации древнетюркских диалектов.

Примечательно, что в якутском языке звук $\bar{p}$ часто соответствует древнетюркскому звукосочетанию $\bar{p}\bar{c}$. Ср. якутск. $as--anar-$ (графически $ac--anjar-$ или $anbar-$) «колоть», заколоть, пронзить» и др. -тюрк. $sanc-$ «1. колоть, вонзять, втыкать; 2. побеждать, поражать» (в древнеуйгурских текстах представлен также другой вариант этого слова $caj-$ «прокалывать, пронзать», ср. киргизск. $chanç-$ – $cañ-$ «колоть, вонзять, прокалывать, пронзать»), якутск. $siñigäs$ (графически $ciñijigäs$ или $ciñniñigäs$ «тонкий и др. – тюрк. $jincğa$ «тонкий»

Соответствие $\bar{n}$ - nj представлено в двух вариантах имени ханского наставника Тоньюкука – $\downarrow\downarrow\downarrow\gg\delta$ $tunjuq$ (памятник Тоньюкука) и $\downarrow\downarrow D\gg\delta$ $tunjuq$ (памятники Бильге-кагана и Моюн-Чура). Толкования этого слова довольно спорны³⁹. На основе соответствия $\bar{n}$ (nj) – $n\bar{s}$ можно связать слово $tunjuq$ – $tunjuq$ с глаголом $tun\bar{s}iq$ – «печалиться, задохнуться, оцепенеть от горя» (МК II 264 узб. изд. آر تئغتی $\bar{a}r\ tun\bar{s}iqti$ «мужчина опечалился»). В таком случае, имя Тоньюкука представляет собой отглагольное прилагательное (* $tunjuq-$, * $njuq=$, соответственно $tun\bar{s}iq-$ + аффикс именного словообразования $-iq$) со значением «печальный, опечаленный».

Таким образом, соответствие $\bar{n}$ - $n\bar{s}$, отраженное в звуковых значениях знака $\Downarrow$ орхоно-енисейских надписей, относится к древнейшим фонетическим явлениям диалектного характера. Это, в свою очередь, вновь свидетельствует о том, что тюркский рунический алфавит имеет длительную историю развития и отражает в себе характерные звуковые изменения древнетюркского языка.

Тюркские рунические знаки			Звуковое значение (чтение)
Таласские	Енисейские	Орхонские	
1 J	1 J 1 X 1'	J	a, ä, (e)
Г Г'	Г Г Г X X X Г'	Г Г	i, i, (e)
> <'	> <'	> } {	o, u
М М	М М М М М М М М	М М М М	ö, ü
Д	J J J C C U B X	J C J J J Q	b
X	X X X X X X X X	X X X X J	b'
Л	Л Л Y	Л Y (i)	c, c'
§ § §	§ § § § § § § §	§ X	d, (ð), (t)
X	X X + ⊗ ⊕ §	X X +	d', (ð'), (t')
Х Х Х	Х Х Х Х Х Х Х Х	Х Х Х	γ
Г Г'	Г Г Г Г Г Г Г Г'	Г Г Г Г	g'
Д Д	Д Д Д Д Д Д Д Д'	Д Г Г Г	j
Г	Г Г Г Г Г П П Д Г'	Г Г	j'
Н Н И'	Н Н Н Н Н Н Н Н'	Н Н Н	q
↑	↓ ↑	↓	q при o, u
	▷ ◁ ▷ ▽	▷ ◁	q при i
Г Г	Г Г Г Г X Г'	Г Г Г	k'
	В В В В В В В'	В В В В В	k' при ö, ü
J L L'	J J L L L Y L'	J Y	l
Y	Y	Y	l'

Таблица IIIa. Тюркский рунический алфавит.

ТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ЗНАКИ			Звуковое значение (чтение)
Таласские	Енисейские	Орхонские	
⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙	⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙	⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙	<i>m, m'</i>
) ("	) (ㄣ ㄣ	) ㄣ	<i>n</i>
ㄣ ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ	<i>n'</i>
	ㄣ ? ㄣ ?	ㄣ ㄣ	<i>ñ, (nʹ)</i>
†	† † ⊙ ⊙ ⊙ †	†	<i>ŋ, ŋ'</i>
†	† † ㄣ ㄣ	†	<i>p, p'</i>
ㄣ ㄣ ㄣ "	ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ	<i>r</i>
ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ	<i>r'</i>
ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ	<i>s</i>
			<i>s'</i>
ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ ⊙ ⊙ ⊙ ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ⊙	<i>š</i>
^	ㄣ ㄣ ⊙ ⊙ ⊙ ㄣ	ㄣ ㄣ	<i>š'</i>
ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ	⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ㄣ	<i>t</i>
ㄣ	† † ㄣ ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ	<i>t'</i>
ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ	<i>z, z'</i>
	М	М	<i>lt, lt'</i>
⊙	⊙ ⊙	⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙ ⊙	<i>nt, nt'</i>
ㄣ	ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ ㄣ	ㄣ ㄣ	<i>nc, nc'</i>
	ㄣ ㄣ	ㄣ	<i>rt</i>
† † : †	† † † † † † † †	:	знак словораздела

Таблица II6. Тюркский рунический алфавит (продолжение)

**ПРАВИЛА ЧТЕНИЯ ТАЛАССКИХ, ЕНИСЕЙСКИХ И
ОРХОНСКИХ НАДПИСЕЙ (ПОЯСНЕНИЯ К
ТЮРКСКОМУ РУНИЧЕСКОМУ АЛФАВИТУ)**

Наглядные примеры из таласских, енисейских и орхонских надписей, свидетельствующие о звуковых значениях, вариантах начертаний и особенностях употребления тюркских рунических знаков:

а, ä

В начале слова (обозначаются в исключительных случаях): $\gg\gg\gg$ azd'm «я отбился от (сбился с пути, заблудился, потерял)» (E 45₂), $\mathcal{J}\mathcal{X}\mathcal{I}\mathcal{J}$ äs zä «увы, как жаль, к сожалению» (E 42₁), $\gg\mathcal{X}\mathcal{I}$ äs'm «мой друг» (E 41₁), $\mathcal{L}\mathcal{I}$ äc (E 2₁) или $\mathcal{L}\mathcal{J}$ äc (X₁) «голодный», $\mathcal{H}\mathcal{I}\mathcal{L}\mathcal{J}$ äcs'q «голод, состояние голода» (КТМ₃), $\gg\mathcal{H}\mathcal{Y}\mathcal{I}\mathcal{Q}\mathcal{G}\mathcal{J}$ at birt'm «я дал титул» (X₂), türk b'gl'r türk atin it(t)I $\mathcal{I}\mathcal{G}\mathcal{I}:\mathcal{H}\mathcal{I}\mathcal{G}\mathcal{J}:\mathcal{K}\mathcal{Y}\mathcal{H}:\mathcal{Y}\mathcal{Y}\mathcal{E}\mathcal{Q}:\mathcal{K}\mathcal{Y}\mathcal{H}$ «тюркские правители отбросили свои тюркские имена (титулы)» (КТб₁), $\mathcal{I}\mathcal{Y}\mathcal{Q}:\mathcal{Y}\mathcal{G}\mathcal{J}:\mathcal{I}\mathcal{J}\mathcal{J}\mathcal{G}\mathcal{H}\mathcal{I}\mathcal{L}$ äiq'n tuñ'q'q atiy bärmiş «дали имя (титул) Чыкан Тоньюук» (КЧ₁).

Внутри слова (обозначаются редко):

$\gg\mathcal{L}\mathcal{Y}\mathcal{J}$ uluäit'm «я вырос» (E 7₁, $\underline{\text{II}}$, <dt), $\gg\mathcal{I}\mathcal{J}\mathcal{D}$ jaüt'm «мой враг (мои враги)» (E 25₁), $\mathcal{L}\mathcal{J}\mathcal{L}$ taš «внешний» (E 45₁), $\mathcal{L}\mathcal{J}\mathcal{D}$ jaš «возраст» (E 45_{2,3}), $\gg\mathcal{Y}\mathcal{H}:\mathcal{H}\mathcal{Y}\mathcal{H}$ ügüñüm q'ram «мое светлое и мое черное» (о стадах)» (E 45₁), $\mathcal{E}\mathcal{Y}\mathcal{J}\mathcal{X}\mathcal{Y}$ 'rdäml'g «доблестный» (E 48₁), $\mathcal{J}\mathcal{H}\gg\mathcal{J}\mathcal{G}\gg$ bu tamqa «на этой стене (надмогильного сооружения)» (КТ — угловая строка II), $\gg\mathcal{J}\mathcal{I}\mathcal{Y}\mathcal{L}$ 'äüt 'ram «мои предки» (КТб₁), $\mathcal{I}\mathcal{N}\mathcal{Y}\mathcal{D}:\mathcal{I}\mathcal{G}\mathcal{J}\mathcal{Y}\mathcal{Y}$ siyat'm's juylam's «они стонали и плакали» (КТб₁).

В конце слова (обозначаются почти всегда, исключения редки):

$\mathcal{J}\mathcal{L}\mathcal{I}\mathcal{Q}\mathcal{X}\mathcal{Y}$ öz nlä iñ'nkā «от него самого его друзьям» (Т I₁), $\mathcal{J}\mathcal{L}\mathcal{D}$ j'na «увы, восклицание сожаления» (E 3₁), $\mathcal{I}$ 'na «мать» (E 41₁), $\mathcal{J}\mathcal{H}\gg\mathcal{Y}\mathcal{Y}$ > oyl'mqa «по отношению к моему сыну» (E 7₁), $\mathcal{J}\mathcal{Y}\gg\mathcal{Y}\mathcal{Y}$ bod'n'ma «по отношению к моему народу» (E I₁), $\mathcal{J}\mathcal{Y}\mathcal{Y}$ il'mā или $\mathcal{J}\mathcal{Y}:\mathcal{Y}\mathcal{Y}$ il'mkā «по отношению к моему государству» (E I₁), $\mathcal{J}\mathcal{H}\mathcal{Y}$ ögā «мудрый» (E 45₁), $\mathcal{J}\mathcal{J}\mathcal{J}$ bunġca «столько» (КТб₁), $\mathcal{J}\mathcal{Y}\mathcal{Q}$ j'mā «и, также, еще» (КТб₁), $\mathcal{J}\mathcal{E}\mathcal{Y}\mathcal{I}\mathcal{Q}$ bilgā «мудрый» (КТб₁).

В енисейских надписях конечные а, ä иногда передаются особым знаком X (В. Томсен, А. Габэн и др. усматривали в последнем только звук ä, О. Н. Туна¹⁰ сделал попытку истолковать этот знак как силлабограмму eg-ge):

»»JM» X X 'za d'rd'm «я отбился и отделился (aza — деепричастная форма глагола az — «отбиться, сбиться, заблудиться; потерять») (E 50₁), ср. J X : »HYM» d'rd'm 'za «я отделился, отбившись (заблудившись, потеряв)» (E 69₁); XOM ögä «мудрый» (E 49₁), X»Y» g'č'mä «по отношению к моей тетушке» (E 41₁), »»1» : X»Y 'l'mä t'p'd'm «я служил моему государству» (E 46₁), XXY 'ldä «в государстве» (E 46₁).

ī, i (e)

В начале слова: MYM iniläri «его младшие братья» (T 1₁), ↑»I iduq «священный» (E 42₁), P»I iki (E 31₁), P»X iki (E 49₁) или P»X iki (E 73₁) «два», J»Y isimä (E 51₁) или J»X isimä (E 51₁) «по отношению к моему другу (моим друзьям)», YP il (E 26₁, 30₁) или YX il (E 1₁, 45₁, 59₁) «племенной союз, государство», »YP il'm (E 27₁, 28₁), »YX il'm (E 3₁, 10₁, 45₁) или »YX il'm (E 46₁, 51₁, 59₁) «мое государство», EYP il'g (E 26₁₀) или EYX il'g (E 49₁) «пятьдесят», ↓»I iduq «священный» (КТб₂₃), YP il «племенной союз, государство» (КТм₂).

Внутри слова: YP» »eju «польза, благо» (T 4₁), NJM qalmiš «остался» (T 1₁), J X M 'sizä «увы, как жаль, к сожалению» (T 4₁), J»M или J»M 'siz'mä «увы, как мне жаль» (E 45₁), »HJD jilq'm «мои лошади» (E 10₁₀), J» : CHH qirq'il «сорок лет» (E 45₁), P» biñ «тысяча» (E 45₁), YP» bir «один» (E 43₁), J EYP» bilgä «мудрый» (E 13₁), »P» hq j'tmiš (E 49₁), »P» hX» jitm'š (E 45₁) или »P» hX» jitm'š (E 3₁) «семьдесят», S»I s'kiz «восемь» (E 11₁), »P» kiš (E 48₁) или »X» kiš «колчан» (E 25₁), J»D jita (E 10₁, 43₁, 44₁) или J»D jita (E 59₁) «увы», »M» kin'm (E 3₁, 45₁, 59₁) или »X» kin'm (E 10₁, 59₁) «мои родные, родственники, моя родня»¹¹, h»D» q'd'r j'yiida «в жестокой войне» (E 19₁), »X» h» gri t'bi'm «мои одnogорбые верблюды (дромадеры)» (E 46₁) — ср. J» h» gri t'ba (E 11₁) и P» h» gri t'bi (Тон₇₈) «одnogорбые верблюды (дромадеры)», »X»

biš (E 45₂) или 𐤁𐤓𐤃 biš (КТб₄₄) «пять», 𐤀𐤏𐤏 kiši или 𐤁𐤏𐤏 kiši (КТч₇) «человек», 𐤁𐤏𐤏 jig «земля» (КТм₃), 𐤁𐤏𐤏 jiš «нагорье, чернь» (КТм₃), 𐤁𐤏𐤏 jiti «семь» (КТ – угловая строка III), 𐤁𐤏𐤏𐤏𐤏 bir jilqa «в один год» (КТб₄₄), 𐤁𐤏𐤏 bit'g «надпись» (КТм₁₃).

В конце слова: 𐤁𐤏𐤏 'iti (E 1₂) или 𐤁𐤏𐤏 'iti (КТб₃₁), 𐤁𐤏𐤏 'iti (Т 2₃), 𐤁𐤏𐤏 'iti (E 5₂) «шесть», 𐤁𐤏𐤏 jilqi «лошади» (E 11₃), 𐤁𐤏𐤏𐤏 jig'rtmi (E 45₂), 𐤁𐤏𐤏𐤏 j'g'rtmi (E 48₇) или 𐤁𐤏𐤏𐤏 j'g'rtmi (E 11₂) «двадцать», 𐤁𐤏𐤏 j'ti «семь» (E 11₁₀), 𐤁𐤏𐤏 jiti (E 147₁), 𐤁𐤏𐤏 j'ti (Тон₄), 𐤁𐤏𐤏 j'ti (КТб₁₁) или 𐤁𐤏𐤏 jiti (Ха₁₀), 𐤁𐤏𐤏 'bci «жена, женщина» (E 100₁), 𐤁𐤏 'ki «два» (E 16₁, Тон₁), 𐤁𐤏𐤏𐤏𐤏 i'qri i'g'm «мой подобные божеству, мои божественные» (E 59₂) – ср. 𐤁𐤏𐤏𐤏 i'qri i'g «подобный божеству, божественный» (КТм₁).

Обнаруженные нами факты указывают на то, что значение енисейского знака 𐤁 и орхоно-енисейского знака 𐤁, i, совпадают. К сожалению, И. В. Кормушин³² упорно не признает у енисейского знака 𐤁 собственного фонетического значения i, i в вышеприведенных словах jita «увы», kin'm «моя родня», jiti [jeti] «семь», 'bci [ebci] «жена», i'qri [i'qri] «небо, божество» (согласно его транслитерации – jeta, ken'm, jete, 'bce, i'qre).

о, и

В начале слова: 𐤁𐤏𐤏 otuz (Т 10₁), 𐤁𐤏𐤏 otuz (E 45₁), 𐤁𐤏𐤏 otuz (E 15₁) или 𐤁𐤏𐤏 otuz (КТб₄₂) «тридцать», 𐤁𐤏𐤏 b'rs «Огул Барс (собств. имя)» (Т 1₁), 𐤁𐤏𐤏 otul (Т 8₁) или 𐤁𐤏𐤏 otul (Т 3₂) «ребенок, мальчик, сын», 𐤁𐤏𐤏𐤏 :h'rtm tot otulm «мои четыре сына» (К 20₁), 𐤁𐤏𐤏 ul'q (E 29₁) или 𐤁𐤏𐤏 ul'q (КТб₄₄) «большой, великий», 𐤁𐤏𐤏 :q'nd «от уйгурского хана» (E 73₁), 𐤁𐤏 ot «тот» (КТб₃₆), 𐤁𐤏 ot «огонь» (КТб₃₇).

Внутри слова: 𐤁𐤏𐤏𐤏 qutluq (Т 9_{1,2}) или 𐤁𐤏𐤏𐤏 qutluq (E 19₁) «Кутлуг» (собств. имя), 𐤁𐤏𐤏 buq (E 7₁) или 𐤁𐤏𐤏 buq (E 10₁₁) «печаль, скорбь», 𐤁𐤏𐤏 bodun (E 45₁) или 𐤁𐤏𐤏 bod'un (E 3₁) «народ», 𐤁𐤏𐤏

bodⁿ «народ» (КТБ₉), 𐰽𐰺𐰸𐰸 t^oquz «девять» (КТБ₁₁).

В конце слова: >𐰺𐰸𐰸 ʾirʾyu «герой, богатырь» (Е 39), >𐰺𐰸𐰸 ʾirʾyu «герой, богатырь» (КТБ₁₁), >𐰸 bu «этот» (Е 7₁), >𐰸 bu «этот» (КТМ₁₁).

ö, ü

В начале слова: 𐰽𐰽𐰸𐰸 özügä «для себя» (Т 9₁), 𐰽𐰽 ög^m «моя мать» (Е 29), 𐰽𐰽𐰸 öli^m «я умер» (Е 41₉), 𐰽+𐰽𐰽𐰸 öli^m d m «я не убивал» (Е 11₁₀), 𐰽𐰽 üc «три» (Е 11₂), 𐰽𐰽𐰸 ücⁿ (Е 20₁, 29₉), 𐰽𐰽𐰸 ücⁿ (Е 11₉) или 𐰽𐰽𐰸 ücün (Е 24₂) «для, ради: из-за», 𐰽𐰽 üc «три» (КТБ₁₉), 𐰽𐰽 öd «время» (КТБ₃₀), 𐰽𐰽𐰸 ücün (КТБ₆) или 𐰽𐰽𐰸 ücⁿ «из-за» (КТБ₆), 𐰽𐰽𐰸 öli «он умер» (КТБ₁₀), 𐰽𐰽 ög^m «моя мать» (КТБ₂₁).

Внутри слова: 𐰽𐰽𐰸 böri «волк» (Е 11₁₀), 𐰽𐰽𐰸 tōri (Е 20₁) или 𐰽𐰽𐰸 tōri (КТБ₂) «четыре», 𐰽𐰽𐰸 külg «славный, знаменитый» (Е 20₂), 𐰽𐰽𐰸 :k^uri türk bodⁿ «тюркский народ» (КТБ₁₀), 𐰽𐰽 küc «сила» (КТБ₁₂), 𐰽𐰽 tün «ночь» (КТБ₂₇).

В конце слова: 𐰽 sū (Т 10₁) или 𐰽 sū (X₂₁) «войско, военный отряд», 𐰽𐰽 dgü (Е 11₂) или 𐰽𐰽 dgü (КТБ₂₁) «хороший, добрый», 𐰽𐰽 kⁿtu «сам» (КТБ₂₃).

b

В начале слова: 𐰽𐰽𐰸 b^rs «Кара Барс (собств. имя)» (Т 1₁), 𐰽𐰽𐰸 b^rs «Кюч Барс (собств. имя)» (Е 14₁), 𐰽𐰽𐰸 b^rs^ʾ «барсов (вин. п.)» (Е 11₁₀), 𐰽𐰽𐰸 b^rd^m (Е 11₉) или 𐰽𐰽𐰸 b^rd^m (Е 11₁) «я пошел (отправился)», 𐰽𐰽 bodⁿ (Е 15₂), 𐰽𐰽 bodⁿ (Е 3₂) «народ», 𐰽𐰽𐰸 bodⁿ^m «мой народ» (Е 10₇), 𐰽𐰽 buḡ «печаль» (Е 7₂), 𐰽𐰽𐰸 buḡumj^o «печали у меня нет» (Е 46₂), 𐰽𐰽 b^ʾḡa «мне» (Е 49₁), 𐰽𐰽 b^ʾḡ «богатый» (КТМ₁₀), 𐰽𐰽 b^ʾḡ «здание, сооружение» (КТБ₂₃), 𐰽𐰽 b^ʾḡa «мне» (Тон₁₁), 𐰽𐰽𐰸 b^ʾḡa ḡ^u «четыре угла» (вин. п.)» (0₁).

Внутри слова: 𐰽𐰽 b^ʾḡ «Китай, китайский» (Е 11₉), 𐰽𐰽 sub^m «моя вода» (Е 11₂), 𐰽𐰽 b^ʾḡ «плохой, скверный» (КТБ₂₉).

В конце слова (b – w?): $\text{J}\lambda$ c'b «известный, прославленный» (E 30), $\text{J}\lambda$ c'b «слава, известность; молва» (Тон.), $\text{J}\text{S}\text{Y}\text{Y}\text{Y}\text{Y}$ jig sub «местность, страна (букв. земля и вода)» (КТб₁₀), J^b «охота (на зверей)» (КЧ₁).

b'

В начале слова: $\text{X}\text{Y}\lambda\text{C}\text{N}$ b'g čur «Бег Чур (собств. имя)» (ТЗ₃), $\wedge\text{X}$ b's (E 53₃), $\wedge\text{Y}$ b's «пять» (E 11₇), YIX biš (КТб₄), $\wedge\text{X}\text{X}$ biš (E 25₁) «пять», XIX biz «мы» (E 28₃), $\text{I}\text{N}\text{C}\text{H}\text{X}$ b'zpi «нас (вин. п.)» (E 28₃), $\text{J}\text{E}\text{Y}\text{I}\text{X}$ bilgä «мудрый» (E 31₁), EX b'g (E 53₁) или EX b'g (E 1₁) «бек, князь, правитель», $\text{I}\text{I}\text{Y}\text{I}\text{X}$ b'ηüsü «его вечный памятник» (E 9₁), $\text{X}\text{X}\text{X}\wedge\text{B}\text{Y}$ b'k'sm'd'm «я не наслаждался» (E 59₁), $\text{X}\text{E}\text{H}\text{X}\text{I}\text{N}\text{X}$ b'n'η b't'g'm «моя надпись» (E 73₁), NX b'n (МЧ₂₉) или NJ b'n (МЧ₂₉) «я», NX b'n «я» (Тон₁), $\text{I}\text{N}\text{I}\text{X}$ biπi «меня» (Тон₁₀), YIX big (E 43₁) или YIX big (КТб₁₂) «один», CIX biz (Тон₁) или CX b'z (0₁), BXX b'd'k «большой» (0₆), $\text{E}\text{H}\text{I}\text{X}$ bi't'g «надпись» (Об₁).

Внутри слова: XX 'b'm «мой дом (жилище)» (E 2₁), $\text{X}\text{X}\wedge\text{X}$ 'bč'm «моя жена» (E 42₃), $\text{N}\text{Y}\text{I}\text{X}$ 'bigü «обойдя, обходя» (Тон₃₀), $\text{N}\text{Y}\text{E}\text{X}$ 'bg'gü «домой» (Тон₁₀).

В конце слова почти не встречается.

Слово $\wedge\text{X}$ 'b «дом, жилище» в орхоно-енисейских памятниках представлено с окончаниями (см. выше).

č (č, č')

Варианты č и č' графически не различаются.

В начале слова: $\text{C}\text{Y}\lambda\text{I}\text{X}$ 'ti čur «имя его – Чур» (Т4₁), b'η' čur «Бенгю Чур (собств. имя, букв. – вечный Чур)» (E 57), $\text{J}\lambda$ č'b «слава, известность» (Тон.), $\text{I}\text{E}\text{Y}\text{I}\text{X}$ čolgi «степной» (Тон₂₃).

Внутри слова: $\text{N}\text{Y}\text{Y}\lambda\text{I}\text{X}$ t'ič'y 'r'n «доверенные мужи» (Т4₁), XX 'č'm (E 28₃) или $\text{X}\lambda\text{I}$ ič'm (E 6₂) «мой старший брат», $\text{N}\lambda\text{N}$ üc'n «для, ради» (E 53₃), $\text{X}\lambda\text{X}$ 'bč'm (E 66₁) или $\text{X}\lambda\text{X}$ 'bč'm (E 42₃) «моя жена», JY 'ča «родственник, родня» (E 41₁), $\text{X}\text{X}\text{Y}\text{E}$ 'g'č'mā «в отношении моей тетки»

В начале слова не встречается.

Внутри слова: **УХУ** **туһн** «Туган (собств. имя)» (Т 2₆), **УХУ** **оуһи** «его сын» (Т 2₆), **УХУХ** **оуһм'с** «он направился (в иной мир)» (Т 5₁), **УХУХУ** **и'у'у'у'у'и'd'm** «я воевал с врагами» (Е 45₁), **УХУ** **оуһп'т** «мой сын» (Е 42₁), **УХУ** **оуһи** (Е 44₁) или **УХУ** **оуһи** (Е 15₂) «его сын», **УХУ** **б'у'т** «мой удел (административная единица)» (Е 27₁), **УХУ** **қ'у'п** «каган, верховный правитель, главный хан» (Тон₃), **УХУ** **ј'у'и** «враг» (О₈). Ср. особое употребление буквы **У** **Х** в некоторых аффиксах: **УХУ** **а'б'с'уа** [abiscqa] «старик» (Е 50₁), **УХУХУ** **қ'ис'уа** [qisqa] «сжатый; короткий» (КЧ₂₃), **УХУХУХУ** **т'б'у'с'у'гу** [tabuacqaru] «по направлению к табчамам» (Х₃₃) и др.

В конце слова: **УХУХУ** **қутлуғ** «Кутлуг (собств. имя, букв. счастливый)» (Т 9₁), **УХУ** **нд'у** (Е 29₁), **УХУ** **п'т'у** (КТб₁), **УХУ** **п'т'у** (Тон₉) или **УХУ** **п'т'у** (Тон₂₉) «такой; таков; так», **УХУХУ** **т'тун'у** (Е 10₂) или **УХУХУ** **т'тун'у** (Е 3₂) «золоченый, украшенный золотом, с золотом», **УХУ** **д'у** «медведь» (Е 2₁), **УХУХУ** **с'г'у'у'п'т** «мое желтое золото» (Е 41₁), **УХУХУ** **с'г'у'у'п'т** «желтое золото» (Тон₄₈), **УХУ** **и'у** «сильный, крепкий» (О₅, Оа₂)³³.

В начале слова не встречается.

Внутри слова: **УХУХУ** **özügä** «для себя» (Т 9₁), **УХУ** **ögä** (Е 45₁) или **УХУ** **ögä** (Е 49₁) «1. мудрый, мудрец; 2. титул», **УХУХУ** **күнгә аз'd'm** «я потерял солнце (т.е. умер)» (Е 45₁), **УХУХУ** **билгә с'г'с'и** «Бильге Чигши (собств. имя)» (Е 13₁), **УХУХУ** **билгә** (О₁) или **УХУХУ** **билгә** (КТм₁) «мудрый». Ср. особое употребление буквы **У** в некоторых аффиксах: **УХУХУ** **ј'п'с'гә** [jinekä] «тонкий» (Тон₁₃), **УХУХУХУ** **бир'т'к'г'ү** [bertükärü] **с'қ'п'т'и** «он не думал отдавать» (КТб₁₀) и др.

В конце слова: **УХУХУ** **б'г с'ур** «Бег Чур (собств. имя)» (Т 3₁), **УХУ** **б'г** (Е 37₁) или **УХУ** **б'г** (Е 24₁) «правитель, бек, князь», **УХУ** **п'г** «пятьдесят» (Е 48₁), **УХУХУ** **ки'с'г** «немного» (КТм₁), **УХУХУ** **бил'г** «надпись» (Об₁).

NIAT q'Imiš «остался» (Т₁), **CTYOH** q'nsiz «без отца» (Е₆), **JAH^A**
 b'š q'ta «пять раз» (Е₅₃), **CT>H** qoI'm «моя рука» (Е₄₃), **CT'N** q'yn «каган,
 верховный правитель, главный хан» (КТМ₁), **CT** q'n «правитель, хан» (Тон₂).

Внутри слова: **CT>A** toq'z (Е₆₀) или **CTH>O** toq'z (O_n),
CTJND>CT'N t'q'yu jilqa «в год курицы» (МЧ₁₀).

В конце слова: **NIATJ** ul'tiq «мы соединили» (Т₉), **CT'N** qitq «со-
 рок» (Е₄₄), **H>** oq «стрела» (Е₄₃), **CT'N** it'q «далекий; далеко» (КТМ₂).

q при o, u

В начале слова: **CT>A** qoI' «его рука (десница)» (Е₆₉), **CT>D** qor «весь;
 совершенно» (КТМ₁₀), **DO>D** qut'j «название шелковой ткани» (КТМ₂).

Внутри слова: **CT>A** t'quz (Е₄₅), **CT>A** t'q'z (Е₅₉) или **CT>DO**
 t'quz (КТМ₂) «девять», **CT>J** buqa (Тон₆) или **CT>J** b'qa (Тон₆) «бык-
 производитель».

В конце слова: **CT>CT'N** j'um'd'q «не смог взять» (Т₈), **CTD** j'q (Е₉),
CT>D joq (Е₁₀) или **CT>D** joq (Е₄₈) «нет; отсутствующий», **CT>CT'N** t'd'q
 «священный» (Е₄₂), **CTM>CT>D** j'q bolti «он исчез (погиб)» (Тон₃), **CT>CT'N**
 t'q' «тоший, истощенный» (Тон₆), **CT>CT'N** j'q' «близкий; близко» (КТМ₂).

q при i

В начале слова: **CT>CT'N** qI' i' m (Тон₁) или **CT>CT'N** qI' i' m
 (O₄) «я уподобился в поступках, получил воспитание», **CT>CT'N** qidm'z
 q'rm'š «они не отпускали, не жертвовали (?)» (КТМ₂), **CT>CT'N** qiz'
 q'n'm «моя красная кровь» (Тон₅), **CT>CT'N** qitq'z q'ynca «от кыр-
 гызского кагана» (КТБ₅), **CT'N** qitq «сорок» (КТБ₁₅).

Внутри слова: **CTDYR** j'iqi «лошади (табун лошадей)» (Е₄₁),
CT'NCT'N kün b'ts' qitca «на запад, в сторону захода солнца» (КТМ₂),
CT>CT'N toyu b'iqda «при городе Тору» (КТБ₄).

В конце слова: **CT'N** qitq «сорок» (Е₄₅), **CT>CT'N** b'j b'iq «Бай-балык
 (город)» (МЧ₄).

В начале слова: **ᠵᠶᠢᠨ** *kizā* «отходя, странствуя» (Т 2₃),
ᠵᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *kök tānridā* (E 45₃) или **ᠵᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢᠨᠠ** *kök t'ṅridā*
 (E 53₃) «на голубом небе», **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *kiši* (E 6₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *kiši* (КТМ₃) или **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *kiši*
 (КТМ₃) «человек», **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *küñ* «рабыня» (КТМ₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *k'lti* «он пришел» (Оа₃).

Внутри слова: **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *iš'nkā* «его друзьям» (Т 1₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *'rkl'g* «мо-
 гущественный; властелин (бог)» (E 28₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *'r b'ṅküsi* «памятник
 герою» (E 27₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *il'm ök'ṅč'ṅā* «к печали (сожалению) моего
 племенного союза» (E 28₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *iki* (E 49₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *iki* (E 31₃) или **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *'ki* (E 16₃)
 «два». **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *kül'g čigši* «Кюлуҗ Чигши (собств. имя, букв. знамени-
 тый Чигши)» (E 24₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** **ᠵᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ** *t's'n b'ṅa t'kti'* «он водрузил
 (поставил мне свой камень)» (E 49₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *tikā b'rt'm* (E 48₃)
 или **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *t'kā b'rd'm* «я водрузил (памятник)», **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *'ki* «два» (Тон₃),
ᠶᠨᠢᠨᠠ *ük'ṅ* (Тон₃) или **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *ük'ṅ* «много» (КТМ₃).

В конце слова: **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *kök* «голубой» (E 45₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *kök t'ṅri* «го-
 лубое небо» (КТБ₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *türk q'n b'lb'li* «балбал тюркско-
 го хана» (E 32₁₀), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *türk bod'ṅ* «тюркский народ» (О₃),
ᠶᠨᠢᠨᠠ : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *'mg'k körti* «он испытывал мучения» (КТБ₃).

k' при ö, ü

В начале слова: **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *kü* «славный, именитый» (E 25₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *küs* «сила»
 (КТБ₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *küčl'g* «сильный» (Оа₃).

Внутри слова: **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *'gs'k'm j'q* «у меня нет недостатка» (E 44₃),
ᠶᠨᠢᠨᠠ : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *b'km'd'm* (E 7₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *b'km'd'm* (E 53₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ**
b'km'd'm (E 59₃) или **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *b'km'd'm* (E 14₃) «я не наслаждался»,
ᠶᠨᠢᠨᠠ : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *kök t'ṅridā* «на голубом небе» (E 10₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *j'g 'rd'k'm* «то, чем я был хорош» (E 24₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** : **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *öt'k'n j'is* «Отюкен-
 ская чернь» (КТМ₃), **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *'küš* (КТМ₃) или **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *'küš* (КТМ₃) «много; много-
 численный».

В конце слова: **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *b'd'k* (E 45₁₀) или **ᠶᠨᠢᠨᠠ** *b'd'k* (О₃) «большой».

В **Ж** **Ч** **М** öz^m 'k «я сам же» (Тон₆, ök – утвердительно-выделительная частица). **ᠲᠦᠨᠦᠨᠠᠭᠤᠨ** türk bodⁿ (КТМ₂) или **ᠲᠦᠨᠦᠨᠠᠭᠤᠨ** Bᠲᠦᠨᠠᠭᠤᠨ «тюркский народ» (МЧ₁₀). **ᠲᠦᠨᠠᠭᠤᠨ** : **ᠬᠠᠭᠠᠨ** türk q^γn «тюркский каган» (КТМ₃).

I

В начале слова: **ᠵᠢᠯᠠᠭᠢᠨᠵᠢᠯᠠ** l'γzīn jīl «год свиньи» (Ха₁₀), **ᠵᠢᠯᠠᠭᠢᠨᠵᠢᠯᠠ** l'γzīn jīlqa «в год свиньи» (МЧ₁₁).

Внутри слова: **ᠨᠢᠭᠠᠵᠤ** ul'tiq «мы соединили» (Т 9₂), **ᠬᠠᠵᠤ** 'liti «шесть» (Е 3₃), **ᠵᠠᠵᠤ** 'liti^mš «шестьдесят» (Е 1₁), **ᠵᠢᠯᠠ** 'lir «герой-стрелок» (Е 48₁), **ᠵᠢᠯᠠᠭᠢ** jīlqī (Е 11₁) или **ᠵᠢᠯᠠᠭᠢ** jīlqī (Е 41₁) «лошади», **ᠵᠠᠵᠤ** 'd'ri'l'tim (Е 27₃), **ᠵᠠᠵᠤ** 'd'ri'l'tim (Е 43₁) или **ᠵᠠᠵᠤ** 'd'ri'l'tim (Е 69₂) «я отделился (т.е. умер)», **ᠵᠠᠵᠤ** qol'm 'lir «с» «благодаря тому, что моя рука была меткой (букв. метким стрелком)» (Е 43₄), **ᠵᠠᠵᠤ** qolī «десница провидения (Неба)» (Е 69₂), **ᠵᠠᠵᠤ** 'lun «золото» (КТМ₂), **ᠵᠠᠵᠤ** qil'ᠳ'i'm «я получил воспитание» (Тон₁).

В конце слова: **ᠵᠠᠵᠤ** qol «рука» (Т 2₁), **ᠵᠠᠵᠤ** oγ'l b'rs «Огул Барс (собств. имя)» (Т 1₁), **ᠵᠠᠵᠤ** oγ'l «сын» (Т 3₁), **ᠵᠠᠵᠤ** q^γl'nyl «мужайся, будь твердым» (Е 11₂), **ᠵᠢᠯᠠ** jīl (Е 45₁) или **ᠵᠢᠯᠠ** jīl (Ха₁₀) «год». **ᠵᠠ** ol (Е 24₃), **ᠵᠠ** ol (КТМ₁) или **ᠵᠠ** ol (Тон₁₂) «тот», **ᠵᠠ** qul «раб, невольник» (КТб₂₁).

I'

В начале слова: **ᠵᠢᠯᠠᠭᠢᠨᠵᠢᠯᠠ** lü jīlqa «в год дракона» (Об₁₅), **ᠵᠢᠯᠠᠭᠢᠨᠵᠢᠯᠠ** lisün t'j s'ḥün «Лисун Тайсенгун (собств. имя)» (Ха₁₁).

Внутри слова: **ᠵᠢᠯᠠᠭᠢᠨᠵᠢᠯᠠ** inil'ri «его младшие братья» (Т 1₁), **ᠵᠠᠵᠤ** öltim «я умер» (Е 41₁), **ᠵᠠᠵᠤ** 'lda «в государстве» (Е 46₁), **ᠵᠠᠵᠤ** 'l'g « пятьдесят» (Е 48₁), **ᠵᠠᠵᠤ** b'l'g (Тон₁) или **ᠵᠠᠵᠤ** bil'g (КТМ₃) «знание».

В конце слова: **ᠵᠠ** 'l (Е 32_{9,10}, КТб₁) или **ᠵᠠ** il «племенной союз, государство» (Е 32_{8,9}, КТМ₄).

m (m, m')

Варианты m и m' графически не различаются.

В начале слова: **𐰇** » m'n (E 28₂) или **𐰇** » m'n (X_{30,31}) «Я». **𐰇𐰏** » m'nq «мне» (X₃₀). **𐰇𐰏** » m'γ «слава, хвала (?)» (Xa₁₅). **𐰇𐰏** » mi «ли (вопросительная частица)» (Ton₁).

Внутри слова: **𐰇𐰏𐰏** j'zm'z «не ошибается. не дает промаха» (T 2₁). **𐰇𐰏𐰏𐰏** qalmis «он остался» (T 1₂). **𐰇𐰏𐰏𐰏** j'itm's «семьдесят (E 41₉), **𐰇𐰏𐰏𐰏** 'gm'c «супруга (?)» (E 41₁). **𐰇𐰏𐰏𐰏** 'r'rd'mim (E 41₁). **𐰇𐰏𐰏𐰏** 'r'rd'm'm (E 2₁) «моя героическая доблесть». **𐰇𐰏𐰏𐰏**:**𐰇𐰏𐰏** » **𐰇𐰏𐰏** il'g uj'mya 'd'r'lt'm «от моих пятидесяти родственников я отделился» (E 15₂). **𐰇𐰏𐰏** j'itm's «шестьдесят (E 1₁), **𐰇𐰏𐰏** h9 j'itm's (E 49₂). **𐰇𐰏𐰏** h9 j'itm's (E 45₂) или **𐰇𐰏𐰏** h9 j'itm's (O₁) «семьдесят». **𐰇𐰏𐰏** kum'c «серебро» (KTm₁). **𐰇𐰏** | s'm'z (Ton₁) или **𐰇𐰏** | s'm'z (Ton₁) «жирный, упитанный».

В конце слова: **𐰇𐰏** 'i'm «меткий стрелок» (T 2₁; ср. atim «меткий; стрелок» по Махмуду Кашгарскому). **𐰇𐰏** 'r'it'm (T 2₁) или **𐰇𐰏** 'r'it'm (T 1₁) «мое героическое имя». **𐰇𐰏** 'd'r'lt'm «я отделился» (E 3₁). **𐰇𐰏** q'n'm «мой хан» (E 10₁). **𐰇𐰏** b'km'd'm (E 11₂). **𐰇𐰏** b'km'd'm (E 14₁) или **𐰇𐰏** b'km'd'm (E 59₁) «я не наслаждался». **𐰇𐰏** j'rl'd'm «я сделал местожительством. населил, обжил» (E 24₁). **𐰇𐰏** öz'm «я сам» (Ton₁). **𐰇𐰏** q'il'at'm «я получил воспитание» (O₁).

п

В начале слова не встречается.

Внутри слова: **𐰇𐰏𐰏** oγ'p'n «с его сыном» (T 9₁). **𐰇𐰏** 'pa «мать» (E 41₁). **𐰇𐰏** in'p'cu (E 26₁) или **𐰇𐰏** in'p'cu (E 29₁) «Винанчу (собств. имя)». **𐰇𐰏** j'pa «снова, опять» (Ton₁). **𐰇𐰏** 'ni «Аны (название реки)» (Ton₁).

В конце слова: **𐰇𐰏** otuz oγ'p'n «тридцать огланов-пажей» (T 10₁). **𐰇𐰏** udun «Удун (собств. имя)» (T 1₁). **𐰇𐰏** op «десять» (E 29₁). **𐰇𐰏** 'ltun (E 25₁). **𐰇𐰏** 'ltun (E 11₁) или **𐰇𐰏** altun (KTm₁) «золото». **𐰇𐰏** juz j's'j'n «жить бы мне сто (лет)» (E 36₁). **𐰇𐰏** s'b'm'n (KTm₁) или **𐰇𐰏** s'b'm'n (KTm₁) «мою речь (винительный падеж)». **𐰇𐰏** süciq s'b'n j'm's'q 'γn 'r'p «соблазняя сладкой ре-

-η (η, η')

Варианты η и η' графически не различаются.

В начале слова не встречается.

Внутри слова: ἸἸἸἸ ἰḥgi (E 69₂), ἸἸἸἸ ἰḥgi (E 3₂) или ἸἸἸἸ ἰḥgi (КТМ₀) «1. небо; 2. бог, божество; 3. божественный», ἸἸἸἸ suḥa «утка (?)» (E 28₀), ḪḪḪḪ qḥsiz «без отца, не имеющий отца» (E 6₁), ḪḪḪḪ sḥun (E 12₁), ḪḪḪḪ sḥun (E 7₁) или ḪḪḪḪ sḥun (E 48₁) «сангун, военачальник», ἸἸἸἸ bḥa (Тон₃₁), ḪḪḪḪ qḥ'm «мой отец» (КТБ₁₁), ἸἸἸἸ oḥā «вперед (на востоке)» (Тон₁).

В конце слова: ἸἸἸἸ s'niḥ (Т 8₁), ḪḪḪḪ buḥ (E 7₁), ḪḪḪḪ buḥ (E 10₁₁) или ἸἸḪḪ buḥ (КТМ₁) «печаль, скорбь», ἸἸḪḪ biḥ (E 45₃), ἸḪḪḪ bḥ (E 41₁), ἸḪḪḪ biḥ (E 3₃), ἸḪḪḪ biḥ (Тон₁₄) или ἸἸḪḪ biḥ (Тон₁₈) «тысяча», ἸḪḪḪ küḥ «рабыня, невольница» (КТМ₀).

р (р, р')

Варианты р и р' графически не различаются. Исключение, кажется, представляют единичные знаки Ḫ и Ḫ' для звука р твердого слова в енисейских памятниках № 7 и № 45.

В начале слова (в исключительных случаях): ḪḪḪḪ riḥin «обезьяна» (Т 2₁), ḪḪḪḪ ruḥ'm «Византия» (КТБ₄, X₁).

Внутри слова: ἸἸḪḪḪ külüg 'pa «Кюлуг-Апа (собственное имя)» (E 20₂), ἸḪḪḪ 'pḥma «по отношению к моей старшей родственнице» (E 6₂), ḪḪḪḪ:ḪḪḪḪ 'l'mā ἰ'p'd'm «я служил моему государству» (E 46₂), ḪḪḪḪ ἰ'g'pḥ «налав» (E 28₂), ἸḪḪḪḪ bḥ 'pa «Бай-Апа» (собств. имя, С. Е. Малов²⁰ приводит сомнительное чтение Вајпа) (E 7₁). Енисейский знак Ḫ и, по-видимому, его графический вариант Ḫ' р (E 45₂, см. ниже) можно сопоставить со знаками ḪḪ op. ip в рунических рукописях из Восточного Туркестана²¹.

В конце слова: ἸḪ 'pḥ «меткий, стрелок, герой» (E 28₂), ἸḪḪḪḪ ἰ'zgin'p «обоидя вокруг» (E 32₁₁), ἸḪḪḪ kḥ'p «придя» (E 38₁), ḪḪḪḪ:ḪḪḪḪ:ḪḪḪḪ:ḪḪḪḪ:ḪḪḪḪ:ḪḪḪḪ:ḪḪḪḪ:ḪḪḪḪ:ḪḪḪḪ

»»А Ј>Ј: ЈѠ'А:Х»»А:Д:Х>А>:Д)А(АА:Х>Ј>Ј:АМ/АМ' biš jaš'mta q'ηsiz q'l p t'quz jigirmi jaš'mya ögsüz bolup q'ti'γ'p'p otuz jaš'my' oga boltum (E 45_{2,3})

«Оставшись без отца в пять лет, лишившись матери (став без матери. сиротой) к девятнадцати годам и возмужав, я к тридцати годам стал должностным лицом (букв. мудрым)».

г

В начале слова не встречается.

Внутри слова: ҮГОЈҘ d'rlmīs (Т4) или ХҚЈҘ d'rlm's (Т2₃) «он отделился (т.е. умер)», ҚҮГН qıg (E 45₃), НҮГН qıg (E 44₆), НҮГН qıg (E – Уйбат VI₂) или НҮГД qıg (КТ6_{1,2}) «сорок», ҘҮ b'rs «тигр, барс» (E 28₃), »»Ү b'g'm'm «мой скот» (E 10₁₀), НҮГ и'q «далекний; далеко» (КТМ₅), ↓Ү>Ҙ tu'q «тоший, истощенный» (Тон₂).

В конце слова: Ү>А ėur «Чур (собственное имя. титул)» (Т4₁), Ҙ>А<Н b'g ėur «Бег Чур (собственное имя)» (Т3₂), Н>М q'd'r (E 19₁) или ЧГ>Н q'd'ir (E 27₂), «суровый, жестокий», Ү> b'r (E 20), Ү> b'r (КТМ₄) или Ү> b'r (Тон_{1,2}) «есть, имеется», Ч>Н:Ч>Ч> ol'gur 'rt'm'z «мы осели (избрали местожительством, пребывали)» (Тон₁), 1>Ү:Ү>Ҙ>Д j'yutir 'rm's «он приближал к себе» (КТМ₃).

г'

В начале слова не встречается.

Внутри слова: ГҮҮГГГ inil'ri «его младшие братья» (Т1₃), ГҮГГГ t'ηri (E 3₂), ГҮГГГ t'ηri (E 1₂), ГҮГГГ t'ηri (E 69₂) или ГҮГГГ t'ηri (Тон₂) «1. небо; 2. бог, божество; 3. божественный», ГҮГГГ böri «волк» (E 28₃), ГҮГГГ ilg'ru «вперед на восток» (КТМ₃), ГҮГГГ k'srā (O₁) или ГҮГГГ k'srā (КТ6₁) после».

В конце слова: Г'г «муж, мужчина; герой» (Т1₁; E 3₆; КТ6₁₃), ГГГ bir (E 45₃) или ГГГ bir (КТМ₆) «один».

В начале слова: $\Gamma\Lambda\Gamma\Xi\chi\Upsilon$ s'ydiči «его верный друг» (Т 10), $\Gamma\Upsilon\Lambda\Gamma\Xi\chi\Gamma$ s'ydiči'rti «его верные друзья» (Т 2), $\gg\gg\Upsilon':\gg\Upsilon\Phi$ jir'm subum «моя земля, моя вода (т. е. моя страна)» (Е 45), $\gg\gg\Upsilon$ s'ηun (Е 12), $\gg\gg\Upsilon$ s'ηun (Е 7) или $\gg\gg\Upsilon$ s'ηun (Е 48) «сангун, военачальник»,

$\Phi\chi\Gamma\Gamma\Lambda\Gamma\Upsilon\Upsilon:\Gamma\chi\Upsilon:\Phi\chi\Upsilon$ b'qiri buηsiz 'rti q'ra s'cin tag «денег у него было без числа, как черных волос» (Е 26), $\gg\Upsilon\Gamma\Lambda$ s'm s'η'rt'm «мои друзья-товарищи, сподвижники, собратья» (Е 41), $\gg\Upsilon\Gamma:\Phi\chi\Upsilon$ s'g'y'li'p'm «мое желтое золото» (Е 41), $\gg\gg\Upsilon\Upsilon\Upsilon$ s'g'y'li'p «желтое золото» (Тон₃₃), $\Gamma\gg\gg\Upsilon$ s'ηēdī «он заколол (сразил)» (КТб₃₃), $\Upsilon\gg\gg\gg\Upsilon$ s'ncd'm'z «мы закололи (сразили)» (Тон₂₈), $\gg\gg\gg\Upsilon$ s'ηēd'm «я поразил, сразил» (МЧ₁₈), $\Upsilon\Upsilon\Upsilon\Upsilon\Upsilon$ jir sub «местность, страна (букв. земля и вода)» (КТб₁₉), $\Gamma\gg\Upsilon$ subī «их вода» (МЧ₇), $\Gamma\gg\gg\Gamma:\gg\gg\Upsilon$ s'b'm'p sim'dī «они не исказили моей речи» (КТм₁₁), $\Gamma\chi:\Gamma:\Gamma\Gamma\Gamma$ ol s'b'y'z d p «улышав те слова» (Тон₁₇), $\gg\gg\Upsilon$ s'q'nt'm (Тон₇) или $\gg\gg\Upsilon$ s'q'nt'm (Тон₆) «я думал, размышлял», $\Gamma\chi\Upsilon$ s'q'p'p «подумав, задумав» (МЧ₁₁).

Внутри слова: $\Gamma\Upsilon\Lambda$ 'p'si «его отец» (Т 2), $\Upsilon\chi\chi$ 'suγ «польза, выгода» (Т 3), $\Phi\chi\Upsilon\Phi\chi$ q'ηsiz «без отца» (Е 6), $\Phi\chi\Upsilon\gg\gg\Upsilon$ buηsuz «без печали» (Е 7), $\Gamma\Gamma\Lambda\Gamma$ acs'q «голол, состояние голода» (КТм₉), $\gg\gg\gg\Gamma\chi\Gamma\Gamma$ q'y'p qīsd'm «я возвел каганом» (Тон₆), $\Gamma\gg\Gamma$ b'sm's (O₁) или $\Upsilon\gg\Upsilon$ b'sm's (МЧ₂₄) «он напал, подавил», $\Gamma\Upsilon\Phi$ j'si «плоский» (МЧ₂₁).

В конце слова встречается редко: $\Upsilon\Upsilon\Gamma\Gamma\chi\chi\gg$ oγ'l b'rs «Огул Барс (собств. имя)» (Т 1), $\Upsilon\Upsilon\Upsilon\Gamma\Upsilon$ küč b'rs «Кюч Барс (собств. имя)» (Е 14), $\Upsilon\Upsilon\Upsilon$ b'rs «барс, тигр» (Е 28), $\Upsilon\Upsilon\Upsilon$ b'rs «Барс (собств. имя)» (КТб₂₀), $\Gamma\chi\Gamma\Gamma:\Upsilon\Upsilon\Upsilon$ b'rs jīlqa «в год тигра» (МЧ₁₉).

В начале слова: Γ sū (Т 10), Γ su (Е 26) или Γ sū (X₂₂) «войско, военный отряд», $\Phi\Gamma\Gamma$ s'kiz «восемь» (Е 11₁₀), Γ s'p «ты» (КТм₈), $\Upsilon\gg\gg$ s'm'z «жирный, упитанный» (Тон₆).

Внутри слова: XNM | süsiz «без войска» (Т 9₁), MxJ *sizā (Т 1₁), JXIS ās'zā (Е 42₇), JX | 's'zā (Е 51₄) или X | 's'z (Е 53₁) «увы, как жаль», NM YX bāḡusü «его памятник» (Е 9₁), NM YX ḡ b'ḡküsi «памятник герою» (Е 27₁), JYI ḡ k'srā (O₁) или JYI ḡ kisrā (КТб₄) «после».

В конце слова общетюркский s' встречается редко (например, глагол kes – «резать, отрезать, разрезать» в руническом рукописном тексте «Ырк битиг» из Дуньхуана). ср. в словаре Махмуда Кашгарского es – «добыча хищных животных и птиц», es – «дуть», kes «кусок, часть», kes – «резать», küs – «обижаться», ters– «сложный, трудный» и др. Случаи же предполагаемого перехода s' > s' в конце слова (ср. употребление звука š' в конце слова) малоубедительны, т.к. знак | был полифонным и употреблялся в орхоно-енисейских надписях для передачи звуков s, s', š, š'.

š

В начале слова встречается очень редко: JH CH J A A J J š'b š'tun t'ḡ'n «прославленный Шатун-тархан» (Е 30₁), Mh JH M D Y J C Y š'ntuḡ j'z'iqā t'g'i «до Шантунгской равнины (китайск. Шаньдун, šan-toḡ)» (КТМ₁), JY š'd (КТб₁₇), JY š'd (МЧ₁₉), JY š'd (Тон₁), JY š'd (Тон₃₁), JY š'd (O₁) или J | š'd (O₁) «шал (высший титул после хана)».

Внутри слова: JH D A t'sru «вовне, снаружи» (Е 41₁), M A J Y ḡ b'ḡsi «предводитель воинов (мужей, героев)» (Е 48₁), J B A D : X A A toq'z j'sda «в возрасте девяти лет» (Е 60₂), M D Y D C M Y jüz j's'j'n «жить бы мне сто (лет)» (Е 36₁), J A B A q'd's'm «мои родственники (родичи)» (Е 3₁), J J Y B H q'd's'ma «по отношению к моим родственникам» (Е 10₁₂), X H B ḡd's'ḡ'z «ваши товарищи, приятели» (Е 26₁₀), M Y J Y j'mš'q «мягкий, нежный» (КТМ₅), M A H : J B Y C J B I ḡda t'sda q'l'm'si «оставшиеся в зарослях и скалах» (Тон₄), J Y J C t'b's'ḡ'n «заяц» (Тон₈), : C H J I D : M Y J C : M Y I J : J B J

C H B Y : C O : C H I Q : M Y C H J A J : J Y C H bod'n boyzī t'q 'rti j'm'z t'ḡ'rā oḡuq t'ḡ'rti biz 's'y 'rt'm'z³⁹ «Горло народа было сыто. Наши враги вокруг представляли очаги, мы (же) отворачивались от пиши» (Тон₄)

В конце слова: ᠶᠣᠯᠠᠮᠢᠰ 'd'rlm's «он отделился» (Т 2₃), ᠶᠤᠸᠠᠭᠤᠰ ayuᠰ «Агуш (собств. имя)» (Т 10₁), ᠠᠨᠳᠢ j'z «молодой» (Е 28₆), ᠠᠨᠵᠢᠮᠢᠰ 'l'm's (Е 1₁) или ᠠᠨᠵᠢᠮᠢᠰ 'l'mi's (Е 26₁₀) «шестьдесят», ᠠᠯᠢ > oγ's «род, племя» (Е 5₁), ᠠᠯᠰ taš «внешний» (Е 45₁), ᠪᠡᠰᠢᠰᠠ b's-sa «старший родственник» (Е 41₁), ᠬᠠᠷᠠᠭᠢᠰ 'rqi's «караван» (Е 49₃), ᠶᠢᠷᠬᠢᠰ : ᠶᠢᠷᠬᠢ 'irk's «караван» (КТМ₂), ᠶᠢᠷᠭᠢᠰ j'i's «нагорье, чернь» (КТМ₁), ᠶᠢᠷᠳᠤᠰ : ᠶᠢᠷᠳᠤᠰ t'rdus b'gl'r «тардушские правители» (Ха₁), ᠶᠢᠷᠳᠤᠰ : ᠶᠢᠷᠳᠤᠰ t'rdus s'd «тардушский шад» (Тон₁).

ᠰ'

В начале слова не встречается.

Внутри слова: ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ i's'nk'a «его друзьям» (Т 1₁), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ a's'm (Е 41₂), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ a's'm (Е 41₁) или ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ a's'm (Е 2₁) «мой друг, сподвижник», ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ 'dgu i's'η'z «ваши хорошие друзья» (Е 26₁₀), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ i's'd (Е 24₁) или ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ i's'id (КТМ₂) «слушайте», ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ ki'si (Е 6₁), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ ki'si (КТМ₁) или ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ ki'si (КТМ₁) «человек».

В конце слова: ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ j'tmi's (Е 49₂) или ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ j'tm's (O₁) «семьдесят», ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ b's (Е 53₂), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ bi's (Е 45₂), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ bi's (КТБ₁₀), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ bi's (Ха₁₁), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ b's (O₁) или ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ b's (Тон₄₀) «пять», ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ j'oq 'tm's «не было» (Е 9₁), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ oη'rm's «было десять» (Е 60₁), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ tm's (КТМ₁) или ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ tm's (КТМ₂) «он был», ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ 'kūs (КТМ₁), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ 'kūs (КТМ₂) или ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ 'kūs (Тон₃₀) «много; многочисленный», ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ kūm's (КТМ₂), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ kūm's (Ха₁) или ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ kūm's (Тон₄₈).

ᠠ

В начале слова: ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ tuγn «Туган (собств. имя)» (Т 2₆), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ t'quz (Е 45₂), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ t'oq'z (Е 59₁), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ t'oq'z (O₆) или ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ t'oq'z (КТМ₂) «девять», ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ t'by'čqa «к табгачам (китайцам)» (O₂) или ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ t'by'čda «от табгачей (китайцев)» (O₂), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ tuγ «преграда, (снежный) завал» (Тон₂₆), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ tuγ'q «тощий, истощенный» (Тон₈), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ : ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ torl'γ'li uč'z 'tm's «собрать (воедино) легко» (Тон₁₃), ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ : ᠶᠢᠰᠨᠠᠮᠢᠰ

torlaɣulʷq 'lɾ 'rɱ's̄ «собрать (воедино) трудно» (Тон₁₃), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ «слушай(те), внимай(те)» (КТм₂).

Внутри слова: ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Т 2), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Т 10), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 45), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 15) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (КТб₄₂) «тридцать». ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ «мое геройское имя» (Е 42), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 28), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 28) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 28) «увы». ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 25) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (КТм₃) «золото». ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (КТм₃, КТб₆) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (О) «1. настоящий, теперешний; 2. теперь. сейчас».

В конце слова: ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ «лошадь» (Е 45), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 41) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (КТб₁₃) «лошадь, конь», ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ «год собаки» (Ха₁₀), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ от «огонь» (КТб₂₇), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ «дурной и негодный» (О).

Г

В начале слова: ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 1), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 3), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (КТм₆) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Тон₂) «1. небо; 2. бог, божество; 3. божественный», ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ «до, вплоть до» (КТм₄).

Внутри слова: ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 11), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Тон₄), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (КТб₁₃) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Ха₁₀) «семь», ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (КТм₁₃) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Об₁) «надпись».

В конце слова: ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ «дар» (Т 5; ср. bert «подать с раба» по Махмуду Кашгарскому), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ «Озют Угды (собств. имя)» (Е 42), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 28), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 20) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (КТб₂) «четыре».

z (z, z')

Варианты z и z' графически не различаются.

В начале слова не встречается.

Внутри слова: ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Т 2) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Т 2) «не ошибается, не дает промаха», ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Т 4) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 42) «увы, как жаль, к сожалению», ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 3), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 41) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 41) «увы, как мне жаль», ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 46), ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 45) или ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ (Е 50) «увы, как мне жаль», ᵚᵚᵚᵚ ᵚᵚᵚᵚ

azd'm (E 45₃) или $\gg\gg\mathfrak{F}$ 'zd'm (E 11₁) «я потерял, отбился (заблудился)»,
 $\gg\mathfrak{A})\mathfrak{X}\mathfrak{H}$ q'zy'nt'm (E 27₃) или $\gg\mathfrak{E}(\mathfrak{I}'\mathfrak{F}$ n q'zy'nd'm (E 11₃) «я приобрел»,
 $\Gamma\mathfrak{H}D$ j'zi «степь, равнина» (КТМ₇), $\mathfrak{J}\mathfrak{H}\mathfrak{M}$ qiz'l «красный» (Тон₅),
 $\mathfrak{J}\mathfrak{H}\mathfrak{M}$ ūzā (КТБ₁) или $\mathfrak{J}\mathfrak{H}\mathfrak{M}$ uzā (O₁) «вверх, наверху».

В конце слова: $\mathfrak{F}\gg\mathfrak{A}$ otuz (T 2₁), $\mathfrak{P}\gg\mathfrak{A}\gg$ otuz (T 10₁), $\mathfrak{Z}\gg\mathfrak{A}\gg$ otuz (E 49₁), $\mathfrak{P}\gg\mathfrak{A}\gg$ otuz (E 45₁), $\mathfrak{F}\mathfrak{A}\gg$ otuz (E 15₁), $\mathfrak{H}\mathfrak{D}\gg$ ot'z (КТБ₃₂) или $\mathfrak{H}\mathfrak{D}\gg$ ot'z (МЧ₁) «тридцать», $\mathfrak{X}\mathfrak{M}\mathfrak{Q}$ jūz (E 49₁), $\mathfrak{X}\mathfrak{M}\mathfrak{Q}$ jūz (E 45₁), $\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{Q}$ jūz (КТБ₁₁) или $\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{Q}$ jūz (Тон₁) «сто», $\mathfrak{Z}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$ s'k'z (E 41₁), $\mathfrak{X}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$ s'k'z (E 13₁), $\mathfrak{F}\mathfrak{I}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$ s'kiz (E 11₁), $\mathfrak{H}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$ s'k'z (Ха₁) или $\mathfrak{H}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$ s'k'z (МЧ₁₁) «восемь», $\mathfrak{H}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$ s'm'z «жирный, упитанный» (Тон₃), $\mathfrak{H}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$ s'm'z «мало, немного» (O₁), $\mathfrak{H}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$ b'z «мы» (O₁).

II. P't'

Звукосочетание lt в орхоно-енисейских надписях может обозначаться особым знаком $\mathfrak{M}$, вместо сочетания знаков для l и t. Знак $\mathfrak{M}$ в енисейской рунике передавал звукосочетания lt и l't', однако употреблялся редко (памятники № 40 и № 41).

В начале слова звукосочетания lt, l't' не встречаются.

Внутри слова: $\mathfrak{A}\gg\mathfrak{M}$ 'ltm's «шестьдесят» (E 41₁), $\mathfrak{X}\mathfrak{P}\mathfrak{M}$ 'lti j'z «шестьсот» (E 41₁), $\mathfrak{X}\mathfrak{M}\mathfrak{Y}\mathfrak{P}$ j'ri'lt'm «я разлучился (букв. откололся)» (E 41₁), $\mathfrak{J}\gg\mathfrak{M}$ 'ltup «золото» (E 40), $\mathfrak{X}\mathfrak{J}\mathfrak{M}$ 'lt'et'm s'g'γ'lt'm «мое желтое золото» (E 41₁), $\mathfrak{M}\mathfrak{M}\mathfrak{Y}\mathfrak{J}$ bol'lt «стал» (КТБ₁), $\mathfrak{M}\mathfrak{M}\mathfrak{Y}\mathfrak{J}\mathfrak{D}$ j'q bol'lt «он исчез (погиб)» (Тон₃), $\mathfrak{X}\mathfrak{M}$ 'lt'm «я взял, захватил» (Oa₁), $\mathfrak{H}\mathfrak{D}\mathfrak{Y}\mathfrak{I}$: $\mathfrak{M}\mathfrak{M}$ 'lti ot'z «двадцать шесть» (МЧ₁), $\mathfrak{J}\mathfrak{H}\mathfrak{M}\mathfrak{D}\mathfrak{M}$ 'lt' j'ηiqa «в шестой день (новолуния)» (МЧ₁).

В конце слова звукосочетание lt в рунических текстах не зафиксировано. Звукосочетание l't' передавалось сочетанием знаков для l' и t'. Например: $\mathfrak{H}\mathfrak{Y}$ 'lt «веди» (Тон₁₂).

III. n't'

Звукосочетания nt и n't' имеют специальное обозначение (призносительные варианты графически не различаются), наряду с которым могут употребляться сочетания соответствующих букв.

В начале слова звукосочетания nt, nt' не встречаются.

Внутри слова: 𐌲𐌾𐌰𐌹 ōz'ntā «от него самого» (Т 1₁), 𐌲𐌾𐌰𐌹𐌸 tūrg'as 'l'ōnt' «внутри гюргешского государства» (Е 37₁), 𐌲𐌾𐌰𐌹' nnt' «связанный клятвой; верный, преданный» (Е 11₁), 𐌲𐌾𐌰' nta (Е 11_{1n}) или 𐌲𐌾𐌰' nta (МЧ_{1n}) «там; тогда», 𐌲𐌾𐌰' nnt'γ (КТб₄) или 𐌲𐌾𐌰' nnt'γ (Тон₉) «такой; таков; так», 𐌲𐌾𐌰' nntā bod'ntā ūzā «над народом» (КТб₂₆), 𐌲𐌾𐌰' nnt' q'nt'n «откуда» (КТб₂₃), 𐌲𐌾𐌰' nnt' b's'lyj'j'k'nt'rim's «имеющих головы они заставили склонить (головы)» (КТб₂), 𐌲𐌾𐌰' nnt' k'nt'ū «сам» (КТб₂₃), 𐌲𐌾𐌰' nnt' q'z'γ'nt' (КЧ₁₆) или 𐌲𐌾𐌰' nnt' q'z'γ'nt' (КЧ₁₅) «он приобрел», 𐌲𐌾𐌰' nnt' t'sd'nt'n «извне» (МЧ₂₂), 𐌲𐌾𐌰' nnt' q'il'nt'm «я получил воспитание» (О₁).

В конце слова: 𐌲𐌾𐌰' nnt' junt «лошадь» (МЧ_{48 49}).

nt. n' c'

Звукосочетания nt и nt' обозначаются на письме одинаково, независимо от произносительных вариантов. Иных приемов передачи данных звукосочетаний не обнаружено.

В начале слова звукосочетания nt, nt' не встречаются.

Внутри слова: 𐌲𐌾𐌰' nnt' ōk'nt'lūg «достойно сожаления» (Е 8₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' qunc'j'm (Е 3₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' qunc'uj'm (Е 1₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' qunc'j'm (Е 13₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' qunc'j'm (Е 46₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' qunc'j'm (Е 25₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' qunc'j'm (Е 6₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' q'nt'j'm (Е 59₁) «моя госпожа (принцесса), моя знатная дама»⁴⁰, 𐌲𐌾𐌰' nnt' siη'l'm qunc'ujuj' birt'm'z «мы выдали (за него) мою младшую сестру-принцессу» (КТб₂₀), 𐌲𐌾𐌰' nnt' il'm ōk'nt'ñā «к печали (сожалению) моего народа (государства)» (Е 28₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' s'nt'cdi «он заколол (сразил)» (КТб₁₅), 𐌲𐌾𐌰' nnt' s'nt'ca «столько, (так много)» (Е 25₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' s'nt'ca «так, таким образом» (КТб₁₁, Тон₁₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' bun'ca «столько» (КТб₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' j'nt'gā «тонкий» (Тон₁₄), 𐌲𐌾𐌰' nnt' z'üm 'ram tōrusin'cā «по установлениям моих предков» (КТб₁₂).

В конце слова: 𐌲𐌾𐌰' nnt' aq'nt' «набег, вторжение (?)» (Е 2₁), 𐌲𐌾𐌰' nnt' toq'z'nt' «девятый» (КТ – угловая строка Ш), 𐌲𐌾𐌰' nnt' z'nt' «возможный; можно» (Тон₁₄), 𐌲𐌾𐌰' nnt' 'siz 'rin'c' «увы, как жаль» (Е 45₁ – употреблено дважды в

одной строке)¹. $\text{P}\text{Z}\text{Y}\times\text{B}\text{K}:$ <JYЭ j'g 'td'k'm ol t'nc «то, чем я был хорош, по существу, таково» (E 24₃). $\text{Z}\text{Y}\text{I}\text{B}\text{Y}\text{H}\text{J}\text{S}\text{D}:\text{Z}\text{Y}\text{H}\text{I}\text{E}\text{Y}\text{I}\text{R}$ bil'gs'z 'tinc j'bl'q 'tm's 'rnc «(они) по существу, невежественными, дурными. по существу, были» (KT₅). $\text{Z}\text{Y}\text{I}\text{B}\text{H}\text{J}:\text{I}\text{Y}\text{H}$ t'ni 'nca t'm's 'rnc «Небо, по существу, сказало так...» (Тон₁). $\text{Z}\text{H}\text{I}\text{R}$ j'inc (KT6₄₅) или $\text{Z}\text{I}\text{H}\text{R}$ j'tinc (Oa₁) «седьмой»

rt

Особый знак D , представленный один раз в тексте памятника Тоньюкука и дважды в енисейских надписях, передавал, по всей вероятности, звуко-сочетание rt в конце слова (данное звуко сочетание встречается внутри и в конце слова и обычно обозначается сочетанием знаков для r и t) $\text{H}\text{B}\text{Z}\text{Y}:\text{D}\text{C}\text{J}\text{I}$ ib'r 'n 'sd'm'z «Мы перевалили через горный перевал Ыбар»² (Тон_ж); $\text{Y}\text{A}\text{W}\text{H}\text{A}\text{D}\text{B}\text{A}\text{Y}$ r 'tim j's q'rt b'n «мое геройское имя – Ян Карт (Молодой Язвительный)» (E 2₁), ср. у Махмуда Кашгарского قَرَت qarṭ «рана, язва», قَرَتِ اَر qarṭ er «человек с дурным характером (язва)»; $\text{D}\text{I}\text{H}\text{W}\text{H}:$ BAY r 'tm q'rt 'tiq «мое геройское имя – Карт Атык (Язвительный Атык)» (E 49₁).

¹ Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 11.

² Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962, с. 50.

³ Гласный звук e представляет собой, по-видимому, более узкий или закрытый вариант широкой гласной фонемы a[e], т. е. звук средний между a и i. Он встречается, как полагают, только в первом (корневом) слоге.

⁴ Можно предположить, что звуки d и ḍ в древнетюркском языке употреблялись как варианты одной фонемы и не противопоставлялись друг другу.

⁵ Транскрипционным знаком ñ обозначается смягченный, палатализованный вариант фонемы п внутри или в конце слова (звук средний между переднеязычным смычно-носовым п и среднеязычным щелевым j), в отличие от обычного мягкого, палатального варианта фонемы п (p')

⁶ Ср. Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тупинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 54: «Согласный звук, входящий в состав слога, образованного при помощи гласного переднего ряда, произносится значительно мягче того звука, который входит в состав слога, образованного при помощи гласного заднего ряда. Однако «мягкость» такого смягченного согласного в тюркских языках

не достигает той степени «мягкости», которую имеют «мягкие» согласные, например, в русском языке».

¹ Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. ИИЛ, М., 1955, с. 119; Баскаков Н. А. Структура слога в тюркских языках. Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I. Фонетика, М., 1955, с. 334; Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, с. 41; Айляров Ш. С. О некоторых вопросах фонетики современного турецкого литературного языка. Сборник «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, с. 28–29.

² Thomsen V. Une lettre me'connue des inscriptions de l'e'nissei. "Journal de la Societe Finno-Ougrienne", XXX, Helsingfors, 1916, pp. 1–9.

³ Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon dechiffrees. "Memoires de la Societe' Finno-Ougrienne", V, Helsingfors, 1896, pp. 14–16; Radloff W. Altürkische Studien, V. Die alttürkische Dialekte. «Известия АН», СПб., 1911, с. 428.

⁴ Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисейка, с. 45–50; Батманов И. А. Следы говоров в языке памятников орхоно-енисейской письменности. Сб. «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964, с. 118–119; И. А. Батманов. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Сб. «Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках», Фрунзе, 1971, с. 12–13. 24–25.

⁵ Шербак А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения «Тюркологический сборник, 1970», М., 1970, с. 130.

⁶ Сp. Крамскы I. Über der Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den ural-altaischen Sprachen. "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", CVI, 1, Leipsig-Wiesbaden, 1956, S. 126.

⁷ Кобешавидзе И. Н. К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей. «Советская тюркология». (Баку), 1972, № 2, с. 42.

⁸ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1897. SS. 32, 33.

⁹ Thomsen V. Inscriptions de l'Orchon de'chiffre'es, p. 190; V. Thomsen L'alphabet runiforme turc. Samlede Afhandlinger, III, Kobenhavn, 1922, pp. 44, 49.

¹⁰ Сp. Шербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 95: «В словах уд- «слать» и од «время» в древнетюркском языке д выступает только графически, или, по крайней мере, является одной из диалектных реализаций межзубного δ».

¹¹ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F., s. 32.

¹² Батманов И. А. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках, с. 20.

¹³ Thomsen V. L'alphabet runiforme turc, p. 61; T. Tekin. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968, pp. 24, 25.

¹⁴ Bazin L. Le problème des consonnes gémées en turc ancien (avant

l'introduction des caractères arabes). "Rocznik Orientalistyczny", t. XXXI, 1, pp. 65-70; Текин Т. А. Grammar of Orkhon Turkic, pp. 47-48.

²¹ Ср. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 122.

²² Bang W. Turcica. "Mitteilungen der Vorderasiatische Gesellschaft", Jahrgang 1916, Leipzig, 1917, SS. 288-289.

²³ Ramstedt G. J., Granö J. G. und Pentti Aalto. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. "Journal de la Socié'te' Finno-Jugrienne", LX, 7, Helsinki, 1958, S. 55; Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962, p. 78.

²⁴ Giraud R. L'inscription de Bain-Tsokto. E'dition critique. Paris, 1961, p. 52.

²⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, с. 17; Ramstedt G. J., Granö J. G. und Pentti Aalto, Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei, SS. 30-49.

²⁶ Thomsen V. Turcuca. Etudes concernant l'interpretation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibirie. "Memories de la Socié'te' Finno-Ougrienne", XXXVII, Helsinki, 1916, p. 4; Thomsen V. L'alphabet runiforme turc, pp. 54-55; Наделяев В. М. Чтение орхоно-енисейского знака 𐰇 и этимология имени Тоньюкука. Сб. «Туркологические исследования», М.-Л., 1963, с. 199, 212; Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 82-83.

²⁷ Ср. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952, с. 74; Текин Т. А. Grammar of Orkhon Turkic, p. 93.

²⁸ A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. 2. verbesserte Auflage. Leipzig, 1950, SS. 3-8, 53.

²⁹ Elöve A. U. Bir yazı meselesi üzerine. Türk dili araştırmaları yilligi, Ankara, 1958, s. 70; Giraud R. L'inscription de Bain-Tsokto, pp. 65-66; Наделяев В. М. Чтение орхоно-енисейского знака 𐰇 и этимология имени Тоньюкука, с. 212-213; Кляшторный С. Г. Тоньюкук - Ашидз Юаньчжень. «Туркологический сборник» (к шестидесятилетию А. Н. Кононова), М., 1966, с. 204-205.

³⁰ Туна О. N. On the Phonetic Values of the Symbols χ , $\otimes$, 𐰇 "Central Asiatic Journal" (Wiesbaden), XI, 4, 1966, pp. 243-248.

³¹ Ср. тувинск. хин «пупок», хакасск. кин, киндік «пуп, пупок, пуповина», киргизск. киндиктеш «единоутробный», а также чагатайск. کینت kinät «потомок» (В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II. СПб., 1899, с. 1346). В изданиях С. Е. Малова (М.-Л., 1952, 1959) и в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969) слово кин 𐰇 «родной, родные, родня» (Е 31, 445, 457...) дано в неверной транслитерации kün, т.е. допущено, к сожалению, произвольное толкование рунического знака 𐰇 . Повторно разбирая надпись на енисейском памятнике № 44 (Кызыл-Чыраа П), С. Е. Малов отмечал: «У всех археологов в прорисях написано 𐰇 kinimä (кин в смысле «потомок»?) Но я все же склоняюсь к мысли, что у археологов здесь ошибка, так как между 𐰇 и 𐰇 разница в небольшой только одной черте» (Малов С. Е. Памятники

Глава II

УТОЧНЕННЫЕ ТАЛАССКИЕ
И ЧУЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ
НАДПИСИ

Т 1, Т 2, Т 4, Т 8, Т 10, Т 13

НАСКАЛЬНАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ
ПОД ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ГОРНОГО КОЗЛА И
СНЕЖНЫХ БАРСОВ

ДВЕ ТАЛАССКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ
ИЗ ГОРОДИЩА АТЛАХ

ЧУЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

К ДЕШИФРОВКЕ РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ НА
ТАЛАССКОЙ ПАЛОЧКЕ

Т 1 (АЙРТАМ-ОЙ)

Руническая надпись на валуне, находка 1896 г.¹

Транслитерация

- (1) *t'z'm iġ(a) *r *t'm udun(a) *siz
- (2) q't'nī(a) k'si(a) *nta tuli(a) q'lmīš(a)
- (3) inil'ri(a) q'tra b'rs(a) oγ'l b'rs(a)
- (4) oz'nga is'nkä

Перевод

- (1) Мое посевное поле — на подветренной стороне. Геройское мое имя — Удун («Скверный»). Увы!
- (2) Его госпожа, жена, тогда его вдовой осталась.
- (3) Его младшие братья Кара-Барс и Огул-Барс
- (4) от него самого его друзьям (остались).

Нами уточнено чтение строк 1–2, по-новому разобраны два слова в перевернутом зеркальном начертании: $\text{И} \downarrow$ iġ «подветренная сторона» (ср. казахск., киргизск. ық «подветренная, заветренная сторона: защищенное от непогоды, укрытое от ветра место») и $\text{L} \downarrow \downarrow$ kiši «жена».

Т 2 (АЙРТАМ-ОЙ)

Руническая надпись на валуне, находка 1898 г.

Транслитерация

- (1) *tuz oyl'n(a) s'gydičl'rī pičn(a) 'l t'g'rmi(a)
- (2) 'r 'tīm q'ra čur(a) j'yi 'tī q'r(a) j'zm'z
- (3) 'lti(a) uj'si 'yi jir 'kiz(a) siŋ'li(...?) ölmis
- (4) q'r' čur(a) 'tum qol(a) q'r(a) j'zm'z(a)
- (5) q'r' čur(a) *siz... ozgā uj'l'rīna 'd'r'lm's(a)
- (6) 't'si 'ti tuγ'n(a) oylī 'tī q'r' čur
- (7) oylī 'tī...
- (8) *γur'ti

Перевод

- (1) Тридцать огланов – его верные друзья. В год обезьяны, в окружении племенного союза (tegirmi «круглый; круговой»)...
- (2) Мое геройское имя – Кара-Чур, вражеское (на войне) имя – Кар-Язмаз (букв. «Рука-Не-Промахнется», qar «верхняя часть руки»).
- (3) Шесть его родственников, драгоценности, земля, младшие сестры – близнецы... он (ынал?) умер!
- (4) Кара-Чур – меткий стрелок (по прозвищу) Кол-Кар-Язмаз (букв. «Рука-Не-Промахнется»).
- (5) Кара-Чур, увы... от своих родственников отделился!
- (6) Имя его отца – Туган, имя сына – Кара-Чур.

(7) Имя его сына...

(8) Он направился.

В таласской рунике встретился знак $\Gamma \dot{s}$ для обозначения звука s твердого слова (единичный случай. Т 2) — $\Gamma \dot{M} \dot{J} \dot{J} \dot{\Gamma} \dot{\Xi} \dot{\chi} \dot{\Gamma}$ $s^{\gamma} d i \dot{c} i \dot{\Gamma} \dot{t}$ «его верные друзья», ср. $\Gamma \dot{J} \dot{\Gamma} \dot{\Xi} \dot{\chi} \dot{\Gamma} \dot{Y}$ $s^{\gamma} d i \dot{c} i$ «его верный друг» (Т 10). Как показал наш совместно с Ч. Джумагуловым осмотр второго таласского памятника в 1976 г., правильное начертание указанного слова давал С. Е. Малов (по изданию Г. Ю. Гейкеля). В публикации Ч. Джумагулова в этом месте допущена явная неточность, см.: Джумагулов Ч. Второй таласский памятник. — Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)», Фрунзе, 1962, с. 26; Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика, ч. II (наглядный материал). Алма-Ата, 1981, с. 5, 54. К сожалению, Ч. Джумагулов в своей «Эпиграфике Киргизии, вып. 2» (Фрунзе, 1982) оставил без внимания наше уточненное чтение таласских рунических памятников (№ 2, № 8, № 10, № 13), опубликованное и разосланное специалистам годом раньше.

Г 4 (АЙРТАМ-ОЙ)

Руническая надпись на валуне, находка 1898 г.³

Транслитерация

(1) *tī čur(a) otuz (строка переворачивается) oyl'n *s'γ *čiy 'dr (строка переворачивается) 'lmiš (a) *siz(ä)

(2) [talč'γ] *r'n *siz(a) oyl'n čur ul'ju q'lmiš (строка переворачивается) [q'tunī tul] q'lmiš(a)

Перевод

(1) Имя его – Чур. Увы, он отделился от тридцати огланов, от выгод и благ (asiγ «польза, выгода», ačiy «польза, благоденствие, удовольствие, счастье», ср. омоним ačiy «горький; обидный»)!

(2) Увы, [доверенный] муж! (Сын) Оглан-Чур, наследуя, остался. [Госпожа его вдовой] осталась.

Этнополитическое объединение *otuz oylan* «отуз-оглан» (букв.: тридцать юношей-сыновей), часто упоминаемое в таласских рунических надписях, может быть сопоставлено с этнонимом *otuz tatar* «тридцать (племен) татар» в орхонских текстах, а также с названием племени *отуз-уул* «тридцать сыновей»⁴ в составе левого крыла кыргызов (*сол кыргыз* или *сол кол кыргыз*).

Т 8 (АЙРТАМ-ОЙ)

Руническая надпись на валуне, находка 1961 г.⁵

Транслитерация

- (1) obür(?)... 'siz s'nin (a) özügä...
- (2) l...in(a) 'lum'd'q ök'nc'lüg(a)...
- (3) otuz oyl'n(a) s'yd'ciy (a)...
- (4) oylum(a) 'siz(a)

Перевод

- (1) ... Увы, тебе самому...
- (2) ... Достойно сожаления то, что не смог взять (alu umaduq)...
- (3) Тридцать огланов – верного друга (вин. падеж)...
- (4) Мой сын, увы!

Осмотр памятника в 1976 г. (Исторический музей г. Фрунзе) позволил разглядеть отдельные «затемненные» знаки, уточнить прорись и перевод. Особо отметим употребление знака енисейского типа ↑ q (при о, у) и знака } пс. хорошо известного по орхоно-енисейским памятникам.

Т 10 (АЙРТАМ-Ой)
Руническая надпись на валуне, находка 1961 г.⁶

Транслитерация

- (1) sū cūr(a) ʔyūs ʔtī(a)
- (2) īnʔl(a) ʔyūs ʔtīsī(a)
- (3) otuz(a) oylʔn(a) sʔydiēl(a)
- (4) jʔyī ʔtī(a) qījʔn(a)
- (5) ʔtīsī ʔtī ʔtīg(a)

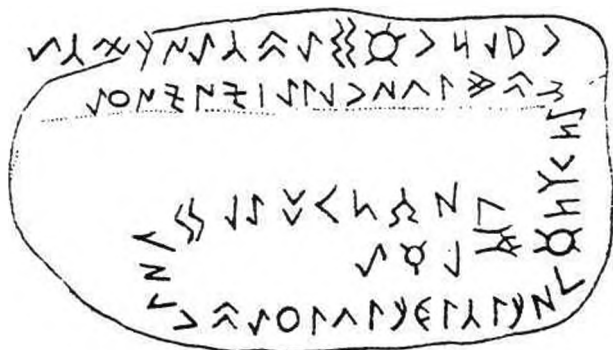
Перевод

- (1) Сю-Чур – его родовое имя.
- (2) Высокородный племянник, внук (для) знатного, ханского рода (по материнской линии).
- (3) Верный друг тринадцати огланов.
- (4) Вражеское (на войне) имя – Кыяган.
- (5) Имя его отца – Отюг.

Т 13 (АЙРТАМ-Ой)

Руническая надпись на валуне, находка 1977 г.

Транслитерация

- (1) kičig kišim(a) tul q'ldi(a) tors'q oyl'm(a)
- (2) qum'r čur(a) 'r 'r'm is qul'i(a) 'siz ozüm(a)
- (3) uj'l'r umda 'tca öküzca

Перевод

(1) Моя маленькая жена осталась вдовой, (остался) мой сын – полненький малыш (букв. «турсук, бурдюк», ср. киргизск. *т о р с у к* «1. турсук, бурдюк для хранения и перевозки жидкостей, кумыса; 2. перен. [о малыше] клоп», казахск. *т о р с ы к т а й* «полненький; цветущий, о ребенке»).

(2) Кумар-Чур. Мое геройское имя – Иш-Кулы (букв. «Раб Друга»), увы, я сам!

(3) У родственников расстройство желудка от глубоких переживаний, как у лошадей и волков.

НАСКАЛЬНАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ПОД ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ГОРНОГО КОЗЛА И СНЕЖНЫХ БАРСОВ¹

Транслитерация: *sryu.

Перевод: «Корми!»

Руническая надпись из четырех букв, синхронные изображения горного козла и двух снежных барсов образуют единую композицию. Здесь, по-видимому, представлена сцена охоты с ручными барсами. Как известно, охота с ручными барсами на горных козлов издавна применялась на Тянь-Шане⁹.

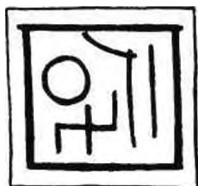
Вопреки фотоснимку и прориси приведенным в публикации. Ч. Джумагулов и С. Г. Кляшторный усматривают в данной надписи не четыре, а пять знаков для «передачи тюркским руническим письмом согдийского слова»¹⁰. Таковым, якобы, выступало (разумеется, с подачи воинствующего ираниста В. А. Лившица) согдийское *saryaw* «лев». Тем не менее, у нас достаточные основания читать данную надпись по-древнетюркски как охотничье заклина-

ние *asirya* «Корми¹» Ср. тот же общетюркский глагол в измененном звучании (с выпадением *y*): *асыра-* [*asira-*] «кормить, питать; вскармливать; содержать; воспитывать» (сарыг-уйгурск., казахск., киргизск., татарск., башкирск.), *азыра-* «кормить, питать; воспитывать» (хакасск., тувинск.), *усра-* «держат, содержать, воспитывать чужого ребенка, охранять, беречь» (чувашск.).

Как убедительно отмечено в «Этимологическом словаре тюркских языков», общетюркский и сарыг-югурский глагол *asira-* «кормить, питать, вскармливать» восходит к праформе *asirya-¹¹, следовательно, установленная нами форма *asirya-* представляет собой древнюю метатезу. Прототюркский облик глагола *asirya-* «кормить, питать, вскармливать» и охотничья магия рассмотренной композиции позволяют отнести эту надпись к раннему этапу тюркской руники.

Примечательно также, что своеобразный знак *s* в таласской рунике (в отличие от орхонской руники — О, Тон.) не принимал дополнительно звукового значения *s*.

ДВЕ ТАЛАССКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ИЗ ГОРОДИЩА АТЛАХ¹²

1

2

Древнетюркская руническая надпись на квадратной подвесной печати из зеленой яшмы состоит из четырех буквенных знаков.

Транслитерация: *sōzūt*.

Перевод: «Слово мое».

Следовательно, это – печать правителя данной местности.

Древнетюркская руническая надпись на половинке черного каменного диска с тремя цилиндрическими углублениями состоит из четырех буквенных знаков и одного знака словораздела.

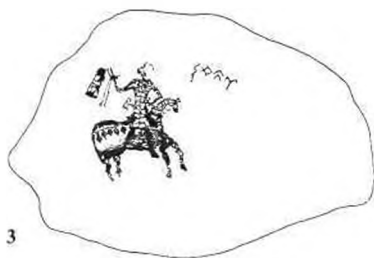
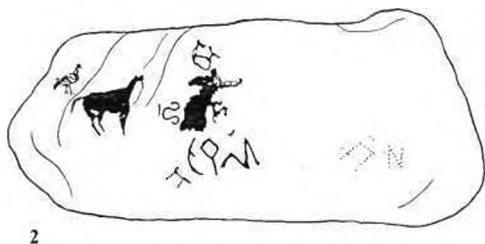
Транслитерация: **b°lb-γ*.

Перевод: «Охота (на диких зверей) – развлечение. Ср. казахск. *албау* «утешение, забава, развлечение» (*alhaw < albaγ*), приведенное с пометой *устарелое слово, архаизм* в «Толковом словаре казахского языка»¹³.

Следовательно, это – охотничий талисман с рунической надписью, возможно, магического характера. Данный предмет по нашему предложению с начала 1986 г. находится в экспозиции Центрального государственного музея Казахстана (г. Алматы). Обычно хорошо осведомленный С. Г. Кляшторный, кажется, не знаком ни с оригиналом надписи, ни с нашей публикацией и предлагает новое, произвольное чтение данной надписи как *atlay* «Атлах»¹⁴. При этом знаки для *b* «прочитаны» С. Г. Кляшторным как *a*, а знак словораздела – как *γ*.

ЧУЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

В верховьях р. Чу, в местности Кок-Сай Кочкорской долины (Кыргызстан) археологи К. Табалдиев и О. Солтобаев недавно (1998–2000 гг.) обнаружили 9 рунических надписей, выбитых на скальных камнях и массивных вадунах¹⁵.

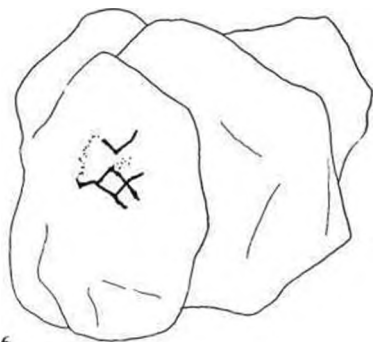

4

5

6

8

8

9

9

Транслитерация (чтение) и перевод новонайденных рунических надписей (нумерация предложена археологами):

(1) *r *t'm s*γun*q [*Er atim Saγunaq*] «Мое геройское имя – Сагунак».

(2) ... b'g «Князь...»

(3) *r *t'm s*γun*q «Мое геройское имя – Сагунак».

(4) munda ilg'rū q's *r *t'm s*γun*q «Отсюда на восток – Каш(минерал нефрит?). Мое геройское имя – Сагунак».

(5) ... *lp *r *t'm s*γun*q j'r j'r's'm [...*Alp er atim Saγunaq. Jer Jarīšim*]

«Мое геройское имя богатыря – Сагунак. Земля – мой Ярыш».

(6) su(?)... Следы двух знаков на обратной стороне того же камня.

(7) *r *t'm s*γun*q(a) j'r j'r's'm «Мое геройское имя – Сагунак. Мой Ярыш».

(8) j'r's'm'z «Наш Ярыш».

(9) j'r's'm'z «Наш Ярыш».

Чтение приведенных рунических надписей, о которых мы можем судить по предложенным прорисовкам, особых трудностей не представляет. Большинство этих надписей, благодаря любезности археологов, прочитано нами в ав-

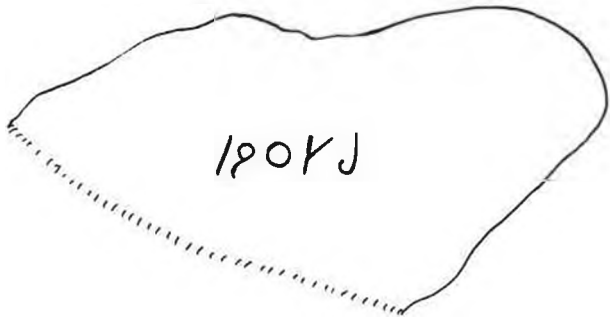
густе 2000 г. и опубликовано в 2001 г.¹⁶, независимо от С. Г. Кляшторного¹⁷. Последний пятькратно пытается усмотреть в написании ключевого слова этих надписей sʻyupʻq [Саунақ] три слова ʻdʻy on ʻq [Adʻy on oq], ошибочно наделяя рунический знак для ʻ фонетическим значением d и снабжая обыкновенный знак для q губным гласным.

Графические особенности чуйских рунических надписей сближаются с таласской руникой. Язык надписей – древнетюркский. Почти все новообнаруженные надписи являются автографами одного и того же древнего тюрка, о чем свидетельствует многократное повторение выражения *Er atim Saɣunaq* «Мое геройское имя – Сагунак», а также двусоставной тамги, имеющей ближайшее сходство с тамгой-«носиком» племени чомекей (*шамекей*) в составе Младшего жуза казахов, а частично с тамгой-«палкой» племени канглы в составе Старшего жуза казахов. Племя канглы имеется, кроме того, в составе каракалпаков, туркменов, узбеков, кыргызов и других тюркских народов. Весьма примечательно рядом с автографом наскальное изображение древнетюркского воина-катафрактария с вислобушным топором за поясом, в панширных доспехах, верхом на боевом бронированном коне, с большой ловчей птицей (беркутом) в правой руке и уздечкой в левой. Изображение полностью соответствует древнетюркской традиции VI–VIII вв.

Заслуживает особого внимания имя собственное *Сагунак*, основным компонентом которого следует считать слово *сагун* «титул старших по возрасту у карлуков», ср. *ата сагун* «титул тюркских знахарей» (в словаре Махмуда Кашгарского), *Баласагун* «город Баласагун». *Сагунақ*, по-видимому, тесно связан с названием огузского, затем кыпчакского города Суғнак (в словаре Махмуда Кашгарского), иначе Сыгнак (археологически датируется VI–XVIII вв., нынешнее городище Сунаката на Сырдарье ниже г Туркестан). Род *Сунак* (< *Сугнак*) в составе казахов Младшего жуза и *Сунақ* – предок рода каз-аяклы в составе племени кытай у каракалпаков так или иначе представляют коренных жителей Сыгнака, тюрков по-происхождению. «Прозвище легендарного предка каз-аяклы – «Сунак», вероятно, связано с городом Сыгнак на Сыр-Дарье, где каракалпаки обитали и были под политическим влиянием Бухары еще в конце XVI в.», – отмечает Т. А. Жланко¹⁸. Вышеизложенное позволяет проследить некоторые этногенетические связи населения Западнотюркского каганата VI–VIII вв. с родоплеменным составом казахов, каракалпаков, туркменов, узбеков, кыргызов и других родственных народов.

В июле 2000 г. Меркенский отряд экспедиции Свода памятников археологии Казахстана обнаружил скальный камень с рунической надписью на правобережье р. Мерке близ горячих источников санатория «Мерке» (Жамбылская область, бассейн р. Чу). Руководитель отряда, кандидат исторических наук А. М. Досымбаева любезно предоставила нам фотоснимок камня с над-

писью, а также сообщила о находке ряда древнетюркских каменных изваяний и курганов в данной местности.

Новонайденная руническая надпись из района Мерке состоит из пяти знаков и читается по-древнетюркски: *b'η'm j's* «Моя печаль — гибель». Возможен и другой перевод: «Развей мою печаль!» Краткие надписи, наподобие этой, интерпретировать трудно. Ориентировочно она относится к концу древнетюркского времени.

Важно отметить, что рассмотренные наскальные рунические надписи впервые обнаружены близ столицы Западнотюркского каганата.

К ДЕШИФРОВКЕ РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ НА ТАЛАССКОЙ ПАЛОЧКЕ

Загадочная надпись из четырех строк рунических знаков вырезана на гранях деревянной палочки (Т 7), находка 1932 г.¹⁹ Таласская палочка в 1933 г. была передана археологом М. Е. Массоном в Государственный Эрмитаж и тогда же была обстоятельно рассмотрена знатоком тюркской руники С. Е. Маловым, который предельно критически относился к своему опыту перевода данной надписи: «Мое чтение и перевод памятника весьма и весьма предположительные. Здесь встречаются новые буквы с неизвестным для меня значением, а принимая во внимание вообще загадочность и ребусовидность небольших рунических надписей, — все вместе взятое определяет положение моего опыта перевода»²⁰. По степени научной достоверности опыт С. Е. Малова надолго остался непрезодленным, а последующим исследователям²¹ не удалось избежать неточностей первой публикации и обосновать «свой, более верный» перевод.

Осенью 1980 г. во время прохождения курсов ФПК при Ленинградском университете по специальности «Общее языкознание» автор этих строк неторопливо визуально изучил таласскую палочку и заново уточнил рунические знаки на ее гранях, благодаря любезному отношению заместителя директора Гос. Эрмитажа по научной работе, заслуженного деятеля искусств РСФСР В. А. Сулова. Однако прочитать надпись на деревянной палочке, к сожалению, не удалось.

Три года спустя научно-популярный журнал «Білім және еңбек» («Знание и труд», на казахском языке) возбудил всеобщий интерес к надписи на палочке. Отклонив дилетантские попытки «поправить» С. Е. Малова и других тюркологов, я тогда предложил новое чтение IV строки надписи и на этом основании выразил уверенность, что данная своеобразная надпись относится к тюркской рунике²².

Далее приводится уточненная руническая надпись на таласской палочке и опыт достигнутой на сегодня (14 марта 2002 г.) дешифровки.

Транслитерация

- (1) *γp'n oz. *l̥tu 'b 'nī...m d'nē
- (2) jupd' *č'n 'jju ig. 'p'n 'nč'p inčup q'tmu iğ...
- (3) ayll 'b'n. *j q'č'γ q'γ'n'γ 'n'd
- (4) *čuy q'šuy

Перевод

- (1) Поднявшись вверх, избавляйся (от мучений ада)! Подготовься к «шести жилищам» (шести формам существования)!...
- (2) ... Раскройся (покайся) и расскажи (обязательно) о болезнях! Утешься, таким образом, всякий! ...

(3) Заставь подниматься вверх (возноситься мыслями) и утешься!

Расскажи об элементе сознания *qaciŋ* (в учении буддизма) и подготовку кагана!

(4) Дарственная ложка (возможно, для совершения жертвенного окропления).

Судя по предложенному чтению, древнетюркская руническая надпись на деревянной палочке связана с магическими представлениями, скорее всего, буддийского толка, поскольку буддийские наставники и философия буддизма у тюркских каганов в VI–VIII вв. пользовались особыми привилегиями.

Надпись содержит, наряду с известными, непривычные для тюркской руники буквы $\cup$ *л* (знак встретился 6 раз, отмечен также на серебряном сасанидском блюде из Западного Казахстана, р. Урал), δ *б* (знак встретился 1 раз, ср. обычное руническое начертание $\cup$ *б*) и ранее неизвестную, архаическую букву – «лесенку»

$\equiv \equiv \equiv \equiv \equiv$ *к*, которая в других таласских памятниках принимает упрощенные начертания N N *к* (ср. финикийск. H H H *kh*).

Лексика надписи: *ay-* «подниматься (вверх), восходить», *oz-* «спасаться, освобождаться, избавляться», *altu (alñi)* «шесть», *eb* «жилище, становище», *ant-* «готовиться, подготавливаться», *acñn-* «раскрыться; откровенно излагать, каяться», *ajñi* (причастие абсолютного будущего времени с модальным значением долженствования от глагола *aj-* «говорить, рассказывать; называть»), *ig* «болезнь», *apñn- - abñn-* «утешиться, насладиться», *ančip-inčur (inčip)* «так, таким образом; затем», *qatu (qatuñu)* «весь; все без изъятия; всякий», *ayñl-* «заставь подниматься вверх, заставь носиться по воздуху» (*ayñl-t-*), *qačñu* «(в буддийских трактатах на древнетюркском языке) один из органов субъективного восприятия, образующих опору для сознания»²³, *qačñl* «каган, верховный правитель, главный хан», *anñd-* (*anñt-*) «заставить готовиться; подготавливать, предназначать, уготовливать» (форма понудительного залога), *acñu (acñy)* «награда, вознаграждение; дары», *qačñu* «ложка» (головка ложки, вероятно, осталась в стенке шурфа на глубине 5 метров).

Судя по всему, надпись на деревянной палочке (черенке ложки) свидетельствует о древних корнях тюркской руники и буддизма в Центральной Азии.

¹ Первый таласский памятник, найденный в 1896 г. В. А. Каллауром и находящийся ныне в Гос. Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), неоднократно осматривался нами в 1970–1980 гг. В отличие от последней по времени публикации (Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959, с. 57–60), воспроизведенной без изменений другими издателями (Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии, вып. I. Фрунзе, 1963, с. 16–17; Батманов И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971, с. 9–10), здесь внесены уточнения по оригиналу.

² Второй таласский памятник открыт в 1898 г. В. А. Каллауром, впервые прочитан Ю. Неметом, затем С. Е. Маловым, см.: Nemeth J. Die koktürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas in Turkestan. «Korosi Csoma-Archivum», II, 1–2, Budapest, 1926, SS. 137–138; Малов С. Е. Таласские эпиграфические памятники. «Материалы Узкомстариса», вып. 6–7. М.–Л., 1936, с. 17–23. Памятник вновь обнаружен в 1961 г. и повторно опубликован Ч. Джумагуловым (с привлечением прежних переводов Ю. Немета и С. Е. Малова) – «Эпиграфика Киргизии», вып. 1*, Фрунзе, 1963, с. 17–21 (имеются пробелы в чтении третьей и пятой строк).

³ Четвертый таласский памятник найден в 1898 г. В. А. Каллауром (по информации Дж. Бердыкожина), повторно обнаружен в 1982 г. на южной окраине г. Талас. Прорисовка выполнена нами по недавно доставленным Е. Б. Саурьковым фотоснимкам (июль 2001 г.). Руническая надпись, в основном, правильно прочитана С. Е. Маловым, однако сопровождается ретушированным фотоснимком первого таласского памятника, см.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л., 1951, с. 74–75. Надпись состоит из двух строк, идущих вокруг вала. Начало и конец второй строки теперь малоразличимы, хотя были прочитаны С. Е. Маловым (приводятся в квадратных скобках).

⁴ См. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах, т. I. Алма-Ата, 1961, с. 345: «От этого Киргиза произошел народ киргиз. От сорока же оставшихся

девиц произошли отуз-уул ичкилик, народ, обитающий теперь за Андижаном к Коканду»; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 26; Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии, вып. 3. Фрунзе, 1987, с. 21–26.

⁵ Ср. Батманов И. А. Новые тексты. — Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)», Фрунзе, 1962, с. 15–16; Батманов И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971, с. 18 (18–20): «Хорошо просматривается лишь средняя часть надписи. Начало и конец каждой из строк затемнены (сглажен камень, имеются борозды, минеральные наслоения). До химической обработки пока даются его условное чтение и перевод».

⁶ Ср. Батманов И. А. Новые тексты, с. 18–19; Батманов И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности, с. 21–23. Прорись, чтение и перевод надписи уточнены нами при осмотре в 1976 г. (Исторический музей г. Фрунзе). Надпись хорошо сохранилась. Отчетливо просматривается надпись и на фотоснимках.

⁷ Прорись надписи приводится по публикации. Джумагулов Ч., Карагулова Г. Новый Таласский древнетюркский памятник. «Известия АН КирССР», 1978, № 1, с. 86–88. Чтение и перевод надписи потребовали существенных исправлений.

⁸ Вторая руническая надпись, выбитая на скале в ущелье Куру-Бакайыр (Таласская долина), обнаружена кыргызскими коллегами в 1981 г. См.: Джумагулов Ч., Кожомбердиев И. К. Надписи и петроглифы ущелья Куру-Бакайыр — «Археологические открытия 1981 г.», М., 1983, с. 496–498; Джумагулов Ч. Д., Кляшторный С. Г. Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо. «Советская тюркология», 1983, № 3, с. 78–82; Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии, вып. 3, Фрунзе, 1987, с. 33–34.

⁹ Мариковский П. И. Способы и объекты охоты по мотивам наскальных рисунков Чулакских гор (Казахская ССР). «Зоологический журнал», 1953, т. 32, вып. 6, с. 1072: «На очень интересном рисунке коллективной охоты (рис. 31) мы видим участие животных, в которых по характерному вытянутому телу, тупой морде, коротким ногам и удлинненному, слегка закрученному на самом кончике хвосту, не трудно опознать барса. Один из барсов находится на повалке, другой же спущен с него».

¹⁰ Джумагулов Ч. Д., Кляшторный С. Г. Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо, с. 81.

¹¹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, с. 193.

¹² Две рунические надписи из городища Атлах (Таласская долина, Байзакский район Жамбылской области) выявлены и обследованы нами в 1976 г. в фондах Жамбылского областного краеведческого музея при содействии археолога А. П. Попова. См. соответствующую публикацию: Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика, ч. II. Алма-Ата, 1981, с. 12.

¹³ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (Толковый словарь казахского языка), том I, Алматы, 1974, с. 205.

¹⁴ Кляшторный С. Г. Рунические памятники Таласа: Проблемы датировки и топографии. «Известия МОН РК, НАН РК» (Алматы), серия общественных наук,

2001, № 1, с. 88: «Эта надпись, состоящая из пяти знаков, выполненных в обычной для таласских рунических памятников палеографической манере, хотя и более тщательно, читается без труда и содержит одно слово: *atlay* (Атлах), букв. «место переправы, перевала» (из тюрк. атла- «перешагивать, переступить»).

¹⁵ Табалдиев К. . Солтобаев О. Рунические надписи в Кочкорской долине. «Мээрим» (Бишкек), 1998, № 2, с. 36–37; Табалдиев К Ш . Солтобаев О А . Кочкор өрөөнүндөгү байыркы түрк руникалык жазуулары. «Манас университети Коомдук илимдер журналы» (Бишкек), 2001, № 2, с. 279–292.

¹⁶ Аманжолов А. С. К интерпретации чуйских рунических надписей. – «Байыркы кыргыз тарыхынын актуалдуу проблемалары» [Актуальные проблемы древней истории кыргызов]. Тезисы докладов Международного научного конгресса, 27–29 августа 2001 г., Бишкек, 2001, с. 97–100.

¹⁷ Кляшторный С. Г. Древние рунические надписи на Центральном Тянь-Шане. «Известия МОН РК, НАН РК» (Алматы), серия общественных наук, 2001, № 1, с. 83–87; Кляшторный С. Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане. «Известия НАН КР» (Бишкек), 2001, № 1–2, 73–75 (то же см. выше); Кляшторный С. Г. . то же на кыргызском и турецком языках – «Манас университети Коомдук илимдер журналы» (Бишкек), 2001, № 2, с. 186–191, 192–196.

¹⁸ Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.–Л., 1950, с. 42.

¹⁹ Деревянная (еловая) палочка с рунами найдена в 1932 г. геологом И. Ф. Мереняниным на месторождении серного колчедана Ачикташ (Таласская долина, Кыргызстан). См.: М а с с о н М. Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. «Материалы Узкомстариса», вып. 6–7, М.–Л., 1936, с. 13–15, 14. «Что дерево было привычным материалом для лица, наносившего руны на нашу палочку, вытекает с совершенной очевидностью при рассмотрении самых буквенных знаков, характеризующихся смелой уверенностью в начертании, четкостью и однообразием».

²⁰ М а л о в С. Е. Таласские эпиграфические памятники. «Материалы Узкомстариса», вып. 6–7, М.–Л., 1936, с. 28–38, 38 (первая публикация, снабжена ретушированным фотоснимком и чертежами данной надписи); М а л о в С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии М.–Л., 1959, с. 63–68 (повторная публикация с ретушированным фотоснимком и чертежами надписи).

²¹ O g k u n H. N. Eski türk yazitları, III, Istanbul, 1940, s. 209–214; Ш е р б а к А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II, М.–Л., 1959, с. 387–388; Т у р ч а н н о в Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, с. 89–96, табл. XXXIX. Судя по допущенным неточностям, последователи С. Е. Малова не сверяли опубликованные чертежи (прориси) с оригиналом данной надписи.

²² Аманжолов А. С. Көне таңбалар сырына үнілгенде [Вникая в тайны древних знаков]. «Білім және енбек» (Алматы), 1984, № 8, с. 10–11.

²³ Ср. Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 400–401.

Глава III

УТОЧНЕННЫЕ ЕНИСЕЙСКИЕ
РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

Е 1, Е 2, Е 3, Е 6, Е 7, Е 11, Е 13, Е 20,
Е 43, Е 45, Е 46, Е 49, Е 50, Е 51,
Е 53, Е 59, Е 69, Е 79, Е 86, Е 98

УТОЧНЕННЫЕ ЕНИСЕЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

Долина Енисея по обилию памятников тюркского рунического письма (найдено более 150 енисейских надписей) не имеет себе равных, а это, вероятно, немаловажный фактор в истории сложения и распространения древнетюркской рунической письменности.

Отсутствие полного факсимильного издания енисейских рунических надписей значительно осложнило задачу изучения их графики, которую мы поставили перед собой в начале работы при написании I главы. Возникла необходимость визуальной сверки ранее изданных текстов енисейских памятников с оригиналами. Предварительная работа была проделана нами в 1969 и 1972 годах в краеведческих музеях Минусинска, Абакана и Кызыла, где усилиями ученых-энтузиастов собрано большинство енисейских рунических памятников.

Сверка показала, что в изданиях енисейских надписей¹ встречаются отдельные погрешности (неточное графическое воспроизведение и вытекающие отсюда затруднения при переводе). Новое, исправленное издание енисейских (и других) рунических надписей должно стать основой более глубоких тюркологических исследований.²

В 1983 г. Д. Д. Васильев издал новый труд — «Корпус тюркских рунических надписей бассейна Енисея» (Ленинград, 1983), однако полностью критически выверить енисейские надписи нашему младшему коллеге, также питомцу МГУ не удалось, т. к. он не предложил чтения и перевода надписей, а в прорисовках (графических реконструкциях) допустил непонятные отклонения от оригинала, ср. Памятники Е 3, Е 5 — Е 7, Е 10 и др.

В монографии И. В. Кормушина «Тюркские енисейские эпитафии» (Москва, 1997) даются новые конкретные поправки по чтению и переводу более 50 енисейских надписей. Вместе с тем, им допущены отдельные неточности в чтении надписей, которые ранее нами изучались (например, Е 51, Е 98).

Относительно нашей брошюры «Тюркская руническая графика» (ч. II), опубликованной в 1981 г. и подробно рассмотренной Д. Д. Васильевым, заявлено дословно следующее: «К сожалению, я не смог воспользоваться этой работой, поскольку в Российской Государственной библиотеке брошюра А. С. Аланжолова утрачена» (с. 118 названной монографии И. В. Кормушина).

Ниже приводятся уточненные прориски, транслитерация с элементами транскрипции³ и заново проверенный перевод некоторых енисейских рунических надписей (Е 1, Е 2, Е 3, Е 6, Е 7, Е 11, Е 13, Е 20, Е 43, Е 45, Е 46, Е 49, Е 50, Е 51, Е 53, Е 59, Е 69), а также три ранее неизвестные надписи в нашей интерпретации (Е 79, Е 86, Е 98). Тексты и переводы не всегда снабжены комментариями, поскольку графика и, отчасти, лексика надписей были рассмотрены выше. Более подробно рассмотрены в данной главе впервые обнаруженные енисейские надписи.

Транслитерация

(1) *s'z il'mā qurǰu'ima oγ'n'ma bod'n'ma *s'z'mā 'ltm's̄ j's̄'mda (adiriltim)

(2) 't'm il toγ'n tut'q b'n t'ηri il'mkā ilcisi 'rt'm 'lti b'γ bod'nqa bag 'rt'm

Перевод

(1) Увы,⁴ с моим племенным союзом, моей госпожой (т.е. женой), моим сыном, моим народом, как мне жаль, в мои шестьдесят лет (я разлучился, т.е. умер).

(2) Мое имя – Иль Тоган тутук (название должности и титул). Я был посланником у моего божественного государства. Я был правителем у шестисоставного народа (у народа шести уделов).

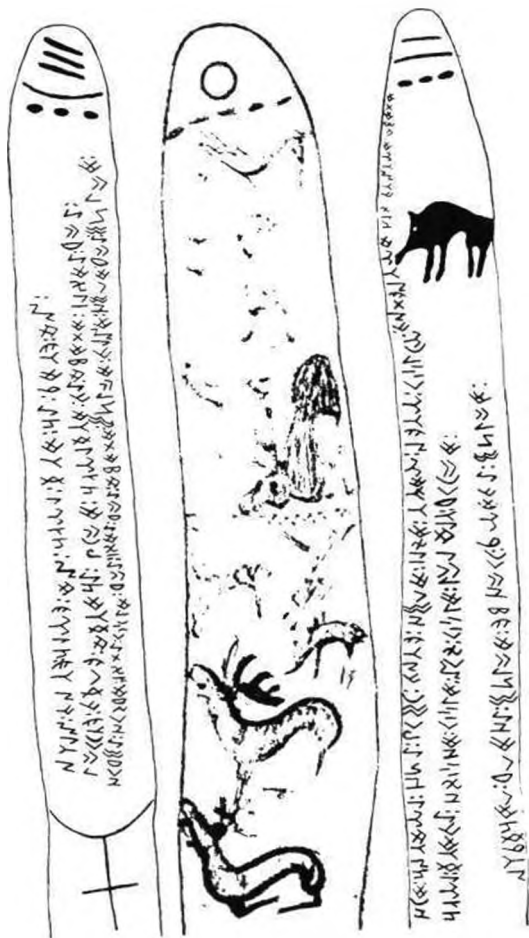
Транслитерация

- (1) iš'm 'rim 'z'šd'm
- (2) 'l'mā 'ḡd'm
- (3) 'r 'rd'm'm 'b'm quz
- (4) ač 'd'γ 'n 'r 'rd'm'm aqunč
- (5) 'r 'tim i'č q'ḡ b'n

Перевод

- (1) Мои друзья, мои сыновья, я отбился
- (2) от моего племенного союза и пришел в замешательство (опешил).
- (3) Моя геройская доблесть, мой дом (становище) — тeneвая (северная) сторона горы.⁵
- (4) Голодный медведь, спускайся вниз! Моя геройская доблесть — набег.⁶
- (5) Мое геройское имя — Яш Карг.⁷

Е 3 (УЮК - ТУРАН) –
северная, восточная и южная стороны

Транслитерация

Передняя (северная) сторона

(1) qijda quñej'm özdä oyl'm j'ta 's'z'mä j'ta b'km'd'm 'd'r'l't'm kin'm q'd's'm j'ta 'd'r'l't'm

(2) 'ltunl'γ kɪs'g bil'mtä b'n't'm t'ηri il'mkä b'km'd'm 'siz'mä j'ta

(3) ücin külg tir'g b'n t'ηri il'mtä j'ml'g b'n

Задняя (южная) сторона

(4) üc jitm's j's'mqa 'd'r'l't'm 'g'k q'tum j'r'mkä 'd'r'l't'm

(5) t'ηri il'mkä q'z'γq'm oyl'm n' uz oyl'm 'lti biη junt'm

(6) q'n'm (ülb'ri q'ra bod'n külg q'd's'm 'siz'm 'l 's'm 'r ög'l 'r oyl'n 'r küd'gul'r'm qiz k'l'n'l'r'm b'km'd'm

Перевод

Передняя (северная) сторона

(1) В покоях моя госпожа, в долине мой сын [мой сыновья], увы, как мне жаль, увы, я не наслаждался и отделился (расстался с земным существованием). Мои родные (единоутробные братья и сестры?), мои родственники (по крови?), увы, я отделился.

(2) Я повязал на своей поясище золоченый колчан (колчан с золотом). Я не наслаждался моим божественным племенным союзом, как мне жаль, увы!

(3) Я – Учин Кюлюг Тириг. От моего божественного племенного союза я имею еду (для загробной жизни).

Задняя (южная) сторона

(4) Я отделился в свои шестьдесят три года. Я отделился от моей земли Эгюк Катун.

(5) От моего божественного государства, мой сын-добытчик [мой сыновья-добытчики]⁹, что за искусный мой сын, шесть тысяч моих лошадей (увы, я отделился).

(6) Мой хан, народ (народные массы) тьюльбери⁹, мои знаменитые родичи, как мне жаль, муж Эль Эшим, муж Огель, муж Оглан, мой зятья, мои невестки, я не наслаждался.

Транслитерация

(1) küni tir'g üç j'š'mda q'ηsiz bold'm

(2) ülüg tut'q iç'm kişi qıldı

(3) buηusus 'rdā b'n 'rdā

(4) qujdaqı qunç'j'mγa 'd'r'ld'm 'p'ma

Перевод

(1) Я, Кюни Тириг, в мои три года оказался без отца.

(2) Мой старший брат Улюг¹⁰ тутук (меня) воспитал (букв. сделал человеком).

(3) Я среди беспечальных мужей, среди мужей.

(4) Я разлучился с моей госпожой, находящейся в покоех, с моей старшей сестрой.

Handwritten text in a stylized script, possibly a form of Old Church Slavonic or a related Slavic alphabet. The text is contained within a hand-drawn, rounded rectangular border. The script consists of various symbols, including letters and diacritics, arranged in several lines. The text is written from right to left, starting with a large initial symbol on the right side. The symbols are somewhat abstract and resemble a combination of Latin and Cyrillic characters, but are highly stylized and specific to the manuscript's dialect.

Транслитерация

(1) bʃ ʔpa sʔŋun oylɨ külüg çur

(2) buŋusuz ulʔatʔm [ulyattim < ulʔadtim] buŋ bu ʔrmʔs

(3) tʔŋridʔki künkä jʔrdʔki ilʔmkä bökmʔdʔm

(4) qujda quŋcʔʔmʔaqa özdä oylʔmqa ʔdʔrʔldʔm

Перевод

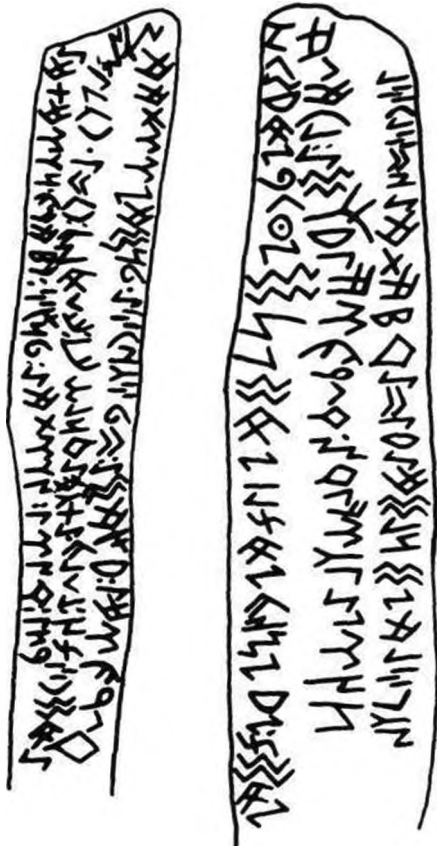
(1) Сын военачальника Бай Апа¹¹ – Кюлюг Чур (букв. знаменитый Чур)

(2) Я вырос без печали. Печаль (же) была такой:

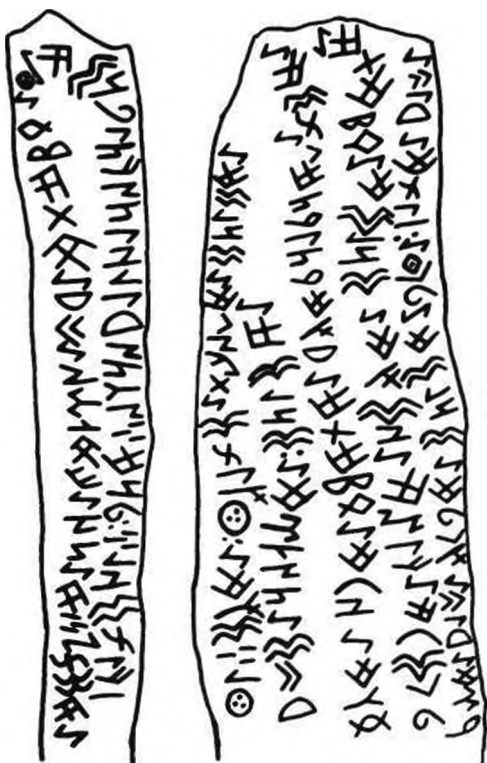
(3) Я не наслаждался солнцем (находящимся) на небе и племенным союзом (находящимся)на земле.

(4) Я разлучился с моей госпожой в покоях и с моим сыном в долине.

Е 11 (БЕГРЕ) –
передняя и левая стороны

Е 11 (БЕГРЕ) –
задняя и правая стороны

Транслитерация

Передняя сторона

(1) tōr 'pa ičr'ki b'n b's j'g'rmi j 'šda 'l'nm's'm

(далее строка переворачивается) qunč'j'ma buṇa 'd'rl'd'm 's'z'ma kun ḡ 'zd'm

(2) *üc oylma 'd'rld'm jita b'km'd'm q't'yl'n'yl*

Левая сторона

(3) *b's j'g'rmi j's mda t'by'c q'n'ya b'rd'm 'r 'rd'm'm*

(далее строка переворачивается) *üc'n 'lpun 'ltun küm's'g 'gri t'ba ildä kisi q'z'p'nd'm*

(4) *j'ti böri öl'rd'm b'rs'γ k'km'k'g öl'rm'd'm*

Задняя сторона

(5) *j'r'mä jita sub'ma 'd'rld'm buṇa 'siz'mä jita*

(6) *bod'n'ma kin'mä q'd's'ma 'd'rld'm b'km'd'm*

(7) *il'mä q'n'ma b'km'd'm j's'm j'ti j'tm's 'zd'm*

(8) *j'tda tün'r'mä 'd'rld'm*

(9) *'ntl'y 'd's'ma 'ntsizda 'dgü 's'ma 'd'rld'm*

Правая сторона

(10) *s'kiz 'd'ql'y b'r'm'y üc tu jilq'i tük'ti b'rd'm 'nla b'km'd'm i'ta ür'ṇ'mga q'ram'ya 'zd'm*

Перевол

Передняя сторона

(1) Я придворный Торь Апа. В пятнадцать лет я был взят (на службу). С моей госпожой, к прискорбию, я разлучился. К моему сожалению, я отбил-ся от солнца и луны (я потерял солнце и луну, т.е. умер).

(2) С моими тремя сыновьями я разлучился. Увы, я не наслаждался. Мужайтесь!

Левая сторона

(3) В мои пятнадцать лет я отправился к табгачскому хану (к китайско-му императору). Благодаря моей героической доблести, я с богатырями приобрел золото и серебро, одnogорбых верблюдов (дромадеров) и людей (жен?) в государстве.

(4) Я убил семь волков. Я не убивал барсов и ланей

(5) Я расстался с моей землей, увы, и с моей водой (т.е. с родиной). О горе, как мне жаль, увы!

(6) Я расстался с моим народом, с моими родными (единоутробными?), с моими родственниками. Я не наслаждался (ими).

(7) Моим государством и моим ханом я не наслаждался. Мне шестьдесят семь лет. Я отбил-ся (сбил-ся с пути, т.е. умер).

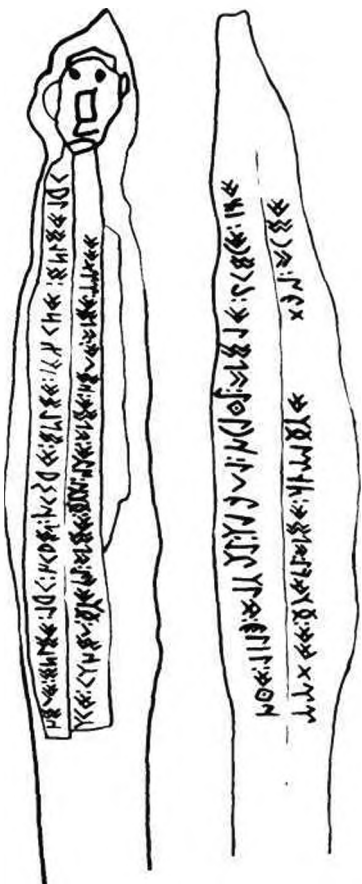
(8) Я расстался на чужбине со своими родственниками (т.е. умер).

(9) Я разлучился с моими верными (связанными клятвой) друзьями и с моими хорошими сподвижниками среди тех, кто не связан клятвой.

Правая сторона

(10) По отношению к «восьминогому» (упитанному) скоту и лошадям трех мастей я совершенно исчез (т.е. умер). Увы, я тогда (ими) не наслаждал-ся. Я отбил-ся от моих стад (букв. от моего белого и от моего черного).¹²

Е. 13 (ЧАА-ХОЛЬ I) –
передняя и задняя стороны

Транслитерация

Передняя сторона

(1) q'd's m d'rd'm iju qujda quñç'j'm d'rd'm s'k'z ur'm d'rd'm iju

(2) 'cum uç q'd's il'mkâ t'pd'm ilci ög'm t'pd'm q'd's'm t'pd'm 'r 'rd'm'm

Задняя сторона

(3) q'ñ'm isig bilgâ cigši q'niña t'pdim bod'n'm 's'z'm

(4) 'r 'rd'm'm il'mkâ t'pd'm t'ñri il'm... 'dgü 't'nd'm

Перевод

Передняя сторона

(1) От моих родственников я отделился (т.е. умер), увы! От моей госпожи в покоех я отделился. От восьми моих сыновей я отделился, увы!

(2) ...Я служил моему государству. Я служил посланнику, моему Оге. Я служил моим родичам. Моя геройская доблесть (такова).

Задняя сторона

(3) Я служил хану моего отца Иснг Бильге Чигши, мой народ, как мне жаль!

(4) Моя геройская доблесть (такова) – я служил моему государству, Мое божественное государство... Я снискал доброе имя

Транслитерация

(1) tōrt oylum b'r uc'n b'ηkūm'n (tikti)

(2) kŭl'g 'pa b'n

Перевод

(1) Так как у меня было четыре сына, (они поставили) мой памятник.

(2) Я – Кюлюг Апа.

Транслитерация

Передняя сторона

- (1) bod'n ma oyl'ma jutuz'ma
- (2) ʔd'rld'm sʔc'l'nt'm jita buṇa
- (3) ʔr ʔrd'm'm ʔc'n sōgʔr ur ʔd'r'lt'm
- (4) qol'm ʔlp ʔc'n bir ʔr'g oq birlä birli (?)...

Левая сторона

- (5) buqun ikäsi isig jasi asizimä...

Перевод

Передняя сторона

- (1) От моего народа, моего сына и моей жены
- (2) я отделился и выделился (т.е. умер), увы, к прискорбию!
- (3) Ради моей геройской доблести, Согер Ур,¹³ я отделился.
- (4) Так как моя рука была меткой (букв. метким стрелком), одного мужа стрелой (я поразил)...

Левая сторона

- (5) Старшая сестра (ekä «старшая сестра, тетя») Букуна, ее горячие слезы, как мне жаль!..

Транслитерация

Передняя сторона

- (1) oyl'n 't'm čubuč in'l ...tā 't'm kümül ögā
- (2) biš jaš'mta q'ηsiz q'l'p l'quz jigırmı jaš'mya ögsüz
- (3) bolup q'tiy'ın'p otuz jaš'my' ögā boltum qırq jil
- (4) il tut(t)um bodun b'šl'd'm taš j'ıy'j'ııl'd'm il(l)'d'm
- (5) bir jıtmiš jaš'mya kok t'ηridā küngā azd'm 'siz'mā
- (6) kürsi jamda il'm 'siz'mā jir'm subum 'siz'mā qujda quñçujum tul q'lti' 'siz'm
- (7) kin'm q'd's'm 'siz'mā oyl'n'm 'siz'mā ürütüm q'ram 'siz'üz 'blig 'r'mā 'siz'mā
- (8) ... biη budr'q junt 'siz'mā

Левая сторона

- (9) il'm 'siz 'rinč jüz kümül hodunum 'siz 'rinč lznc(?) küm'l ög' uk... bolt(um)
- (10) j'bizıy kümül'min b'd'k q'il't'm 'siz'mā b'km('d'm)

Перевод

Передняя сторона

(1) Мое детское имя – Чубуч Ынал, ... (после возмужания) мое имя – Кюмюль Оге.

(2) В пятилетнем возрасте оставшись без отца, к девятнадцати годам матери

(3) лишившись (букв. став без матери, сиротой), возмужав, я к тридцати годам стал должностным лицом (букв. мудрым).

Сорок лет

(4) я управлял племенным союзом и возглавлял народ. Я восвал с внешними врагами и создавал (сплачивал) союз племен.

(5) К шестьдесят первому году (моей жизни) я потерял солнце на голубом небе (т.е. умер), как мне жаль!

(6) В Кюрсии Яме (?) мой племенной союз, увы, моя страна (букв. земля и вода), увы! В покоях моя госпожа (т.е. жена) вдовой осталась, увы!

(7) С моими родными (единоутробными?), с моими родственниками, с моими сыновьями, увы, с моими стадами, увы, с моими мужами, имеющими сто семей, увы,

(8) с... тысячами привольно пасущихся лошадей, увы (я расстался)!

Левая сторона

(9) Мой племенной союз, увы, мой сто(семейный) народ кюмюль, увы! Кюмюль Оге (я) стал..

(10) Ничтожных, моих кюмюлей (народ) я возвеличил, (но) увы, не наслаждался!

Handwritten text in a stylized script, possibly a form of shorthand or a specific dialect. The text is arranged in several lines within a roughly rectangular frame. The characters are highly stylized, often resembling geometric shapes or simple symbols. The script is written from left to right, with some characters appearing to be ligatures or combinations of basic symbols. The overall appearance is that of a personal or working shorthand system.

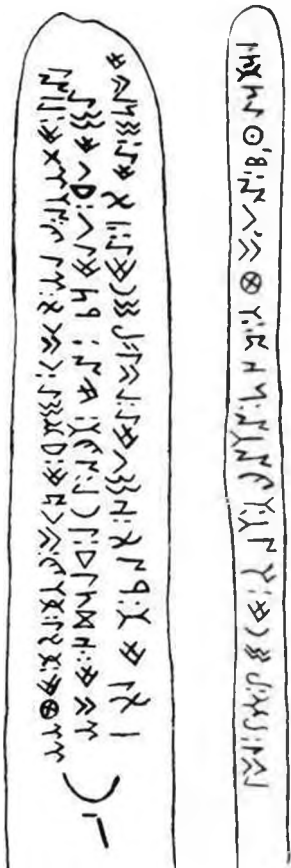
Транслитерация

- (1) il'm 's'z'mā qujda quŋc̣'jum 's'z'mā
- (2) °g'nā tut'q 'r 'rd'mi °cūn 'l'mā t'pd'm
- (3) 'ldā k'sim 'gri t'bim tōrt butl'g q'ŋ'm
- (4) buŋum j'q

Перевод

- (1) Увы, мой племенной союз, увy, моя госпожа в покаях!
- (2) Я, Огюне Тутук, ради геройской (воинской) доблести служил моему племенному союзу.
- (3) В племенном союзе мои люди, мои одногорбые верблюды, четвероногие, мой отец.
- (4) У меня нет печали.

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ИЗ ТУВЫ ИЛИ БАЙ-БУЛУН II –
передняя и правая стороны

Транслитерация

Передняя сторона

(1) 's'zimā jüz q'd's'ma 'lti b'd'n'ma 's'z'mā 'd'r'lt'm

(2) 'r 't'm q'rl 'tiq in'l öga b'n j'tmis j's'mda

(3) 'r 'rd'm iki il'g tuš'm j'γda otuz 'rig öl'rd'm äsni

Правая сторона

(4) 'lti b'γ b'd'n'm küčl'g'n 'c'n 'rq's 'ld' t's'n b'ηa t'kti

Перевод

Передняя сторона

(1) Как мне жаль, от ста моих родственников, от моего шестисоставного народа увы, я отделился!

(2) Мое геройское имя – Карт Атык. Я высокородный и мудрый (ынал, оге – титулы) в мои семьдесят лет.

(3) Геройская доблесть. Мои сорок два золотых украшения на поясе. В сражениях (среди врагов) я убил тридцать мужей.

Правая сторона

(4) Так как мой шестисоставный народ могущественен, караваны в племенном союзе, (а) мне он водрузил (поставил) свой камень.

Е 50
ВТОРОЙ ПАМЯТНИК ИЗ ТУВЫ

Транслитерация

- (1) t'ηri ...m 's'z'm 'd...
- (2) k'k 'm's tut...m üčün sr'd' ...
- (3) tört q'd's'm ...a 'za 'd'r'd'm
- (4) 'b'čya [abīsqā] 'r 't... k'kdā k...
- (5) itr'k b'n... qa...

Перевод

- (1) Мой божественный (племенной союз), как мне жаль, (я разлучился)!
- (2) Кёк Амаш Тут(ук) ... ради ...
- (3) От моих четырех родственников... я отбился и отделился (я разлучился с ними).
- (4) Старик геройское имя ... на небе ...
- (5) Я – Итрюк (Етрюк) ...

Транслитерация

(1) *r 't'm k'k t'rg b'n 's'z'mä q'd's'ma 's'za ʔul'n'ma ič'mä

(строка переворачивается) 'd'r'l(d)'m

(2) il'm q'n'ma 's'z'mä 'r 'rd'mi t'q'z oyd'md'm -a j'r'm 's'zä

(3) j'ti 'č i's'mä 's'zä i's'ma 's'zä

(4) 'š'm 'yr nä 'lti 'r b'l b'r'm

Перевод

(1) Мое геройское имя – Кек Тириг. Как мне жаль, с моими родственниками, увы, с моими сыновьями, с моим старшим братом я разлучился!

(2) С моим племенным союзом и моим ханом, как мне жаль, доблесть героя, «Токуз-Огдам»(?), моя земля, увы (я разлучился)!

(3) С семьёю задушевными (букв. внутренними) моими друзьями, увы, с моими друзьями, увы, (я разлучился)!

(4) Мой друзья, что ценное – шесть мужей, имущество (приятное) как мед¹².

Транслитерация

Передняя сторона

(1) k^ok t'ηr'da bul't ul^uq'n or tūr^um's

(2) ʔl'mda b^əs q'ta t'gz'n(d)'m ʔr ʔrd'm'm ūs^un

Задняя сторона

(3) b^əg t'rtq'n ögä t'r'g b'ñ ʔs'z ʔl'm q'n'ma b^okm'd'm

Перевод

Передняя сторона

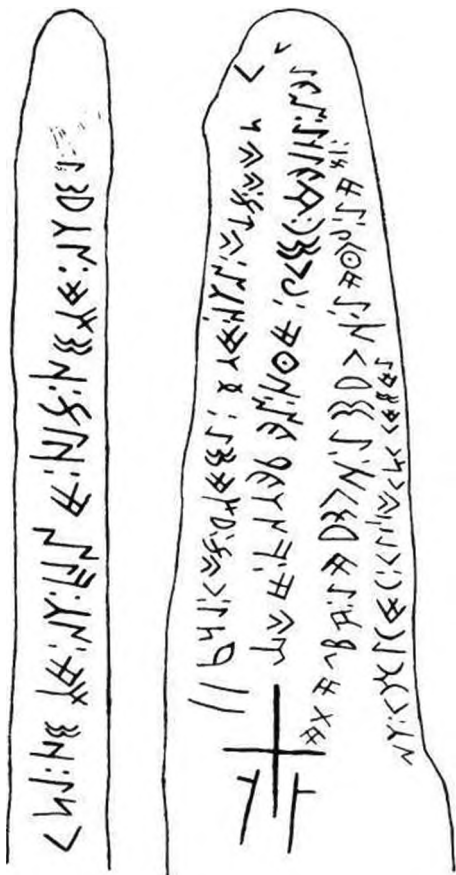
(1) На голубом небе появилась туча, темнорыжая с грязной холкой (вероятно, туча уподоблена гнедой лошади).

(2) Ради мой геройской доблести я пять раз путешествовал (букв. кружил) по моей стране.

Задняя сторона

(3) Я Бег Тархан Оге Тириг (правитель, тархан Оге Тирин) Жаль, я не наслаждался моим государством и моим ханом.

Е 59 (ХЕРБИС-БААРЫ) –
 передняя и левая стороны

Транслитерация

Передняя сторона

(1) üc oyɫ'n'm'n ulɣ'turu [ulɣatturu < ulɣadturu] um'd'm
(следующая строка перевернута и читается сверху вниз)

(2) ... 's'z'mā buŋ'ma qujda qunc'j'ma b'k'sm'd'm

(3) 'r 't'm kü'g j'g'n q'ŋ'm bod'n b'g'ŋ' 'ngā...

(4) j-ti ot'z j's'mda il'm üč'n t'q'z t't'...

Левая сторона

(5) urɣi q'd's'm 'č kin'm qiz q'd's'm üč j'nci (?) ...

Задняя сторона

(6) il 'ri üč'n üč 'siy-a t(abtım)...

(7) il'm qan'ma t'ŋri t'g'm j'ta b'km'd'm

Правая сторона

(8) q'l'n q'd's'mqa b'km'd'm j'ita kin'm ič il'...

(далее строка переворачивается) 'gümkä b'km'd'm ju'...

Перевод

Передняя сторона

(1) Я не смог вырастить трех моих сыновей.

(2) Увы, горе мне! Я не наслаждался моей госпожой в покаях.

(3) Мое геройское имя – Кюлюг Йеген. От моего отца, правителя народа, от Эня (я отделился).

(4) В мои двадцать семь лет ради моего племенного союза (я ходил на) токуз-татар...

Левая сторона

(5) Мои родственники младшего поколения, трое моих родных (единоутробных?), мои родственницы младшего поколения, три...

Задняя сторона

(6) Ради мужей государства (я приобрел) три блага (пользы)...

(7) Моим племенным союзом и моим ханом, моими божественными, увы, я не наслаждался.

(8) Моими многочисленными родственниками я не наслаждался, увы! Мои родные, внутреннее устройство государства... Я не наслаждался (не нарадовался) моей матерью, увы!

Транслитерация

(1) 'l'p jü'g'k'ηa 't'm pül'ηa 'è'è'ma

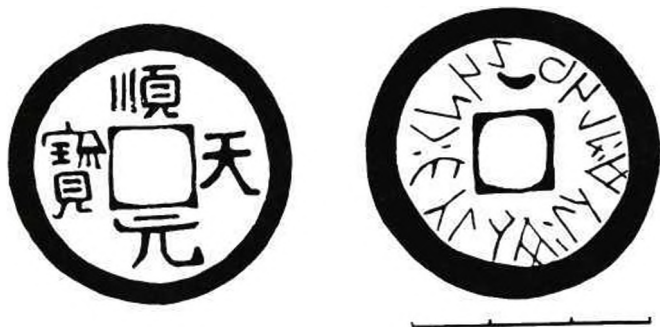
(2) i't(t)i t'ηri qoli 'd'r'l't'm 'za 's'z'mä

Перевод

(1) С сердцем витязя, с ... (?) меткого стрелка, с моими любезными родственниками¹⁵ (я разлучился).

(2) Послала десница провидения (рука божества, Неба), и я разлучился (отделился), отбившись, как мне жаль!

(РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА КИТАЙСКОЙ МОНЕТЕ 759 Г.)

Монеты с тюркскими руническими надписями представляют особый интерес. Одна из них – китайская бронзовая монета династии Тан (тип 621 г.) с рунической надписью на оборотной стороне поступила в Минусинский музей еще в конце прошлого века и неоднократно отмечалась в тюркологической литературе¹⁶. Не исключено, что зеркальное изображение той же тюркской надписи (по слепку Ю. Аспелина, было принято за самостоятельную надпись и, благодаря тому, дало повод зарегистрировать вторую монету с рунической надписью¹⁷.

В Минусинском музее, как выяснилось, хранится еще одна редкая монета с четырьмя китайскими иероглифами на лицевой стороне и шестнадцатью тюркскими рунами, не считая три разделительных знака, на оборотной (см. прорись). Монета отлита из белой бронзы. Согласно Инвентарной книге музея (№ 5617), это – «монета мятежников 759 года»¹⁸, а место находки – с. Каптерево на правом берегу Енисей.

Китайская легенда на аверсе (читается по часовой стрелке, начиная с верхнего знака): Шунь Тянь юань бао «первая монета Шунь Тянь». Девиз правления Шунь Тянь («Благонамеренное Небо») падает на 759 г.¹⁹, когда мятежный полководец Шы Сы-мин узурпировал императорскую власть, и предшествует правлению танского императора Дай-цзуна (760–762 гг.)²⁰. Шы Сы-мин был, по-видимому, тюрком по происхождению²¹.

На оборотной стороне монеты, где несколько позднее была сделана руническая надпись, отлита небольшая дуга наподобие полумесяца²². Иден-

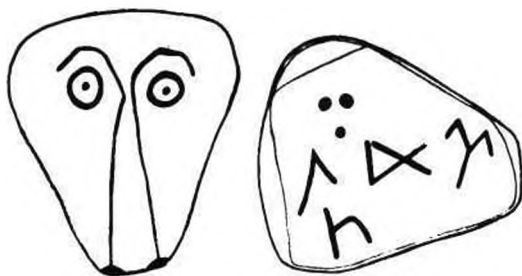
тичный знак отмечен О. И. Смирновой²⁵ на медных монетах китайского образца с тюркским именем Тургаг (правитель Самарканда с 738 г.).

Тюркская надпись, вырезанная на реверсе китайской монеты, читается по часовой стрелке или справа налево (по кругу): b'qig b'ŋi 'b kič'g urqa

«Тысяча бакыров (денежных единиц) — дом для младшего сына».

Лексика древнетюркской надписи: baqig «медные деньги, бакыр (денежная единица)», b'ŋ «тысяча», eb «дом, жилище, домохозяйство», kičig «младший, малый», ur «сын; мальчик, юноша; мужское потомство».

Судя по содержанию древнетюркской надписи, данная монета Шы Сымина имела определенную ценность и среди тюркоязычного населения. Была ли руническая надпись вырезана на монетном дворе китайского императора-тюрка по происхождению или же в Уйгурском каганате — сказать трудно. Известно, что Шы Сы-мин пытался заручиться военной поддержкой уйгуров против танской династии²⁶. Еще раньше (в 758 г.) уйгурское государство покорило на Енисее кыргызов и чиков. Следовательно, рассматриваемая монета могла попасть на Енисей вскоре после отливки.

Наше внимание в Минусинском музее привлек также небольшой гладкий камень (речная галька), найденный в деревне Очуры на левом берегу Енисея в 1913 г. (ярлык-этикетка XXII № 40, современный инвентарный № 9530–1327). На лицевой стороне этой сердцевидной гальки высечено изображение передней части головы льва, а на оборотной – четыре тюркские руны в одну строку и разделительный знак из трех точек.

Тюркская руническая надпись на гальке-талисмани (читается справа налево): *r *s *ti «Отважное сердце». Лексика надписи: er «муж, воин, герой»; uš «сердцевина» (ДТС, с. 617), ср. чувашск. аш «1) внутренность, внутренняя часть, нутро, желудок, живот; 2) сердцевина, сердце; 3) начинка; 4) подкладка»; er «мясо; 2) плоть, тело», ср. киргизск. эт жүрөк или жүрөк «сердце», жүрөк эти «сердечная мышца».

Своеобразный знак $\times$, встретившийся в тюркской рунике впервые, позволяет истолковать его как графический вариант енисейской руны $\times$ uš²⁵ или š, употребленной дважды в тексте первого памятника из Тувы (Е 49) и один раз в тексте памятника с Хемчик-Чиргакы (Тува, Е 41). Знак из трех точек ближайшим образом напоминает разделительный знак (одна вертикальная черточка вверху, две – внизу), встретившийся нам дважды в тексте первого памятника из Тувы (Е 49).

Талисман «Отважное Сердце» в представлении енисейских тюрков, по-видимому, обладал магической силой, которая вселяла львиную отвагу в сердце воина. Ср. пережиток сходного представления у киргизов – жүрөк таш «этн. детский амулет в виде сердца, якобы предохраняющий от испуга»²⁶. Вполне вероятно, что сердцевидная галька с рунической надписью использовалась в качестве точильного бруска.

Памятник с рунической надписью из шести строк найден археологом Хакасского областного музея А. Н. Липским в 1959 г. на левом берегу р. Уйбат, и в 8 км восточнее улуса Чаркова – совхоз «Степной» Усть-Абаканского района. Стела из красного песчаника (2,5х0,6х0,2 м) лежала горизонтально на вершине небольшого холма. Признаков погребения, по словам А. Н. Липского, там не обнаружено. Теперь стела выставлена для обозрения в Хакасском областном музее (инвентарный № 405 основного фонда).

Данная надпись была подробно обследована нами осенью 1972 г. в экспозиции музея (при любезном содействии А. Н. Липского, который представил нам право первой публикации). Соответствующая статья в том же году была представлена нами в «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», однако спустя год редколлегия предпочла опубликовать статью своего сотрудника В. Я. Бутанаева²⁷, который отчасти использовал наше предварительное чтение и перевод. В этой публикации отмечены, по меньшей мере, «некоторые отклонения от оригинала»²⁸.

Первооткрывателем стелы редколлегия «Ученых записок Хакасского НИИЯЛИ» и Д. Д. Васильев называют не А. Н. Липского, а М. И. Боргоякова (члена редколлегии), ср. следующее описание:

«Стела, серый песчаник, разм. 260х60х18 см, в сечении – вытянутый прямоугольник, поверхность грубо обработана, грани намечены.

Обнаружена в 1964 г. Боргояковым на холме в окрестности пос. Чарков, в 200 м от железной дороги, в 15 км от устья р. Уйбат, в том же году памятник доставлен Липским в ХМ.

Надпись в 6 стк, расположена вертикально на двух широких плоскостях, ниже надписи – полустертые следы тамги»²⁹.

В связи с этим, выполняя свой долг перед памятью А. Н. Липского, приводим здесь документ – подаренный мне в 1972 г. план местности с автографом заслуженного археолога и замечательного человека (см. ниже).

Руническая надпись выбита на двух широких гранях стелы — по три строки на каждой грани. Надпись на широкой грани, находившейся в земле (назовем ее передней стороной), сохранилась хорошо. Надпись на широкой грани, находившейся на поверхности и продолжительное время подвергавшейся атмосферным изменениям (назовем ее задней стороной), стала местами неразборчивой.

Тридцать лет спустя нам пришлось снова обратиться к черновикам визуальных наблюдений и графической реконструкции надписи. Нижняя часть стелы в экспозиции музея была скреплена железным обручем, под которым тогда скрывались, оказывается, полустертые начальные знаки рунической надписи на передней стороне стелы. Эти знаки впоследствии удалось разглядеть И. В. Кормушину³⁰, например, в начале третьей строки следует читать $u\dot{y}r q'n$ [$u\dot{y}ur qan$] «уйгурский хан» вм. нашего $^2y\dot{r} qan$ [$A\dot{y}ig qan$] «Агырхан». Вместе с тем, у И. В. Кормушина³¹ наблюдаются фактические неточности в чтении четвертой строки: $ali\ddot{c}$ (?) вм. alp «герой, богатырь; отважный», $bagim jita$ «мой бек... как грустно» вм. $jegimmi ja\ddot{s}im$ «мои двадцать лет», в пятой строке осталось непрочитанным достаточно различимое слово $el\ddot{c}isi$ «его посланник». Возможно, кто-то следующий уточнит оставшиеся спорные места.

Строки древнетюркской рунической надписи читаются справа налево (снизу вверх):

Передняя сторона

- (1) $^2r bu\dot{n} jon q'^2y'nd'n'z b\ddot{o}km'd'n'z b'g ^2rk'm b'g$
- (2) $(bu)\eta a ^2d'rld'n'z a\ddot{c}'y-a qirq ^2r'g q'n's'z qild(i)$
- (3) $u\dot{y}r q'n i\dot{l}n ^2ld'qda ^2z'y'ly to\eta'z t'g t'r'g b'g ^2siz$

Задняя сторона

- (4) $^2lp b'^2rs t'r'g j'g'rmi ja\ddot{s} m ^2rd'm ^2siza$
- (5) .... $^2l\ddot{c}isi ^2rt'm$ ....
- (6) $\ddot{o}l'rt'm k\ddot{o}k b\ddot{o}ri q'ra b'^2y' \ddot{o}l'rt'm$

Перевод надписи:

Передняя сторона

- (1) Муж. как печально, Вы приобрели, (но) не насладились, о моя княжеская власть, бек!
- (2) О горе, Вы отделились, как обидно! Сорок мужей оставил без отца (букв. сделал сиротами)
- (3) при покорении государства уйгурского хана Тириг бек, подобный клыкастому кабану, увы!

Задняя сторона

- (4) Герой Барс Тириг, мои двадцать лет, доблесть, увы!
- (5) ... Я был посланником...
- (6) Я погубил. Я погубил серого волка, черного оленя (т.е. представителей тюркских родов, тотемами которых были Волк и Олень).

Из лексики надписи: *buṭ jop* «печально, как печально (?)» — *buṭ* «печаль, скорбь» в сочетании со словом *jop* «способ, манера поведения» (ДТС, с. 272), *aṣıṭ* «горький; обидный; тяжкий, невыносимый», *aṣıṭıṭu toṗuz* «клыкастый кабан», *alp bars Tirig* «отважный барс Тириг (эпитет и имя собств. *Alp Bars Tirig*), *Tirig beg* «Тириг-бек», *erdām* «достоинство, доблесть, добродетель», *kok bögi* «серый (голубой) волк, сизый (синий) волк», *qaḡa buṭu* «черный олень».

Знаки надписи совпадают с уже известными в тюркской рунике. Особенностью данной надписи является употребление знака для г мягкого слога в слове *qıḡ* «сорок».

¹ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. SPb., 1895, SS. 304–346; Orkun H. N. Eski türk yazıtları, III. Istanbul, 1940; С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков М.–Л., 1952; Батманов И. А. и Кунаа А. Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Кызыл, 1963 (вып. I и II), 1965 (вып. III); Субракова О. В., Батманов И. А. Древние письма Хакасии, вып. I. Абакан, 1970 и некоторые другие публикации.

² Ср. Шербак А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. «Туркологический сборник 1970», М., 1970, с. 119; Кормушин И. В., Насилов Д. М. За научное, глубокое изучение древнетюркских рунических памятников. «Советская тюркология», 1972, № 5, с. 139.

³ Звук *e* (призносительный вариант фонемы *a*) в нашей транслитерации не приводится, объяснение этому см. в главе I.

⁴ Слова *āsiz*, *āsizā* (*āsizim*, *āsizima*) означают «увы, как (мне) жаль», см.: Tekin T. On a misinterpreted word in the Old Turkic inscriptions. "Ural-Altische Jahrbücher", XXXV "B", 1964, SS. 134–144

⁵ Ср. у Махмуда Кашгарского *qiz* «часть горы, не освещаемая солнцем» (Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 475), хакасск. *хус* «чаша», казахск. *күз* «утес, скала», турек. *kuzey* «север»

⁶ Слово *aqılc* (*aq+ın+ç*) «набег, вторжение» (?), вероятно, образовано от возвратной формы глагола *aq-* в значении «вторгаться, нагрянуть (о врагах)».

⁷ Толкование рунического знака для звуко сочетания *ç* дано выше, в главе I.

⁸ По всей вероятности, слово *qazıraq* связано этимологически с глаголом *qazırap* «приобретать, добывать» (собственно «приобретать для себя, добывать для себя», исторически форма возвратного залога от мертвой глагольной основы **qazı-* «приобретать, добывать») и означает «тот, кто приобретает, добывает», т.е. «добытчик», ср. *qazıralıç* «приобретение: заработок». Прежняя интерпретация этого слова как *qızıraq* «дочь» (?) расходится с руническим написанием, ср. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков, с. 19, 106, 107. Нельзя не заметить, что древнетюркское слово казгак «добытчик», представленное в выражении казгакым оглым «мой сыновья-казгаки, мои сыновья-добытчики», по-видимому, легло в основу широко известного социального термина казак (добытчик — разбойник — удалец — вольный человек — приграничный конный воин) и

этнонима *казак* (в казахском письменном памятнике XV века «Шипагерлік баян» засвидетельствована древняя форма казгак, наряду с казак).

⁹ Древнетюркский этноним *tülbäri* отразился в названии тюркоязычной родоплеменной группы *тюльбер*, жившей в XVII–XVIII вв. в бассейне р. Томи. Об этом подробнее см. *Потапов Л. П. Тюльберы енисейских рунических надписей. «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972, с. 156.*

¹⁰ Традиционное чтение *Kulüg* неприемлемо, поскольку *k* в оригинале не обозначено, ср. *Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, SPb., 1895, SS. 308–309; Orkun H. N. Eski türk yazitlari, III. Istanbul, 1940, s. 62. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков, с. 21.*

¹¹ Толкование особого графического варианта рунического знака для *p* см. выше, в главе I.

¹² Ср. якутск. *үрүн хара сүрүг* «конный и рогатый (букв. белый и черный) скот» (*Пекарский Э. К. Краткий русско-якутский словарь* Петроград, 1916, с. 191).

¹³ Возможно, описательное название божества, составленное из двух отглагольных имен, исторически причастий настоящего-будущего времени от глаголов *sök* «рассекать, отделять» и *u* «мочь, быть в состоянии» (ср. субстантивированное прилагательное того же корня *уул* «всемогущий, бог» в *Кытагъ биллг* и *уул тагъи* «всемогущий, бог» у Махмуда Кашгарского). Следовательно, сочетание *sögar ur* можно переводить как «Рассекающий Всемогущий».

¹⁴ Характерный пример новейшего, «выправленного» И. В. Кормушиным чтения и перевода данного места – *alñ är balbarñi* «шесть монах балбалов: (вражеских) воинов» – «шесть балбалов (убитых мной) воинов врага». Это толкование не столько «говорит об особенностях морфологии языка аборигенов»(?!), сколько свидетельствует о небрежном, поверхностном отношении к языку памятника. См. *Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997, с. 262–263.*

¹⁵ Слово ачачым (ача+ч+ым) «мой любезный родственник», по-видимому, состоит из исходной основы ача «родственник» (монгольск. ач «внук, племянник»), аффикса со значением уменьшительности или ласкательности и аффикса принадлежности. Ср. аначым «изменяйка моя» от ана «мать», атачым «папенька, батюшка мой» от ата «отец» (*Древнетюркский словарь, с. 43, 66, 650.*

¹⁶ *Douin E. Sur quelques monnaies turco-chinoises. "Revue numismatique", IX, Paris, 1891, p. 466; Donner O. Wörterverzeichnis zu den Inscriptions de l'enissei. "Memories de la Société Finno-Ougrienne", IV, Helsingfors, 1892, p. 65 (IX, XXXV); Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, SPb., 1895, S. 346 (с); Рыгдылон Э. Р. Новые рунические надписи Минусинского края, «Эпиграфика Востока», IV, М.-Л., 1951, с. 92, рис. 8 и 9. Щербак А. М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска. «Вестник древней истории», 1960, № 2(72), с. 139–141. Древнетюркский словарь (ДТС). Л., 1969, с. XXV; «Е 78 (монета I) – надпись из 9 рун на китайской монете эпохи Тан, 713–748 гг.»*

¹⁷ *Donner O. Указ. соч., с. 65 (XL); Radloff W. Указ. соч., с. 346; Räsänen M. Beiträge zu den türkischen Runeninschriften, "Studia Orientalia", XVII, 6, Helsinki, 1952, с. 6–7 (попытка дать чтение и толкование искаженной надписи); А. М. Щербак. Еще*

раз о монетах... с. 141: «То, что этой монеты, по словам Э. Р. Рыгдылона, в Минусинском музее нет, ставит под сомнение вопрос о ее существовании вообще»; ДТС, с. XXV: «Е 79 (монета II) — надпись из 11 рун на китайской монете из Минусинска; монета утеряна (?)».

¹⁸ Упоминание о данной монете (без указания на древнетюркскую надпись) см. С. Е. Кириллов. Древняя история Южной Сибири, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 9, М.—Л., 1949, с. 333.

¹⁹ Точнее, время с апреля 759 г. по март 760 г. Консультация в чтении китайских иероглифов получена от М. И. Ерзина и Ю. А. Зуева.

²⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, Т. I, М.—Л., 1950, с. 315—316.

²¹ Puleyblank E. G. The background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955, p. 16: "Shih Ssu-ming's original name was Su-kan. He was a Turkish [Western] barbarian of mixed race..."

²² Ср. Быков А. А. Монеты Китая, Л., 1969, с. 18.

²³ Смирнова О. И. Согдийские монеты собрания Нумизматического отдела Государственного Эрмитажа, «Эпиграфика Востока», IV, М.—Л., 1951, с. 12—14.

²⁴ Ср. Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 316; «Еще до прибытия посланника к Хойху, Чао-и (старший сын Шы Сы-мина, около 760 г., — А. А.) известил их, что Дом Тхан потерпел сугубую потерю, государство не имеет государя, и притом в смятении, и просил хана идти в Китай забрать государственные сокровища, а он не имеет нужды в них. Хан располагался вести войска на юг».

²⁵ Туна О. N. On the phonetic values of the symbols used in some of the texts in Kok-Turkish script, "Central Asiatic Journal", XI, 4, The Hague-Wiesbaden, 1966, p. 243. 253—255.

²⁶ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 532.

²⁷ Бутанаяв В. Я. Новая уйбатская сабра. «Ученые записки Хакасского НИИЯ-ЛИ», вып. XVIII, серия филологическая, № 2, Абакан, 1973, с. 149—152.

²⁸ Аманжолов А. С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореферат докт. дисс., Алма-Ата, 1975, с. 26; Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983, с. 27, ср. там же с. 76 (графическая реконструкция) и 106 (фотоиллюстрация); Кормушин И. В. Тюркские рунические эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997, с. 117—123.

²⁹ Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея, с. 27.

³⁰ Кормушин И. В. Тюркские рунические эпитафии, с. 119, 121—122.

³¹ Кормушин И. В. Тюркские рунические эпитафии, с. 120—122.

Глава IV

УТОЧНЕННЫЕ ОРХОНСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

ПАМЯТНИК В ЧЕСТЬ КЮЛЬ-ТЕГИНА

(малая надпись, большая надпись, надписи на углах и
правее китайской надписи)

ОНГИНСКИЙ ПАМЯТНИК

ПАМЯТНИК ТОНЬЮКУКА

Транслитерация

Малая надпись — КТМ (Ka₁₋₁₃)

(1) t'ηri t'g t'ηridä bolm's türk bilgü q'γ'n bu odka ol'rt'm. s'b'm'n tük'ti 'sidg'l ul'ju in'-j-gün'm oγ'l'n'm birk' oγ's'm bod'n'm birja s'd'p'ı b'gl'r jir'j' t'rq't bujr'q b'gl'r "t'z (t'rt)...

(2) t'quz oγ'z b'gl'ri bod'n'i bu s'b'm'in 'dğuti 'sid q't'ydi t'iηla. ilg'rü kün toys'q(q)a birg'rü kün ortusih'ru qurıγ'ru kün b'ts'qih'a jirγ'ru tun ortusih'ru 'nıa ič'r'ki bod'n qop m('na kō'r' 'nč'a) bod'n

(3) qop itd'm. ol 'mti 'nıy'j'q türk q'γ'n ot'k'n jis ol'rs'r iltä buη j'q. ilg'rü s'nıun j'zıq'a t'gi sü'l'd'm t'lujq'a kič'g t'gm'd'm. birg'ru t'quz 'rs'nka t'gi sü'l'd'm t'püt'kü kič'g (t'g)m'd'm. qurıγ'ru j'nč'u oğ'z

(4) k'ca t'm'r q-p'qqa t'gi sü'l'd'm. jirγ'ru j'r b'j'rqu jirinä t'gi sü'l'd'm. bunca jirkä t'gi jort'd'm. ot'k'n jisda jig idi j'q 'rm's. il tuts'q jir ot'k'n jis 'rm's. bu jirdä ol'rp t'byč bod'n birlä

(5) tüz'lt'm. 'ltun küm's is'gti qur'j buη's'z 'nč'a birür t'byč bod'n s'b'i süčig 'γ'isi jim's'q 'rm's. süčig s'b'in j'm's'q 'γ'in 'rp ir'q bod'n'γ 'nč'a j'γulir 'rm's. j'γ'u qonı'qda kisrā 'nıy bil'g 'nıa oγür 'rm's.

(6) 'dğü bilgä kišig 'dğü 'lp kišig jort'm'z 'rm's. bir kiši j'η'ls'r oγ's'i hod'n'i biš'k'ihä t'gi qidm'z 'rm's. süčig s'b'ih'a j'm's'q 'γ'isih'a 'rtur'p 'k'üs türk bod'n ölt'g. turk bod'n öls'k'η. birjā cuγ'j j'is t'g'lt'n

(7) j'zı qon'jin tıs'r türk bod'n öls'k'η. 'nıa 'nıy kiši 'nč'a bosγurur 'rm's ir'q 'rs'r j'bl'q 'γ'i birür j'γ'q 'rs'r 'dğü 'γ'i birür tip 'nč'a bosγurur 'rm's. bil'g bilm'z kiši ol s'b'γ 'lp j'γ'ru b'r'p ük's kiši ölt'g.

(8) ol j'rg'rü ol'rs'r türk bod'n ölt'č'i s'n. ot'ük'n jir ol'rp 'rq's türk's is'r n'η buη'γ j'q. ö't'k'n j'is ol'rs'r b'ihgü il tuta ol'rt'č'i s'n. türk bod'n t'q 'rq'q s'n. ač's'q tos'q om'z s'n. bir tods'r ač's'q om'z s'n. 'nt'γ'η'n

(9) ücün ig'dm's q'γ'n'η'n s'b'in 'lm't'in jir s'ju b'rd'γ qop 'nıa 'lq'nıy 'r'lt'γ. 'nıa q'lm's'i jir s'ju qop turu ölü jor'jur 'rt'g. t'ηri j'rl'q'd'q'n ücün oz'm qut'm b'r ücün q'γ'n ol'rt'm. q'γ'n ol'rp

(10) j'q cıγ'n bod'n'γ qop qubr'ld'm. č'iy'n bod'n'γ b'j qilt'm. 'z bod'n'γ 'k'üs qilt'm. 'zu hu s'b'mda ig'd b'r γu. türk b'gl'r bod'n buni 'sid'η. türk (bod'n'γ'i)rp il tuts'q'η'n bunıa urt'm. j'η'lp öls'k'η'n j'm'

(11) bunja urt'm. n'ñ n'ñ s'b'm 'rs'r b'ñgu t'sqa urt'm. 'ñ'r korü bil'ñ. türk 'mtü bod'n b'gl'r. bodka körgmä b'gl'r gu j'ñ'lt'ki siz. m'n b'(ñgu t's... t'by) c q'ñnja b'd'zci k'lurt'm b'd'z't'm. m'n'ñ s'b'm'n sim'di.

(12) t'byc q'ñn'ñ ier'ki b'd'z'cig it(i)i. 'ñ'r 'd'ññy b'rq j'r'turt'm. icin t'sin 'd'nciy b'd'z urturt'm. t's toqit'd'm. koñ'lt'ki s'b'm'n ol (t'sqa urturt'm. on uq oyl'ñ)a t'tiña t'gi buni korü bil'ñ. b'ñgü t's

(13) (ñc)a q'sd'm (W. Radloff: t'qit'd'm?)... j'q 'rs'r 'mt'qa 'rig j'rtü ir's'r ñca j'r'g j'rt'a b'ñgü t's t'qit'd'm bitid'm. 'ni kör'p 'ñca bil'ñ. ol t's... d'm. bu bit'g bit'gmä 'tis'i jol(l)'y t(ig'n).

Большая надпись – КТ6

(*K₁₋₄₀*, продолжение *Kb₁₋₁₁*.)

(1) üza kok t'ñi 'sra j'yz j'r qil'ñ'qda 'kin 'ra ki'si oyl' qil'nm's. Ki'si oyl'nta üzä 'çum 'pam bum'n q'ñn ist'mi q'ñn ol'rm's. ol'rp'n türk bod'n'ñ il'n türüs'in tuta birm's it'i birm's.

(2) tort bul'ñ qop j'ñi 'rm's su sül p'n tort bul'ñd'qi bod'n'y qop 'lm's qop b'z qil'm's. b'si 'y'j'k'nr'rm's tizl'g'g sokürm's. ilg'rü q'd'rq'n j'isqa t'gi kirü t'm'r q'p'qca t'gi q'ñ'rm's. 'kin 'ra

(3) idi uqs z k'k türk 'ñca ol'rur 'rm's. bilga q'ñn 'rm's 'lp q'ñn 'rm's bujur-qi j'ma bilga 'rm's 'rñc 'lp 'rm's 'rñc b'gl'r j'ma bod'ni j'ma tüz 'rm's. 'ni ücun il'g 'ñca tutm's 'rñc il'g tut'p törüg itm's. özincä

(4) k'rg'k bolm's. juç'i siy'tci öñra kün toys'qda bokli cöllig 'l t'byc tüpüt p r pur'm qir'q'z üc qur'q'n ol'z t'ir qit'ñ t'ib'i bunça bod'n k'l'p'n siy'tam's juçlam's 'ñ'y kül'g q'ñn 'rm's. 'ñja k'isra in'isi q'ñn

(5) bolm's 'rñc oyl'i ta q'ñn bolm's 'rñc. 'ñja k'isra in'isi 'çisin t'q qil'nmad'q 'rñc. oyl'i q'ñn t'g qil'nm'd'q 'rñc. bil'gsiz q'ñn ol'rm's 'rñc j'bl'q q'ñn ol'rmis 'rñc. buj'r'qi j'ma bil'gs'z 'rñc j'bl'q 'rm's 'rñc.

(6) b'gl'ri bod'ni tüz's'z üc'n, t'byc bod'n t'bl'g'n kürl'g ücün. 'rm'q'çis'in ücün, in'li 'çili kiñ'sürt'kin ücün, b'gli bod'nli'y jon'surt'q'n ücün türk bod'n ill'd'k ilin ic'ynu dm's.

(7) q'ñn'd'q q'ñn'in jit'rü idm's. t'byc bod'nqa b'gl'k uri oyl'ñ qul bol'ñ. sil'k qiz oyl'ñ küñ bolti türk baglar türk aün iñ'i. t'byc'ñ b'gl'r t'byc atın tut'p'n t'byc q'ñn'q'

(8) korm's. 'ig jil i's'g küç'g birm's. ilg'rü kün toys'qda bokli q'ynqa t'gi sül'ju birm's. qur'yrü t'm'r q'p'lyqa t'gi sül'jü birm's. t'byç' q'ynqa ilin törüsün 'li birm's. türk q'ra q'm'y

(9) bod'n 'nça tun's ill'g bod'n 'rtm il'm 'mti q'ni k mka il'g q'z'ynurn'n tir 'rm's. q'yn'ly bod'n 'rtm q'yn'm q'ni na q'ynqa i's'g küç'g birürm'n tir 'rm's. nça tip t'byç' q'ynqa j'yi bolm's.

(10) j'yi bolp it'nü j'rtunu um'd'q j'na iç'km's. bunça i's'g küç'g birt'kg'rü s'q'nmti türk bod'n olür'jin ur'ys'rt'jin tir 'rm's. joq'du b'rir 'rm's. üzä türk t'q'risi türk id'q jiri

(11) sub'i 'nça t'm's türk bod'n joq bolm'zun tij'n bod'n bolcun tij'n q'ñ'm il-t'r's q'yn'ly t'q'ri top's'inqä tut'p jog'rü kotürm's 'r'nc. q'ñ'm q'yn jiti j'g'rmi 'r'n t's'qm's t's'ra

(12) jor'jur tij'n kü 's'd'p b'l'qd'qi t's'qm's t'yd'qi inm's tir'l'p j'tm's 'r bolm's. t'q'ri küç' birt'k üç'n q'ñ'm q'yn süsi bori t'g 'rm's j'yi'si qon t'g 'rm's. ilg'rü qur'yrü sul'p tirm's qob'rt(m's) (q')m'yi

(13) j'ti jüz 'r bolm's. j'ti jüz 'r bolp 'ls'r'm's q'yns'r'm's bod'n'ly küñ'd'm's qul'd'm's bod'n'ly türk torusün iç'ynm's. bod'n'ly 'çüm 'pam törüsinqä j'r'tm's boş'yr'm's. tölis t'rduş (bod'n'ly 'nta 'tmiş)

(14) j'byy 's'd'y 'nta b'rm's. B'r'jä t'byç' bod'n j'yi 'rm's. j'ir'ja b'z q'yn t'quz o'z bod'n j'yi 'rm's. q'irq'z qur'iq'n ol'z t't'r qit'n t't'bi qop j'yi 'rm's. q'ñ'm q'yn bunça...

(15) q'irq 'rt'qi j'ti j'oli sül'm's j'q'rmi sün'q's suñ's'm's. t'q'ri j'rt'l'q'd'q üçün ill'g'g 'ls'r'tm's q'yn'ly q'yns'r'tm's. j'yi' b'z qilm's tizl'g'g sokürm's baş'ly' jük'ntür(m's q'ñ'm q'yn) 'nça il'g

(16) torüg q'z'yn'p uça b'rm's. q'ñ'm q'ynqa b's'l'ju b'z q'yn'ly b'lb'l' tikm's. ol törüdä üzä 'çim q'yn ol'rt'i. 'çim q'yn ol'r'p'n türk bod'n'ly j'ica itdi ig'ti. ç'yn'ly (b'j qilti 'z'y ük's qilti).

(17) 'çim q'yn ol'r'q'da oz'm t'rduş bod'n üzä 's'd' 'rt'm. 'çim q'yn birla ilg'rü j'ç'i ög'z s'ntuñ j'z'iq'a t'gi sül'd'm'z qur'yrü t'm'r q'p'lyqa t'gi sül'd'm'z kögm'n 'sa qi(rq'z jir'na t'gi sül'd'm'z).

(18) q'm'yi biş ol'z sül'd'm'z üç j'g'rmi sün'q's'd'm'z. ill'g'g ils'r't'd'm'z. q'yn'ly'q q'yns'r't'd'm'z, tizl'g'g sok'rt'm'z. b's'l'ly' j'küñ'rt'm'z. t'ürg's q'yn türk'm'z (bod'n'm 'rti. bilm'd'k'n)

(19) üçün biz'na j'ñ'l'q'n üçün q'yn' ol'ti, buj'r'q'i b'gl'ri j'mä ölti, on 'q bod'n 'ng'k kori. 'çüm'z 'pam'z tutm's jir sub id's'z bolm'zun tij'n 'z bod'n'ly il'p j'r('t'p)...

(20) b'rs b'g rti, q'yn r bunta biz birt'm'z. siql'm qunç'juy birt'm'z. ozi j'ql'i. q'yni ölti. bod'ni kun qul bol'ti. kögm'n jir sub id's'z q'lm'zun tijn 'z qir'q'z bod'n'y j'rt (p k'lt'm'z suq'ş'd'm'z il'n)

(21) j'na birt'm'z. 'lg'ru q'd'rq'n j'is'y 'sa bod'n'y n'ca qonl'r't'm'z 'n'ca itd'm'z. qur y'ru k'q'u t'rm'nqa t'gi türk bod'n'y n'ca qonl'r't'm'z n'ca itd'm'z. ol odk'a qul quill'y bol'm's (k'q' küq'lg bol'm's rti. inisi 'çisin bilm'z rti. oyl'i q'q'in bilm'z rti).

(22) n'ca q'z'ynm's itm's 'l'm'z torüm'z rti. türk o'yz b'gl'ri bod'n 'ş'd'q üzä t'q'ri b'sm's'r 'sra jir t'lnm's'r türk bod'n 'l'q'in torüq'n k'm r'ti. (ud'çi rti. türk bod'n)

(23) ökün. korgün'n ücün ig'dm's bilga q'yn'na r'm's b'rm's 'dgu 'l'na k'n'u j'q'ly j'bl'q kigürt'g. j'rt'q'ly q'rt'n k'lp j'na 'ltdi s'q'g'g' q'n't'n k'lp'n s'ra 'ltdi. id'q ö't'k'n j'is (bod'n b'rd'y. ilg'rü b'ry'ma)

(24) b'rd'y qur'yr'u b'ry'ma b'rd'y. b'rd'q jirda 'dgu' ol r'q'ç. q'n'q sub'ca jug'rti s'q'kuq t'q'ca j'rt'i b'g'lg ur'i oyl'q' qul bol'ti s'l'k q'z oyl'q küq bol'ti. bilm'd'k üc'n (j'bl'q'q'n üc'n 'çim q'yn u'ca b'rdi).

(25) b'sl'ju qir'q'z q'yn'y b'lb'l' tikd'm. türk bod'n'y 'ti küsi joq bol'm'z'n tijn q'q'm q'yn'y ögm' q'tun'y köt'rm's t'q'ri. il birg'ma t'q'ri. türk bod'n 'ti küsi joq bol (m'zun tijn. ozim'n ol t'q'ri)

(26) q'yn ol'rt'di r'q'ç. n'q j'is'y bod'nqa ol'rm'd'm. i'çra u'ss'z t'sra tons'z j'bz j'bl'q bod'nta üza ol'rt'm. in'm kül tig'n birla sözi's'd'm'z. q'q'm'z 'çim'z q'z (q'nm's bod'n 'ti küsi joq bol'm'zun

(27) tijn türk bod'n ücün tün ud'm'd'm kunt'z ol'rm'd'm. in'm kül tig'n birla 'ki ş'd birla olü j'itü q'z'q'nt'm. n'ca q'z'yn'p birki bod'n'y ot sub q'ilm'd'm. m'n (oz'm q'yn ol'rt'q'ma jir s'ju)

(28) b'rm's bod'n olü j'itü j'd'q'n j'l'q'n j'na k'lti. bod'n'y ig'd'jin tijn j'ry'ru o'yz bod'n t'pa. ilg'rü q'it'n t' b'i bod'n t'pa, birg'ru t' b'ç t'pa ul'y s'ü 'ki j'g'rm'i... (s'q'ş'd'm n'ca)

(29) kisra t'q'ri j'rt'q'zu qut'm b'r üc'n ülüg'm b'r ücün ol't'çi bod'n'y tir'grü ig't'm. j'l'q bod'n'y tonl'y çiy'n bod'n'y b'z q'ilt'm. 'z bod'n'y uk's' q'ilt'm. i'yr 'll'g'da (i'yr q'ynl'y'da j'g' q'ilt'm. t'ört bul'q'd'q'i)

(30) bod'n'y qop b'z q'ilt'm jay'siz q'ilt'm. qop m'na korti. is'g kuc'g birür bunca torüg q'z'yn'p in'm kül tig'n ozin'ca k'rg-k bol'ti. q'q'm q'yn ucd'q'da in'm kül tig'n j'it (i j'ş'da q'lt'i. on j'ş'da)

(31) um'j t'g og'm q'tun qut'na in'm kul tig'n 'r 't bul'i. 'lti j'g'imi j'si'na 'çim q'γ'n ilin t'orusin ança q'z'γ'nti. 'lti çub soyd'q t'pa sul'd'm'z buzd'm'z. t'byç o'η tut'q bi's t(um'n sũ k'lti, sũ'ş'd'm'z)

(32) kul tig'n j'd'γ'n opl'ju t'gdi. o'η tut'q jorçin j'r'ql'y 'l'g'n tutdi j'r'ql'ydi q'γ'nqa 'nçul'di. ol sug 'nta joqqi'sd'm'z. bir ot'z j'si'na ç'ca s'ηunka sũ'ş'd'm'z. 'η 'lki t'd'q n çur'η boz ('t'γ bin'p t'gdi, ol 't 'nta)

(33) ölti... kintu i'sb'ra j'm't'r boz 't'γ bin'p t'gdi. ol 't 'nta ölti. üç'ndç j'g'n sil('g) b'g'η k'd'm'lg tor'γ 't bin'p t'gdi. ol 't 'nta ölti j'r'q'nta j'lm's'nta jüz 'rt'q 'qun ur'ti. jir'ηa b's'ηa bir t('gurm'di)...

(34) t'gd'kin türk b'gl'r kop bilirsiz. Ol süg 'nta joqqi'sd'm'z. 'nta kisra j'r b'j'rqu ul'γ irk'n j'γ'i bol'ti. 'nı j'ñ'p t'ürgi j'r'γun költä buzd'm'z. ul'γ irk'n 'zq'ña 'r'n t'z'p b'rdi. kul tig'n ('lti ot'z)

(35) j'si'na q'ir'q'z t'pa sũl'd'm'z. sũ'ηüg b't'mi q'r'γ sok'p'n kogm'n j'i's'γ toya jorip, q'ir'q'z bod'n'γ uda b's'd'm'z. q'γ'nin birla sũ'ηa j'i'sda sũ'ηü'sd'm'z. kül tig'n b'j'rqu(n'η 'q 'd'γ'r'γ)

(36) bin'p opl'ju t'gdi. bir 'r'g 'q'n ur'ti, 'ki 'r'g ud'sru s'ñç'di. ol t'gd'kda b'j'rqu'n'η 'q 'd'γ'r'γ udl'q'n s'ju ur'ti. q'ir'q'z q'γ'n'n ö'l'r't'm'z ilin 'l'm'z. ol j'ilqa turg's (t'pa 'ltun j'i's'γ)

(37) toya 'rt's üg'z'g k'ça jorid'm'z. t'ürg's bod'n'γ uda b's'd'm'z. t'ürg's q'γ'n susi bolcuda ot'ca 'burca k'lti sũ'ş'd'm'z. kül tig'n b's'γu boz 't bin'p t'gdi. b's'γu boz k...

(38) tut'ztu 'kisin özi al't'zdi. 'nta j'na kir'p t'ürg's q'γ'n buj'r'q'i, 'z tut'quy 'l'g'n tutdi. q'γ'nin 'nta ö'l'r't'm'z ilin 'l'm'z. q'ra t'ürg's bod'n qop iç'kdi. ol bud'n'γ t'b'rdä qo(n'l'r't'm'z, j'na jor'p)...

(39) soyd'q bod'n it'jin tij'n jincü ug'z'g k'ça t'm'r q'p'γqa t'gi sũl'd'm'z. 'nta kisra q'ra turg's bod'n j'γ'i bolm's k'η'r's t'pa b'rdi. biz'η su 'ti tur'q 'zuq'i joq 'rti. j'bl'q ki'si 't...

(40) 'lp 'r biz'ηa t'gm's 'rti. 'nt'γ odkâ ok'n'p kül tig'n 'z 'r'n irtürü it'm'z. ul'γ sũ'η's sũ'ş'm's. 'lp s'lc'i 'q 'tin bin'p t'gm's. q'ra turg's bod'n'γ 'nta ö'l'r'm's 'l'm's. j'na jor'p...

(41) (1) ...birla qo'su tut'q birla sũ'η'ş'm's. 'r'n qop ölürm's. 'bin b'r'(min) q'lis'z qop k'lürti. kül tid'n jiti ot'z j'si'na q'rl'q bod'n 'rür b'nür 'r'kli j'γ'i bol'ti. t'm'γ id'q b's'da sũ'ş'd'm'z.

(42) (2) (kül) tig'n ol sũ'η'sdä ot'z j's'jur 'rti. 'lp s'lc'i 'qin b'n'p opl'ju t'gdi. 'ki 'r'g ud'sru sanç'di. q'rl'quy ö'l'r't'm'z 'l'm'z. 'z bod'n j'γ'i bol'ti. q'ra költä sũ'ş'd'm'z. kül tig'n bir q'ir'q j's'jur 'rti. 'lp s'lc'i 'qin

(43) (3) bin'p opl'ju t'gdi. 'z t'e'b'rg tut'zdi 'z bod'n 'nja joq bol'ı. 'çim q'γ'n ili q'm's'γ bol't'qinta bod'n il'gi k'gi bol't'q'nta ızgl bod'n birla s'ñ'ş'd'm'z. kül t'ign 'lp ş'l'ç'i 'q'n bin'p

(44) (4) opl'(ju t'g)di. ol t' 'nja t'ş(di). ızgl'(bo)d'n ol'ti. t'quz o'γ'z bod'n k'ntü bod'n'm r'tı. t'q'ru j'ir bul'γ'qin ücün j'γ'ı bol'ı. bir j'ilqa biş j'oli su'ñ'ş'd'm'z. 'ñ il'k to'γ b'l'qda su'ñ'ş'd'm'z.

(45) (5) kül t'ign 'zm'n 'q'γ bin'p opl'ju t'gdi. 'lti 'rg s'ñ'ç'di. s'u (t)'giş'nta j'it'n'ç 'rg q'il'ç'i'di. k'nti quş'l'γ'qda 'd'z birl'ä s'ñ'ş'd'm'z. kül t'ign 'z j'γ'zin bin'p opl'ju t'g p. bir 'rg s'ñ'ç'di.

(46) (6) t'quz 'rg 'g'ra t'qidi. 'd'z bod'n 'nja ölti. öç'n'ç bol...nda o'γ'z birla s'ñ'ş'd'm'z. kül t'ign 'zm'n 'q'γ bin'p t'gdi, s'ñ'ç'di. süsin s'ñ'ç'd'm'z, ilin 'lt'm'z. t'ört'n'ç ç'us b'ş'nta su'ñ'ş'd'm'z. turk

(47) (7) bod'n 'd'q q'm's'ı'di. j'bl'q bol't'ç'i 'rti. o'za k'lm'ç süsin kül t'ign 'γ't'p. to'ña b'r o'γ's 'lp'ru on 'rg. to'ña t'ign j'oy'nta 'g r'p ol'ürt'm'z. biş'n'ç 'zg'nti q'd'zda o'γ'z birla s'ñ'ş'd'm'z. kül t'ign

(48) (8) 'z j'γ'zin bin'p t'gdi, 'ki 'rg s'ñ'ç'di. b'liq(q)a b'rm'di. o'γ'z 'nja ö'l(ti). m'γ'i qor'γ'n q'iş'l'p j'z'nta o'γ'z'ru s'ü t'ş'qd'm'z. kül t'ign 'b'g b'ş'l'ju q'it'm'z. o'γ'z j'γ'i ordu'γ b'ş'di. kül t'ign

(49) (9) o'g's'z 'q'in bin'p t'quz 'r'n s'ñ'ç'di, ordu'γ b'rm'di. ög'm q'tun ul'ju ogl'r'm 'k'l'r'm k'l'nun'm qu'nc'j'l'r'm bun'ça j'ma t'irgi küñ bol't'ç'i 'rti. ol'gi jurt'da j'olta j'tu q'it'ç'i 'r'g'z.

(50) (10) kül t'ign joq 'rs'r. kop ol't'ç'i 'r'g'z in'm kül t'ign k'rg'k bol'ı. öz'm s'q'nt'm korür köz'm korm'z t'g. bil'r bil'g m bilm'z t'g bol'ı. öz'm s'q'nt'm öd t'q'ri j's'r, kişi o'γ'lı kop ol'g'li t'örüm'ş.

(51) (11) 'nça s'q'nt'm. közdä j'ş k'ls'r. 'ti da köñ'ltä si'γ'i k'ls'r. j'nt'ru s'q'nt'm. q't'γ'di s'q'nt'm. 'ki s'd ul'ju in'j'gün'm o'γ' n m b'gl'r m bod'n'm kozi q'ş'i j'bl'q bol't'ç'i t'p s'q'nt'm. j'oy'ç'i si'γ'ç'i q'it'n t'ç'bi bod'n b'ş'l'ju

(52) (12) ud'r s'ñ'ün k'lti. t'by'ç q'γ'nta is'ji lik'ñ k'lti, bir tum'n 'γ'i 'ltun küm'ş k'rg'ks'z k'l'ürti. t'uput q'γ'nta b'öl n k'lti. qur'ja küñ b'ts'qd'q'i so'γ'd b'r'ç'k'r buq'r'q ul s bod'n'nta n'ñ s'ñ'ün o'γ'l t'rq'n k'lti.

(53) (13) on 'q o'γ'l'm turg'ç q'γ'nta m'q'r'ç t'm'γ'ç'i. o'γ'z bil'gä t'm'γ'ç'i k'lti. q'ir'q'z q'γ'nta t'rduş in'ñ'çu ç'ur k'lti. b'rq itgüç'i, b'd'z j'r't'γ'ma bir'g t'ş itgüç'i t'by'ç q'γ'n ç'iq'ni ç'ñ s'ñ'ün k'lti.

Надписи на углах (К I–III) и правее китайской надписи (К с)

(К I) kül tig'n'η 'ltunim küm'š'in 'γisin b'r'min tor(t biη?) q'rasin j'γm's tujγ'i bu ... b'g'm t'gin j'g'ru t-η(ri)... t's bit'd'm. joll'γ tig'n.

(К II) bunča bit'g bit'gma kül tig'n 'tisi jol(l)'γ tig'n bitid'm. jig'rmi kun ol'r'p bu t'sqa bu tamqa qop jol(l)'γ tig'n bitid'm. iγ'r oyl'n'η zda t'jγun'η zda j'g'da ig'dur 'rt'g z. uča b'rd'γz. t'ηri tir'gd'kica...

(К III) kül tig'n qoñ jilqa jiti j'g'rm'ka ucdi. toq'z'nč 'j jiti or'zqa joγ 'rtürt'm'z. b'r'qin b'd'z'n bit'g t's(in) bičün jilqa jit'nc 'j jiti or'zqa qop 'lq'd'm'z. kül tig'n o(l'p) qirq 'rr'qi jiti j-š'η bol'ti. t's (b'r)... bunča b'd'z'ciγ tujγ'n 'l'b'r k'lü(r)ti.

(К с) (1) in'ncu 'pa j'γ'n t'r'q'n at'γ birt'm... ('ni ögtürt'm)

(2) qur'd'n bul't orti. in'm kül tig'n... (üčün ölü jitü) i's'g küč'g birt'k üčün türk bilga q'γ'n jirtä in'm kül tig'n'g kuz'dü ol'rr'(m)

Перевод

Малая надпись – КТМ (Ka₁₋₁₃)

(1) Небоподобный, из Неба возникший гюркский мудрый каган, я нынче воссел (на царство). Речь мою полностью выслушайте. идущие следом вы, мои младшие братья и племянники, мои сыновья, союзные мои племена и народы, справа шаданып беки, слева тарканы и приказные беки!

Отуз-(татары)!...

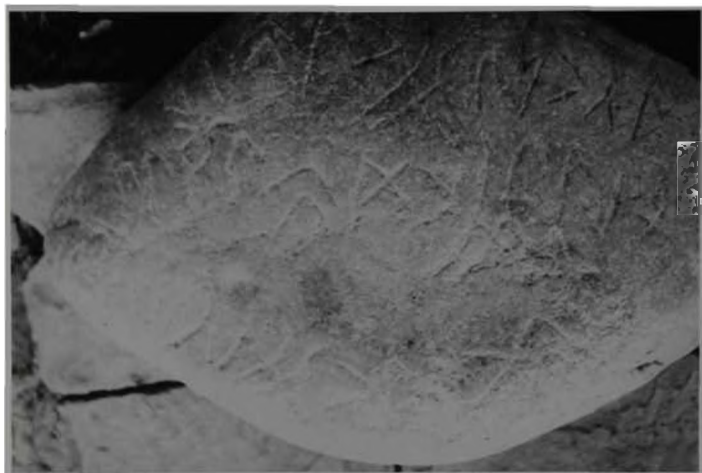
(2) Беки (начальники) и народ токуз-огузов, эту мою речь хорошенько слушайте и крепко ей внимайте! Впереди на востоке, справа на юге, позади на западе, слева на севере — повсюду тамошние народы все мне подвластны. Столько народов

(3) я полностью устроил! Если в Отюкенской черни царствует тюркский каган, у которого нет теперешней испорченности, то в племенном союзе (государстве) нет печали. Вперед (на восток) я ходил с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря. Направо (на юг) я ходил с войском вплоть до Токуз-Эрсена («Девять источников»?), немного не дошел до Тибета. Назад (на запад) через реку Йенчу (Сырдарья)

(4) переправясь, дошел с войском вплоть до Темир-Капыга («Железных ворот»). Налево (на север) я дошел с войском вплоть до местности Йер-Байырку. До стольких земель я ходил походами! В Отюкенской черни (в верховьях Орхона на Хангае) прежде не было хорошего владельца (господина),

Таласская руническая надпись на валуне (Т 4)

Таласская руническая надпись на валуне (Т 10).

Таласская руническая надпись на половинке каменного диска.

Руническая надпись на таласской палочке.

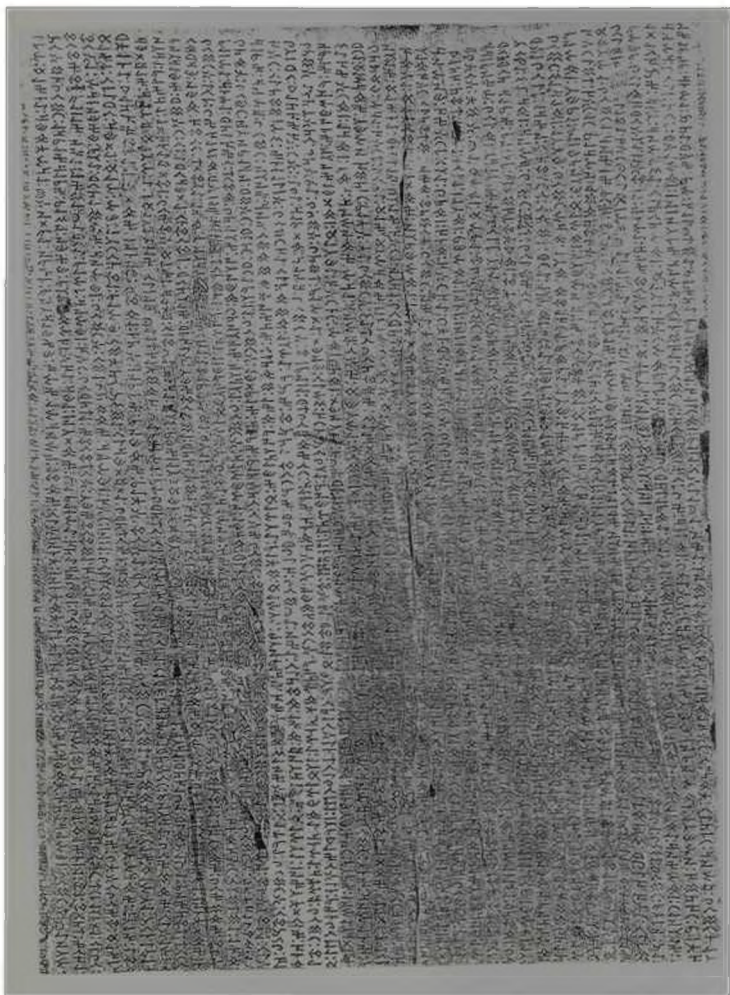

Бронзовое зеркало и каменный талисман, на которых автором выявлены рунические надписи (Центральный музей Казахстана, Алматы, 1985 г.).

Руническая надпись на скальном камне близ Мерке (бассейн р. Чу).

Памятник в честь Кюль-тегина, восточная сторона (КТ6, 1–40, верх)

Встреча с турецкими коллегами у памятника Бильге-кагану. Слева направо:
Ч. Алиылмаз, А. С. Аманжолов, М. О. Арык (Монголия, 1997 г.).

Памятник в честь Тоньюкука, стела I. Режиссер С. Аббасшах и
А. С. Аманжолов (Монголия, 1997 г.).

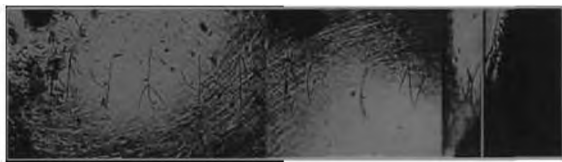
Прототюркская руническая надпись на костяном амулете (р. Иртыш).

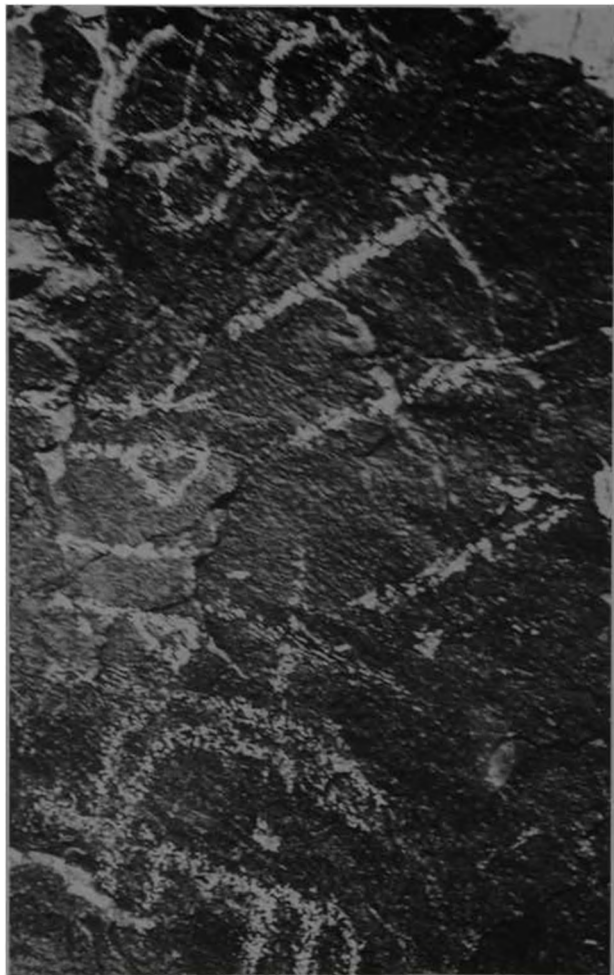
Руническая надпись на скальном камне (р. Иртыш).

Руническая надпись на серебряном браслете (р. Иртыш)

**Прототюркская руноподобная надпись на серебряной чашечке (р. Или).
Фоторазвертка О. В. Медведева.**

Первая илийская руническая надпись

Руническая и грекографическая надписи
на каменном пряслице (р. Или).

Наскальная надпись древнегреческим письмом в окружении тибетских буддийских формул (р. Или).

Древнетюркская наскальная надпись древнегреческим письмом (р. Или).

Древнетюркская надпись древнегреческим письмом, обнаруженная автором среди петроглифов скалы Тамгулукташ (р. Или).

Руническая надпись на керамическом амулете (р. Сырдарья).

Руническая надпись на обломке керамического сосуда
(р. Сырдарья).

Руническая надпись на бронзовом зеркале (р. Янк-Урал).

А. С. Аманжолов и его ученики – участники Международной конференции «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности» (Астана, 2001 г.).

но местностью, в которой (откуда) следовало управлять государством, была (именно) Отюкенская чернь. Поселившись в этой местности, я уладил отношения с народом табгач (название ассимилированного тюркского племени в Северном Китае, которое в орхоно-енисейских надписях обозначало Китай и китайцев).

(5) У народа табгач, дающего без ограничений столько золота, серебра, горячительных напитков и шелка, речи обычно сладкие, а дары – мягкие (роскошные). Прельщая сладкими речами и роскошными дарами, они (табгачи, китайцы) всегда так приближали к себе далеко жившие народы. Поселившись же поблизости, затем (эти народы) усваивали там дурные знания (дурное мудрствование).

(6) Хороших и мудрых людей, благородных героев (табгачи) не могли побудить к движению (на юг). Если кто-нибудь и совершал ошибку, то его племя, его народ не жертвовали им окончательно (букв.: вплоть до его колыбели, «до свойственников» у С. Е. Малова). Дав соблазнить себя их сладкими речами и роскошными дарами, ты, о тюркский народ, во множестве погиб! Тюркский народ, ты непременно погибнешь! Если говоришь, что желаешь поселиться справа (на юге) не только в Чугайской черни (Инь-Шань),

(7) но и в Тюнской равнине (Гоби, ср. Кара-Кумы в памятнике Тоньюкука), ты, о тюркский народ, непременно погибнешь! Тогда (лукавые) люди так подстрекали тебя, говоря: «Кто далеко, тому дают плохие подарки, а кто близко, тому дают хорошие подарки», так они подстрекали. Неразумные (не обладавшие истинными знаниями) люди, поверив тем речам и подойдя близко, погибли в большом количестве.

(8) О тюркский народ, если ты поселишься в той земле (местности), ты можешь погибнуть (становишься на краю гибели) Если же ты, находясь в местности Отюкен, посылаешь караваны (за подарками, т. е. за данью), у тебя нет никакой печали. Если ты обитаешь в Отюкенской черни, ты можешь жить, созидавая (поддерживая) свое вечное государство. О тюркский народ, (когда) сытый ты упрям, ты не думаешь о голодных и сытых. Раз насытившись, ты не думаешь о голодных. Вследствии этого,

(9) не прислушиваясь к словам возвысившего (твое благосостояние) кагана, ты разошелся по разным землям и там совершенно ослабел и изнурился. Тот же, кто остался тогда (в живых), скитался в походах по разным странам (землям) в совершенно жалком состоянии (букв. то живя, то умирая). По чюдности неба и личному счастью я воссел каганом. Сев каганом,

(10) я вполне собрал нищий, немущий народ. Немущий народ я сделал богатым, малочисленный народ я сделал многочисленным. Разве есть ложь в

этих моих словах?! О тюркские начальники (беки) и народ, слушайте это! Я вырезал здесь (на памятнике), как следует сплачивать тюркский народ и управлять племенным союзом (государством). О том, как ты, впадая в ошибки, должен был погибнуть,

(11) я также здесь вырезал. Смотри на него, знайте (т. е. помните это предостережение), тюркский нынешний народ и начальники! Подвластные престолу беки, вы, ведь, склонны ошибаться! Я вечный камень... Я пригласил от (табгачского) императора мастеров-резчиков и поручил им выполнить резьбу. Они не исказили моей речи (т. е. надпись сделана правильно).

(12) Мне послали придворных резчиков табгачского кагана (китайского императора). Им я поручил устроить особое (специальное) здание, повелел украсить его внутри и снаружи особой резьбой, повелел воздвигнуть камень (памятник) и на том (камне повелел вырезать) мою сокровенную речь. Смотри на него, знайте (все), вплоть до сыновей «десяти племен» и до иноплеменников (иноземцев)! Вечный камень (памятник)

(13) я установил... Если его уже нет, если до настоящего времени он на месте стоянки (дорожной остановки), то именно так на месте стоянки я воздвиг вечный камень (памятник) и сделал надпись. Смотри на него, так знайте: тот камень... я (воздвиг). Эту надпись писавший – родной племянник его Йолыг-тегин).

Большая надпись – КТб

(K₁₋₄₀, продолжение Kb₁₋₁₃)

(1) Когда вверху было сотворено голубое Небо, а внизу бурая Земля, между (ними) обоими появились сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Воссев, они поддерживали и устраивали племенной союз (государство) и установления тюркского народа.

(2) Четыре угла (т. е. народы четырех стран света) все были (им) врагами. Выступая в походы с войском, они вполне покорили и принудили к миру народы четырех углов. Имеющих голову они заставили поклониться (склонить голову), имеющих колени они заставили преклонить колени. Вперед (т. е. на восток) вплоть до Кадырканской черни (до Хингана), назад (т. е. на запад) вплоть до Темир-Капыга (до «Железных ворот» Гиссарского хребта) они расселили (свой народ). Между (этими) двумя (пределами)

(3) так долго обитали небесные («голубые») тюрки, не имевшие господствующего племени (правлящих знатных родов, по П. М. Мелио-

ранскому). Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы. Их буюруки («приказные») также, по существу, были мудры и мужественны, их беки и народ также были прямы (т. е. верны кагану). Поэтому они так долго, по существу, управляли государством и, укрепляя его, устанавливали законы. (Затем) сами

(4) они скончались. Соболезнующие и оплакивающие (по этому поводу): спереди на востоке племенной союз Бёклийской степи (чжурчжени?), табгачи (китайцы), тибетцы, авары, византийцы (Рим), кыргызы, уч-курыканы, отуз-татары, кидане и татабийцы (сянбийцы?) — столько народов (т. е. их посланников), придя, стенали и плакали. Столь знаменитыми каганами были они! После этого их младшие братья стали каганами.

(5) их сыновья стали, по существу, каганами. Поскольку затем младшие братья не были воспитаны так, как старшие, а сыновья не были воспитаны, как их отцы, то воцарились, по существу, неразумные каганы, воцарились трусливые каганы, и их буюруки также, по существу, были неразумны, были трусливы.

(6) Вследствие криводушия (т. е. неверности кагану) их беков и их народа, вследствие коварных и хитрых приемов табгачского народа, вследствие подстрекательства его обманщиков, вследствие раздоров между младшими и старшими братьями, вследствие противоречий между беками и народом тюркский народ привел в расстройство свой (до того времени) существовавший племенной союз

(7) и навлек гибель на царствовавших над ним каганов. Табгачскому народу они (тюрки) стали рабами своими крепкими сыновьями и рабынями своими чистыми дочерьми. Тюркские правители (беки) сложили с себя свои тюркские имена (т. е. звания и титулы) и приняв табгачские титулы табгачских правителей, подчинились табгачскому кагану (китайскому императору).

(8) Пятьдесят лет отдавали они (ему свои) труды и силы. Вперед на восток они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана, назад (т. е. на запад) они ходили войною вплоть до Темир-Капыга и отдали табгачскому кагану свой племенной союз и власть (над собою). (Затем) весь простой тюркский

(9) народ сказал так: «Я был народом, составлявшим племенной союз, где теперь мой эль (государство)? Для кого я добываю (другие) племенные союзы?» — так он говорил. «Я был народом, имевшим (собственного) кагана, где же мой каган? Какому кагану отдаю я (свои) труды и силы?» — так он говорил. Так говоря, он стал враждебным табгачскому кагану.

(10) Став враждебным и не будучи в состоянии устроиться и создать (свое государство), он (тюркский народ) опять подчинился. Не думая отдавать столько трудов и сил, тюркский народ говорил: «Лучше погублю и искореню (себя)!» И он стал погибать.

(Тогда) вверху Небо тюрков и священная Земля

(11) и Вода тюрков сказали так: «Пусть не погибнет тюркский народ, пусть будет народом!» И поэтому Небо, возвышая (букв.: держа за макушку) моего отца Эльтериш-кагана и мою мать Эльбильге-катун, по существу, возвысило их (над народом). Мой отец-каган выступил (сначала) с семнадцатью мужьями

(12) Услышав весть о том, что он ходит за пределами, жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились (к нему) и, собравшись, составили семьдесят мужей. Так как Небо дало (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а его враги были подобны овцам. Предпринимая походы вперед и назад (т. е. на восток и на запад), он (мой отец) собирал и поднимал (силы восставших), так что всех их

(13) стало семьсот мужей. Когда их стало семьсот мужей, он (мой отец) привел в порядок и наставил по установлениям моих предков народ, который лишился своего «эля» (т. е. независимого государства) и своего кагана, народ, который превратился в рабов и рабынь, народ, который утратил (свои) тюркские установления. Тогда же он устроил народы телис (толеш) и тардуш.

(14) дал им тогда ябгу и шада (военных наместников из ханского рода). Справа (на юге) народ табгач был (ему) врагом, слева (на севере) Баз-каган и народ токуз-огузов был врагом, кыргызы, курыканы, отуз-татары, кидане (кытай) и татабы все были (ему) врагами. Мой отец-каган столько...

(15) сорок семь раз он ходил походами и дал двадцать сражений. По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших таковые, отнял каганов у имевших своих каганов (т. е. у враждебных ему народов), усмирил врагов, имевших колени заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить головы. Так мой отец-каган государство

(16) и власть приобретя, улетел (т. е. умер). В честь моего отца-кагана водрузили «балбалов» (т. е. вереницу каменных столбиков-символов убитых им врагов) во главе с (огузским) Баз-каганом, а правление перешло к моему дяде-кагану (букв.: над тою властью сел мой дядя-каган). Мой дядя-каган, сев (на царство) опять устроил и возвысил тюркский народ, немущих (он сделал богатыми, немногочисленных он сделал многочисленными).

(17) Когда сидел каганом мой дядя, я сам был шадом над тардушским

народом. С моим дядей-каганом мы ходили войною вперед (на восток) вплоть до реки Яшыл (р. Хуанхэ) и Шантунгской равнины, назад (на запад) мы ходили войною вплоть до Темир-капыга. Перейдя через Когмен (Саянский хребет), мы ходили войною вплоть до страны кыргызов...

(18) Всего мы предприняли двадцать пять походов, дали тринадцать сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы, лишили каганов у имевших (своих) каганов, имевших колени заставили преклонить колени, а имевших головы заставили склонить (головы). Тюргешский каган был наш же тюрк (из моего же народа. Так как он не понимал и)

(19) так как он провинился перед нами, то сам (тюргешский) каган погиб, его буюруки и беки также погибли, а «десятиплеменный» народ (западных тюрков) подвергся притеснениям. Чтобы не была без хозяина страна (букв.. земля и вода), находившаяся во власти наших предков, мы устроили народ азов (и дали им правителя. Это)

(20) был Барс-бек. Мы дали ему здесь (в то время) титул кагана и дали ему (в жены) мою младшую сестру-принцессу. Он сам провинился, (в результате) их каган погиб, а его народ стал рабынями и рабами. Чтобы страна (земля и вода) Когмен не оставалась без хозяина, мы устроили народ аз-кыргызов. Мы сразились и

(21) снова отдали их племенной союз (государство). Вперед (на восток) за Кадырканской чернью (за Большим Хинганом) мы поселили таким образом народ и устроили его, назад (на запад) вплоть до Кенгу Тармана мы поселили таким образом тюркский народ и устроили его. В то время рабы стали рабовладельцами, [рабыни стали рабовладелицами, младшие братья не знали своих старших братьев, а сыновья не знали своих отцов (т. е. не зависели от них)].

(22) Так были приобретены и устроены наш племенной союз и наша законная власть. Тюркские (т. е. главные) огузские беки и народ, слушайте! Если Небо сверху не давило (тебя), если Земля внизу не разверзлась (под тобой), о тюркский народ, кто мог погубить твое государство (твой племенной союз и законную власть над тобою)? Тюркский народ,

(23) покайся! Ты сам провинился и сделал низость по отношению к твоему мудрому (правящему) кагану, возвысившему тебя ради твоей же преданности, и по отношению к твоему племенному союзу, хорошему по своим качествам и делам. Откуда пришли вооруженные (люди) и рассеяли тебя? Откуда пришли копыеносцы и увлекли тебя? Ты сам, о народ священной Отюкенской черни, ушел. То ходил ты вперед (на восток),

(24) то ты ходил назад (на запад). В тех землях, куда ты отправлялся, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (громоздились там), как горы: твои крепкие сыновья стали рабами, твои чистые дочери стали рабынями. Вследствие (твоего) непонимания (своих нужд), вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел (т. е. умер, вернее был убит во время смут войном из племени байырку).

(25) Во главе (вереницы каменных столбиков) я поставил балбалом (в честь моего дяди-кагана) кыргызского кагана. Небо, которое возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, Небо, дарующее (каганам) государства, сказало: «Да не погибнет имя и слава тюркского народа!» (и это Небо)

(26) посадило, надо думать, меня самого каганом. Я отнюдь не сел (каганом) над народом зажиточным, я сел (каганом) над жалким и низким народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи – одежды. Мы переговорили (о делах) с моим младшим братом Кюль-тегином. Чтобы не пропало имя и слава народа, добытого нашим отцом и дядею,

(27) я ради тюркского народа не спал ночью и не сидел (без дела) днем. С моим младшим братом Кюль-тегином и с двумя шадями я приобретал до полного изнеможения (букв.: умирая-погибая). Столь много приобретаю (т. е. завоевав), я не сеял раздоров между отдельными народами (букв.: не делал их огнем и водою). (Когда я сел каганом, по всем странам)

(28) разошедшийся народ в полном изнеможении, пеш и наг, пришел ко мне обратно. Чтобы поднять (свой) народ, я двинулся с большим войском налево (на север) против народа огузов, вперед (на восток) против народа кытай (киданей) и татабы, направо (на юг) против табгачей, двенадцать (раз)...(я сразился). Затем, — да смилуется Тенгри (Небо), — так как счастье

(29) и удача были на моей стороне, я поднял к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ. Я творил добро среди имевших верные (приверженные, склонившиеся ко мне) племенные союзы и верных каганов. Живущие по четырем углам (т. е. странам света)

(30) народы я все усмирил и устранил их враждебность, все они мне подчинились. Мой младший брат Кюль-тегин, много потрудясь и приобретаю (для нас) столь большую власть, скончался. Когда улетел (т. е. умер) мой отец-каган, мой младший брат Кюль-тегин остался семи (лет от роду. В десять лет)

(31) на счастье моей матери-катун, подобной Умай (высшее женское

божество), мой младший брат Кюль-тегин снискал геройское имя. К шестнадцати годам он (уже) значительно увеличил государство и власть моего дяди-кагана. Мы пошли войною на согдийцев шести округов (согдийские колонии в южном Ордоце – Северном Шэньси) и разбили их. (Затем пришло) пятитуменное (пятидесятитысячное) войско табгачского Онг-тутука. (Мы сразились.)

(32) Кюль-тегин в пешем строю бросился в атаку. Он схватил Онг-тутука с вождями вооруженной рукою и с оружием представил (его) кагану. То войско мы там уничтожили. Когда ему был двадцать один год, мы сразились с Чача-сенгуном. Сначала он бросился в атаку, сев на светло-серого коня Тадыкын-Чура. (Тот конь там)

(33) пал. Во второй раз он произвел атаку, сев верхом на светло-серого коня Ышбара-Ямтара. Тот конь там пал. В третий раз он сел на оседланного гнедого коня Йеген-Силиг-бека и произвел атаку. Тот конь там пал. В его кольчугу и в его накидку более чем ста стрелами попали; но в начальника авангарда (дозора?) даже одна (не попала)...

(34) Как он производил атаки, о тюркские беки, вы вполне знаете! То войско мы там уничтожили. После этого Улуг-Эркин из Йер-Байырку (местопребывание племени байырку – Восточное Забайкалье, к северу от р. Керулен) стал нам враждебным. Мы его (войско) рассеяли и разбили при озере Тюрги-Яргун. Улуг-Эркин бежал с немногими только мужами. Когда Кюль-тегину было (двадцать шесть)

(35) лет, мы выступили в поход против кыргызов. Проложив путь сквозь снег глубиною с копьё и поднявшись на Когменскую чернь (Саянский хребет), мы напали врасплох (*uda* «во время сна» или, возможно, деепричастная форма от глагола *ud-* «следовать, преследовать») на народ кыргызский. С их каганом мы сразились в черни Сунга. Кюль-тегин сел верхом на (белого жеребца) Байырку

(36) и бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелою, двух мужей он заколол (копьем) одного после другого. В той атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломав ему бедро. Кыргызского кагана мы убили и племенной союз его взяли. В том (же) году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую чернь (Алтайские горы) и

(37) переправившись через реку Иртыш (Черный Иртыш). Мы напали врасплох (букв.: во время сна) на народ тюргешский. Войско тюргешского кагана при Болчу подобно огню и пурге (*bur* «снежная буря, пурга» или, возможно, *obur* «пожирающий; прожорливый, ненасытный; обжора» –

исторически причастная форма от глагола *ор*- «жадно есть, жрать, сожрать». ср название реки *Обауан* в Костанайской области). Мы сразились. Кюль-тегин сел на светло-серого копя Башгу и бросился в атаку. Светло-серый конь Башгу...

(38) (Тюргешский народ?) позволил захватить (своих ябгу и шада, ср. описание этого эпизода в тексте памятника Могилян-хану), их обоих он сам попустил взять (т. е. потерял). Затем снова войдя (т. е. ворвавшись в ряды врагов), он собственноручно схватил (взял в плен) буюрука тюргешского кагана, азского тутука. Их кагана мы там убили, его племенной союз покорили. Кара-тюргешский («черный» или простой тюргешский) народ целиком подчинился. Тот народ мы поселили при Табаре. Снова выступив,

(39) чтобы привести в порядок согдийский народ, мы, переправясь через реку Йенчу (Сырдарья), прошли с войском вплоть до Темир-Капыга. После этого кара-тюргешский (простой тюргешский) народ стал враждебным и отправился в местность Кенгерес. Кони нашего войска были тощи, корма для них не было. Плохие люди...

(40) Отважные воины на нас напали. Тогда мы, сожалея, послали Кюль-тегина в сопровождении азских воинов. Он дал большое сражение. Сев на белого коня героя Шалчы, он произвел атаку, погубил и покорил тогда кара-тюргешей. Снова двинувшись...

(41) (1)...он сразился с Кошу-тутуком, его мужей он всех перебил, его дома (юрты) и имущество без остатка все доставил себе. Когда Кюль-тегину было двадцать семь лет, народ карлуков вследствие своеволия и своенравия стал нам могущественным врагом. Мы сразились при священной вершине Тамаг (или в верховьях Тамаг-Ыдук).

(42) (2) Кюль-тегину в этом сражении было тридцать лет. Сев верхом на белого (коня) героя Шалчы, он бросился в атаку. Двух мужей он заколол (копьем) одного за другим. Карлуков мы погубили и покорили. (Затем) народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-Коле («Черное озеро»). Кюль-тегину был (тогда) тридцать один год. На белого (коня) героя Шалчы

(43) (3) сев верхом, он бросился в атаку. Он позволил схватить (взять в плен) азского Эльтебера. Народ азов тогда погиб. Когда племенной союз моего дяди-кагана оказался в нетерпимом положении и в народе стали появляться клевета (насмешки) и ненависть, мы сразились с народом изгилей. Кюль-тегин, сев на белого (коня) героя Шалчы,

(44) (4) бросился в атаку. Тот конь там пал. Народ изгилей погиб. Народ гокуз-огузов был моим собственным народом. Так как Небо и Земля пришли

в смятение, он стал нам врагом. В течение года мы сражались пять раз. Сначала мы сразились при городе Тогу.

(45) (5) Кюль-тегин, сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку. Шесть мужей он заколол копьем, в завершение сражения он порубил мечом седьмого мужа. Во второй раз мы сразились с эдизами при Кушлагаке. Кюль-тегин, сев на бурого азского (коня) и бросившись в атаку, заколол одного мужа.

(46) (6) (затем) девять воинов он убил при преследовании. Народ эдизов тогда погиб. В третий раз при Бол... мы сразились с огузами. Кюль-тегин, сев на белого (коня) Азмана, произвел атаку и переколол (несколько врагов). Их войско мы перекололи, их племенной союз покорили. В четвертый раз мы сразились при вершине Чуш (или в верховьях реки Чуш), Тюркский

(47) (7) народ привел в движение ноги (т. е. с испугу побежал) и был готов на низость. Когда Кюль-тегин отогнал (вражеское) войско, пришедшее раньше (обогнавшее нас), мы окружили и убили на поминках Тонга-тегина одного родового богатыря из племени тонгра и десять воинов. В пятый раз мы сразились при Эзгенти-Кадазе. Кюль-тегин.

(48) (8) сев на бурого азского (коня), произвел атаку, двух мужей он заколол, (но) на город он не пошел. Огузы тогда погибли. Презимовав в Магы-Кургане (в укреплении Магы), мы весной выступили с войском против огузов. Мы отослали Кюль-тегина, чтобы он начальствовал доча. Враждебные огузы напали на орду (т. е. на наше становище, где оставались женщины, дети и старики). Кюль-тегин,

(49) (9) сев на своего белого Огсиза, заколол девять мужей (и) не отдал орды. Моя мать-катуи и вы следом идущие мои сводные матери (другие жены отца), мои старшие родственницы, мои невестки, мои младшие родственницы ханской крови (принцессы), всем вам грозила опасность или попасть живыми в рабство, или остаться лежать убитыми на месте кочевья и на дороге!

(50) (10) Если бы не было Кюль-тегина, всем вам грозила бы опасность погибнуть! Мой младший брат Кюль-тегин скончался, сам я заскорбел. Мои зрячие очи словно ослепли, мой вещий разум словно отупел, сам я заскорбел. Время (сроки) распределяет Тенгри (властелин Неба, бог), люди же все рождены с тем, чтобы умереть.

(51) (11) Так я скорбно размышлял. Пока из глаз моих не проступали слезы, а сердце не начинало стонать, я снова и снова скорбел, сильно горевал. Я предавался печали, размышляя: «Могут (скоро) испортиться глаза и брови двух шадов и идущих следом моих младших родственников, моих огланов (сыновей).

юношей ханского рода, составлявших конную гвардию), моих беков и моего народа!» Соболезнующие и оплакивающие (на поминальном обряде по Кюльтегину) — во главе (представителей) народов киданей и татабы

(52) (12) пришел Удар-сенгун. От табгачского кагана пришел Исъи Ликен. он доставил множество (букв.: десять тысяч) даров и безмерное количество золота и серебра. От тибетского кагана пришел белён (титул сановника). Сзади (с запада) от народов солнечного заката — согдийцев, берчекер(?) и бухарцев пришли Ненг-сенгун и Огул-тархан.

(53) (13) От «десятиплеменного» народа и моего сына, гюргешского кагана, пришли хранитель печати Макрач и хранитель печати Огуз-Бильге. От кыргызского кагана пришел тардуш Ынанчу-Чур (В качестве) соорудителя здания (храма) и камня с надписью, украшенного резьбою, прибыл Чанг-сенгун, чыкан (племянник по женской линии) табгачского кагана.

Надписи на углах (К I—III) и правее китайской надписи (К с)

(К I) Принадлежащее (т. е. посвященное) Кюльтегину золото и серебро, его драгоценности, имущество, четыре (тысячи голов?) скота принесли в жертву (јау- «приносить жертву»). Туйгуны (*tujun*, вероятно, множественное число от *tujun* «восприимчивый, чуткий, способный» ~ «белый ловчий ястреб; перен. удалой молодец» < *tuj-* «замечать, догаливаться»)... Мой герой, тегин (принц), вверху (на Небе)... На камне я написал, Йоллыг-тегин

(К II) Столь большую надпись писавший (букв.: обязанный написать) родной племянник (сын брата) Кюльтегина, Йоллыг-тегин, я написал. В течение двенадцати дней я, Йоллыг-тегин, полностью написал (ее) на этом камне и на этой стене. Вы возвышали (лучших) из ваших верных огланов (сыновей) и ваших туйгунов (удалых молодецов). Вы улетели и (теперь) подобны небожителям...

(К III) Кюльтегин улетел (т. е. умер) в год овцы, в семнадцатый день. В девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили поминки. Здание (храм), резные фигуры (?), стелу с надписью в честь его — мы все (это) освятили в год обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день. Кюльтегин, умирая, тебе было сорок семь лет! Камень, здание. — Столь много резчиков (мастеров) привел Туйгун-эльтебер (титул азского и уйгурского военачальника)

(К с) (1) Я дал титул Ынанчу-апа-ярган-тархан...

(Я велел его восхвалять).

(2) Сзади (т. е. с запада) поднялась туча. Так как мой младший брат Кюльтегин... (до полного изнеможения) отдавал труды и силы, я, тюркский Бильге-каган, оберегал на земле моего младшего брата Кюльтегина.

Транслитерация

Передняя сторона – O

(1) "čüm'z 'pam'z j'nu q'γn tort bul'η'y q'sm's j'γm's j'jm's b'sm's. ol q'n joq bolt'qda k'srā 'l j'itm's i'cγnm's q'č'sm's...

(2) q'γn'l'd'q q'γn'n i'čγn'i i'dm's türk bod'n oηra kün toγs'q'ηa k'srā kün b'ts'q'ηa t'gi b'r'ja t'b'γ'čqa j'iraja j'i'sqa (t'gi)...

(3) 'lp 'r'n b'l'b'l' q'sdi. türk bod'n 'i j'q bolu b'r'm's 'rti. türk bod'n j'itm'z'n t'j'n jul'q 'rm'z'n t'j'n üzä t'ηri tir 'r(m's)...

(4) q'p'γn 'l-t'r's q'γn 'l'ηä q'il'η'm. 'l-t'm's j'b'γu oγli s'bra t'm'γ'n čur joγa in'si b'l'gä s'bra t'm'γ'n t-r'q'n j'm'γ'l'y b's j'm's 'č'm 't'm'...

(5) bu t'b'γ'čda j'iraja t'γ oγz 'ra j'it 'r'n j'γ'i bolm's. q'η'm b'γa t'ηrk'n 'j'n 'ηta jor'm's i's'g küč'n b'r'm's 'rti...

(6) t'ηrk'nkä i's'g b'r't'η t'j'n j'r'l'q'm's š'd 't'γ'ηta b'r'm's bolt'qda toq'z oγ'z t'γ j'γ'i 'rm's b'd'k 'rm's. t'ηrk'n jor'(m's)...

(7) j b'z b't hiz. 'z'γ ük'š'g kört'g irti. sül't'm t'r 'rm's. 'mti b'gl'r'ma t'r 'rm's. b'z 'z b'z t'j'n q'r'q(m's 'rt'm'z)...

(8) q'η'm š'd 'ηča öt'n'm's. t'ηrk'n 'l'm'z'n t'j'n... bod'n 'ηta b'r'm'z'ηa t'su(qm's)...

Правая сторона – Oa

(1) q'm'q b'l'q(q)a t'gd'm. qon'ld'm 'l'γm. susi k'lti. q'r's'n j'γ'd'm b'gi q'čdi... γ 'rti... buzqunča

(2) k'l'r 'rt'm'z. 'kin 'ra t'γ j'γ'i bolm's. t'gm'čim'n t'j'n s'q'η'm. t'ηri b'l'qä q'γnqa 'ηč'q'na 'š'g küč'g b'r's'gm b'r 'rm's 'r'ηč. t'gd'k'n üč'n... j'γ'd'm. 'bkä t'gd'k'm ur's q'l'p

(3) t'g'p in'mä oγ'l'ma 'ηča ötl'd'm q'l'jur'p 'l't'r š q'γnqa 'd'r'l'm'd'q j'η'lm'd'q t'ηri bilgä q'γ'ηta 'd'r'l'm'l'm j'zm'l'm t'j'n 'ηča ötl'd'm. k'rü b'r'γma b'r'di. B l'gä q'γ'ηη b'd'n'i... b'r'di. ü'l'g'n 'lqa 'š'g küč'g b'r'ti.

(4) üzä t'ηri q'n lüj j'ilqa j't'ηč 'j küč'l'g 'lp 'r q'γnmda 'd'r'l'u b'r'd'η'z. bilgä 't'č'm joγη 'lur 'γ'η'n q'z'γ'η't'm. s(sub) j'r t'ηri od... t'b'γ'č kirür 'rti.

Горизонтальная надпись сверху – Oh

(1) 't'č'mqa bit'g t's'γ

(2) q'ild'm b'η'igü

(3) q'γn'm 't'č'm

(4) b'lga 't'č'm lü

(5) j'ilqa bilgä

(6) ul'γ -lp r 'dgū q'n

(7) t'c m olti

Надпись на особом камне – Ос

s'br t'rq'n b'lb'li

Перевод

Передняя сторона – О

(1) Наш предок Ямы-каган (Бумын-каган) четыре угла (страны света) притеснил, повалил, рассеял, подавил. После того, как этого хана не стало, государство погибло, исчезло, распалось

(2) Тюркский народ, который погубил своего царствовавшего кагана, (ходил) вперед на восток, назад на запад, на юг (направо) до табгачей, на север (налево) до лесистого нагорья (Хангай)...

(3) (Своих) героев-мужей он поставил балбалами. Имя (слава) тюркского народа стало постепенно исчезать. Наверху Небо, пожалуй, так сказало: «Пусть не погибнет тюркский народ, пусть не будет жертвой!»

(4) Я получил воспитание государства Капаган Эльтериш-кагана. Элетмиш-ябгу («Устроитель государства», верховный правитель), его сын Сабра Тамган Чур Йога (йог), его младший брат Бильге Сабра Тамган Таркан (таркан), все вместе шестьдесят пять моих старших и младших родственников (еёи «старший брат», ага «родной племянник; внучатый племянник. внук»)...

(5) К северу от этих табгачей среди сильных огузов врагами были «семь мужей». Мой отец, следуя божественному Величеству, там ходил (походами), отдавал свои труды и силы...

(6) Говоря: «Ты отдавал труды божественному», он (каган) проявил милость и дал тогда звание шада (наместника), а в то время токуз-огузы («девятipleменные огузы») были сильными врагами, были великими (могучими). Божественный (каган) ходил (походами)...

(7) Мы были слабыми и негодными. Мы малых принимали за многочисленных. Он говорил: «Я отправился в поход (воевал)». Он говорил теперешним моим бекам. Полагая, что нас мало, мы боялись...

(8) Мой отец – шад так просил: «Пусть не возьмут (в плен) божественного...» Народ тогда выступил, чтобы не отдать его...

Правая сторона – Оа

(1) Я дошел до многих городов [Северного Китая], поселялся

(останавливался на ночлег), захватывал. Их войско пришло. Их простолюдинов (войско) я собрал, а их беки бежали. Они были... Табгачский народ. я разбил, повалил, победил, рассеял... До их разгрома

(2) мы приходили. Среди (этих) двух были сильные враги. Я полагал, что я не должен нападать. Я только намеревался, по существу, отдавать труды и силы божественному Бильге-кагану. Из-за того, что они напали... я собрал (войско) Мое нападение на (правящий) Дом: ввязавшись в сражение и

(3) напавши, моих младших братьев и сыновей я так наставлял «Разгневавшись, мы не отделились от Бильге-кагана и не погрешили (против него) Да не отделимся мы от божественного Бильге-кагана и не совратимся!» – так говоря, я поучал. Он (народ) пошел назад. Народ Бильге-кагана пошел... Свою долю для имени (славы кагана), труды и силы он отдавал

(4) Вверху божественный хан. В год дракона в седьмой месяц Вы отделились от моего кагана, сильного героя-мужа. Мой мудрый дедушка (вероятно, по материнской линии) чрез твоё погребение я приобрел доставшиеся драгоценности (сокровища) твои! Божество Земля (и Вода)... Табгач входил (присоединялся).

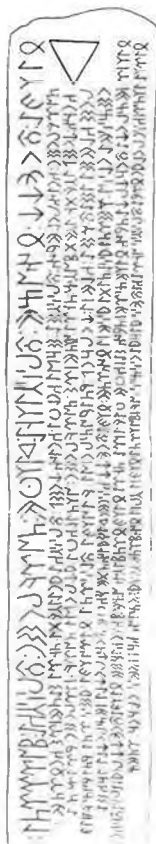
Горизонтальная надпись вверху – Об

- (1) Моему дедушке надпись на камне и
- (2) сделал вечным памятником
- (3) Мой каган, мой дедушка!
- (4) Мудрый мой дедушка! В дракона
- (5) год мудрый
- (6) великий герой-муж, благородный хан,
- (7) мой дедушка умер

Надпись на особом камне – Ос

Балбал Сабра Таркана.

ПАМ'ЯТНИК В ЧЕШЬ ТОНЬЮКУКА

Стела I – Тон I, строка 1–36:
западная сторона (1–7),
южная сторона (8–17),
восточная сторона (18–24)
северная сторона (25–36).

Стела II – Тон II, строка 37–62:
западная сторона (37–44),
южная сторона (45–50),
восточная сторона (51–58)
северная сторона (59–62).

Транслитерация

- (1) bilgā tuñ⁹q b'n oz⁹m t'byč il'ñā qil'ñm. türk bod⁹n t'byčqa k'r'r r'ti.
- (2) türk bod⁹n q'nin bolm⁹j'n t'byčda 'd'r'l'u q'n'l'ñt'u q'nin qod⁹p t'byčqa j'na ič'kdi. t'ñri 'ñča t'm's 'r'ñc q'n b'rt'm
- (3) q'n'ñn qod⁹p ič'kd'ñ. ič'kd'k üc⁹n t'ñri ðl t'm's 'r'ñc. türk bod⁹n olti 'lq'ñt'u j'q bolti. türk 'sir bod⁹n j'rintä
- (4) bod q'lm'di. ida t'sda q'lm'si qubr'n'p j'ti jüz bolji. 'ki ül⁹gi 'tl'y r'ti bir ül⁹gi j'd'y r'ti. j'ti jüz kišig
- (5) ud'z'yma ul'wi s'd r'ti. j'yl tidi j'ym'si b'n r't'm b'lga tuñ⁹q q'yn mu qis'jin t'd'm. s'q'nt'm tur⁹q buq'li s'm'z buq'li ir'qda
- (6) bils'r s'miz buqa tur⁹q b'qa t'jn bilm'z 'rm's t'j'n 'ñča s'q'ñt'm. 'ñja kisrā t'ñri bil'g b'rt'k üc⁹n öz⁹m 'k q'yn q'isd'm. bilgā tuñ⁹q bojla b'ya t'rq'n
- (7) birlā il-t'r's q'yn bol'jn b'rja t'byč'y oñra qit'n'y jirja o'y'z'y ük'k ö'l'rti. b'l'g 'si č'b 'si b'n k'r't'm. čuyj quzin q'ra qum'y ol'rur r't'm'z.
- (8) k'jk jiju t'b's'yn j'jü ol'rur r't'm'z. bod⁹n bo'y'zi t'q r'ti. j'ym'z t'g'ra oč⁹q t'g'r'ti. biz 's'y r't'm'z. 'ñča ol'r'r 'rkli o'y'zd'ñ'n kö'g k'li.
- (9) kor⁹g s'bi 'nt'y toq'z o'y'z bod⁹n üzä q'yn ol'r'ti tir. t'byč'yr'u qunī s'ñün'g idm's qit'n'yr'u toñra s'm'g idm's. s'b 'ñča idm's: 'zq'ña türk bod⁹n
- (10) jor'jur 'rm's. q'yni 'lp'rm's. j'yuč'isi bilgā 'rm's. ol 'ki kiš'i b'r'rs'r, sini t'byč'y olürt'ci tirm'n. oñra qit'n'y ol'r't'ci tirm'n. bini o'y'z'y
- (11) ol'r't'ci 'k tirm'n. t'byč b'rd'ñj'n t'g! qit'n' öñd'ñj'n t'g! b'n jird'ñt'j'n t'g'jin! türk 'sir bod⁹n j'rintä idi jor'm'zun! us'r idi joqq'is'lm!

(12) tirm'n. ol s'by' 's'd'p. tün ud'siq'm k'lm'di. künt'z ol'rs'q'm k'lm'di. 'nta ütrü q'yn'ma öt'nt'm. 'nca öt'nt'm. t'by'ç o'yz qit'n bu 'c-gü q'b's(s)'r

(13) q'lt'ci biz. öz ci t's'n tutm's t'g biz. jujqa 'rkl'g topl'yl'i u'ç'z 'rm's, j'nçga 'rkl'g üzg'li u'ç'z. jujqa q'ln bols'r. topl'yl'q 'lp 'rmis. j'nçgä

(14) jo'yn bols'r. üzg'lk 'lp 'rm's. önrä qit'nda. b'r'ja t'by'çda. qur'ja qur'd'nta. j'r'ja o'yzda 'ki üc biñ sum'z k'lt'ç'm'z. b'r mu nä. 'nca öt'nt'm.

(15) q'yn'm b'n öz'm bilgä tuñ'q'q öt'nt'k öt'nc'm'm 's'dü b'rti. köñl'ñca ud'z t'di. kök öñ'g jo'yrü öt'k'n j'iş'yrü ud'zt'm. ing'k k'lk'n toyl'da o'yz k'lti.

(16) susi üc biñ 'rm's. biz 'ki biñ 'rt'm'z. süñ'sd'm'z. t'ñri j'rl'q'di. j'nd'm'z. og'zka tüşdi. j'nd'q jolta j'ma olti kök. 'nta ötrü o'yz qopn k'lti.

(17) k'lt'm k türk bod'n'g öt'k'n j'rka. b'n öz'm bilgä tuñ'q'q öt'k'n j'r'g qonm's t'jn 's'd'p. b'r'j'ki bod'n. qur'j'qi. j'r'j'qi, öñ'r'ki bod'n k'lti.

(18) 'ki biñ 'rt'm'z. biz 'ki sü bol'ti. türk bod'n ol'rt'li. türk q'yn ol'rt'li. ş'ntuñ b'l'gga t'luj üg'zka t'g'mis joq 'rmis. q'yn'ma öt'n'p sul'td'm.

(19) ş'ntuñ b'l'gga. t'luj üg'zka t'g'rt'm. üc ot'z b'l'q sidi usin hant'yu jurtda j'ru q'lur 'rti. t'by'ç q'yn j'ym'z 'rti. on 'q q'yni j'ym'z 'rti.

(20) 'r(t'q qirk'z) küç(l'g q'yn j'ym'z) bolti. ol üc q'yn og'l's'p 'ltun j'iş üza q'b's'lm t'm's. 'nca og'l's'm's. önrä türk q'yn'yrü sül'l'm t'm's. 'ñ'ru sül'm's'r. q'ç n'ñ 'rs'r. ol b'zni.

(21) q'yni 'lp 'rm's. j'yuçisi bilgä 'rm's. q'ç n'ñ 'rs'r. ol'rt'çi k'k. u'ç'gün q'b's'p sül'l'm. 'ni j'qqis'lm t'm's. t'rg's q'yn 'nca t'm's. b'n'ñ bod'n'm 'nta 'rür t'm's.

(22) türk bod'n j'mä bul'g'nc ol t'm's. o'yz' j'ma t'rq'nc ol t'm's ol s'bin 's'd'p. tün j'ma ud'siq'm k'lm'z 'rti, ol'rs'q'm k'lm'z 'rti. 'nta s'q'nt'm.

(23) ...sül's'r j'g 'rm's t'd'm. kögm'n jöli bir 'rm's. tum's t'jn 's'd'p. bu jol'n joris'r. j'r'm'çi t'd'm... j'r'ci t'l'd'm, çolgi 'z 'ri bult'm.

(24) öz'm 'z j'r'm... 'ni b'l... 'rm's. bir turuqi 'rm's. 'ni b'rm's. 'ñ'r j'lp, bir t'l'y b'rm's t'jn. ol jol'n joris'r unç t'd'm. s'q'nt'm. q'yn'ma

(25) öt'nt'm. sü jorit'd'm, t'l't t'd'm. 'q t'rm'l' k'ca o'yr'ql't'd'm. 't üzä b'nt'ra. q'ry s'kd'm. joq'ru t'j'ta. j'd'yn t'yc tut'nu 'yurt'm. öñ'räki 'r

(26) jo'yrü t'g'r'p, t' b'r 'rt 's'd'm'z. job'lu int'm'z. on tünkä j'nt'qi tuy 'birü b'rd'm'z. j'r'ci j'r'ñ'l'p. bo'yz'l'nti. buñ'd'p q'yn j'lü k'rt'm's.

(27) 'nī sub'y b'r'l'm! ol sub qodi b'rd'm'z. s'n'γ'li tūsur't'm'z, t'y iqa b'jur 'rt'm'z. kün j'mä, tün j'mä j'lü b'rd'm'z. qir'q'z'y uqa b's'd'm'z.

(28) (usi)n sūh'g'n 'ç'd'm'z. q'nī süsi t'p'lm's. sūh'ş'd'm'z, s'n'ç'd'm'z. q'n'n ö'l'rt'm'z. q'γ'nqa qir'q'z b'd'nī 'ç'kdi, j'k'nti. j'ñ'l'm'z, kogm'n j'ş'y b'rü k'l't'm'z.

(29) qir'q'zda j'ñ'l'm'z. türg'ş q'γ'nqa kör'g k'ltü s'b'i 'ñ'ay: öñ'd'n q'γ'nγ'ru sū joril'm t'm's. jor'm's'r bizni, q'γ'nī 'lp 'rm's, ajyūç'isi bilgä 'rm's, q'ç n'ñ 'rs'r

(30) hizni ö'l'rt'ç'i k'k t'm's. türg'ş q'γ'nī t'ş'qm's tidi, on 'q bod'nī q'lis'z t'ş'qm's tir. t'b'y'ç süsi b'r 'rm's. ol s'b'y 'ş'd'p, q'γ'n'm: b'n 'bg'rü tūş'jin tidi.

(31) q'tun j'q bolm's 'rti. 'nī joyl't'jin t'ç'di. sū b'r'ñ t'ç'di, 'ltun j'iş'da ol'r'ñ tidi. sū b'ş'i in'l q'γ'n. t'rduş ş'd b'rzun t'ç'di. bilgä tuñ'q'q b'ña 'ç'di.

(32) bu süg 'lt tidi. qij'n'y koñ'l'n'çä 'j b'n s'ña na 'j'jin tidi. k'lır 'rs'r körü k'lür. k'lm'z 'rs'r t'il'y s'b'y 'lu olur tidi. 'ltun j'iş'da ol'm'm'z.

(33) üç kor'g kişi k'lti, s'b'i bir: q'γ'nī sū t'ş'qdi, on 'q süsi q'lis'z t'ş'qdi tir. j'r's j'zida tır'l'l'm t'm's. ol s'b'y 'ş'd'p; q'γ'nγ'ru ol s'b'y i(d)t'm. q'ñ'l' j'n s'b'y j'na

(34) k'l(ür)ti: ol'r'ñ tij'n t'm's. j'lmä q'r'γ'u 'dğüti uryl. b's'tma t'm's. böğ' q'γ'n b'ñ'ru 'ñ'çä j'idm's. 'pa t'r'q'nγ'ru 'ç'rä s'b' idm's: bilgä tuñ'q'q 'ñ'y ol. üz ol 'ñ'l'r

(35) sū joril'm t'ç'ç'i unam'ñ. ol s'b'y 'ş'd'p, sū jorit'd m. 'ltun j'ş'y jols'z'n 'ş'd'm'z. 'r'ş üg'z'g k'ç'g's'z'n k'ç'd'm'z. tün q'ç'd'm'z. bolçuqa t'ñ önt'rü t'gd'm'z.

(36) t'il'y k'lürti. s'b'i 'ñ'l'y. j'r's j'zida on t'üm'n sū t'ç'lti tir. ol s'b'y 'ş'd'p, b'gl'r qop'n.

(37) j'n'l'm! 'r'y obut'i j'g t'ç'di. b'n 'ñ'çä t'r'm'n. b'n bilgä tuñ'q'q. 'ltun j'iş'y 'ş'a k'l't'm'z. 't'ş ug'z'g

(38) k'çä k-l't'm'z. k'lm'si 'lp t'ç'di, tujm'di. t'ñ'ri um'j iduq j'r sub b's'a b'rti 'riñç. n'k'a t'z'r biz

(39) 'kuş t'j'n. n'k'a qorqur biz 'z t'j'n. na b's'n'l'm. t'g'l'm tid'm. t'gd'm'z j'jid'm'z. 'kinti kün

(40) ort'ca qiz'p k'lti. sūh'ş'd'm'z. biz'ntä 'ki uçi siñ'r'çä 'rt'q 'rti. t'ñ'ri j'rl q'd'q üç'n 'k'ş t'j'n

(41) qorqm'd'm'z, sūh'ş'd'm'z. t'rduş ş'd 'ra b'di. j'jd'm'z. q'γ'n'n tutd'm'z. j'b'yus'n ş'd'in

(42) 'ñ'a ö'l'rti. 'l'g'çä t' tutd'm'z. ol 'q tün bod'nin s'ju i(d)t'm'z. ol s'b'y 'ş'd'p, on 'q b'gl'ri, bod'nī qop

- (43) k'lti. jük'nti. k'lgma b'gl'rin bod'n'n it'p jiy'p 'z'ca bod'n t'zm's 'rti. on 'q s'usin sül'td'm.
- (44) biz j'ma sül'd'm'z. 'ni 'rt'm'z. j'ndü og'z k'ä, t'nsi oyl'i j't'y'ma b'hl'g'k t'yy rü.
- (45) t'm'r q'p'yqa t'gi irt'm'z. 'nta j'nturt'm'z. in'l q'ynqa [nd'p m'ndud s'qa] t'zik t'qr'sin...
- (46) 'nta b'rüki 's'q b's'l'y soy'd'q bod'n qop k'lti. ol k'nta t'gti türk bod'n t'm'r q'p'yqa t'nsi 'yl'i.
- (47) t'nsi ogli j't'y'ma t'g'q t'gm's. idi j'q 'rm's. ol j'rka b'n. bilga tuñ'q'q, t'gürt'k üč'n
- (48) s'r'y 'ltun. ür'q küm'öš qiz quduz 'gri t'bi 'yl'i buñ's z k'lürti. ilt'r's q'yn bil'g 'šin üč'n.
- (49) 'lpin üč'n t'b'yč'qa j'ti j'girmi sün'š'di, qit'nqa j'ti sün'š'di, o'y'zqa b's sün'š'di. 'nta j'yüč'i
- (50) j'ma b'n k 'rt'm. j'y'č'isi j'mä b'n 'k 'rt'm. ilt'r's q'ynqa. ... türk b'gü q'ynqa. türk bilga q'ynqa]
- (51) q'p'yn q'yn... [j'ti] ot'z ...nta ... rti. q'p'yn q'yn ol'rt'd'm. tün ud'm'ti.
- (52) künt'z ol'rm'ti. q'z'l q'n'm t'k'rti. q'ra t'rm jug'rti. is'g küč'g b'rt'm 'k, b'n oz'm uz'n j'lm'g j'mä i(d)t'm 'q.
- (53) 'rqy q'r'yuy ul'rt'd'm. b's'n'y'ma j'y'g k'lürir 'rt'm. q'yn'm'n sül'td'm'z. t'qri j'rl'q'zu!
- (54) bu türk bod'nqa j'r'ql'y j'y'g k'ltürm'd'm. tug'nl'g t'y jüg'rtm'd'm. ilt'r's q'yn q'z'ynm's'r.
- (55) udu b'n öz'm q'z'ynm's'r, il j'ma, bod'n j'ma j'q 'rt'č'i rti. q'z'yn'q'n üč'n, udu öz'm q'z'yn'q'm üč'n.
- (56) il j'ma il bol'ti, bod'n j'ma bod'n bol'ti. oz'm q'r'i bol't'm. ul'y bol't'm. n'q j'rd'ki q'yn'l'y bod'nqa
- (57) bont'gi b'r 'rs'r. na buñi b'r 'rt'č'i 'rm's.
- (58) türk bilga q'yn ilinq bitit'd'm b'n bilga tuñ'q'q.
- (59) ilt'r's q'yn q'z'ynm's'r, j'q 'rti 'rs'r. b'n oz'm, bilga tuñ'q'q, q'z'ynm's'r. b'n j'q 'rt'm 'rs'r.

(60) q'p'γ'n q'γ'n türk 'sir bod'n j'rintā bod j'mā, bod'n j'mā, kisi j'mā, idi j'q 'rti'ci 'rti.

(61) ilt'rš q'γ'n. bilgā tuñ'q'q q'z'γ'nt'q üc'n q'p'γ'n q'γ'n türk 'sir bod'n jorid'qi bu.

(62) türk bilgā q'γ'n türk 'sir bod'n'γ, oγ'z bod'n'γ ig'dü ol'fur.

Перевод

(1) Сам я, мудрый Тоньюкук, получил воспитание табгачского государства. Тюркский народ был в подчинении у табгачей (китайцев).

(2) Тюркский народ, не имея своего хана, отделился от табгачей и обзавелся ханом. Оставив своего хана, он снова подчинился табгачам. Небо, по существу, сказало так: «Я дало (тебе) хана.

(3) Ты же, оставив своего хана, подчинился (табгачам)». Из-за этого подчинения Небо, ведь, сказало: «Погибай!» Тюркский народ умирал, погибал, исчезал. На земле народа тюрков-«сиров» (точнее: тюрков-эсиров «орлов»)

(4) не осталось (никакого) племени. Оставшиеся среди зарослей и скал, собравшись, составили семьсот (человек). Две части из них были конными, а одна часть была пешей. Из тех, кто вел семьсот людей,

(5) старший был шадом. Он сказал: «Приблизься!» Его приближенным был я, мудрый Тоньюкук. «Не выдвинуть ли мне его каганом?» — говорил я (сам себе). Я размышлял: «Хотя он издалека (вообще) знает, что имеет и тощих быков, и жирных быков,

(6) он не знает (где именно) жирный бык и (где именно) тощий бык», — так я размышлял. Затем, так как Небо даровало мне знания, я сам же выдвинул (его) каганом. (Он же сказал:) «С мудрым Тоньюкуком, бойла-бага-тарканом,

(7) да буду я Эльтериш-каганом!» Он весьма много поразил на юге табгачей, на востоке (вперед) — киданей, на севере — огузов. Я посчитал (букв.: увидел) его наперсником знания и наперсником славы.

Мы обитали в северной части Чугая и Каракумах (Хэйша «черные пески», между Иньшанем и Хангаем).

(8) Мы жили (там), питаюсь оленями и питаюсь зайцами. Горло народа было сыто. Наши враги вокруг предоставляли очаги, мы (же) отворачивались от пищи. (Когда) так проживали, от могущественных огузов пришел лазутчик.

(9) Слова лазутчика таковы: «Над народом токуз-огузов воссел каган, — говорит (соглядатай), — он послал к табгачам Куны-сенгуна, к киданям послал Тонгра-Сема. Послал с такими словами: совсем малочисленный тюркский народ.

(10) (но) каган его — герой, а советник у него мудрый. Пока существуют эти два человека, они могут погубить тебя, (кагана) табгачей, на востоке они могут погубить киданей и меня, (кагана) огузов,

(11) они тоже могут погубить, говорю я. Табгачи — нападайте с юга, кидане — нападайте с востока, я же нападу с севера! Да не ходит (какой-то) властитель в земле народа тюрков-сиров (эсиров)! Если сможем, давайте уничтожим (этого) властителя! —

(12) говорю я». Услышав эти слова, ночью у меня не было сна, а днем покоя. Затем я обратился с просьбой к кагану. Я так просил: если эти трое — табгачи, огузы и кидане объединятся,

(13) мы можем остаться (в затруднительном положении) как бы предоставленные самим себе. Тонкое легко быстро скомкать (собрать), узкое легко быстро разорвать. Если тонкое становится массивным, (его) трудно будет скомкать (собрать). Если узкое

(14) становится толстым в обхвате, (его) трудно будет разорвать. Мы должны с двумя-тремя тысячами нашего войска придти раньше (опередить) киданей на востоке, табгачей на юге, западных (тюрков) на западе, огузов на севере. Есть ли что (против этого)? Так я просил (кагана).

(15) Мой каган выслушал просьбу, изложенную мною самим, мудрым Тоньюкуком. Он сказал: «Веди (войско) по своему усмотрению». Перейдя реку Кёк-Онг, повел (войско) к нагорью Отюкен (верховья реки Орхон, Хангайское нагорье). По реке Тогле пришли огузы с коровами и вычным скотом.

(16) У них было три тысячи войска, нас было две тысячи. Мы сразились. Небо сошло, и мы рассеяли (их). Они попадали в реку, а (некоторые) еще погибли по пути преследования. После этого огузы все вместе пришли (т. е. подчинились нам).

(17) Как только я привел тюркский народ в местность Отюкен, пришли к нам южные народы, западные, северные и восточные народы, услышав, что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкен.

(18) Нас было две тысячи, мы стали двумя (отрядами) войск. Тюркский народ и тюркский каган со времени своего правления не доходили до городов Шантунга (Шаньдунская провинция) и до океана. Я попросил своего кагана и двинул войска.

(19) Я довел (войска) до городов Шантунга и до океана. Они разрушили двадцать три города и остались жить в земле Усын-Бунтату (вероятно, Ордос, излучина р. Хуанхэ, где издавна жили тюркоязычные племена, например, усунь

и хунны, позднее тюрки-ашина) Каган табгачей был нашим врагом. Каган (народа) «десяти племен» был нашим врагом.

(20) Более того, нашим врагом был кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, решили соединиться на Алтунском нагорье (Алтай). Они рассудили так: «Да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. Если мы не пойдем походом против него, как бы то ни было, он нас (победит).

(21) каган его (т. е. тюркского народа) – герой, а советник его мудрый, как бы то ни было, он, пожалуй, может нас погубить. Давайте, объединившись втроем, отправимся в поход и совершенно уничтожим его!» – сказали они. Тюркешский каган сказал так: «Мой народ там пребывает.

(22) Тюркский народ (находится) в смятении. Огузы его также находятся в рассеянии». – сказал он. Услышав эти его слова, я даже ночью не мог спать, (а днем) я не находил покоя. Тогда я поразмыслил...

(23) «Лучше отправимся в поход (сначала против кыргызов)!»., – сказал я. Когда я услышал, что дорога на Когмен (Саяны) единственная и она завалена (снегом), я решил, что идти этой дорогой не годится... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов.

(24) «Азская земля – моя родина, ее зна(ю)», – сказал он. Якобы, (там) было его местожительство (~стоянка), он отправлялся по (реке) Аны, там останавливался на отдых и отправлялся одноконной (однопутной) дорогой. (Поэтому) я сказал, что той дорогой идти можно. Я задумался, и моего кагана

(25) я просил. Я велел двинуться войску и отправляться в поход. Переправясь через Ак-Термель, я приказал остановиться лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег. Я велел подняться вверх (в горы), ведя лошадь на поводу, пешком, придерживаясь деревьев. Передние люди

(26) протоптали (снег) и мы преодолели горный перевал с зарослями и с большим трудом (букв. скатываясь) спустились. Около десяти ночей мы шли до склона (горы), обойдя преграду. Местный проводник, сбившись с пути, был зарезан. Будучи озабоченным, каган сказал: «Попытайся ехать вскачь (рысью)!

(27) Да отправимся мы по реке Аны!» Мы пошли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать (свое войско) мы приказали ему спешиться, а коней мы привязывали к зарослям. Мы мчались вскачь (рысью) и днем, и ночью. На кыргызов мы напали во время (их) сна

(28) и отогнали их сон копиями. Хан их и его войско собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Кыргызский народ подчинился и кланялся (повиновался) кагану. Мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Когменскую чернь.

(29) Мы вернулись от кыргызов. От тюргешского кагана пришел лазутчик. Его слова таковы: «Отправимся походом, — якобы сказал он (тюргешский каган), — с востока на кагана. Если мы не пойдем походом, то он нас (победит): каган его — герой, а советник его мудрый, (поэтому) как бы то ни было.

(30) он нас, возможно, погубит». Он сказал, что тюргешский каган отправился в поход, что «десяплеменный» народ без остатка отправился в поход и что (среди них) есть войско табгачей. Услышав эти слова, мой каган сказал: «Я отправляюсь домой!

(31) Катун (ханша) умерла, я хочу совершить поминальный обряд по ней», — сказал он. «Войско, отправляйся и оставайся в Алтунской черни! Начальникам войска пусть идут Инель-каган (младший сын Калаган-кагана) и тардушский шад (Могилян)!» — сказал он. Мне же, мудрому Тоньюкуку, он сказал:

(32) «Веди это войско! Назначай наказания по своей воле! Что я (еще) тебе хотел сказать? Если кто (из врагов) придет, то будет видно, если же не придет, то оставайся, собирая различные вести!» — сказал он. Мы находились в Алтунской черни.

(33) Пришли три лазутчика, слова их одинаковы: «Их каган с войском выступил в поход»: «Войско «десяти племен» без остатка выступило в поход»; «Да соберемся мы в Ярышской степи!» Услышав эти слова, я послал эти слова кагану. От хана доставили ответное слово:

(34) «Сиди! — сказал он — Не совершай конного набега, хорошенько держи караул, не позволяй себя раздавить!» Так велел передать мне Бёгю-каган. Апатаркану (главнокомандующему) он послал тайное известие: «Мудрый Тоньюкук — он злой и сeditый.

(35) Он может предложить выступить с войском. Не соглашайся!» Услышав эти слова, я двинул войско в поход. Мы перевалили без дороги Алтунскую чернь (Монгольский Алтай). Мы переправились без брода через реку Иртыш (р. Черный Иртыш). Мы скоротали ночь и с наступлением рассвета достигли Болчу (р. Урунгу).

(36) Привели лазутчика («языка»), слово его таково: «В Ярышской степи собралось десять тюменов войска (сто тысяч воинов)», — он говорит. Услышав эти слова, беки все вместе

(37) сказали: «Вернемся! Стыд благородных хороиц!» Я же так говорю, я — мудрый Тоньюкук: «Через Алтунскую чернь перейдя, мы пришли.

(38) Через реку Иртыш переправившись, мы пришли. Они решили, что прийти к ним трудно, и они (нас) не заметили. Небо, (богиня) Умай и священная

Земля-Вода (Йер-Суб), по существу, даровали нам победу (подавили врагов).
Затем нам бежать,

(39) говоря: (их) много? Зачем нам бояться, говоря: (нас) мало? Зачем нам быть покоренными? Нападём!» – сказал я. Мы напали и рассеяли (их). На второй день они пришли.

(40) Они пришли, распалаясь, как огонь (т. е. в сильной ярости). Мы сразились. По сравнению с нами их два крыла были наполовину больше (многочисленной). По милости Неба,

(41) мы не испугались их многочисленности и сразились. Тардушский шад принял участие в сражении. Мы рассеяли (врагов). Их кагана мы схватили, а их ябгу и шادا

(42) там умертвили. Около пятидесяти мужей мы пленили. В ту же ночь мы отправили (послов) к каждому народу. Услышав эти слова, начальники (беки) и народ «десяти племен» все

(43) пришли и подчинились. Пока я устраивал и собирал приходящих беков, небольшое количество народа убежало. Я повел в поход войско «десяти племен».

(44) Мы еще ходили с войском и гнали их. Переправившись через реку Жемчужную (р. Сырдарья) и пройдя мимо горы Бенглигек (Памиро-Алай, южные хребты Тянь-Шаня) – местопребывания сына Неба, Тяньцзы (китайск. tien-tsi «сын Неба»),

(45) мы преследовали (врагов) до Темир-Капыга и заставили (их) оттуда возвратиться. К Инель-кагану (пришли и покорились таким образом, народы манчуд, сака), гаджики (персы), тохары.

(46) Тогда пришел находящийся справа (к югу) весь согдийский народ со шлемами на головах. В те дни тюркский народ достиг Темир-Капыга (Железных ворот)

(47) и достиг горы – местопребывания сына Неба, Тяньцзы. Там не было владыки. Так как я, мудрый Тоньюкук, довел (войско) до этой земли,

(48) то он (согдийский народ) предоставил желтое золото, белое серебро, девушек и женщин, дромадеров (одногорбых верблюдов) и драгоценности в безмерно большом количестве. Так как Эльгериш-каган был наперсником (любимцем) знания

(49) и был героем, он сражался с табгачами семнадцать раз, с киданями сражался семь раз, с огузами сражался пять раз. Тогда советником

(50) был также я, предводителем войск был также я. (Я служил) Эльтериш-кагану, ... тюркскому Бёгю-кагану (мудрому кагану), тюркскому Бильге-кагану (правлящему мудрому кагану),

(51) Капаган-кагану... Ему (в 693 году) было 27 (лет). Капаган-кагана я посадил на престол. Не спав по ночам,

(52) не имея покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя бежать (течь) свой черный пот, я же отдавал труды и силы, я же сам направлял долгие рейды конницы.

(53) Я увеличил сторожевые посты (агқиј-қағуј) и дозоры (передовое охранение). Я приводил покоренных (поверженных) врагов, и мы с моим каганом водили (их) в походы. Да будет милостиво Небо!

(54) На этот тюркский народ я не направлял вооруженных врагов и не устраивал набеги снаряженной конницы (букв.: не заставлял бегать коней с завязанными узлами, т. е. боевых коней)! Если бы Эльтериш-каган не приобретал

(55) и следом я сам не приобретал, то ни государства, ни народа бы, возможно, не существовало. Благодаря его приобретениям и следом (потом) благодаря моим собственным приобретениям,

(56) и государство стало (настоящим) государством, и народ стал (настоящим) народом. Сам я состарился и стал старшим (великим). Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана,

(57) оказался бы (в советниках) слабоумный, то что за горе имел бы (этот народ)!

(58) Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать (это) для государства тюркского Бильге-кагана (мудрого правящего кагана).

(59) Если бы Эльтериш-каган не приобретал или если бы его не было, если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не приобретал или если бы меня не было,

(60) в земле Капаган-кагана и народа тюрков-«сиров» (эсиров) не было бы ни племен, ни народа, ни людей, ни владыки.

(61) Благодаря приобретениям Эльтериш-кагана и мудрого Тоньюкука, ходит вот (имеет такую силу) Капаган-каган и народ тюрков-«сиров» (эсиров).

(62) Тюркский Бильге-каган (мудрый правящий каган) возвышает народ тюрков-«сиров» (эсиров) и народ огузов.

При новом прочтении рассмотренных орхонских рунических надписей (памятник в честь Кюль-тегина, Онгинский памятник, памятник Тоньюкука) по мере сил и возможностей уточнялись малопонятные, темные места прежних переводов. Учитывался также ценный опыт авторов-составителей и редакторов «Древнетюркского словаря» (Л., 1969). Полагаем, что уточненное чтение и новая редакция перевода (по существу, новый перевод) древнетюркских источников послужит основой дальнейших лингвистических, текстологических и исторических исследований.

Данные тексты отражают первоклассные образцы ораторской речи и письменного-литературного языка древних тюрков, дают конкретное представление о древнетюркской государственности и духовной культуре, о подлинных исторических событиях и этнополитических процессах древнетюркской эпохи в Центральной Азии.

Орхонские памятники (в особенности памятники Кюль-тегину и Бильгекагану, выполненные китайскими придворными мастерами) поражают искусством резьбы по камню, точностью воспроизведения рунических надписей, строгостью линий и изяществом начертаний. Вместе с тем, на памятнике Кюльтегину две рунические строки правее китайской надписи выделяются «неумелым» почерком (иногда начертанием буквы $\text{X} \text{b}'$). В. В. Радлов об этом писал следующее (перевод П. М. Мелиоранского): «Правее китайской надписи вырезаны неумелой рукой две строки тюркского письма. Я полагаю, что эти две строки были нанесены на камень (может быть, тушью) самим ханом в честь брата и что китайский мастер вырезал их, подражая почерку хана. Иначе совсем непонятно, отчего эти строки, представляющие посвящение самого хана, вырезаны так плохо»¹

На Онгинском памятнике, «довольно трудном для перевода и истолкования» (определение С. Е. Малова) обнаруживаются некоторые графические особенности букв для звуков b' , $\text{g}(\gamma)$, t , s . С. Е. Малов, предложивший предварительный русский перевод памятника (имеются также первый немецкий перевод В. В. Радлова, турецкий перевод Х. Н. Оркуна, английские переводы Дж. Клосона и Т. Текина), заметил: «Буквы Онгинского памятника отличаются от букв памятников Кошо-Цайдамских (Кюль-тегина и Могиляна). Эти буквы представляют, по мнению акад. В. В. Радлова, нечто среднее между буквами памятников бассейна р. Енисей и памятников долины Кошо-Цайдама»².

Текстологическими исследованиями установлено, что в больших орхонских надписях содержатся своеобразные «повествовательные циклы». Так, И. В. Стеблевой отмечено: «Семиологическое исследование древнетюркских рунических текстов позволяет выделить в некоторых из них логико-семантические циклы, содержащие определенную последовательность в сочетании

элементов повествования (...) Три элемента повествования, формирующие каждый повествовательный цикл в орхонских текстах, для большей наглядности изложения можно назвать соответственно: 1) зачин; 2) развертывание содержания цикла; 3) концовка. При этом необходимо обратить внимание на то, что каждый повествовательный цикл посвящен какой-то одной теме, определение которой входит в задачу детального анализа композиционной структуры орхонских текстов»³. Эту же мысль о структурно-содержательной характеристике орхонских надписей продолжил И. В. Кормушин: «Повествовательные циклы по естественному движению рассказа от начала к концу выдержаны в плане реальной очередности событий. В общей структуре текста циклы также сменяют друг друга от более ранних исторических эпох и личностей к более поздним. Это и создает хронологическую последовательность содержания текстов, являющуюся важнейшей предпосылкой использования их как исторических источников»⁴. Конкретное наполнение отдельных «повествовательных циклов», тем не менее, нуждается в существенных уточнениях.

Эти тексты как авторские литературные произведения дают неоднозначную оценку отдельных личностей, исторических событий, народных восстаний и династийных распрей во втором Тюркском каганате (682–744 гг.). Так, например, Йоллыг-тегин, автор текста памятника Кюль-тегину, от имени своего отца – «Бильге-кагана» или Могилян-хана обвиняет тюркский народ в «низости» по отношению к своему дяде, Капаган-кагану (последний, как известно, был убит при разгроме телесского, уйгурского племени байырку на р. Толе в 716 г.). Автор текста Онгинского памятника Сабра-Тамган-Чур-йога, сын Элетмиша-ябгу и, по-видимому, внук по материнской линии Капаган-кагана посвящает этот памятник своему «мудрому» и «благородному» дедушке-кагану (указана дата гибели Капаган-кагана, седьмой месяц года дракона, в действительности 22 июля 716 г.) Однако этот добрый дедушка-каган, судя по балбалу Сабра-таркана при Онгинском памятнике, оказывается, умергвил родного дядю автора надписи.

Наоборот, мудрый советник трех каганов Тоньюкук в своей надписи резко осуждает действия Капаган-кагана (Мочжо), которого он сам же посадил на престол в 693 г. Недаром он заявляет: «На этот тюркский народ я не направлял вооруженных врагов и не устраивал набеги снаряженной конницы!» Полководец Кюль-тегин после смерти своего дяди Капаган-кагана перебил его незадачливых сыновей-изменников и возвел на престол законного наследника – своего старшего брата Могиляна («Бильге-кагана»). Эти факты подтверждаются китайскими источниками. «Китайские летописи отмечают жестокость Мочжо и регистрируют возмущения внутри тюркского народа, ибо китайская знать, будучи опытным и наученным стратегом, ведущим все время борьбу экономическую и просто военную с периферией, интересовалась, не без пользы для себя, внутритюркскими восстаниями»⁵.

Большие орхонские надписи содержат важный завет предков – призыв к межплеменному, межгосударственному единению древнетюркского этноса, созвучный справедливому стремлению наших народов к свободе и независимости. Сила единения особо подчеркнута в образной речи мудрого советника Тоньюкука: *Jujqa erklig topılayalı ućuz, jinćga erklig üzgali ućuz. Jujqa qalın bolsar, topılayuluq alp ermiş; jinćga joıan bolsar, üzgölük alp ermiş*. Перевод: «Тонкое легко быстро скомкать, узкое легко быстро разорвать. Если тонкое становится массивным, его трудно будет скомкать; если узкое становится толстым, его трудно будет разорвать». Этим словам вполне соответствует русская пословица: *Веника не сломишь, а прутья все по одному переломаешь*. Ср. казахские пословицы: *Саусақ ашылса – қылдырық, Жұмылса – жудырық* «Разжатые пальцы – кисть, сжатые пальцы – кулак»; *Бірлігі бар елдің, Белін ешкім сындырмас* «Никому не сломишь народ, обладающий единством».

¹ Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. – Сборник трудов Орхонской экспедиции, IV. СПб., 1897, с. 10.

² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959, с. 11.

³ Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976, с. 8–9.

⁴ Кормушин И. В. Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам. I. «Туркологический сборник – 1977», М., 1981, с. 149.

⁵ Бернштам А. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII вв. М.–Л., 1946, с. 182.

Глава V

ИРТЫШСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

ПРОТОТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА
КОСТЯНОЙ БЛЯХЕ

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА КИТАЙСКОМ
БРОНЗОВОМ ЗЕРКАЛЕ (ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА БРОНЗОВОМ ЗЕРКАЛЕ
МЕСТНОГО ПРОИЗВОДСТВА (Восточный Казахстан)

ДВЕ НАСКАЛЬНЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ В
ДОЛИНЕ ИРТЫША

ИРТЫШСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА СЕРЕБРЯНОМ
БРАСЛЕТЕ И НА КАМЕННОЙ ПЕЧАТИ

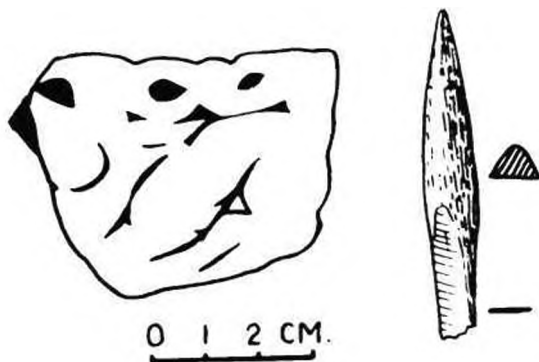

ПРОТОТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА КОСТЯНОЙ БЛЯХЕ

В 1960 году археолог Ф. Х. Арсланова нашла в кургане на правом берегу р. Иртыш (с. Бобровое Павлодарской области) костяную бляшку с загадочными «резами» на лицевой поверхности¹. В том же кургане, представлявшем собой захоронение человека с лошадью, обнаружены амулет из просверленного медвежьего клыка, просверленная костяная поделка и костяной трехгранный наконечник стрелы с плоским черешком. Бляха соединялась с ремнями узды двумя сквозными пересекающимися отверстиями по бокам.

Загадочные «резы» на костяной бляхе ближайшим образом напоминают древнетюркские рунические знаки (см. уточненную прорисовку). Вместе с тем, в очертаниях костяной бляхи угадывается изображение оленя².

Приступая в 1960 г. к расшифровке рунической надписи на костяной бляхе, автор не предполагал (как и начинающий археолог Ф. Х. Арсланова), что упомянутое захоронение относится к V–IV вв. до н. э.³ Казалось публикация данной рунической надписи⁴ приняла характер научного парадокса. Существовало ли тюркское руническое письмо в столь отдаленное время? М. П. Грязнов и С. Г. Кляшторный в полемике с нами категорически отрицали такую возможность: «Древнетюркское руническое письмо возникло не ранее V–VI вв. н. э. Следов повторного захоронения в кургане не обнаружено, и появление там бляхи с рунической надписью кажется весьма таинственным»⁵.

Костяной амулет — «олень» с прототюркской рунической надписью и костяной наконечник стрелы из кургана V–IV вв. до н. э., р. Иртыш.

Хотелось бы подчеркнуть, что исходное положение наших критиков является лишь предположением. Наука пока не определила ни даты рождения тюркского рунического письма, ни его непосредственного источника. Достаточно привести на этот счет мнение известного исследователя тюркской руники А. М. Щербака: «Где и когда у тюрков впервые появились руны, до сих пор не установлено»⁶.

Прорисовка «резов» на костяной бляхе, предложенная М. П. Грязновым и С. Г. Кляшгорным, также не может служить аргументом против тюркских рун. Действительно, в расхождении с оригиналом три знака из имеющихся шести прорисованы указанными авторами неточно — знак , стреловидный знак и знак .

Все шесть знаков на костяном амулете — «олене» обнаруживают ближайшее сходство с древнетюркскими руническими знаками (преимущественно енисейского типа):

1) знак *q* в горизонтальном положении;

2) разделительный знак имеет полную аналогию в рунической надписи из Горного Алтая (местность Бичикту Боом Онгудайского района)⁷, ср. более распространенное руническое начертание или на первом памятнике из Тувы⁸:

3) знак *s* — употребляется как в палатализованном звукоряде, так и, нередко (особенно в «Памятнике Тоньюкука»), со знаками твердого ряда⁹:

4) стреловидный «рез» представляет собой нечто среднее между енисейскими знаками *q* (употребляется перед или после губных гласных заднего ряда *o, u*) и *q* (перед или после негубного узкого гласного *i*), причем, последний имеет то же начертание в Онгинском памятнике —   *qismis* — *qismis̄* «он притеснил»¹⁰. В орхонских памятниках VIII в. и в большинстве енисейских памятников обычное начертание этих знаков и . В восточнотуркестанских манускриптах IX в. и ¹¹. Следовательно, стреловидный «рез» можно в известной мере признать прототипом названных знаков (со стреловидным «резом» можно связать также финикийский знак *q* «*qof*» и производные из него — древнегреческий *q*, пунический *q* и арамейский *q*):

5) знак енисейского типа (ср. орхонский) для негубного узкого

гласного *ī, i*. Из-за близости начертания мы прежде рассматривали его как *l* перевернутое¹² на первом памятнике из Кызыл-Чираа,

б) знак и твердого слога.

Руническая надпись на иртышском костяном амулете – «олень» состоит из двух почти горизонтальных строк, которые читаются сверху вниз и справа налево:

 (1)

 | | (2)

(1) *q=aq «белый»

(2) s¹qin=siqin (suqin) «олень, марал-самец». Ср. алтайское *сыгын* «марал», хакасское *сыын* «марал», тувинское *сыын* «марал-самец», турецкое *sig'in* «лань пятнистая», «лось», туркменское *сугун* «олень», сарыг-югурское *сугун* «род оленя с большими рогами»¹³, каракалпакское *сууын* «олень», др.-тюрк.

 | <

родительницей которого была, якобы, прекрасная и необыкновенно мудрая дева с оленьими рогами, схваченная охотниками в стаде маралов¹⁸.

Причем, зафиксированная Ч. Ч. Валихановым¹⁹ тамга этого рода сходна по форме с горизонтально положенным знаком $\int q$ (т. е. *aq* «белый») на нашем амулете – «олене». В связи с этим следует заметить, что у тюркских народностей Южной Сибири эпитет «белый, чистый, благородный» очень часто прилагается к названиям благородного оленя или к символическому изображению тотемного оленя – шаманскому бубну, который как правило, обтягивался шкурой дикого оленя²⁰ и служил шаману ездовым животным в его феериях. Не случайно один из духов-покровителей казахского шамана носит название *Ақмарал* «Белый олень»²¹. Любопытно, что по представлениям тунгусов и вогулов высшее божество всегда ездит на белом олене²².

В древнетюркское время у енисейских кыргызов запретными тотемными животными, по-видимому являлись барс и лань (или олень)²³, а у западных тюрков по свидетельству Сюань Цзана (VII в.) был табуирован олень²⁴.

Согласно древнейшим космогоническим представлениям, унаследованным скифскими (сакскими) племенами Центральной Азии, солнце выступает в облике оленя с сияющими золотыми рогами²⁵.

Аналогично летящему оленю-солнцу древних скифов, обозначение оленя на пиктографиях эпохи Шан рассматривается как символ верхнего мира, связанного с огнем и утренним солнцем²⁶. Недаром древнетюркское слово *siγun* (*suγun*) «благородный олень, марал-самец» этимологически связано в пределах алтайского языкового мира с тунгусским (эвенкийским) *sigun* «солнце» и *soγan* «изюбр, благородный олень (зимнее название)»²⁷, ср. монгольское *soγu* (современное написание *soγoo*) «самка изюбра, маралуха»²⁸.

«Скифский культ небесного оленя-солнца, в жертву которому приносились лошади (первоначально, видимо, олени), находит свое подтверждение в этимологии древнетюркского слова *siγun* «олень» (соответственно в прототюркском *siqin* – *suqin*). Это субстантивированное слово, по-видимому, образовано от глагола **siγ-* (**siqi-*, *suqi, **suqu-*) «приносить в дар, дарить; угощать, потчевать» (ср. тувинский глагол *сыга-* «назойливо угощать, потчевать») при помощи древнейшего формата причастия прошедшего времени – аффикса *-n*, непродуктивного уже в древнетюркском языке²⁹ и первоначально имело значение «принесенное (то, что принесено) в дар, в жертву (божеству)», т. е. «жертвенное (животное)», «жертва».

В свете древнейших представлений, отмеченных выше, нами обнаруживается этимологическая связь между каракалпакским словом *сууын* [*suwun*] «олень», восходящим к древнетюркскому *siγun* (*suγun*) «олень», и словом *суын* [*suwun*] «чистокровная порода лошадей-аргамаков» в западном диалекте казахского языка³⁰.

Другое тюркское слово загадочного происхождения, обозначающее сам-

ца благородного оленя — *бузу* (в киргизском и узбекском языках), *бугы* (в казахском и каракалпакском языках) или *буга* (в уйгурском языке) также обнаруживает общность с тунгусскими (эвенкийскими) *буг* «благородный олень, изюбр (сезонное название летом, осенью)», *бугу* «изюбр-самец весной (сезонное название)» и *буга* «земля», «небо», «бог», «икона»³¹, ср. монгольск. *буу* (*буга*) «олень, марал, изюбр» и *буу* (*буг*) «черт; злой дух, демон, дьявол»³². Слово *буга* в языках тунгусо-маньчжурской группы, как показала Г. М. Василевич³³, первоначально выражало представление об окружающей человека природе в целом и, вероятно, связано с древнейшими языковыми пластами.

Переживание скифо-сакского «оленного» этапа в этногенезе тюркских племен Южной Сибири, на наш взгляд, можно признать также в тувинском *куудай* «дикий олень», которое, наряду с тувинским *кудай* «небо (бог)», восходит к иранскому прототипу — ср. в языке Авесты *hu-da* (y)-, *hu-da(y)-* 1) «доброе намерение, благой умысел»; 2) «благоразумный, разумный, понятливый (о верующем); доброжелательный, благосклонный, благоволящий, добрый (о божете)»³⁴, персидское *huda* и *huday* «Господь, Бог; господин, властелин, хозяин»³⁵. Примечательно, что почитание оленя-марала у тувинцев носило в прошлом ярко выраженный тотемистический характер³⁶.

Косвенный намек о назначении иртышского амулета — «оленя» мы находим у Л. П. Потапова, который установил, что под душой жертвенной лошади алтайские кочевники-тюрки подразумевали оленя, и соответствующим образом интерпретировал факт обнаружения в первом Пазырыкском кургане на Алтае лошади в оленьей маске: «Лошадь маскировалась под оленя — этого требовали религиозные представления, уже не отвечавшие хозяйственной действительности»³⁷. Костяной «скифский олень», прикрепленный к узде жертвенной лошади, по-видимому, выполнял функцию, аналогичную оленьей маске из Пазырыка. Скупость изобразительных средств на данном амулете восполняется магической для того времени формулой *aq siqin* (= *suqin*) «белый олень» «Белый Олень», или само божество-солнце, был подателем всяческих благ в человеческом существовании, ему же предназначались в жертву «оленные» лошади. Чудотворная дарственная формула, начертанная древнейшими тюркскими рунами на иртышском амулете-«олене», призывала, таким образом, зооморфное солнечное божество озарить своим живительным светом путь человеческой душе в царстве теней.

¹ Костяная бляха хранится в Институте археологии им. А. Х. Маргулана НАН РК

² Ср. Членова Н. Л. Скифский олень. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 115. Памятники скифо-сарматской культуры М., 1962, с. 181–182; Tchlenova N. L. Le cerf scythie. «Artibus Asiae», vol. XXVI (Ascona, 1963), pp. 46–47.

¹ Арсланова Ф. Х. Археологические памятники Среднего Прииртышья. Автореферат канд. дисс., Алма-Ата, 1964, с. 5.

⁴ Аманжолов А. С. Еще раз об иртышской рунической надписи. «Вестник АН КазССР», № 9 (269), 1967, с. 66–70.

¹ Грязнов М. П., Кляшторный С. Г. Надпись или олень? (По поводу одной публикации). «Народы Азии и Африки», № 2, 1966, с. 131.

⁶ Шербак А. М. О рунической письменности в юго-восточной Европе. «Советская тюркология», № 4, 1971, с. 81.

⁷ Сейдакматов К. Древнетюркские надписи в Горном Алтае. Сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгаиоедению». Фрунзе, 1964, с. 95–101.

⁸ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.–Л., 1952, с. 97, рис. 18, 19.

⁹ Thomsen V. L'alphabet runiforme turc. Samlede Afhandlinger, III. Bind, Kobenhavn, 1922, pp. 62–63; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 70; Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 12.

¹⁰ Thomsen V. L'alphabet runiforme turc. p. 31; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959, с. 7–8.

¹¹ Thomsen V. Dr. M. A. Stein's manuscripts in turkish «runic» script from Miran and Tung-huang. Samlede Afhandlinger, III Bind, Kobenhavn, 1922, p. 220.

¹² Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков, с. 79; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 68–69.

¹³ Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957, с. 105; ср. Шербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков» М., 1961, с. 133–134.

¹⁴ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, СПб., 1911, с. 617; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 424; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 16, 20, 25.

¹⁵ Gabaïn A. von. Altürkische Grammatik. 2. verbesserte Auflage. Leipzig, 1950, S. 51.

¹⁶ Грязнов М. П., Кляшторный С. Г. Указ раб., с. 131.

¹⁷ Валиханов Ч. Ч. Сочинения. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXIX, СПб., с. 69; Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. «Живая старина», т. XXV, вып. II–III (1916) Петроград, 1917, с. 63–64, 112, 188; Золотарев А. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, с. 33–36; Потапов Л. П. Следы тотемистических представлений у алтайцев. «Советская этнография», № 4–5, 1935, с. 134–151.

¹⁸ В а л и х а н о в Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961, с. 339. О тотемических родоплеменных названиях у киргизов и объяснение этимологии киргизского (тюркского) глагола *baŋsta-* «посвящать, приносить в дар, в жертву» из *baŋ* «лось» в связи с принесением в жертву в честь тотема см.: А б р а м з о н С. М., К семантике киргизских этнонимов. «Советская этнография», № 3, 1946, с. 130–131.

¹⁹ В а л и х а н о в Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах, т. I. Алма-Ата, 1961, с. 339.

²⁰ П о т а п о в Л. П. Культ гор на Алтае. «Советская этнография», № 2, 1946, с. 59; *Его же.* Следы тотемистических представлений у алтайцев, с. 141–143, 150–151; *Его же.* Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. «Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая», новая серия, т. I, М.—Л., 1947, с. 178–180 (157–182).

²¹ А л е к т о р о в А. Е. Из мира киргизских суеверий. (Баксы), Казань, 1899, с. 5.

²² П о т а п о в Л. Следы тотемистических представлений у алтайцев, с. 151.

²³ Б е р н ш т а м А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII вв. М.—Л., 1946, с. 162–164; G a b a i n A. von. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. — «Antropos» (Revue internationale d'Ethnologie et de Linguistique), Vol. 48, Fasc. 3–4, Freiburg, 1953, SS. 547–548.

²⁴ З у е в Ю. А. Китайские известия о Суябе. «Известия АН КазССР», серия истории, археологии и этнографии, вып. 3 (14), Алма-Ата, 1960, с. 91.

²⁵ О к л а д н и к о в А. П. Олень Золотые Рого. Л.—М., 1964, с. 9–10, 168–174, 189–190.

²⁶ E r d b e r g C o n s t e n E. von The deer in early Chinese art. «Artibus Asiae», vol. XXVI, 3–4 (Ascona, 1963), p. 205.

²⁷ В а с и л е в и ч Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 350–360 (в зейском говоре верхне-алданскозейского диалекта).

²⁸ Ч е р е м и с о в К. М. и Р у м я н ц е в Г. Н. Монгольско-русский словарь. Л., 1937, с. 301; Монгольско-русский словарь под общей редакцией А. Лувсандэн-дэва. М., 1957, с. 354.

²⁹ С р. R a m s t e d t G. J. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft, Formenlehre. Helsinki, 1952, § 56; Р а м с т е д т Г. И. Введение в алтайское языкознание. Перевод с нем. Л. С. Слоним. М., 1957, с. 91: «Глагольная форма, в которой мы находим окончание *-л* (после гласного *-л*, после согласного — соединительный гласный *+л*), относится к древнейшим образованиям и представляет собой отглагольное прилагательное с более сильно или менее сильно выраженным перфектным значением».

³⁰ А м а н ж о л о в С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 405.

³¹ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 63, 64.

³² Черемисов К. М. и Румянцев Г. Н. Указ. работа, с. 249, 250; Монгольско-русский словарь, с. 82.

³³ Василевич Г. М. Ранние представления о мире у эвенков (материалы). Сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований» М., 1959, с. 160–161.

³⁴ Bartholomae Ch r. Altiranisches Wörterbuch. 2 unveränderte Auflage. Berlin, 1961, SS. 1823–1824.

³⁵ Гаффаров М. А. Полный персидско-русский словарь, т. I, М., 1914, с. 283.

³⁶ Потапов Л. П. Следы тотемистических представлений у алтайцев, с. 139: «Урянхайские шаманы в призываниях к своим духам-предкам откровенно называют духа, представляющего собой самку марала, «моей бабушкой».

³⁷ Потапов Л. П. Следы тотемистических представлений у алтайцев, с. 145.

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА КИТАЙСКОМ БРОНЗОВОМ ЗЕРКАЛЕ (ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

В секторе Востока Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге в настоящее время находится китайское бронзовое зеркало с рунической надписью. Зеркало (диаметр 13 см) было найдено в 1935 г. экспедицией Общества изучения Казахстана в Урджарском районе Восточно-Казахстанской области (б. Семипалатинская область). Предмет был найден на склоне большого кургана на берегу арыка в местности Сасыкбастау, в 20 км от села Урджар, и доставлен в сектор истории Казахского НИИ национальной культуры (организатор и первый директор – С. Аманжолов), а затем в Государственный Эрмитаж.

В 1948 г. археолог А. Н. Бернштам¹ дал описание данного бронзового зеркала с рунической надписью, однако не смог ее сколько-нибудь удовлетворительно прочесть. Он тщетно пытался читать знаки надписи с конца и в перевернутом виде, поэтому значение букв неузнаваемо исказилось, а надпись осталась непрочитанной. Данное зеркало с надписью несколько раз было осмотрено нами в 1970–1980 гг., в результате чего появилась возможность предложить чтение рунической надписи:

Как установил А. Н. Бернштам, китайское бронзовое зеркало было изготовлено в Танское время (VII–X вв.). Описание зеркала, данное А. Н. Бернштамом, нуждается в дополнениях. Обратная сторона зеркала изготовлена в форме лотосовидной розетки из восьми лепестков. На лепестках чередуются выпуклые рельефные изображения четырех летящих пчел и цветков. В центральной части лотосовидной розетки даны рельефные изображения четырех уток на плодах какого-то растения и изображение жука с петлей-отверстием. Между этими изображениями в центральной части вырезана надпись из 14

тюркских рунических знаков. Кроме того, один знак $\times$ d' вырезан на одном из лепестков розетки.

Надпись состоит из 14 разных знаков тюркского рунического алфавита (не считая знака $\times$ $d'=ed$ «вещь, материя» на лепестке розетки) и читается по часовой стрелке справа налево следующим образом:

кн ун чмн в>лнхγ

*r cücük osiz ölü = *er cücük össiz (ödsiz) ölü*.

Перевод с древнетюркского: «Муж, (пить) вино – безвременная (преждевременная) гибель (букв. убийство).

Лексика надписи: *er* «муж, мужчина», *cücük* «сладкий; вино» (ср. др-тюркск. *sücüg* – *sücüg* в том же значении, киргизск. *чүчүк* – *чүчү* «сладкий»), *össiz* < *ödsiz* (*ödsüz* – *ödsüz*) «без времени, безвременный», *ölü* «убийство» (ср киргизск. *олот* «падеж скота, эпизоотия»).

Графические и фонетические особенности надписи. Разделительные знаки отсутствуют. Все буквенные знаки надписи типично орхоно-енисейские. В слове *cücük* знак > *o*, *u* употреблен для обозначения *ü* в мягком слоге, а также зафиксированы диалектные фонетические переходы *s* > *ç*-, *-g* > *-k*. В слове *össiz* < *ödsiz* ~ *ödsiz* наблюдается регрессивная ассимиляция, удвоенный мягкий согласный звук *ss* передан знаком | *s'*. Сходная особенность отмечалась ранее в рунических надписях при передаче мягких и твердых удвоенных согласных *kk*, *ll*, *tt* посредством знака для простого (одиночного) согласного¹.

Палеография и языковые особенности рунической надписи на китайском бронзовом зеркале Танского времени позволяют говорить о том, что данная надпись сделана приблизительно в VII–X вв. среди западных тюрков, карлуков или кыпчаков-йемеков (кимаков) и отражает диалектные особенности древнетюркского языка.

¹ Бернштам А. Н. Новые эпиграфические находки из Семиречья. «Эпиграфика Востока», II, М.–Л., 1948, с. 107–110.

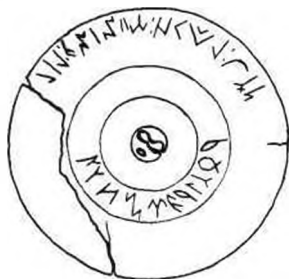
² Amanjолов А. S. Kazakistan'da bulunan Çin aynası ile Sasani tabagındaki runik Türk yazıları. «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı», Bulletin – 1993, Ankara. 1995. s. 115–119.

³ Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика (методическая разработка). Алма-Ата, 1980, с. 18.

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА БРОНЗОВОМ ЗЕРКАЛЕ МЕСТНОГО ПРОИЗВОДСТВА (ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

Летом 1969 г. археолог Ф. Х. Арсланова руководила раскопками кургана древнетюркского времени на правом берегу Иртыша, близ с. Зевакино Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. На дне центральной (самой ранней) ограды этого кургана лежал скелет женщины, головой к востоку, рядом обнаружены две массивные серебряные с позолотой серьги (распространенный тип VIII—IX вв.), бронзовое скульптурное изображение рыбы, бронзовая ажурная подвеска, железный однолезвийный нож и, наконец, бронзовое зеркало (плоский диск диаметром 10 см) с рунической надписью.

Чтение данной надписи, опубликованное Ф. Х. Арслановой и С. Г. Кляшторным¹, нуждается в некоторых уточнениях. К сожалению, нам не удалось увидеть это зеркало (многократные попытки наталкивались на каменную стену). Вероятно, уезжая из родного Усть-Каменогорска в Тверь, Ф. Х. Арсланова забрала зеркало с собой. Оно не поступило ни в областной историко-краеведческий музей г. Усть-Каменогорска, ни в другой музей Казахстана. Тем не менее, на основании опубликованного фотоснимка с прорисью предложено уточненное чтение надписи².

Уместно привести описание зеркала по первой публикации: «Качество металла и сам тип зеркала не оставляют сомнений в его местном (казахстанском или южносибирском) происхождении (консультация Е. И. Лубо-Лесниченко). Многочисленные трещины и царапины свидетельствуют о долгом бытовании зеркала до того, как оно попало в захоронение. Знаки древнетюркского рунического письма высотой 1,2—1,5 см расположены на краю бортовой зоны (20 знаков) и во второй внутренней зоне (11 знаков). Не все знаки

достаточно ясно различимы простым глазом на потертой и испарпанной поверхности. Распознавание некоторых из них оказалось возможным только при сильном боковом освещении. Палеографически надпись ближе к енисейскому варианту рунического письма. Знаки процарапаны тонким металлическим острием, неглубоко, уже много позднее изготовления зеркала, так как часть щарапин перекрыта надписью¹.

Тюркская руническая надпись на этом бронзовом зеркале состоит из двух строк: во внутренней строке 11 знаков, в бортовой строке 20 знаков (в том числе 3 знака словораздела).

Чтение внутренней строки (справа налево): *j'bc'i j'gr'n 'r lü* = *jebe'i jegrän ar lü*. Перевод: «Покровитель – красновато-рыжий дракон». Это определенно свидетельствует о распространении китайского официального культа дракона в древнетюркском обществе VIII–IX вв.⁴

Чтение бортовой строки (справа налево): *isi k'n's'n 'ss'r qu'i b's'r = i'si künis'n essar qu'i basar*. Перевод: «Если знатная женщина уменьшает (сдерживает) свою зависть, она обретает счастье (букв. ею овладевает благодать)». Ср. казахскую пословицу *Әйел – үйдің құты* «Женщина – благодать дома».

Лексика надписи: *jebe'i* «покровитель» (редко встречающееся слово дано у С. Г. Кляшторного без перевода, ср. казахск. *жебе-* «покровительствовать, поддерживать, быть опорой», *жебеуші* «покровитель»), *jegrän* «рыжий, гнедой», *ar* «бурый, рыжий, красноватый» (у С. Г. Кляшторного не прочитано), *lü* «дракон» (китайск. *lu* «дракон»), *isi* – *i'si* «женщина, жена знатного лица, дама», *kün'i* «зависть», *es-* «уменьшать» (ср. *es-* «луть; провеивать, просеивать» у С. Г. Кляшторного ошибочно приведен глагол *säs-* ~ *säs-* «развязать, распутать; освободиться от чего-либо»), *qu'i* «счастье, благо, благодать, благополучие; счастливый удел», *bas-* «давить; подавлять, преодолевать; нападать; овладеть».

¹ Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. «Тюркологический сборник – 1972», М., 1973, с. 306–315.

² Аманжолов А. С. Ертiс жазу ескерткiштерi [Иртышские письменные памятники]. «Бiлiм және еңбек», 1988, № 11, с. 36.

³ Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Указ. работа, с. 311–312.

⁴ Ср. Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Указ. работа, с. 313.

ДВЕ НАСКАЛЬНЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ В ДОЛИНЕ ИРТЫША

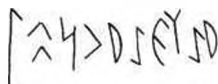
Летом 1983 г. при обследовании петроглифов местности Шойтабан Калбинского хребта в Жарминском районе б. Семипалатинской области (ныне Восточно-Казахстанская область), нами была обнаружена наскальная надпись, состоящая из двух рунических знаков¹. Рядом с рунической надписью и одновременно с ней выбиты изображения горных козлов.

Тюркская руническая надпись местности Шойтабан читается справа налево: $-b-m = abam$ «мой старший родственник», ср. хакасск. *абаа* «старший брат», алтайск. *абаай, абагай* «1) старший брат жены; 2) обращение к сородичу, входящему в один и тот же род». Следовательно, древний охотник обращается здесь с заклинанием к тотемному животному – горному козлу.

***

Летом 1985 г. на основании устного сообщения студента-историка А. Рогожинского нами была обследована наскальная руническая надпись в местности Булгартыбыты (букв.: «Гроб Булгара») хребта Кызылтас в Маркакольском районе Восточно-Казахстанской области. Данная руническая надпись выбита на скальном камне прямоугольной формы.

Надпись местности Булгартабыты состоит из 10 знаков тюркского рунического алфавита (2 из них выступают как знаки словораздела) и читается справа налево следующим образом: $\dot{y}(a) \text{ } \text{†}g(a) \text{ } jurti = a\dot{y} \text{ } clig \text{ } jurti$. Перевод: «Становище Лунного правителя (Ай-элиг)».

Исторические факты о становлении тюркского каганата в середине VI в. в долине Верхнего Иртыша на Алтае согласуются с сообщением данной рунической надписи о становище тюркского правителя и, по-видимому, отразились в старинном казахском выражении *Ел бесігі Ертіс, жер төрі Алтай* «Колыбель племенного союза (государства) – Иртыш, почетное место земли (высокогорное пастбище) – Алтай»².

¹ Аманжолов А. С. Тастағы көне жазулар [Древние наскальные письмена]. «Мәдениет және түрмыс», 1984. № 8, с. 10–11.

² Аманжолов А. С. Маркакөлдeгі көне жазу [Древняя надпись Маркаколя]. «Қазақ әдебиеті», 20.12.1985; Аманжолов А. С. Түркі руникасының тараған аймақтары [Регионы распространения тюркской руники] – Көне түркі өркениеті: жазба ескерткіштер («Байырғы түрк өркениеті: жазба ескерткіштер» атты халықаралық ғылыми-теориялық конференцияға арналған тақырыптық көрме). Алматы, 2001, с. 41–43.

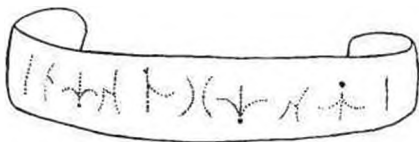

ИРТЫШСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА СЕРЕБРЯНОМ БРАСЛЕТЕ И НА КАМЕННОЙ ПЕЧАТИ

Обе рассматриваемые здесь рунические надписи были прочитаны нами в 1988 г.¹ на основании фотоснимков, сверенных позднее с оригиналами.

Сообщение о серебряном браслете с рунической надписью впервые появилось в областной газете в 1986 г.² Этот небольшой браслет (длина по окружности - 10 см, ширина - 1 см) был получен жигельницей Павлодарской области Гулистан Жанкошкаровой в наследство от ее бабушки Мастуры, которая также унаследовала его от своей бабушки. В конце 1987 г. браслет поступил на экспертизу в Павлодарский областной историко-краеведческий музей, однако вскоре был возвращен владелице, поскольку некто М. Наурызбаев, эксперт из Центрального музея определил, что знаки на браслете представляют собой «казахский орнамент», а сам браслет изготовлен в XIX в. К сожалению, об этом безответственном заключении «эксперта из Алматы» мне стало известно только в 1996 г. при посещении г. Павлодара, а владелица браслета надолго исчезла вместе со своим сокровищем (оказывается, сменила фамилию и стала Сулейменовой).

Осенью 1999 г. мне, наконец, удалось подержать в руках серебряный браслет с рунической надписью и воочию убедиться в подлинности последней (правда, дальнейшая судьба браслета все еще проблематична). Надпись состоит из 10 знаков тюркского рунического алфавита и читается справа налево (в прежней публикации пропущен предпоследний знак, плохо различимый на фотоснимке). Все знаки надписи выбиты точечной техникой, пунктиром, т. е. здесь представлены, как и на серебряном блюде с Яика (см. главу VIII), «пунктирные» руны. Аналогичным образом, здесь отсутствуют знаки словораздела.

Чтение тюркской рунической надписи на серебряном браслете:

s'c̣q̣q̣ *ỵị q̣q̣ịṣ = sač̣quq̣ aỵ̂ị qoq̣ịṣ̌.

Перевод: «Разбросанные драгоценности – прах (пыль)».

Лексика надписи: *sač̣quq̣* ~ *sač̣uq̣* (МК) «разбросанный, рассыпанный» – именное образование от глагола *sač̣-* «разбрасывать, раскидывать, разбрызгивать; перен. разбазаривать, бессцельно тратить», *aỵ̂ị* «драгоценности, сокровища, дары», *qoq̣ịṣ̌* ~ *qoq̣* «пыль, прах; мельчайшая частица, пылин-

ка», ср. казахск. *қоқыс* «шлак, отходы, мусор», *қоқтық* «мусор», др.-греческ. *χοχχοϛ* «1) косточка (плода), семечко, зерно; 2) чуточка, капля»¹.

Палеография и языковые особенности надписи позволяют отнести ее, несомненно, к древнетюркскому времени (VI–IX вв.).

• • •

В 1987 г. краевед А. Жунусов сообщил мне и редакции журнала «Білім және еңбек» (Алматы) о случайной находке в местности Каратагай Курчумского района Восточно-Казахстанской области квадратной каменной печати с загадочными, на первый взгляд, знаками. Каменная печать была передана им редактору журнала А. Сейдимбекову. Как показал осмотр, на лицевой поверхности подвесной каменной печати глубоко вырезаны резцом 4 буквенных рунических знака.

Тюркская руническая надпись на каменной печати из Восточного Казахстана читается по ходу часовой стрелки, справа налево: *s'č 'b'n = sec abin*.

Перевод: «Выбери и утешься!» Иначе говоря, предписано избирать достойных, пользоваться благами жизни и наслаждаться.

Данная надпись, подобно большинству древнетюркских надписей Верхнего Иртыша, вероятно, принадлежит карлукам. Карлуки, как сообщает китайская хроника династии Тан (618–907 гг.), жили на Западном Алтае и делились на три части (племени). В рунической надписи уйгурского кагана Моюн-Чура (759 г.) они многократно именуются *üč qurluq* «трехплеменные карлуки». Согласно Махмуду Кашгарскому: «Карлук — наименование тюркского племени, которое отделилось от огузов» [МК I, с. 473].

¹ Аманжолов А. С. Ертiс жазу ескерткiштерi [Иртышские письменные памятники]. «Білім және еңбек», 1988, № 11, с. 36.

² Исин А. Күміс біле иктегі жазу. «Семей таны», 4 10.1986.

³ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь, т. 1. М., 1958, с. 962.

Глава VI

ИЛИЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ И ГРЕКОГРАФИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

ТРИ НАСКАЛЬНЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ
В ДОЛИНЕ ИЛИ

ТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ
НА БРОНЗОВОМ ПЕРСТНЕ

ПРОТОТЮРКСКАЯ РУНОПОДОБНАЯ НАДПИСЬ
НА СЕРЕБРЯНОЙ ЧАШЕЧКЕ

ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ОДНОЙ «ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ» НАСКАЛЬНОЙ
НАДПИСИ

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ НАСКАЛЬНАЯ НАДПИСЬ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИМ ПИСЬМОМ

РУНИЧЕСКАЯ И ГРЕКОГРАФИЧЕСКАЯ НАДПИСИ
НА КАМЕННОМ ПРЯСЛИЦЕ С ТАЛГАРСКОГО
ГОРОДИЩА

ТРИ НАСКАЛЬНЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ В ДОЛИНЕ ИЛИ

В бассейне р. Или, до недавнего времени остававшемся белым пятном на карте распространения рунического алфавита, в 1964 г. нами были найдены три небольшие надписи в стиле тюркской руники (на северных склонах хребта Кетмень в Уйгурском районе Алматинской области). Первая попытка прочитать эти надписи не принесла успеха. В 1967 году илийские рунические надписи были обследованы повторно. В результате чтение их было существенным образом изменено.

1. Надпись из ущелья Терексай (левый берег р. Большая Аксу).

Эта надпись высечена на труднодоступной отвесной скале в узком проходе, удобном для охоты на зверя (последнее обстоятельство, как увидим ниже, имеет прямое отношение к содержанию надписи).

Первая илийская руническая надпись (хребет Кетмень, ущелье Терексай).

Руническая надпись состоит из трех вертикальных строк — 4 знака в правой строке, рунический знак и синхронное скелетное изображение горного козла (идеограмма «ТЕКЕ») посередине и 4 знака в левой строке. Несколько необычным для тюркской руники является начертание знаков 1 i, 8 z и P q. Первый из них встречается в тех енисейских и таласских рунических

надписях, которые читаются слева направо (зеркальный вариант буквы Γ *i*, ср. $\uparrow$ *p*), второй имеет полную аналогию во втором таласском памятнике¹, а третий представляет собой переходный вариант между иртышским прототипом $\uparrow$ ' и начертанием $\triangleright$ *q* (перед или после негубного узкого гласного *i*) в Онгинском памятнике, ср. арамейский $\uparrow$ с тем же значением.

Надпись читается снизу вверх и справа налево:

(1) *isiz*

(2) *·d*

(3) *q's'q* 'η

(изображение горного козла – «ТЕКЕ»).

Перевод: «ГОРНЫЙ КОЗЕЛ – добро без присмотра, притесненный (загнанный на охоте) зверь». Лексика надписи: *isiz* [*esiz*] «находящийся без присмотра, беспризорный» (ср. казахское *esiz* с тем же значением, киргизское *esiz* «горемычный, бедненький, болезненный», в «Кутадгу билиг» *esiz* «дурной, плохой, скверный»), *ed* «имущество, добро, благо» (употребляется в «Кутадгу билиг»), *qis'iq* «стесненный, зажатый» – образование от глагола *qis-* «лавить, жать, притеснять, принуждать» (ср. в Онгинском памятнике *qisniš* «он притеснил», киргизское *qysyq* «сжатый, сдавленный, узкий; теснина, узкий проход») и *aη* «зверь, дикое животное (как предмет охоты)».

Назначение рассмотренной рунической надписи – заговор, охотничья магия. Наряду с архаичным написанием знака *q*, это позволяет считать надпись одной из наиболее ранних в тюркской рунике.

2. Надпись из ущелья Садыр (правый берег р. Большая Аксу).

Знаки надписи высечены на скальной плоскости посреди различных изображений. Судя по степени «пустынного загара», силуэтные изображения горного барана-архара и горных козлов-таутеке вместе с контурным изображением двоянного цветка являются первоначальными в данной экспозиции. Впоследствии были выбиты легкой насечкой скелетные изображения охотника с арканом, горных козлов, всадника на лошади, снежного барса и знаки надписи (все они сделаны поверх старых изображений и, по-видимому, в одно время).

Надпись состоит из горизонтальной строки с тремя знаками под условной сценой случки диких животных и над изображением загадочного цветка. а также рунического знака возле всадника на лошади и барса. Знак $\uparrow$ обозначает в тюркской рунике звук *t* (как правило, мягкого слога), он совпадает графически и по звуковому значению с финикийской буквой «*tau*». Знак $\vee$ по начертанию несколько отличается от орхонского $\triangleright$ *o*, и в то же время иден-

Вторая илийская руническая надпись (хребет Кетмень, ушье Садыр).

тичен древнегреческой букве «*üpsilon*» (u, ü); орхонский знак M ö, ü сближается с другими вариантами той же буквы — Y и M . Знак M , как можно допустить, имеет здесь не буквенное руническое (*lt*, *ld*), а числовое значение «10 000», согласно греческой аттической цифровой системе. Благодаря недавней находке в долине р. Или (ушье Тайгак) наскальной надписи на архаическом греческом алфавите, эти аналогии получают реальное историческое подтверждение.

Надпись читается справа налево:

(1) $\text{tö} \text{lt}$ (? *tü* «TÜMAN»)

(2) $\text{a}\eta$

Перевод: «Размножайся (? множество, 10 000), промысловый зверь!» Глагол *tölda* «размножаться, плодиться, давать приплод» (<*töl* «приплод» + архаический⁴ аффикс -*da*, ср. киргизск., алтайск. *төлдө-*, казахск. *төлде-* [төлдө-] и каракалпакск. *төлье-* в том же значении) употреблен в форме 2-го лица повелительного наклонения, совпадающей с основой глагола. В другом варианте чтения можно усмотреть *tü* «количество, число» (ср. *tüman* «десять тысяч; несметное количество, тьма, множество», *tüman tü* «бесчисленный; несметное количество» в «Кутадгу билэг») и идеографическую логограмму со значением «10 000».

В любом случае данная руническая надпись представляет собой магическое заклинание, назначение которого — умножить численность зверей и тем самым обеспечить своему роду удачу в охотничьем промысле.

3. Надпись из ущелья Надыр (правый берег р. Баян-Казак).

Надпись вырезана на выступе скалы поверх сильно потемневших силуэтных изображений горных козлов и двух знаков , обозначающих в орхон-енисейских надписях звукосочетание *ri* или слово *ari* «горный перевал». Верхняя часть надписи – рамка с изображением горного козла. Это, вероятно, родовая тамга или геральдический знак. Несколько ниже – еще один тамгообразный знак. Затем следует две горизонтальные строки рунических знаков. Необычные знаки *z* и *q* уже отмечены нами в первой илийской надписи из ущелья Терексай (в 10–15 км западнее), а знак *η* имеет такое же начертание в третьем памятнике из Тувы (где вертикальные строки читаются снизу вверх и справа налево).

Руническая надпись читается справа налево и сверху вниз:

(1) *r 'z'q ič'η

(2) *s 'l'z

Перевод: «Муж, поешьте съестного! Друг, соплеменник». Лексика надписи: *er* «муж, воин», *azīq* (*azūq*) «провиант, продовольствие, съестное; пища, корм», *ič-* «пить; принимать пищу» (глагол употреблен в вежливой форме 2-го

Третья илийская руническая надпись (хребет Кетмень, ущелье Надыр).

лица повелительного наклонения), eš «друг, товарищ, союзник» и eldaš «соплеменник».

Эта очень древняя руническая надпись является, бесспорно, заклинательным обращением к родовому предку-покровителю (судя по изображению вверху, это — «ТЕКЕ»).

Таким образом, новонайденные илийские рунические надписи дополняют наши знания в области идеологии тюркоязычных охотничье-скотоводческих племен Семиречья и, по-видимому, подтверждают тезис о весьма раннем происхождении тюркского рунического алфавита.

В археологической литературе неоднократно высказывалось предположение, что именно Семиречье (долина р. Талас) явилось колыбелью первого в истории тюркоязычных племен алфавитного письма¹. В связи с найденной в долине Иртыша прототюркской рунической надписью и ввиду того, что весьма архаичные по своему почерку, в отличие от «классического» шрифта орхонских надписей VIII в., рунические надписи с Енисея и Горного Алтая (за исключением надписей на золотых и серебряных предметах из погребений VI—VIII вв.) не имеют надежной датировки², вопрос о месте первого применения тюркского рунического алфавита трудно решить безоговорочно, даже если бы удалось доказать его присутствие в Семиречье в эпоху ранних кочевников (надписи из Таласской долины также не имеют надежной датировки, хотя знаки на деревянной палочке отличаются своим архаичным начертанием).

Аманжолов А. С. Древние писаницы и петроглифы хребта Кетмень (Тянь-Шань). «Известия АН КазССР», серия общественная, 1966, № 5, с. 80—82, 84, 86. Не обошлось без досадного недоразумения — за руническую надпись приняты потчевенские цифры «1942» на гранитном валуне (там же, с. 89).

¹ Джумагулов Ч. Второй таласский памятник. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961)» Фрунзе, 1962, с. 26.

² Аманжолов А. С. Еще раз об иртышской рунической надписи. «Вестник АН КазССР», № 9 (269), 1967, с. 67.

³ Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, с. 175.

⁴ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949, с. 344—345; Шербак А. М. Знаки на керамике и кирпичях из Саркела-Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 75, Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II, М.—Л., 1959, с. 388.

⁵ Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисейка Фрунзе, 1962, с. 23—30; Тенишев Э. Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая. «Тюркологический сборник» (к 60-летию А. Н. Кононова), М., 1966, с. 265.

ТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА БРОНЗОВОМ ПЕРСТНЕ

В 1969 г. в древнем погребении, вскрытом археологом К. М. Байпаковым близ с. Николаевка (Илийский район Алматинской области), был найден малозначительный на первый взгляд бронзовый перстень (кольцо с утолщением, щитком)¹. Наш осмотр показал, что знаки на перстне представляют собой тюркскую руническую надпись.

Бронзовый перстень имеет овальное утолщение – печатку, на которой острым предметом вырезаны шесть знаков древнетюркского рунического алфавита (четыре буквенных и два разделительных знака – «двоеточия»). Рунический знак | с мягкое (реже твердое) или $\bar{s}$ начертан на кольце дважды, ср. такое же употребление знака в рунической надписи «Онгинского памятника» (VIII в.): $\mathbb{M}\mathbb{M}$ *süsi* «его войско», $\mathbb{X}\mathbb{I}\mathbb{S}$ *bsms-basmis̄* «он сдвиг, т. е. победил», $\mathbb{X}\mathbb{H}\mathbb{M}$ *jilms-jitmis̄* «он погиб» и др.²

Знак представляет собой, по-видимому, орнаментальную разновидность орхоно-енисейской руны $\mathbb{B}$ *k*, «*k*, «*k*. Несколько необычное начертание этого знака на печатке объясняется тем, что резчик хотел изобразить овал «драгоценного камня» по принципу экономии. Наконец, рунический знак $\mathbb{Y}$ *s* твердое употребляется в орхонских надписях VIII в. («Памятник в честь Кюльтегина» и «Памятник хану Могилян»), ср. более архаичные начертания – $\mathbb{Y}$ *s* ($\bar{s}$) твердое в надписи того же VIII в. с р. Тола, притока Орхона («Памятник в честь Тоньюкука») и $\mathbb{Y}$ *s* твердое в таласских надписях³.

Тюркская руническая надпись на перстне состоит из двух горизонтальных строк (направление чтения – справа налево):

$\mathbb{B}$ | (1) *s^hk*

$\mathbb{Y}$ | $\mathbb{Y}$ (2) *s^hš*.

Sök. saš «Опустись на колени, боязливый!»

Глагол *sök* «преклонять колени, опускаться на колени», выступающий в данной надписи в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения (совпадает с основой глагола), представлен в орхонских надписях в залоговой форме $\mathbb{Y}\mathbb{N}\mathbb{Y}\mathbb{N}$ *sökür* «заставить преклонить колени, поставить на колени»⁴. В письменных памятниках XI в. он имеет два варианта – *sök* (наманганская рукопись «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского) и *šök* (каирская и гератская рукописи «Кутадгу билиг», «Диван лугат ат-тюрк»⁵, ср. башкирск. *сук* - «1) становится

на колени, припадать к кочу-чему: 2) ложиться (о верблюде); 3) оседать», якутск. *соң*- «оселать (лавать осалок на дне)», казахск., каракалпакск. *шөк* «1) опускаться на колени (о верблюде), 2) оседать, садиться; погружаться» или междометие *шөк* (окрик, заставляющий верблюда опуститься на колени, успокоиться), киргизск. *чөк*- «1) опускаться на колени (о верблюде); 2) покрыть (о верблюдем жеребце); 3) погрузиться (в воду); 4) перен. дряхлеть» или междометие *чөк* (окрик на верблюдов, заставляющий их опуститься на колени), турецк. *çök*- «1) опускаться; оседать; осаждаться; 2) заваливаться, обваливаться; обрушиваться; погружаться; 3) проваливаться, впадать; вваливаться (о щеках, глазах); 4) опускаться на колени (о верблюде и пр.); 5) стареть, слабеть» В приведенных фактах отразилось весьма древнее фонетическое соответствие *ç* ~ *š* ~ *č*.

Имя *saç* в значении «боязливый, пугливый»⁶, встречается в словаре Махмуда Кашгарского и в поэме Юсуфа Баласагунского (наманганская рукопись, ср. более поздний вариант *saç* «пугливый, боязливый, трусливый»⁷ в каирской рукописи). С этим словом связано хакасск. *sac* «ликий, необузданный» (начальный звук *s* совпал с древнетюркским *s*, а конечный *ç* отражает соответствие *ç* ~ *š*). Исконный *š в антайте не только давал рефлексы *š*, *š* и *č*, но иногда и выпадал. Например, по материалам Махмуда Кашгарского — *šiz* «опухоль» и *šizil*- «набухать, разбухать»⁸, турецк. *şiş* «1) опухоль, вздутие; 2) опухший, вздутый, вздувшийся» и *şiş-* «1) пухнуть, опухать; 2) надуваться, раздуваться; 3) делаться толстым, толстеть; 4) вздыматься, подниматься (об уровне воды)», туркменск. *чиш* «опухоль» и *чиш-* «опухать», чувашск. *шыс-* «пухнуть, опухать,

Тюркская руническая надпись на печатке бронзового перстня. р. Или (четвертая илийская руническая надпись).

нарывать», хакасск. *cic* «нарыв, фурункул, чирый» и *cic-* «опухать, пухнуть, вздуться, отекасть», якутск., казахск., каракалпакск. *ic-* «опухать, раздуваться» (утрачен исконный начальный звук *ʃ). Сомнение относительно существования прототюркского *ʃ в начальной позиции, высказанное А. М. Щербак⁹, имеет под собой реальные основания.

Таким образом, тюркская руническая надпись на печатке перстня палеографически и по языку сближается с орхонскими надписями VIII в., причем такие же языковые особенности отражены в письменных памятниках XI в. (на арабском алфавите, пришедшем в Семиречье и Восточный Туркестан вместе с исламом). Перстень с заклинанием «Опустись на колени, боязливый!» характеризует духовный мир древнего тюрка, верившего в магическое действие этих слов на врага.

¹ Упомянутый перстень хранится в Институте археологии им А. Х. Маргулана НАН РК.

² Clauson G. The Ongin inscription. «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London, 1957, Parts 3–4, pp. 181, 182, 186; Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. – Л., 1959, с. 7–9.

³ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 57–59, 61.

⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 21–22, 29–30, 422 (КТб, 2, 15); Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 15, 19, 102 (Мог. – Хб 10). В «Древнетюркском словаре» (Л., 1969) этот интересный факт, к сожалению не отмечен.

⁵ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 154, 510.

⁶ Там же, с. 490 (*sas at* «пугливая лошадь»).

⁷ Там же, с. 520.

⁸ Там же, с. 506.

⁹ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 162

ПРОТОТЮРКСКАЯ РУНОПОДОБНАЯ НАДПИСЬ НА СЕРЕБРЯНОЙ ЧАШЕЧКЕ

Весной 1970 года на окраине города Иссык, что в пятидесяти километрах к востоку от Алматы, археологами Академии наук Казахстана был раскопан один из так называемых царских курганов сакского времени (руководитель — кандидат исторических наук К. А. Акишев, начинатель — Б. Н. Нурмуханбетов). Под курганом в бревенчатом срубе было обнаружено захоронение знатного воина в дощатом гробу. Шлем, кафтан, шаровары и сапоги воина были украшены золотыми пластинами и бляхами с изображениями снежного барса, лошади, горного козла и архара, выполненными в скифском зверином стиле. При похороненном человеке было оружие — меч с золотой рукояткой.

В том же срубе находилась различная посуда (до тридцати предметов) — прямоугольной формы деревянные блюда, тонкостенные глиняные сосуды, орнаментированные чаши из серебра и бронзы, серебряная ложка (ее ручка выполнена в виде головы птицы с длинным клювом) и, наконец, серебряная чашечка с загадочной руноподобной надписью (см. уточненную прорисовку).

Весь инвентарь захоронения поступил для обработки в отдел археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Осенью 1970 г. нам, наконец, представилась первая возможность непосредственно изучить предметы из иссыкского кургана, включая серебряную чашечку с надписью. По многим признакам данное захоронение относится к V—IV вв. до н. э., как ориентировочно полагал крайне осторожный К. А. Акишев¹.

Надпись вырезана острым предметом на внешней стороне серебряной чашечки и состоит из 26 руноподобных знаков, расположенных в две горизонтальные строки. Верхняя строка идет через центр, нижняя — по краю выпуклой поверхности чашечки. Обе строки надписи начинаются от заштрихованного прямоугольника. В верхней строке 9 знаков, в нижней — 17 знаков (включая знак, стоящий обособленно в конце строки, после поврежденной части). Эти знаки обнаруживают сходство как со знаками ранних арфавитных письменностей Средиземноморья², так и с древнетюркскими рунами. В какой мере это загадочное сходство подкрепляется соответствием звукового значения сравниваемых знаков? Попытаемся ответить на этот вопрос на основании нашего чтения надписи, которое приводится несколько ниже.

Палеография надписи:

1) знак соответствует орхоно-енисейским знакам и ср. (q в ликийском алфавите V—IV вв. до н. э. из Малой Азии и h в венецком алфавите (разновидность этрусского);

2) знак a(a) употреблен дважды, он широко представлен в тюркской рунике Таласа и верховьев Енисея в том же значении, ср. орхонский знак a, ā:

3) знак *s* соответствует таласскому и енисейскому руническому знаку *s* мягкого слога, а также орхонскому *s*~*š* мягкого или (реже) твердого слога.

4) знаки *η* (?) и *η* обнаруживают родство с финикийской буквой *η* и с енисейским руническим знаком *η* мягкого слога (памятник № 46). а еще больше – с буквой *η* в древнегреческом, карийском (Малая Азия) и некоторых итальянских (лепонтийском, мессапском, пиценском, оскском) алфавитах I тысячелетия до н. э.;

5) знак *q* соответствует орхонско-енисейским *q*, ср. буквенные знаки Средиземноморья II–I тысячелетий до н. э. – северносемитск. *h*(*kh*), кипрско-финикийск. *h*, *kh*, арамейск. *h*;

6) знак *u*(*ü*), *o*, *o* употреблен пять раз, ср. северносемитск. *u* в надписях II–I тысячелетий до н. э., древнегреческ. *u*, восточно-греческ. *u*, *ü*, западно-греческ. *u*, лидийск. *u* (I тысячелетие до н. э.) и тюркскую руну *ö*, *ü*;

7) знаки *č* относятся к сфере тюркской руники, соответствуют енисейскому *č* и, возможно, руническим знакам *č* на таласской палочке, если опираться на предположительное чтение С. Е. Малова²;

8) знак *b* мягкого слога соответствует арамейскому *b* (V–IV вв. до н. э.), который восходит к северносемитскому, финикийскому *b* (II–I тысячелетия до н. э.) – ср. *b* мягкого слога в еписейских надписях;

9) знаки *z* тождественны руническому знаку *z* таласских и енисейских надписей, руническому знаку *z* орхонских надписей VIII в.;

10) знак *k* наиболее близок букве *k* арамейского алфавита V–IV вв. до н. э., соответствует тюркскому руническому знаку *k*, ср. *k* в финикийско-арамейском алфавите IX–VIII вв. до н. э.;

11) знак *b* твердого слога соответствует тюркскому руническому *b* твердого слога, а также древнегреческим *b* (Наксос, VII в. до н. э.) и *b* (Коркира, VIII в. до н. э.);

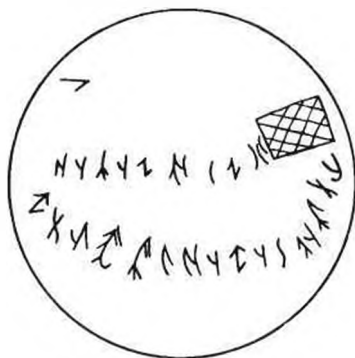
12) знак *q*(*uq*) употреблен дважды, соответствует енисейскому *q* (перед или после *o*, *u*), знаку *kh* в ретском алфавите (разновидность ран-

Махмуда Кашгарского в написании *باز* и неточно прочтено *baz⁶*, вместо *bez*, которому вполне закономерно соответствует монгольское *бэр* (*beri*) «невестка, сноха» (на этом примере можно наблюдать закон «ротаизма» и семантическое развитие слова). Ср. также киргизск. *без киши* «1) бесчувственный толстокожий человек; 2) замкнутый человек»; *сөк* – форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения глагола *сөк-* «1) опускаться, становиться на колени; 2) опускаться, падать; 3) погружаться (в воду)», который представлен в кайской и гератской рукописях «Кутадгу билиг», в словаре Махмуда Кашгарского и в древнеуйгурском письменном памятнике «Алтунярук» (ДТС, с. 154), а также в современных тюркских языках;

boqun (*biqun*) «поколение, генерация», ср. парные существительные *bodun* *biqun* (*boqun?*) «население, жители» в древнеуйгурских текстах (ДТС, с. 108, 125), *boqun* «сустав, сочленение» у Махмуда Кашгарского (ДТС, с. 109), казахск. *буын* (*buwin*) «1) сустав; 2) поколение» (*жас буын* «молодое поколение»), каракалпакск. *буын* «1) сустав; 2) колено (составная часть чего-либо); 3) звено (цепи); 4) поколение» (*γ>w*) и киргизск. *буун-муун* «1) сустав, сочленение; 2) перен. поколение; 3) перен. потомство»;

icra [r?] «внутри, внутрь» (ДТС, с. 202), ср. в «Памятнике в честь Кюльтегина»: *icra assiz taşra tonsiz jabiz jablaq bodunta üza olurtim* «Я воссел над ничтожным низким народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи – одежды»⁷;

Прототюркская руноподобная надпись на серебряной чашечке из кургана V–IV вв до н. э., р. Или.

azuq «пища, продовольствие, провиант, корм» (ДТС, с. 73, ср. турецк. *azik* «съестные припасы, продовольствие, провизия, пища», казахск., каракалпакск. *азық* «продовольствие, провизия, продукты питания; съестные припасы» и алтайск. *азык* «запас, припасы (провизии)».

Содержание рассмотренной надписи свидетельствует о древнем поминальном ритуале, связанном с представлением о загробной жизни. Покойник, якобы, нуждался в постоянной заботе своих родственников и близких. Признаки этого ритуала обнаруживаются и в древнетюркских каменных изваяниях, изображающих покойных с чашей в правой руке, а также в пережитках сходных представлений у тюркоязычных народов, в том числе у казахов¹.

Как позволяет судить предложенная расшифровка, надпись на серебряной чашечке относится к довольно ранней разновидности тюркской руники, тесно связанной с алфавитными письменностями Средиземноморья середины I тысячелетия до н. э. Данная надпись сделана на древнетюркском языке, на котором, по-видимому, говорили ранние кочевники Семиречья.

Рассмотренная надпись позволяет пересмотреть традиционное представление об отсутствии алфавитной письменности у ранних азиатских кочевников и дает серьезное основание для дальнейших научных поисков.

***

Дешифровка прототюркской руноподобной надписи на серебряной чашечке, предложенная впервые в 1971 г.², остается непоколебленной, по причине отсутствия у идейных противников и дилетантов сколько-нибудь серьезных аргументов и научных публикаций, опровергающих данную дешифровку¹⁰.

Кроме того, в 1986 г. при осмотре бронзового зеркала из иссыкского кургана¹¹ возникло подозрение, что на зеркале (в верхней части валикового ободка по краю диска) имеются рунические знаки *jabči* «покровитель» (?), малоразличимые в настоящее время, вероятно, вследствие чрезмерной химической обработки

¹ Ср. Акишев К. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978, с. 38. «Синхронизация иссыкских датированных предметов с их аналогами из соседних регионов дает возможность установить время захоронения в кургане Иссык в широких хронологических рамках VII–IV вв. до н. э. При этом еще раз напомним, что нижнюю (раннюю) хронологическую границу определяют предметы искусства, которые могут присутствовать в поздних комплексах, как реликты».

² В качестве сравнительного материала по ранним письменностям Средиземноморья нами использованы следующие работы: Дирингер Д. Алфавит. ИИЛ М., 1963; Jensen H. Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. Berlin, 1958; Friedrich J. Geschichte der Schrift. Heidelberg, 1966 (русский перевод: Фридрих И. История письма. М., 1979); Севогошкин В. В. Zur Entstehung und Entwicklung der

kleinasiatischen Buchstabenschriften. «Kadmos», Band VII, Heft 2, Berlin, 1968, SS 150–173. См. также: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. Сб. статей. М., 1976.

¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959, с. 63–68.

² Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 48. Обычно это издание обозначается сокращенно – ДТС.

³ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 59, 63.

⁴ Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони (Девону луготит турк), т. III. Перевел (на узбекский язык) и подготовил к печати С. М. Муталибов. Ташкент, 1963, с. 174; Девону луготит турк. Индекс-словарь. Под ред. Г. Абдурахманова и С. Муталибова. Ташкент, 1967, с. 53, ДТС, с. 89.

⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 24, 31.

⁶ Ср. Валиханов Ч. Ч. Сочинения (Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова под ред. Н. И. Веселовского). «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, с. 28.

⁷ Аманжолов А. С. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. «Вестник АН КазССР», 1971, № 12 (320), с. 64–66; Аманжолов А. С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореферат докт. дисс., Алма-Ата, 1975, с. 48–52; Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика, III. Алма-Ата, 1985, с. 31–39.

⁸ Ср. Акишев К. А. Исыкское письмо и руническая письменность. – «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности». (Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной 10-летию независимости Республики Казахстан, г. Астана, 18–19 мая 2001 г.). Алматы, 2001, с. 389–395.

⁹ См. цветной фотоснимок бронзового зеркала: Акишев К. А. Курган Исык. Искусство саков Казахстана. М., 1978, с. 113. Фоторазвертка рассмотренной руноподобной надписи на серебряной чашечке приведена там же, с. 54–55.

ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОЙ «ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ» НАСКАЛЬНОЙ НАДПИСИ

В 1962 г. на правом берегу р. Или в ущелье Тайгак (Гвардейский район бывшей Талды-Курганской, ныне Алматинской области), нами была найдена наскальная надпись древнегреческими буквами.

Ущелье Тайгак в горах Чулактау, составляющих юго-западные отроги Джунгарского Алатау, известно археологической науке. 29 сентября 1897 г. ущелье Тайгак посетил русский этнограф Н. Н. Пантусов, которому мы обязаны сообщением о тибетских надписях, изображениях козлов и других животных в данной местности¹. Наскальные надписи в количестве около двадцати, обнаруженные Н. Н. Пантусовым, представляют собой шестисложную буддийскую формулу «Om mani padme hum», исполненную тибетским письмом (последнее, как известно, возникло в первой половине VII в. на основе индийского письма брахми). Заклинательная формула тарни «Om mani padme hum» (в переводе с санскрита «О, сокровище лотоса, аминь») является молитвой, обращенной к Будде, который, якобы, перевоплотился на благо человечества из цветка лотоса².

Осмотр ущелья Тайгак, произведенный автором этих строк 19 августа 1962 г., позволил выявить более полусотни тибетских надписей аналогичного содержания, несколько знаков и древних рисунков (горные козлы, двугорбые верблюды, человек с рогулиной в руке, контур змеиной головы) и др.), высеченных на скальных плоскостях и отдельных камнях.

В глубине ущелья Тайгак (около 8 км от устья) нам удалось обнаружить на скале надпись древнегреческими буквами в окружении все той же тибетской буддийской формулы «Om mani padme hum», повторенной дважды. Одна тибетская надпись (с жирной чертой под ней) находится сверху, а другая — справа от «древнегреческой» надписи. Композиция и степень сохранности этих надписей приводят к заключению, что они здесь высечены, скорее всего, в один прием. Признанию тибетских надписей более древними решительным образом препятствует их композиция, свидетельствующая о том, что «древнегреческая» надпись была высечена в первую очередь.

«Древнегреческая» надпись состоит из двух горизонтальных строк, которые читаются справа налево³:

/// Isag. Второй знак справа, по-видимому, обозначает квадратную «сигму», которая в «перевернутом» зеркальном виде □ отмечается уже в гречес-

Надпись древнегреческим письмом в окружении тибетских буддийских формул, р. Или.

ких надписях на предметах, относящихся ко времени Греко-бактрийского царства (250–135 гг. до н. э.)⁴, на греческих легендах монет парфянского царя Спалириза⁵ и на греческих легендах монет первых кушанских (раннеюечжийских, сакских) царей в I в. до н. э. (соответственно в кушанском или «тохаристанском» письме)⁶.

Слово *Isag* («Исаг») могло обозначать, скорее всего, одно из названий Будды, ср. «тохарское А» *Säkki* «родом из того же племени, что Будда; соплеменник Будды» или *Säkke* «имя Будды» < санскр. *Sākya* «имя Будды»⁷; *Sākyamuni* «отшельник из племени *Sākya*» (прозвище полупоупендарного основателя буддизма Сиддхаратхи Гаутамы); древнеперсидск. *saka-* (Adj., bezeichnet ein Volk «Sake, Skithie») или в языке Авесты *sakā-* (Name eines Lands. «Sakastān, Skithien») ⁸.

12/ Нижняя строка состоит из древнегреческих букв Δ «альфа» и Π «пи», которые вместе с диакритическими знаками по системе древнегреческого счета имеют числовое значение «1000» и «80», итого «1080». Греческая письменность, ионическая цифровая система и летоисчисление по селевкидской эре (с 1 октября 312 г. до н. э.), известной также как эра Александра Великого, в эллинистический период посредством греков-македонян получили широкое распространение на всем Среднем Востоке, в Парфии, Средней Азии и Индии⁹.

Таким образом, есть основания рассматривать выведенную сумму числовых значений древнегреческих букв «1080» как дату по селевкидской эре, что соответствует 769–770 гг. н. э.

Обе строки «древнегреческой» надписи заканчиваются лотосовидной розеткой с тремя глазками-кружками, которая обозначает, по-видимому, символ буддийского триединства *triratna* (в переводе с санскрита «три драгоценности»).

Характерна в этом отношении серебряная чаша Эрмитажа, на которой изображена древнейшая на Среднем Востоке «богиня-мать» в буддийской или брахманистской интерпретации¹⁰. (Ср. Брахма — творец вселенной, составляющий вместе с богом солнца Вишну и трехглазым многоруким богом разрушения и созидания Шивой «святую троицу» брахманизма и верховную триаду индийского пантеона). Это четырехрукое женское божество сидит на льве, как на троне, в широких шароварах. В руках оно держит солнце, серп луны, чашу и скипетр, на конце которого три драгоценных камня. На головном уборе божества находится лотосовидная розетка с тремя драгоценными камнями в том же расположении.

В тибетской иконографии буддийских божеств-покровителей, в свою очередь, встречаются красочные изображения человекоподобных божеств — перуноносцев с тремя глазами (третий глаз расположен вертикально над двумя другими) и их трехглазых жрецов с тремя так же расположенными глазками-кружками на конусовидных головных уборах¹¹.

Эта же характерная деталь («три глаза» на головном уборе) отмечается у так называемой посредницы богини *bsTan ma*, жрицы-прорицательницы *rDab rdo b gyi lha (pa)* возле монастыря Sera в Тибете¹².

Примечательно, что в точности такой же знак изображен на головном уборе терракотовой фигурки Александра Македонского из городища Афрасиаб¹³. Последняя относится ко времени греко-бактрийского царства, где продолжительное время сосуществовали разнообразные религиозные культы, но в конце концов буддизм, впитавший в себя местные культы, был поднят до ранга государственной религии — буддийская ступа появляется уже на монетах Агафокла (первая половина II в. до н. э.)¹⁴.

Греко-бактрийское царство в середине II в. до н. э. было завоевано объединением кочевых племен юечжи (по китайским источникам) или «тохарамии» (по греческим, индийским и тибетским источникам), которые были выходцами из Ганьсу¹⁵. Завоеватели-юечжи, в свою очередь, состояли из двух различных этнических группировок, которые известны греческим и римским авторам как тохары и их правители — асии (Помпей Трог, около 7 г. н. э., «*reges Thosagorum Asiani*»). Из среды последних, по-видимому, выдвинулась на рубеже н. э. династия Великих Кушанов. Вместе с тем следует признать, что так называемая «тохарская проблема» все еще не получила окончательного решения¹⁶.

Установлено, что «сакский» литературный язык кушанских правителей Тохаристана именовался в документах из Центральной Азии *toxri*, *toxari* или *toyari* (с этого языка переведен ряд древнеуйгурских рукописей буддийского

содержания)¹⁷ Вопрос о «ираноязычности» тохаров во II в. до н. э. остается открытым, поэтому не лишена интереса гипотеза В. В. Тарна о том, что они в своей массе были тюркоязычны¹⁸.

Возникает вопрос, каким образом древнегреческое письмо, засвидетельствованное наскальной надписью в ущелье Тайгак, сохранилось неизменным со времени Александра Македонского (IV в. до н. э.) до VIII в. н. э.? Начиная с III в. до н. э. все известные в Средней и Центральной Азии надписи на основе классического греческого алфавита (парфянские, греко-бактрийские и кушанские) читаются слева направо, поэтому надпись в ущелье Тайгак воспринимается как загадочный анахронизм.

Согласно легенде (Theophylactus Simocatta, VII в.), Александр Македонский после покорения Бактрии и Согдианы основал города Тавгаст (*Tavγact*) и Хублан (*Χουβδάν, Χουμαδάν*) в Северном Китае¹⁹. На карте Кастория (IV в.) последний пункт, достигнутый греческим войском Александра Македонского, указан около местонахождения «серов» (китайцы античных авторов)²⁰.

Еще до походов Александра Македонского, в VI–V вв. до н. э. в Бактрии и Согдиане имелись греческие поселения, состоявшие, в основном, из бывших пленников персидских царей Кира, Дария и Ксеркса²¹. Эти переселенцы – греки, несомненно, стремились расширить свои представления о землях, лежавших к северо-востоку. Не исключено, что один из передовых отрядов греческого войска Александра Македонского или его апологетов, имея знающих проводников, мог достичь Турфанского оазиса и Ганьсу, как это отражено в преданиях, а впоследствии это дело продолжили греко-бактрийские цари, учитывавшие важность торгового пути в Китай (путь этот проходил, должно быть, через Фергану и бассейн Тарима или севернее – через долину Или, Джунгарские ворота и Турфан) и старавшиеся обезопасить его от кочевников-хунну. Благодаря находке в долине р. Или «древнегреческой» надписи, датированной 1080 г. селевкидской эры, слова Апполодора Артамитского (I в. до н. э.) о распространении власти греко-бактрийских царей на северо-востоке до «серов»-китайцев и «фаунов»-хунну, которые находились к востоку от «тохаров» (малых юечжи), приобретают новое конкретное звучание и убедительность, вопреки мнению В. В. Бартольда о том, что «торгового пути через бассейн Тарима до падения греко-бактрийского государства не было, и китайские товары привозились в Индию, откуда они иногда проникали в Среднюю Азию»²².

В кадастре китайских городов и провинций за 5 г. н. э. на северо-западной окраине провинции Ганьсу действительно отмечаются город и область с греческим названием «Александрия» (*Li-kan, Li-kien, Li-jien* в китайской транскрипции), где поселились, по всей вероятности, выходцы из Парфии или греко-римского мира²³. Этот город упоминается китайскими хрониками по VII в. н. э., в последующее время всякие сообщения о китайской «Александрии» обрываются²⁴.

С середины VIII в. и до середины IX в. Восточный Туркестан и провинция Ганьсу входили в состав усилившегося Тибетского государства. В Семиречье с 766 г. господствовали, как принято считать, карлуки. В конце VIII в. в долину р. Или проникают тибетцы, которые высекали на скалах в Семиречье, как и в Тибете, буддийские молитвенные заклинания. Ущелье Тайгак, скалы которого испещрены тибетскими надписями, издавна служило местом религиозного поклонения и жертвоприношений у местных охотничьих и скотоводческих племен, что, возможно, отразилось и в его названии²⁵.

Тибетские письма в ущелье Тайгак, по-видимому, синхронны «древнегреческой» надписи 769–770 гг. Резчик обучился древнегреческому письму, можно предполагать, в каком-нибудь буддийском монастыре Восточного Туркестана. По-видимому, оно считалось священным у местных буддистов и использовалось в неизменном виде в течение многих столетий. Древнегреческое письмо было известно в Центральной Азии, скорее всего, буддистам-тохарам (возможно, и сакам, и древним тюркам) Вывод В. Винтера²⁶ о древних тюрко-тохарских связях, восходящих к началу н. э., говорит определенно в пользу нашего предположения. Примечательно, что дальнейшие поиски подтвердили это предположение в части, касающейся древних тюрков²⁷.

¹ П а н т у с о в Н. Н. Аир-кезень и Тайгак (Копальского уезда). «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», год IV (11 декабря 1898 г. – 11 декабря 1899 г.). Ташкент, 1899, с. 59–63.

² П о я р к о в Ф. Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегам Иссык-Куля. «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области за 1898 г.», т. II, Верный, 1898, с. 53–54; С т р а т а н о в и ч Г. Г. Древние народные верования в буддизме. Сб. «Критика идеологии ламаизма и шаманизма», Улан-Удэ, 1965, с. 79–80; «Таким образом, растительность, женское лоно и богатство были взаимозаменяемыми понятиями и это соответствовало жизненной правде того времени. Символом, изображением этого тройственного понятия был и остается до наших дней цветок лотоса. В буддизме вообще и в ламаизме в частности столь же безгранично использование изображений лотоса, как и соответственных ему формул типа известного магического славословия: «Ом мани падме хум!...»

³ Известно, что со времени усвоения финикийского алфавита около IX в. до н. э. вплоть до VI в. до н. э. древние греки писали справа налево (надписи на островах Санторин, Мелос и др.), затем употребляли письмо с попеременным направлением строки, и, наконец, в IV в. до н. э. перешли на «классическое» письмо слева направо. Соответственно изменилось начертание некоторых древнегреческих букв, которые в классическом греческом алфавите получили «перевернутое», зеркальное отображение.

⁴ Т р е в е р К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, с. 20, 102, табл. 20 (греческая надпись на золотой тарелке Эрмитажа, найденной где-то в Сибири).

⁵ G h i r s h m a n R. Bégram. Recherches archeologiques et historiques sur le Kouchans. Le Caire, 1946, pp. 88–90.

⁶ G h i r s h m a n R. Le Chionites-hephtalites. Le Caire, 1948, p. 63 (таблица развития «тохарского» письма на основе греческого алфавита – от кушанского до характерного «тохарского» курсива, представленного на легендах монет хионитов-эфталитов V–VI вв. н. э. и на рукописных фрагментах из Турфанского оазиса); M a c s o n B. M. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. «Эпиграфика Востока», XI, 1956, с. 64–66, 71–74; H a r m a t t a J. Cusanica «Acta Orientalia Hungaricae», t. XI, fasc. 1–3, Budapest, 1960, pp. 192, 198, 202–203, 207 (на кушанских монетах встречается также полуовальная или лунарная «сигма» С)

⁷ P o u c h a P. Thesaurus Linguae Tocharicae dialecti A. Praha, 1955, p. 318.

⁸ B a r t h o l o m a e C h. Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränderte Auflage. Berlin, 1961, S. 1554.

⁹ T a r n W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951 (first edition 1938), pp. 64–65; Т р е в е р К. В. Указ. соч., с. 25: «Летоисчисление в Индии во всяком случае шло по местной эре, которая совпадала с селевкидской. С кушанами, как известно, начинается новое летоисчисление – «эра саков», исчисляющаяся со дня воцарения Канишки, т. е. с 78 г. х. э.».

¹⁰ С м и р н о в Я. И. Восточное серебро, СПб., 1909, табл. XVIII, № 44; G h i r s h m a n R. Les Chionites-hephtalites. Le Caire, 1948, P l. VIII; Т р е в е р К. В. Указ. соч., с. 96–99, табл. 28.

¹¹ N e b e s k y - W o j k o w i t z R. M. de. Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Oxford University Press, London, 1955, pp. 134–144, 160–165, tabl. IV, V, VI.

¹² N e b e s k y - W o j k o w i t z R. M. de. Op. cit., p. 198: «She wears a characteristic high and conical hat of brocade decorated with three eyes».

¹³ В е с е л о в с к и й Н. И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях. «Известия Археологической Комиссии», вып. 63, Петроград, 1917, с. 65–66, рис. 8 (островерхий головной убор на данной скульптурке определен Н. И. Веселовским как «фригийский колпак», хотя нам он более известен как «скифский»); Т р е в е р К. В. Указ. соч., с. 34: «Голова юноши греческого типа в местной остроконечной шапке, украшенной спереди розеткой или цветком (рис. 3), является одним из чрезвычайно многочисленных аналогичных предметов, воспроизводящих созданный Лисиппом идеализированный тип Александра (но в местной тиаре) и восходящих, видимо, к какой-то широко известной статуе Александра, облаченного в местные регалии».

¹⁴ Т р е в е р К. В. Указ. соч., с. 24.

¹⁵ T a r n W. W. Op. cit., pp. 285–286, p. 515 (*Вагугара* и *Воугара* у Птолемея означают народ и город в провинции Ганьсу на «шелковом пути» к столице *Sera*); ср. B a i l e y H. W. Taugara. «Bulletin of the School of Oriental Studies» (BSOS), vol. VIII (1936), part. 4, p. 885.

¹⁶ См. обошашщие исследования, где указана обширная литература по данной про-

бле: Умняков И. И. Тохарская проблема. «Вестник древней истории», 1940, № 3–4 (12–13), с. 181–198; Умняков И. И. Тохары и тохарский вопрос. «Труды УзГУ», новая серия, № 31. Серия истор.-филолог. наук, вып. 1, Самарканд, 1946, с. 15–22; Бернштам А. Н. Новые работы по тохарской проблеме. «Вестник древней истории», 1947, № 2, с. 134–138; Бернштам А. Н. К вопросу об усунь // кушан и тохарах. (Из истории Центральной Азии). «Советская этнография», 1947, № 3, с. 41–47; Bailey H. W. Recent Work in «Tocharian». «Transactions of the Philological Society», 1948, p. 126–153; Фрейман А. А. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке. «Ученые записки ЛГУ», № 128, серия востоковедческих наук, вып. 3, Л., 1952, с. 123–135; Krause W. Tocharisch. «Handbuch der Orientalistik», Bd. IV, Abschnitt 3, Leiden, 1955, SS. 5–9 и др. (следуя традиции, В. Краузе именует «восточнотохарским» и «западнотохарским» язык псевдотохарских текстов V–VIII вв. на алфавите брахми, реже манихейском, из Восточного Туркестана, так называемые «диалекты А и Б», индоевропейские септим-языки с италокельтскими свойствами); Тохарские языки. Сб. статей (В. Краузе, Э. Бенвенист, Э. Эванджелисти, Дж. С. Лейн, Ци Сянь-линь). Под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова. ИИЛ, М., 1959, с. 203–218; Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960, с. 160–161, 204–209, 409–420; Оранский И. М. Иранские языки. М., 1963, с. 94–98; ср. Рерих Ю. Н. Тохарская проблема. «Народы Азии и Африки», № 6, 1963, с. 118–123.

¹⁷ Bailey H. W. Taugara. BSOS, vol. VIII (1936), part. 4, p. 892: «The writing of Tokharistan was therefore known in the Turfan region. It is therefore impossible to escape the conclusion that the Turkish *toğari* (tochari) applies to this, the only attested, literature of Tokharistan, and written in the Greek script».

¹⁸ Tarn W. W. Op. cit., p. 290.

¹⁹ Феофилакт Симокатта. История. Перевод С. П. Кондратьева. М., 1957, с. 162, 211–212; ср. Henning W. B. The date of the sogdian ancient letters. BSOAS, vol. XII (1948), part 3–4, p. 608 (Сяньян, ср. – кит. *yām-san*, др. – кит. *g'ēm-dīaη* > *khumdan, столица циньского Китая с 350 г. до н. э. – источник указан Ю. А. Зуевым).

²⁰ Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.–Л., 1951, с. 210–211; Пигулевская Н. В. Производство шелка в Византии и Иране в IV в. «Византийский временник», X, 1956, с. 3.

²¹ Тревер К. В. Указ. соч., с. 4, II: «В Согде находился городок, заселенный потомками жреческого рода Бранхидов, переселенных сюда при Ксерксе из Милета, название и место расположения которого нам неизвестно».

²² Бартольд В. В. Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток. «Известия Императорской Академии наук», (Петроград), VI серия, 1916, № 10, с. 823–828, с. 824.

²³ Ср. Woodberg P. A. Two Notes on the History of the Chinese Frontier, 2. «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 1, Numbers 3–4, Harvard-Yenching Institute, 1936, pp. 290–291; Dubs H. H. A Roman city in ancient China, The China Society, London, 1957, pp. 1, 2, 20, 23, 26 (вывод Дабса о том, что этот город был заселен рим-

скими легионерами между 79 г. до н. э. и 5 г. н. э. и представлял собой нечто вроде «римской колонии» на китайской границе. остается все же гипотетичным и мало обоснованным)

²⁴ D u b s H. H. Op. cit., p. 23: «About 746, when the Tibetians overran this whole area, the city was probably destroyed and ceased to be inhabited».

²⁵ Слово *Тайгак* исторически могло означать «совершающий жертвоприношение, жрец» или «жертвенный» (отглагольное имя со значением действующего лица или результата), ср. киргизск. *тайы*- «приносить жертву», монгольск. *тай*- «устроить религиозный обряд, служение, сопровождаемые жертвоприношениями». Примечательно, что местные жители-казахи, помнящие древний обычай, до сих пор закалывают здесь жертвенных животных и украшают ветви деревьев и кустарник вдоль ручья разноцветными лентами.

²⁶ W i n t e r W. Tocharians and Turks. In: «Aspects of Altaic civilization». Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 23. Bloomington, pp. 248–249.

²⁷ См.: A m a n z o l o v A. An «Ancient Greek» inscription from the region of Alma-Ata. «Archiv Orientalni», vol. 35, Praha, 1967, pp. 89–94; A m a n z o l o v A. S. Forefather Goat or the Ancient Turkic Inscription in Early Greek Alphabet. «Archiv Orientalni», vol. 42, Praha, 1974, pp. 33–36; A m a n z o l o v A. Secrets of Early Turkic Literature [«Тысячелетние и бесчисленнодневные...»]. — «Didar — Kazakstan» (иллюстрированный журнал из Казахстана, на английском и русском языках). Almaty, 1999, № 15, pp. 32–37.

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ НАСКАЛЬНАЯ НАДПИСЬ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИМ ПИСЬМОМ

Среди древних петроглифов скалы Тамгулукташ «Писанный камень» близ с. Дарламты Уйгурского района Алматинской области, обнаруженных нами в 1964 г.¹ и повторно обследованных в 1967 г., центральное место занимает композиция с тюркоязычной надписью древнегреческим письмом.

Эта надпись выбита легкой насечкой на большой отвесной плоскости скалы под контурным изображением горного козла и одновременно с ним. Немного ниже и правее изображены собака, стилизованная фигура человека с воздетыми в знак молебны руками и сцена случки благородных оленей.

Надпись состоит из семи знаков древнегреческого алфавитного письма, расположенных в одну горизонтальную строку. Направление строки – справа налево.

Палеография надписи:

1) буква Δ (употреблена в надписи трижды) имеет аналогичное начертание в древнегреческих надписях IX–VI вв. до н. э.², в восточной и западной разновидностях древнегреческого («архаического») алфавита;

2) буква ϩ q(h) обнаруживает связь с Νϩ x(kh) в кипрско-финикийском и пуническом (карфагенском) алфавитах³, ϩ h в арамейском алфавите V–III вв. до н. э.⁴ и ϩϩϩ q в тюркском руническом алфавите:

3) буква ϩ b сопоставима с аналогичной в древнегреческом алфавите VII в. до н. э. (Наксос)⁵, с ϩ b в квадратном еврейском алфавите I в. н. э.⁶ и ϩϩ b твердого слога в тюркском руническом алфавите:

4) буква Π p известна в западногреческом и восточногреческом алфавитах⁷, с ней определенно связаны знаки ϩΠ p и ϩϩ b в древних южносемитских алфавитах I тыс. до н. э.⁸. Примечательно, что тюркский рунический

Наскальная тюркоязычная надпись древнегреческим письмом. р. И.111

знак $\uparrow$ *p* сопоставим в свою очередь, с $\uparrow$ *p* в северносемитском алфавите XVII–IX вв. до н. э.⁹;

5) буква $\mathcal{M}$ *m* употребляется в древнегреческих надписях из Афин (IX–VIII вв. до н. э.) и Наксоса (VII в до н. э.), в западногреческом и восточногреческом алфавитах¹⁰, ср. северносемитский и древнегреческий знак $\mathcal{M}$ *m*¹¹

Хотя по своей палеографии рассматриваемая надпись могла быть отнесена приблизительно к середине I тысячелетия до н. э., она заметно отличается от окружающих наскальных (силуэтных) изображений эпохи ранних кочевников (сцены охоты пеших и конных лучников на козлов, оленей и двугорбых верблюдов) малой степенью железисто-марганцевого «пустынного загара» и поэтому должна относиться, скорее всего, к древнетюркскому времени (I тысячелетие н. э.). Аналогичный случай такого довольно позднего употребления древнегреческого алфавита в Илийской долине нам уже известен (см. выше).

Древнетюркская надпись на древнегреческом алфавите читается и переводится следующим образом: $\alpha\upsilon\beta\alpha\rho\alpha\tau=\alpha\upsilon$ *барат* «Мой благородный предок»¹²

Лексика надписи $\alpha\upsilon$ (*ah*) «белый, чистый, благородный» и *bara* (+ аффикс принадлежности I лица единственного числа-*m*) «предок, праотец». Ср. в древнегреческом $\pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\varsigma$ (вос. $\pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\acute{\iota}$) «папа, батюшка (на языке детей)» или $\pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\varsigma$ «дед, предок, пращур (Платон)»¹³, турецкое (османское) *haha* «отец, папа, батюшка, предок, почтенный старик»¹⁴; хакасское *naба* «отец, папа», в языке томских тюрков (эуштинцев) *naбам* «старший родственник родителей» или *naбам* «мой прадед»¹⁵; уйгурское *boва* «дед, дедушка», туркменское *баба* «дед, дедушка (со стороны матери)» или *ата-бабалар* «предки, прадеды», казахское *баба* «прадед, прадедушка, пращур» или *ата-баба* «предки»; киргизское *баба* «1. дед, предок; 2. почтительное обращение к старому и уважаемому мужчине; 3. (в некоторых сочетаниях) патрон, покровитель» или *бабай* «старик»¹⁶, татарское *бабай* (<*баба*+*й*) «дедушка (обращение)» и *тәңре бабай* «бог Неба»¹⁷. Нам нередко приходилось встречать слово *бапа* в значении «отец, папа» в разговорной речи казахов Алтая (слово *папа* с тем же значением проникло в литературный казахский язык сравнительно недавно). То же самое слово *бапа*, возможно, отразилось в названии одного из киргизских родов и в киргизском выражении *баланың үйү, бапаның алачыгы эмес* «(здесь) не место безобразничать» (букв. «не дом парня, не лачуга *бапа*»)»¹⁸

Слово *баба* (*бапа*, *наба*, *папа*) или *бабай* с основным значением «отец» этимологически, бесспорно, сближается с названием божественного предка скифов по Геродоту IV, 59 – Παπαίος (Папай). Вполне справедливое замечание по поводу последнего принадлежит М. И. Артамонову: «Для скифов Папай был, действительно, отец, его вместе с дочерью реки Борисфена, змееногои богиней земли Апи, они считали своим родоначальником. Папай – небесный бог, соответствовавший в этом смысле небесному громовержцу Зевсу, отцу богов и людей»¹⁹.

Весьма примечательно, что буквы рассмотренной древнетюркской надписи обнаруживают большое сходство как с фонетическими знаками древнейших письмен Среднеземноморья, так и со знаками тюркского рунического алфавита. Ранний греческий или «греко-тюркский» алфавит данной надписи является, вероятно, тем недостающим звеном, которое связывает тюркский рунический алфавит с древнегреческим и древнейшими семитскими алфавитами. В свою очередь, все эти взаимосвязанные алфавиты должны восходить к какому-то первоначальному источнику. «протосемитский» характер которого вовсе не очевиден.

По содержанию тюркоязычная надпись *aq barat* «мой благородный предок» представляет собой обращение к мифическому родоначальнику или тотему древних тюрков Тянь-Шаня, изображенному рядом в облике горного козла. Можно предположить, что тюркским наименованием дикого козла — первопретка и одновременно тотемным самоназванием древнего тюркоязычного коллектива данного района было ТЕКЕ «горный козел». Ср. туркменское, турецкое, казахское, киргизское *теке* «козел — самец», алтайское *теке* «каменный козел», уйгурское *теке* «козел», тувинское *те* «дикий козел (самец)» или *деге* «козел-самец (домашний и дикий)», башкирское *қырагай тәкә* «дикий баран», чувашское *така* «баран», монгольское *тэх* («дикий» козел» и др. Это родоплеменное название сохранилось у туркмен-текинцев (самоназвание теке), а также у *кытахов* в составе племени чапрашты (шапырашты) Старшего жуза.

Культ козла был широко распространен в древности у народов Евразии. Козел считался священным животным-двойником вавилонского бога воды и творца людей Эа (Энки). Эа изображался черепахой, рыбой (человеком-рыбой) или диким козлом с рыбьим хвостом²⁰, что указывает на переплетение культа козла с другими представлениями первобытного населения Месопотамии. Древние греки, как известно, восприняли первобытный культ козла-тотема из Фракии и превратили его в мистерии Диониса, двойником которого был козел. Со временем в жертву этому божеству стали приносить уже не людей, а только специально отобранных козлов.

Многочисленные наскальные изображения горных козлов в Саяно-Алтайском нагорье, в Центральном Казахстане (Сары-Арка) и на Тянь-Шане, по-видимому, тоже свидетельствуют о наличии в идеологических представлениях первобытных охотников и ранних кочевников этих территорий тотемного культа козла²¹.

Пережитки первобытных представлений у тюркоязычных родоплеменных группировок сохранялись довольно долго. Примечательно, что схематическое изображение горного козла, или идеограмма «ТЕКЕ», употребляется в качестве тамги — родового знака последней восточно-тюркской династии²², которая в середине VIII в. была свергнута уйгурами. Следовательно, династийный род «небесных тюрков» на Орхоне оказывается в какой-то мере связанным как с древними тюрками Илийской долины, так и с туркменским племенем *теке*. Может быть, этот древний род был не «отцовским» (каганс-

ким), а «материнским» (катунским) с правом выдвигать своих претендентов на престол в матримониальной (брачной) коалиции династийных тюрков. Недаром у туркмен «дедушка по отцу» обозначается словом *ата*, а «дедушка по матери» — словом *баба*²³, которое и зафиксировано (в фонетическом варианте *бана*) в магическом обращении к тотемному козлу.

Таким образом, почитание горного козла у древних тюрков, по-существу, смыкается с культом предков.

¹ Ачанжолов А. С. Древние надписи и петроглифы хребта Кетмень (Тянь-Шань). «Известия АН КазССР», серия общественная, 1966, № 5, с. 79, 91–93.

² Дирингер Д. Алфавит. М., 1963 (перевод с английского), с. 525, 529.

³ Там же, с. 283.

⁴ Friedrich J. Geschichte der Schrift. Heidelberg, 1966, S. 320.

⁵ Дирингер Д. Указ. раб., с. 524.

⁶ Там же, с. 312.

⁷ Там же, с. 529.

⁸ Там же, с. 271.

⁹ Там же, с. 256.

¹⁰ Там же, с. 525, 529.

¹¹ Там же, с. 529.

¹² На скале Тамгулукташ представлена еще одна аналогичная надпись на древнегреческом алфавите (правда, неоконченная), на которой мы особо не останавливаемся.

¹³ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь, т. II. М., 1958, с. 1233.

¹⁴ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911, с. 1563–1564.

¹⁵ Дульзон А. П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья «Ученые записки Томского пединститута», т. XI, Томск, 1954, с. 79.

¹⁶ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь, М., 1965, с. 90.

¹⁷ Радлов В. В. Указ. раб., с. 1564.

¹⁸ Юдахин К. К. Указ. раб., с. 107.

¹⁹ Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов «Археологический сборник», вып. 2, Скифо-сарматское время. Л., 1961, с. 75.

²⁰ Никольский Н. М. Культура древней Вавилонии. Минск, 1959, с. 41.

²¹ Черников С. С. Указ. раб., с. 275; Маннай оол М. Х. Древнее изображение горного козла в Туве. «Советская археология», 1967, № 1, с. 140, 143, 146.

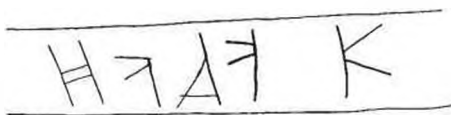
²² Radloff W. Atlas der Alterthumer der Mongolei (Arbeiten der Orchon-Expedition, I), SPb., 1892, Tafel XVII (Радлов В. В. Атлас древностей Монголии (Труды Орхонской экспедиции, вып. I), СПб., 1892, табл. XVII).

²³ Русско-туркменский словарь под общей редакцией Н. А. Баскакова и М. Я. Хамзаева, М., 1956, с. 134.

РУНИЧЕСКАЯ И ГРЕКОГРАФИЧЕСКАЯ НАДПИСИ НА КАМЕННОМ ПРЯСЛИЦЕ С ТАЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

Летом 2000 г. археолог К. А. Акишев повторно предложил мне для расшифровки, как и двадцать лет назад, загадочную надпись на каменном пряслице. Пряслице было обнаружено при раскопках на Талгарском городище близ Алматы. Предмет представляет собой светлосерый каменный ролик от веретена (диаметр – 4 см, ширина – 2,5 см, диаметр отверстия – 1 см). Знаки надписи прорезаны острым предметом на небольшую глубину (0,5 – 1 мм). Верхняя сторона пряслища содержит 3 знака тюркской рунической надписи и 3 знака грекографической (классического типа) надписи, нижняя сторона – 3 знака тюркской рунической надписи. Кроме того, на боковой стороне пряслища различимы 5 знаков – финикийский знак $\aleph$ *kh* (ср. соответствующие знаки таласской палочки, рунические начертания $\aleph \aleph q$), архаические греческие начертания буквы «каппа» (ср. рунические $\aleph \aleph k$ и $\aleph \aleph k$ при губном гласном), классическая греческая буква «альфа». Надпись на верхней и нижней сторонах пряслища читается по-древнетюркски, на боковой стороне надпись прочитать не удалось.

Чтение рунической надписи на верхней стороне (против часовой стрелки, справа налево): $\aleph m'z = temiz$ «чистый, опрятный; чистый, невинный; испорченный; безупречный, честный».

Руническая и грекографическая надписи на каменном пряслице с Талгарского городища.

Чтение грекографической надписи на верхней стороне (по часовой стрелке, слева направо): *alp* «1) герой, богатырь, витязь; 2) отважный, храбрый, смелый».

Чтение рунической надписи на нижней стороне (против часовой стрелки, справа налево): *k'ki = koki ~ kūkū* «тетя, тетка (сестра отца)».

Своеобразная тюркоязычная надпись на каменном пряслице определенно свидетельствует о сосуществовании в Семиречье (во всяком случае, до VIII–IX вв.) тюркского рунического и греческого письма архаического типа. Важно подчеркнуть, что Талгарское городище (Талхир средневековых авторов IX–XIII вв.) находится на «Великом Шелковом пути», издавна связывавшем культуру Востока и Запада¹.

¹ Байпаков К. М. Средневековые города тюрков – центры науки и культуры. – «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности». (Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной 10-летию независимости Республики Казахстан, г. Астана, 18–19 мая 2001 г.). Алматы, 2001, с. 120–121

Глава VII

СЫРДАРЬИНСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА
КЕРАМИЧЕСКОМ АМУЛТЕ

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА
СЫРЦОВОМ КИРПИЧЕ

ДВЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА
КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДАХ

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА КЕРАМИЧЕСКОМ АМУЛТЕ

В 1960 году археологическая экспедиция АН КазССР, работавшая в зоне Чардаринского водохранилища (Южно-Казахстанская область) привезла керамическую «печать» — амулет с загалочными на первый взгляд знаками — древнетюркскими рунами. Археолог М. С. Мершиев предложил мне разобрать и затем опубликовать данную надпись. «Печать» была найдена при расчистке двухэтажного глиняного замка в городище Ак-тобе I на левом берегу Сырдарьи¹.

Предмет этот имеет форму диска диаметром 5,5 см и толщиной 1,5 см, на лицевой поверхности которого уже после обжига были вырезаны острием ножа на глубину до 1 мм короткие лучевые линии по краям и руническая надпись в две строки — вверху и посредине. Через «печать» насквозь проходит отверстие для шнурка.

Надпись состоит из девяти знаков тюркского рунического алфавита: 4 знака в верхней дуговидной строке и 5 знаков в нижней горизонтальной. Знак ζ с твердое имеет такое же начертание в таласских надписях. Знак Υ с или δ твердое представлен в орхоно-енисейских надписях. Знак χ встретился в таласской рунике, обнаруживает близкое сходство с енисейским χ γ .

Строки данной тюркской рунической надписи с Сырдарьи читаются справа налево, по-видимому, так:

$\zeta h \ell h$ (1) t'g't 's = tigit as

$\Upsilon \eta \chi h$ (2) t'γ 'lp 's (*š?) = t'γ alp as (aš)

Тюркская руническая надпись на керамическом амулете. р. Сырдарья

Перевод: «Принцы, подвесьте (или: Принцы – Ас). Сильный герой Ас (Гриф или Орел)».

Лексика надписи: *tigit* множественное число от *tigin* «принц»; *as-* «вешать, повесить» (форма 2-го лица повелительного наклонения глагола, совпадающая с глагольной основой, в данном случае обозначает собирательное множественное число – совокупность членов династийного рода – и поэтому не принимает показатель множественного числа, ср. в «Памятнике Кюль-тегина»: *Toquz oꝛuz begläri bodunı bu sabimin edgüti ešid qatıydı tıǵla* «Правители и народ токуз-огузов, эту речь мою хорошенько слушайте и крепко ей внимайте!»); *tıy* «сильный, крепкий»; *alp* «великан, исполин, богатырь; герой»; *as* «гриф (крупная хищная птица); орел»², ср. древний этноним *As* или осетинское название тюркоязычного народа *Asy–Asi, Assi* «Балкарня; балкарцы»³.

Исходя из предложенного чтения, можно заключить, что подвесная керамическая «печать» являлась своего рода амулетом с магической надписью. *As* «Гриф» или «Орел», по-видимому, название древнего династийного рода и олицетворение божества Неба, которому поклонялись тюрки.

Свособразные запреты (табу) на некоторые слова влекли за собой появления лексических замен. Так, лексической заменой названия династийного рода *as (aš)* можно считать в «Памятнике Тоньюкука» название загадочного народа тюрков-«сиров» *šir = esir*, которое обнаруживает родство с тувинским словом *зир* «орел».

В названии династийных тюрков-ашина (из китайских хроник), возможно, скрывается тот же древний термин *as (aš)* в монгольском оформлении. Подтверждением этих предположений служит весьма любопытная деталь на голове мраморной статуи тюркского царевича Кюль-Тегина из надгробного храма – зубчатый венец с изображением хищной птицы (очевидно орла)⁴.

Примечательно, что исполинская хищная птица с серебрянными перьями *Алып қара құс* в казахских сказках (*Алп қара қуш* в киргизских сказках) нередко выступает как покровитель положительного героя; ср. в «Гадательной книжке» (начало X в.) из Дуньхуана:

Altun qanatlıy talim qara quš mān «Я хищная черная птица (орел) с золотыми крыльями». *Қара қуш* у Махмуда Кашгарского имеет два значения: «орел» (как в турецком и киргизском языках) и «Юпитер (планета)».

Асы или асии, согласно греческим и римским авторам, были правителями тохаров (юэчжи китайских хроник), которые завоевали в середине II в. до н. э. Греко-бактрийское царство. Рассмотренная руническая надпись, возможно, относится к довольно раннему времени и свидетельствует о древности этнической традиции тюркоязычных племен на Сырдарье. Поразительное сходство с нашим керамическим (глиняным) амулетом имеет «печать»-амулет из сакского городища Каунчи II близ Ташкента⁵: на одной из сторон амулета изображено лицо в ореоле лучей, а на обороте в окружении лучей прочерчены руноподобные знаки, еще нуждающиеся в расшифровке.

¹ Мершиев М. С. Раскопки цитадели городища Ак-тобе I. «Вестник АН КазССР», 1964, № 12(237), с. 77. «Печать» извлечена из слоя предположительно VI–VII вв. (если не произошло перемещение слоев), однако имеются основания считать, что изготовлена она значительно раньше, как полагал М. С. Мершиев.

² Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк, т. I. Перевел (на узбекский язык) и подготовил к печати С. М. Муталлибов. Ташкент, 1960, с. 72. У Махмуда Кашгарского это слово встречается и в несколько ином фонетическом облике – *из* «гриф, орел» (там же. с. 323).

³ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I (А–К). М.–Л., 1958, с. 79–80.

⁴ Ср. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 330.

⁵ Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, с. 10–11, рис. 58.

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА СЫРЦОВОМ КИРПИЧЕ

Почти полвека назад в городище Артук на левом берегу Сырдарьи против г. Туркестана (Южно-Казахстанская область) был при загадочных обстоятельствах обнаружен глиняный кирпич-сырец с тюркской рунической надписью. В первой публикации этой надписи¹ приведены фотоснимок с замелованными знаками и их предварительное чтение.

Надпись на кирпиче-сырце, как показал визуальный осмотр, состоит из тринадцати знаков тюркского рунического алфавита, расположенных в две горизонтальные строки: 9 знаков в верхней строке, 4 знака в нижней (см. уточненную нами в 1968 г. прорисовку с оригинала). Знаки были выдавлены тонким предметом (скорее всего, тростниковой палочкой) по мягкой глине на глубину 1–2 мм. Почти все они, за исключением трех, относятся к орхонскому классическому типу.

Знак уже встречался нам в таласских и илийских рунических текстах. В верхней части знака прошла трещина, которую дала глина при высыхании. В прежней публикации этот знак, во-первых, неточно прочерчен мелом и, во-вторых, ошибочно наделен звуковым значением *z*.

Знак истолкован в прежней публикации опять же неверно (верхний круг знака на оригинале соединен, а на фотоснимке замелованной надписи нет). Этот знак, по-видимому, представляет собой перевернутый вариант орхонской буквы или (/твердое), которая в классическом виде присутствует и в данной надписи. Г. Г. Мусабаев и Г. Айдаров почему-то прочли знак как заднеязычный *q*.

Тюркская руническая надпись на сырцовом кирпиче, р. Сырдарья.

Знак **Б** *k(ök, ük)* и по своему угловатому начертанию, и по звуковому значению имеет полную аналогию в енисейских рунических текстах

Обе строки тюркской рунической надписи на сырцовом кирпиче с Сыр-Дарьи читаются справа налево:

(1) *boz but* "k Цг

(2) *topʹč*

Перевод надписи: «Одну единственную ногу тянет (за собой) бязь (тесьма). Волчок».

В тексте надписи пять слов: *boz* «хлопчатобумажная ткань, холст, бязь», *but* «нога», *ök* «же, именно, лишь только» (усилительная частица), *eltir* — форма настоящего — будущего времени изъявительного наклонения от глагола *elt-* «тянуть, вести, уводить» и *topač* «волчок», ср. в турецком (османском) языке *topaç* «волчок; особого рода волчок, заменяющий игральную кость»², в казахском, каракалпакском языках *topay* «бабка у крупных животных, употребляемая для игры в кости».

Тюркская руническая надпись на глиняном кирпиче-сырце представляет собой, по-видимому, народную загадку (иносказательный образ), относящуюся к игре в кости, и ее отгадку.

***

В 1969 г., после нашего критического выступления по поводу чтения данной надписи³ злополучный кирпич, экспонат Археологического музея, подвергся экзекуции (был расколот надвое), а сама надпись была грубо «подправлена» в соответствии с первоначальным чтением. Недаром в свое время бескомпромиссный поэт-гражданин призывает «защитить памятники письма от невежественных ученых»⁴. Остается сожалеть о загубленной надписи, тем более, возникают некоторые сомнения в ее подлинности, несмотря на заключение авторитетных археологов.

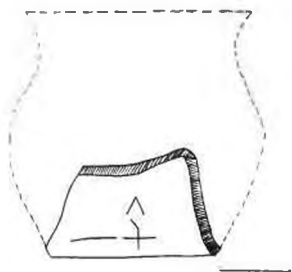
Мусабаев Г. Г., Айдаров Г. Сыр-Дарьинская надпись. «Вестник АН КазССР», 1966, № 6(254), с. 85–86. Впоследствии выяснилось, что данная надпись имеет частичное сходство с рисунком «писаного камня» из книги геолога А. Ж. Машанова «Жер астына саяхат» [«Путешествие в недра земли», на казахском языке], Алматы, 1957, с. 132. Возможно, они тяготеют к общему источнику.

² Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, СПб., 1905, с. 1223.

³ Аманжолов А. С. Две рунические надписи с Сыр-Дарьи. «Вестник АН КазССР», 1969, № 1, с. 72–74.

⁴ Сулейменов О. Быть и казаться. «Комсомольская правда», 3.04.1974, № 78 (14973).

ДВЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДАХ

Тюркская руническая надпись на обломке керамического сосуда. р. Сырдарья.

В 1980 г. археологическая экспедиция Чимкентского (Шымкентского) пединститута работала на древнем городище Алтынтобе в Бугунском районе Южно-Казахстанской области. Среди находок экспедиции, осмотренных нами при содействии археолога А. Н. Подушкина и датированных VI–VII вв., следует особо отметить фрагмент керамического (глиняного) сосуда – столовой кружки с тюркской рунической надписью. Знаки были выдавлены тонким предметом перед обжигом. Древнетюркская надпись состоит из двух знаков и читается справа налево (сверху вниз): $\uparrow >$ *uz* «искусный, опытный, умелый». Следовательно, это автограф гончарных дел мастера.

***

В 1983 г. на древнем городище Жузимлик в Келесском районе Южно-Казахстанской области (в 15 км к югу от курорта Сарыагаш) в ходе археологических поисков была обнаружена керамическая ваза с руноподобными знаками. Ваза была передана в районный музей. Об этом нам сообщила в 1991 г. местный краевед-археолог Г. В. Акбердина. Датировка по городищу: сасанидское время (камин V–VI вв.) – караханидское время (керамика X–XII вв.)

Надпись состоит из 9 рунических знаков в одну строку, косой черточкой (между повтором слов) и, возможно, тамгообразного знака $\geq$.

Причем рунические буквы $\perp$, Γ , Γ , Γ , Γ имеют довольно необычные начертания (последняя буква представлена в перевернутом виде), а буквы Γ и $\perp$ употреблены в твердом слого.

Своеобразная древнетюркская надпись читается справа налево:

$j^{\ast} \perp bi\ddot{s} - bi\ddot{s} = Ja\ddot{s}il, bi\ddot{s} - bi\ddot{s}!$

«Зеленое (растение), созревай-созревай!»

Лексика надписи: *jašil* «зеленый; зеленое (растение)», *biš-* «1) вариться, свариться; 2) зреть, поспевать (о растениях)».

По-видимому, это – древнее магическое заклинание, связанное с культурой земледелия.

$\geq \perp \Gamma \Gamma \Gamma \Gamma \perp$

Тюркская руническая надпись на керамической вазе. р. Сырдарья.

Глава VIII

ЯИКСКИЕ (УРАЛЬСКИЕ) РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА БРОНЗОВОМ ЗЕРКАЛЕ
(Западный Казахстан)

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА САСАНИДСКОМ
СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕ
(Западный Казахстан)

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА БРОНЗОВОМ ЗЕРКАЛЕ (ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН)

В 1906 г. Оренбургская архивная комиссия проводила раскопки курганов в долине Илека, левого притока р. Яик (исконное название Йайык – Жайык, с 1775 г. р. Урал по указу самодержицы Екатерины II). Здесь, на территории нынешней Актыубинской области (б. Актыубинский уезд б. Тургайской области), в одном из курганов эпохи ранних кочевников (?) рядом со скелетом человека были обнаружены бронзовое зеркало, железный кинжал, 26 бронзовых наконечников стрел, кабаньих клык, глиняный сосуд, каменное пряслице и три раковины с тертыми красками голубого, белого и зеленого цвета¹. В 1930 г. упомянутое бронзовое зеркало, как и другие казахстанские предметы из коллекции музея г. Оренбурга², поступило в Центральный музей Казахстана в г. Алма-Ате (Алматы), книга поступлений – 143/2272.

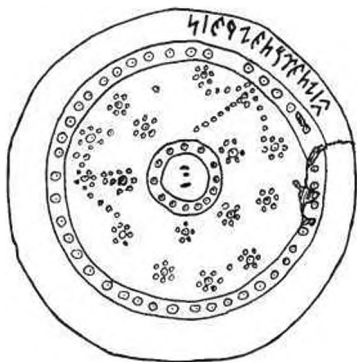
При тщательном изучении фондов Центрального музея Казахстана в октябре 1985 г. нам удалось обнаружить потускневшие рунические знаки на внешнем ободе оборотной стороны этого бронзового зеркала³. С тех пор зеркало с надписью занимает видное место в экспозиции музея, и каждый посетитель может лично разглядеть знаки надписи. Удивительно только, почему их не заметил первооткрыватель, хранитель древностей Оренбургского музея И. А. Кастанье, давший подробное описание бронзового зеркала из Западного Казахстана:

«Круглое медное зеркало, диаметром 17 см. одна сторона совершенно гладкая, покрытая во многих местах волдырями зеленой окиси. Посредине зеркала имеется небольшой выступ в форме конусообразной шишки с отверстием в середине. Высота ее около 1,5 см. Вся поверхность зеркала концентрическими кругами, начиная от основания конусообразного выступа покрыта кружочками. Сначала у основания конуса рядом простых кружков, заключенных между двумя рядами двух параллельных линий, затем двумя рядами сочетаний кружков, связывающихся друг с другом, и наконец последний ряд образует ряд кружков с точечками по их середине, заключенных между двумя линиями, обходящими всю окружность зеркала» (см. записку на планшете при зеркале).

Тюркская руническая надпись на бронзовом зеркале с Яика – Урала состоит из 14 знаков енисейского типа (два из них словоразделительные) и читается справа налево: t'x(a) t'gr-k t'g(a) j'g 's'n = taš tegrak teg jeg esän. Перевод: «Благополучный и невредимый подобно каменному кругу (т. е. как за каменным кругом)».

Лексика надписи: *taš* «камень» (или «наружная, внешняя сторона»), *tegrak* «круг, ободок, обруч», *teg* «как, словно, будто, подобно», *jeg* «хороший, хорошо» (ср. *jeg edgii* «добро, благо»), *esän* «здоровый, невредимый».

Бронзовое зеркало с благожелательной рунической надписью, возможно,

относится ко времени Первого тюркского каганата (VI–VII вв.), если не к эпохе ранних кочевников, как определили археологи, составлявшие «Археологическую карту Казахстана». Приблизительная датировка данного зеркала «эпохой ранних кочевников» опять-таки граничит с научным парадоксом.

¹ Кастанье И. А. Отчет о раскопках 6 курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1908, вып. 19, с. 102–116; Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 22. Оренбург, 1910, с. 136; Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата, 1960, с. 72: «Курганы — восточнее р. Жаксы-Каргалы. В 1906 г. раскопаны 3 кургана (И. А. Кастанье). Ориентировка — 3–В. Найдены: бронзовая бляха, бронзовый браслет, глиняный горшок, бронзовые наконечники стрел, железный кинжал, бронзовое зеркало. Датировка — эпоха ранних кочевников».

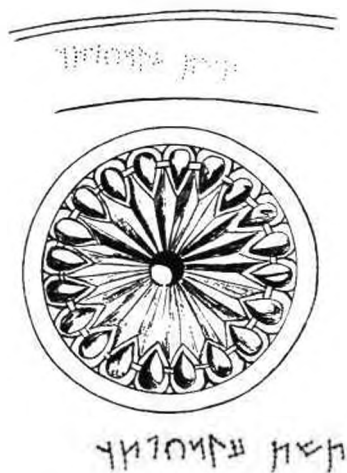
² Оренбург — с 1881 г. центр Оренбургского края (генерал-губернаторство), в 1920–1924 гг. столица Казахской республики, с 1925 г. непосредственно в составе Российской Федерации (центр Оренбургской области, образованной 7 декабря 1934 г.).

³ См. публикацию на казахском языке: Аманжолов А. С. Кола айнадагы колтанба [Автограф на бронзовом зеркале]. «Білім және еңбек», 1986, № 2, с. 26–27.

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА САСАНИДСКОМ СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕ (ЗАПАДНЫЙ КАЗАХСТАН)

В октябре 1985 г. при осмотре хранилища Центрального музея Казахстана (музей переезжал в новое здание) нами была выявлена тюркская руническая надпись на сасанидском серебряном блюде. На бирочке, приклепленной к внешней стороне блюда, указано следующее: «Центральный музей Казахстана, книга поступлений — 357/3986, этнография — 584», однако подробный паспорт блюда оказался утерянным. По информации сотрудников музея, данное серебряное блюдо вместе с другими предметами было найдено в 1911 г. при раскопках первого Прохоровского кургана в б. Уральском уезде б. Уральской области (ныне Западно-Казахстанская область). Раскопки проводила Оренбургская архивная комиссия (И. А. Кастанье)¹. При этой комиссии существовал музей, основные фонды которого были переданы в 1930 г. во вновь открытый Центральный музей Казахстана (Алматы). Несмотря на то, что само серебряное блюдо давно известно археологам, в тюркологии до последнего времени отсутствовали сведения относительно рунической надписи на данном блюде².

Тюркская руническая надпись выбита точками по внутреннему ободу сасанидского серебряного блюда (диаметр 32 см). Надпись состоит из 10 пунктирных знаков древнетюркского алфавита и читается справа налево следующим образом. $t^{\text{a}}\text{š}t^{\text{a}} \text{ *ki } \text{ *r}^{\text{a}}\text{n}^{\text{p}} \text{ t}^{\text{a}}\eta = \text{tešit eki arinip te}\eta$.

Перевод с древнетюркского языка: «Позволь выбить (надпись)! Дважды очищаясь, взлети!» Данная ритуальная формула, по-видимому, представляет собой обращение к душе покойного, хозяина данного блюда.

Лексика надписи: *tešit-* понудительный залог от глагола *teš-* «продырявливать, протыкать», *eki* «два», *arin-* возвратный залог от глагола *ari-* «очищаться (например, грехам)»³, *teŋ-* «подниматься, взлетать»⁴.

Разделительные знаки между словами полностью отсутствуют. Знаки надписи выбиты отдельными точками и, в основном, соответствуют орхон-енисейским буквам. Например, сходно начертание буквы Υ η в тюркской рунической надписи на китайской бронзовой монете 759 г. из коллекции Минусинского музея⁵.

Седьмая буква справа немного отличается от тюркского рунического знака Υ η , однако совпадает с начертанием той же буквы на таласской палочке (ср. наш опыт дешифровки).

Вторая буква справа также несколько отличается от енисейского Υ ξ и полностью совпадает с финикийско-арамейской буквой-прототипом Υ ξ (V в. до н. э.). Отсюда можно сделать вывод, что палеографически данная надпись несколько древнее орхон-енисейских надписей.

Серебряное блюдо по всем признакам изготовлено в Иране во время правления династии Сасанидов (224–651 гг.). Известно, что Сасаниды вели длительные войны с древнетюркскими кочевниками Средней Азии. Это блюдо попало в долину р. Яик (*Жайык*), несомненно, до арабского завоевания государства Сасанидов в середине VII в. Таким образом, есть все основания полагать, что тюркская руническая надпись на сасанидском блюде связана с Первым тюркским каганатом (552–630 гг.) и сделана в период усиления его могущества (конец VI в. – начало VII в.).

¹ Ср. Кастанье И. А. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 г. – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1913, вып. 29, с. 73–83.

² Об этом впервые сообщено на международной тюркологической конференции в Анкаре 15 декабря 1993 г., см. Аманжолов А. С. Kazakistan'da bulunan Çin aynası ile Sasani tabagındaki runik Türk yazıları. «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı». Bülten – 1993. Ankara, 1995, s. 115–119.

³ Ср. в дидактической поэме «Кутадгу билиг»: *Bu er ölmekincü arimas kırı* «Пока этот мужчина не умрет, его грязь (т. е. грехи) не очистится», в буддийской сутре «Алгун ярук» парный глагол *ari- alqın-* «искупаться, прощаться грехам» (ДТС, с. 51).

⁴ Ср. в «Диване» Махмуда Кашгарского *quš teŋdi* «птица взмыла [ввысь]», *oq teŋdi* «стрела взлетела» (ДТС, с. 551).

⁵ Аманжолов А. С. Две енисейские рунические надписи. «Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории», вып. XIX, Абакан, 1974, с. 137–140.

Глава IX

РАЗВИТИЕ ПИСЬМА ОТ ПИКТОГРАФИИ К ИДЕОГРАФИИ (ЛОГОГРАФИИ)

К СЕМАНТИКЕ ПИКТОГРАФИЧЕСКИХ КОМПОЗИЦИЙ
ЭПОХИ НЕОЛИТА (Восточный Казахстан)

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ И УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ-СИМВОЛЫ
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА, БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
(по археологическим материалам Казахстана)

«ШУМЕРО»-ТЮРКСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ И
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЛОГОГРАММЫ

К СЕМАНТИКЕ ПИКТОГРАФИЧЕСКИХ КОМПОЗИЦИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА (ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

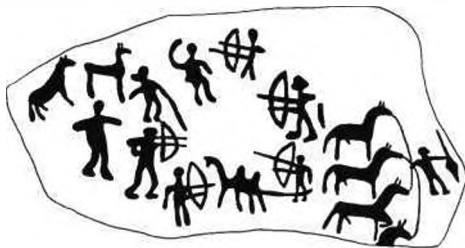
На территории Казахстана сохранилось огромное количество наскальных изображений древних времен, имеющих большую культурную ценность. Самая ранняя форма письменности – пиктография (рисуночное письмо) представляла собой способ графического отображения действительности. Одним из уникальных памятников пиктографического письма эпохи неолита является комплекс петроглифов Буырлы-булак в Шубартауском районе бывшей Семипалатинской (ныне Восточно-Казахстанской) области¹. Этот комплекс петроглифов выявлен и дважды обследован нами летом-осенью 1981 г. по поручению Казахского общества охраны памятников истории и культуры. Изображения выбиты на двух десятках валунов близ фонтанирующего родника Буырлы-булак² на склоне горного кряжа Арсаланг в 37 км юго-восточнее с. Байкошкар. Не все петроглифы удалось разобрать по причине их значительной разрушенности.

Основные сюжеты этих изобразительных композиций связаны с различными видами охоты на диких животных – лошадей, верблюдов и горных козлов. У охотников различное вооружение – простой лук, копье с массивным (каменным) наконечником, праща, дубина. Судя по рисункам, здесь широко применялась загонная охота и охота с приманивающим животным (стреноженная лошадь). Семантика этих композиций позволяет датировать их эпохой неолита (V–III тысячелетия до н. э.), когда первобытные охотники Казахстана уже начинают приручать диких животных. Это видно из того, что некоторые лошади изображены на поводу у охотников. Однако здесь нет изображений всадников верхом на лошадях. Данные петроглифы были выбиты точечной техникой с помощью очень твердых каменных орудий. Изображения почти все силуэтные, за исключением двух контурных изображений двугорбых верблюдов. Ниже рассматриваются важнейшие пиктографические памятники данной местности

Пиктографическая композиция, сообщающая об удачной загонной охоте на дикую лошадь.

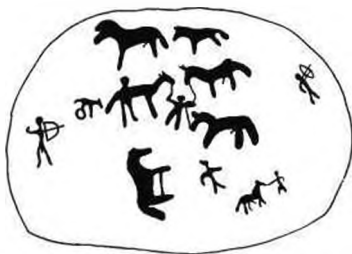
Два человека погнали горного козла и дикую лошадь навстречу охотнику с луком. Лучник выстрелил и попал в шею лошади. Нижняя фигура, по-видимому, обозначает тушу убитой лошади. Изображения двух маралов, волка в рогах одного из маралов, горных козлов, ползущей змеи и убегающего двугорбого верблюда существенно дополняют пиктографическую композицию.

Пиктографическая композиция, сообщающая о загонной охоте на дикого верблюда.

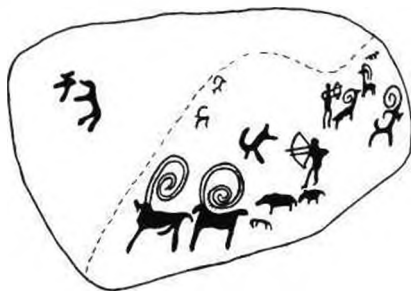
Девять человек отправились на охоту. Они поймали и обуздали четырех лошадей, а теперь охотятся на верблюда. Один охотник остался стеречь лошадей. В правой руке он держит за поводья четырех пойманных лошадей, а в левой – массивное копьё. Трое охотников, вооруженные луками, обнаружили дикого верблюда и начали преследовать его по направлению к пятерым охотникам, находящимся в засаде. Оружие последних – праща, дубина, два

лука. Наконец восемь охотников окружили двугорбого верблюда и направили на него свое оружие. А в стороне от охотников пробежали дикая лошадь и самка оленя. Следовательно, данная пиктограмма представляет собой довольно сложную запись рассказа об интересной загонной охоте.

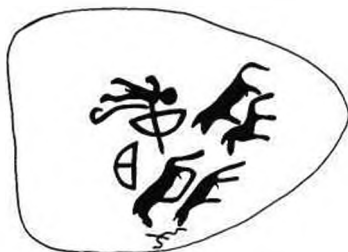
Пиктографическая композиция, сообщающая об охоте с приманивающим животным

Резвятся дикие лошади (лошади Пржевальского, судя по изображениям двух скачущих животных вверху композиции). С помощью маншиков, кобылиц со спутанными ногами и жеребенка на привязи, охотникам удалось поймать несколько диких жеребцов и приручить их. В центре человек держит за поводья трех жеребцов, внизу другой человек ведет за повод четвертого жеребца. По сторонам композиции изображены двое охотников с луками, как бы символизирующие динамику охоты.

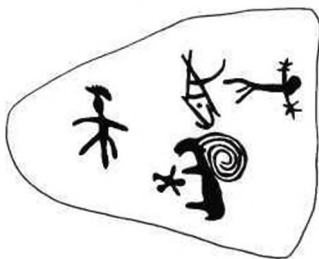
Пиктографическая композиция, повествующая об охоте на горных козлов

Представлены изображения различных животных – горных козлов, кабанов, волков. Два охотника с луками целятся в шею или туловище противостоящих козлов. Охота обещает быть удачной. На другой плоскости того же камня волк преследует зайца.

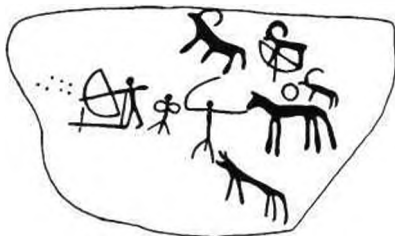
Пиктографическая композиция, сообщающая о несчастном случае на охоте с приманивавшей лошадей.

В центре изображен маншик-жеребец со спутанными ногами. К нему подбежали дикие лошади (два жеребца и кобылица), по всем признакам это – лошади Пржевальского. Рядом скрывался в засаде охотник с луком. Он прицелился и пронзил стрелой большую змею. Второй раз он выстрелить не успел. Другая большая змея метнулась в прыжке и укусила охотника в левую руку, в которой он держал лук. Видимо, укус змеи был смертельным. Выразителен брошенный лук. В данном контексте отдельное изображение лука – не столько пиктограмма, сколько изобразительная логограмма или идеограмма. Данный графический знак, по-видимому, служит для передачи отдельного слова.

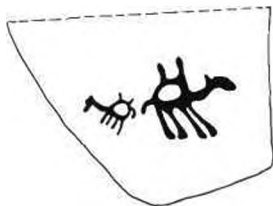
Пиктографическая композиция магического содержания.

Антропоморфная фигура с петушиным гребнем на головном уборе – какой-то колдун или маг. Правее друг против друга изображены большая рыба и горный козел. Изображение рыбы на петроглифах Казахстана – факт уникальный. Возле рыбы – фигура человека с раскинутыми в стороны руками и растопыренными пальцами. Судя по этому, человек мертв. Возле горного козла – фигурка живого человека, возможно, ребенка. Смысл композиции для нас остается загадкой. Возможно, здесь представлен результат столкновения двух различных родов, символами которых (мифическими родоначальниками) выступают рыба и горный козел.

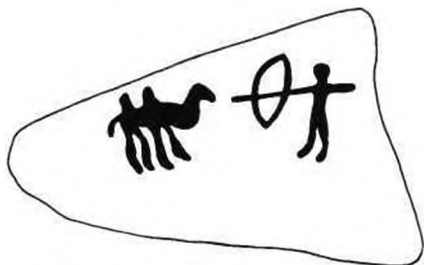
Пиктографическая композиция, сообщающая об удачной охоте на горных козлов и столкновении человека с волком.

В центре композиции – антропоморфная фигура, возможно, родовой символ. Слева охотник с луком. Судя по точкам впереди, он произвел семь выстрелов. Справа другой охотник держит за повод лошадь и одновременно отражает нападение волка. В правой руке человек держит кнут, которым приручает лошадь и защищается от матерого волка. Над лошадью изображен небольшой круг – солярный знак. Выше изображены три горных козла – объект охоты. Поверх одного козла изображен лук-самострел. Это – свидетельство удачной охоты.

Пиктографическая композиция, передающая реалистические изображения двух диких верблюдов.

Здесь передано ощущение от встречи первобытного художника с дикими двугорбыми верблюдами. Образы животных даны реалистично, можно сказать, в перспективе. Для изображения характерна многоплановость. Туловище животных изображено контуром, остальные части — силуэтом. На переднем плане верблюд, который испуганно пьтится назад. Встреча с человеком была неожиданной для обычно осторожного верблюда (человек, по-видимому, прятался в засаде). На заднем плане изображен другой верблюд (соответственно меньших размеров), который безмятежно вытянул шею и пасется на ксгогоре. Эта композиция, несомненно, неолитическая.

Пиктографическая композиция, сообщающая об охоте на дикого верблюда.

На композиции изображены охотник с луком и дикий двугорбый верблюд друг против друга. Охотник натянул лук и прицелился в шею верблюда. Верблюд оторопел от неожиданности и пьтится назад. Перед нами — эпизод из реальной жизни первобытного охотника. Этот эпизод, как и сцена загонной охоты на дикого верблюда, позволяют отклонить голословное утверждение зоотехника Г. В. Шацкого о том, что «верблюд попал в число домашних животных, минуя стадию дичи, так как не был основным объектом охоты»³.

Видный казахстанский зоолог П. И. Мариковский на основании изучения наскальных рисунков Семиречья справедливо заметил: «По-видимому, рисунки были высечены очень давно, на заре животноводства и приручения диких животных, в то далекое время, когда верблюд еще был животным, не знавшим нагайки и упряжи... В то время верблюд, видимо, был одним из обычных объектов охоты, о чем свидетельствуют рисунки (рис. 46)».⁴

В свете рассмотренных пиктографических композиций выявляется полная прелвзятость утверждения археолога Е. Е. Кузьминой⁵ о том, что автохтонное население Центральной Азии и Казахстана, якобы, заимствовало навыки скотоводства, а также домашнего коня и домашнего двугорбого верблюда у праноязычных племен.

Исходя из общих законов развития человеческих обществ, следует признать, что активное одомашнивание животных на территории Казахстана относится к концу неолита. Это подтверждается пиктографическими композициями на скалах. Таким образом, мы видим, что далекие предки современных тюркских народов внесли свой важный вклад в историю развития общественного производства и общественного сознания.

Петроглифы выбивались на протяжении тысячелетий – в эпоху неолита, в эпоху бронзы, в эпоху раннего железа (ранних кочевников) и даже позже. Древнейшие из петроглифов Казахстана – неолитические, они появились 7–5 тысяч лет тому назад. Основная масса выявленных у нас петроглифов относится к эпохе ранних кочевников, т. е. к I тысячелетию до н. э. Встречаются и более поздние петроглифы – древнетюркского времени (I тысячелетие н. э.), они резко отличаются своим схематизмом, техникой исполнения и малой плотностью пустынного загара от более реалистичных, ранних наскальных изображений.

Петроглифы – не просто рисунки в собственном смысле слова, а памятники рисуночного, пиктографического письма или пиктографии. Важно подчеркнуть, что хотя пиктография возникает на основе «первобытного искусства», изображение здесь служит не для удовлетворения художественно-эстетических запросов, а для целей коммуникации⁶. Пиктография как тип письма передает информацию – содержание устной речи, «рассказывает» о предмете или событии посредством графических, изобразительных знаков, однако не отражает членения устной речи на звуки (в отличие от фонетического, звукового письма), не отражает членения устной речи на слова и морфемы (в отличие от идеографического письма или идеографии ~ логографии). Следовательно, рассматриваемые петроглифы были общедоступным средством закрепления речи на камне. Эти пиктографические памятники представляют большой интерес для историков культуры, философов и лингвистов, особенно для специалистов по истории и теории письма.

⁶ Аманжолов А. Буырлыбулак казынасы [Сокровища Буырлы-булака]. «Жұлдыз», 1982. № 8, с. 199–202; Амирова Т. А., Аманжолов А. С. К истории изучения наиболее ранних этапов письменности – Сборник научных трудов МГПИИЯ, вып. 275. «Актуальные проблемы истории и историографии лингвистики», М., 1986, с. 131–132; Аманжолов А. Мир древнего охотника. «Ай» (Алматы), художественно-публицистический журнал, 1996, № 1, с. 6–7.

⁷ В гидрониме Буырлы-булак [Буырлыбулак. *Buwırlı bulaq*] представлено загадочное слово *буырлы*, которое теперь в казахском языке не употребляется. Однако основа этого слова (*буыр*+ аффикс *-лы*) обнаруживается в ряде других образований – казахск. *буыршы* «молодой верблюд-производитель (четырёхлетка)», *буырқан* (*буыр-қа-н*) «разъяряться, свирепеть», ср. древнетюркск. *боэра*, казахск. *бура*, монгольск. *буур* «вер-

блюдо-производитель». Следовательно, казахский гидроним *Буырлыбұлақ*, как показывает его этимология, исторически означал «Верблюжий Родник».

¹ Шацкий Г. В. Рисунки на камне. Ташкент, 1973, с. 84.

⁴ Мариковский П. И. Способы и объекты охоты по мотивам наскальных рисунков Чулакских гор (Казахская ССР). «Зоологический журнал» (Москва), том XXXII, вып. 6, 1953, с. 1070.

⁵ Кузьмина Е. Е. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей. – «Краткие сообщения Института археологии АН СССР», вып. 154, Ранние кочевники. М., 1978, с. 106.

⁶ Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961, с. 47; Амирова Т. А., Аманжолов А. С. Указ. работа, с. 130.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ И УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ-СИМВОЛЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА, БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ КАЗАХСТАНА)

Для истории изобразительного искусства большую ценность представляют наскальные и пещерные рисунки первобытных людей, для истории письменности первостепенное значение имеют пиктограммы (изобразительные знаки или рисунки-напоминания), идеограммы (изобразительные и условные знаки понятий или символы) и древнейшие знаки неизвестного происхождения.

Немало наскальных изображений (писаниц и петроглифов), характерных для эпох неолита, бронзы и раннего железа, имеется на территории Казахстана¹. Многие из них не описаны или описаны сугубо предварительно, не говоря уже об изучении их отношения к ранним формам искусства, верований и письменности.

Некоторые наскальные изображения, связанные с первобытными религиозно-магическими представлениями, возможно, являются древним пиктографическим (рисуночным, образным) или идеографическим (символическим) письмом охотничье-скотоводческих племен.

«Пиктография определяется традиционно как передача информации с помощью целых рисунков. Идеография же определяется как фиксация сообщений с помощью отдельных рисуночных знаков – идеограмм. Для перехода от пиктографии к идеографии необходимо, чтобы за каждым рисунком-символом было социально закреплено определенное инвариантное значение. Закрепление «значения» в процессе постепенной стилизации и схематизации письменных знаков превращает знаки в условные символы»².

Примером древней пиктограммы или идеограммы может отчасти служить большое изображение благородного оленя на вершине отвесной скалы, носящей у казахов название Бугытас «Олень-камень, Оленья Скала». Комплекс петроглифов эпохи раннего железа Бугытас открыт и впервые обследован С. Аманжоловым при участии автора этих строк, тогда еще студента МГУ летом 1955 г. в местности Карашат Тарбагатайского района Восточно-Казахстанской области³. Олень-исполин (рис. 1) изображен в соответствии со «скифским» звериным стилем стоящим и с полосами на шкуре⁴. Скала Бугытас и ряд окрестных скал изобилуют силуэтными изображениями архаров, горных козлов, оленей-маралов, лосей, лошадей, двугорбых верблюдов, волков и собак, изображениями пеших и конных охотников с простыми луками.

Большой интерес представляют встречающиеся на писаницах и петроглифах культовые знаки (например, солярные знаки, связанные с культом солнца), древние родовые тамги-идеограммы⁵ и другие письменные знаки.

Древнейшие наскальные знаки Казахстана, о которых пойдет речь, нередко представлены среди красочных писаниц и гравированных рисунков-

петроглифов как их составная часть и относятся ориентировочно к IV—I тысячелетиям до н. э. Не исключено, что отдельные рисунки красной краской из пещерных стоянок Восточного и Центрального Казахстана (например, изображения первобытных быков и знаки из грота Тесик-тас (рис. 2) характерны для еще более ранних эпох⁶. Писаницы такого рода, если и существуют, то еще недостаточно выявлены и не опубликованы⁷. Поэтому они подлежат отдельному рассмотрению по мере накопления материала. Поскольку наскальные знаки Казахстана почти не описывались и до последнего времени не изучались, наши предварительные наблюдения⁸ дополняются и подкрепляются здесь фактическим материалом.

Древние писаницы из Восточного Казахстана — изображения схематических человеческих фигур, замысловатых линий, геометрических знаков в виде решеток, кругов со вписанным крестом, ромбиков и всевозможных стрелок, расположенные в некоторой последовательности (рис. 3—6), более века тому назад привлекли внимание краеведа Г. И. Спасского⁹. Все они начертаны на гранитных скалах в долине Иртыша красной краской и относятся, по-видимому, к эпохе бронзы¹⁰.

Подмечено, что изображение лодки с солярным знаком (круг со вписанным крестом) на писанице у с. Солянка близ Усть-Каменогорска имеет удивительные аналогии на петроглифах эпохи бронзы в Богуслене (Южная Швеция) и, вероятно связано с египетским мифом о солнце, плывущем на ладье по небесному Нилу¹¹. Однако смысл большинства иртышских знаков и по сей день остается загадочным. Возможно, это — идеограммы. Во всяком случае, догадка Г. И. Спасского¹² о буквенном характере этих знаков пока не находит подтверждения.

В 1926 г. геолог П. Л. Драверт¹³ открыл на озере Джасыбай в Павлодарской области писаницу, выполненную красной железистой краской по своду грота (рис. 7). Изображенные на писанице схематические фигуры людей в различных позах и другие знаки позволяют видеть здесь пиктографическое или идеографическое письмо. Вслед за археологом А. А. Формозовым¹⁴ следует, пожалуй, джасыбайскую писаницу отнести к энеолиту (энеолит, собственно, совпадает с поздним неолитом).

В 1965 г. появилось сообщение краеведа К. К. Жаманбаева¹⁵ о находке еще одной писаницы в долине Иртыша. Новонайденная писаница нанесена красной краской на своде небольшой пещеры близ с. Ленинка Уланского района Восточно-Казахстанской области (рис. 8). Она содержит множество непонятных знаков, схематическое изображение горного козла и странное изображение горного козла с солярным знаком (квадрат со вписанным крестом и четырьмя точками). По своему характеру это — неупорядоченное пиктографическое или идеографическое письмо эпохи энеолита или бронзы.

Переходим к краткому описанию наскальных знаков среди петроглифов Казахстана, выбитых точечной техникой и относящихся, как надо полагать, к

Рис. 1 Изображение «скифского оленя» с олененком на скале Бугытас в горах Тарбагатай.

Рис. 2. Писаница из грота Тесик-тас в Шетском районе Карагвдннской области (по А. Х. Маргулану).

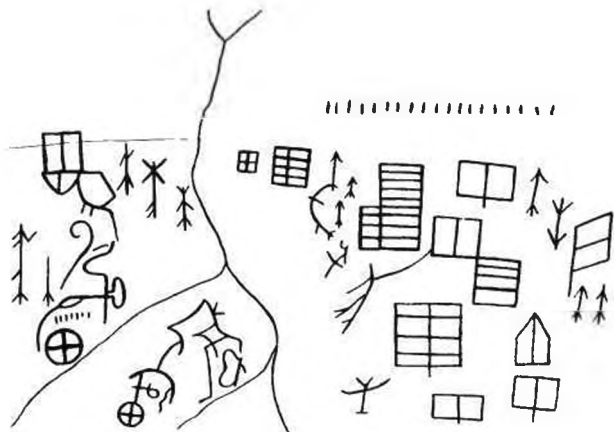

Рис. 3. Писаница у с. Смолянка на Иртыше (по Г. И. Спасскому).

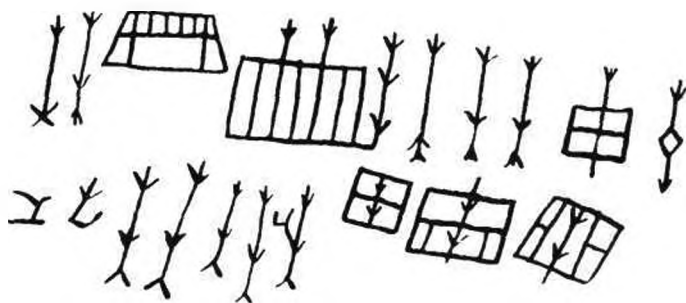

Рис. 4. Первая писаница у Гусиного залива на Иртыше (по Г. И. Спасскому).

Рис. 5. Вторая писаница у Гусиного залива на Иртыше (по Г. И. Спасскому).

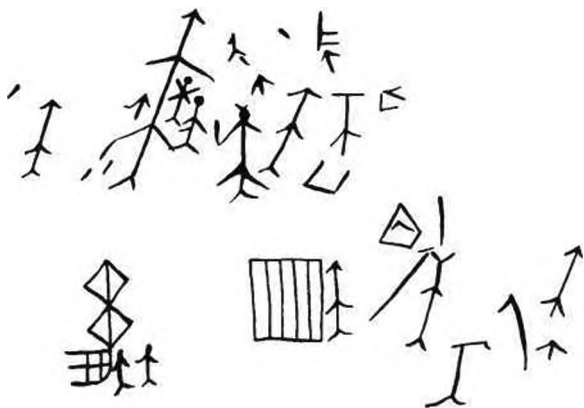

Рис. 6. Писаница у Зыряновского рудника на Бухтарме – притоке Иртыша (по Г. И. Спасскому).

Рис. 7. Писаница на озере Джасыбай у с. Баян-аула в долине Иртыша
(по П. Л. Драверту).

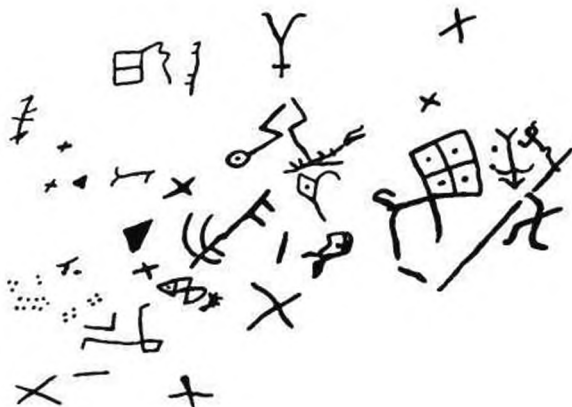
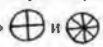

Рис. 8. Писаница из грота Ак-баур у с. Ленинка (совхоз «Красный Алтай») на Иртыше.

эпохе ранних кочевников или раннего железа (VI–I вв. до н. э.)¹⁶, а частично (например, мифологические солярные колесницы и солярные знаки ущелья Тамгалы в Чу-Илийских горах, находящие себе полные аналогии на петроглифах урочища Саймалы-таш в Киргизии) – к концу эпохи бронзы¹⁷.

Древнейшие культовые знаки (например, солярные знаки, связанные с культом Солнца, соответственно – Неба) широко представлены на скалах и различных предметах. В Семиречье среди петроглифов ущелья Тамгалы имеются древнейшие солярные знаки «колеса» рис. 9а, б; аналогичные знаки – символы солнечного божества известны в древней Вавилонии, в урочище Саймалы-таш Ферганского хребта и в Южной Швеции). В ущелье Тамгалы насчитывается несколько десятков изображений солнцеликих антропоморфных божеств (рис. 9 г-ж), к которым следует отнести и «солнцеликих людей» из публикации археолога А. Г. Максимовой¹⁸. У этих антропоморфных изображений вместо головы солнечный диск с расходящимися лучами или круг со вписанным крестом. Такие изображения Тамгалы, по всей вероятности, выбивались в эпоху поздней бронзы (конец II – начало I тысячелетия до н. э.).

Изображения удил примитивной формы, выдолбленные на одной из скал ущелья Тамгалы (рис. 10а), возможно, имеют символический характер. Поверх удил высечено изображение лошади.

Остановимся еще на двух знаках из Тамгалы. Тамгообразный знак возле изображения рыси или снежного барса (рис. 10б) встретился нам. Кроме того, на одной из трех раннетюркских рунических надписей хребта Кетмень¹⁹. Тамгообразный знак-идеограмму рядом с изображениями гепардов, использовавшихся на охоте²⁰, и изображением охотника с простым луком в звериной маске (рис. 10в) можно сопоставить с буквой *z* или *š* твердого слога (**s* – **š* «еда, пища») в древнетюркских рунических надписях долины р. Талас²¹. Специфическое начертание знака сводит на нет вероятность случайного совпадения. Скорее всего, прототипом данного условного знака-идеограммы послужило изображение съедобного плода, т. е. *as* ~ *aš* «еда, пища».

Несколько восточнее Тамгалы в Чу-Илийских горах находится ущелье Утеген, с наскальными изображениями и тамгообразными знаками²². Возле изображений горных козлов высечены знаки (рис. 11а, б, г) – причем первые два знака сходны с тамгами огузо-туркменских племен Бекдир и Баят²³, есть символические изображения козлов (рис. 10в, д) и др.

Как сообщил археолог Х. Алпысбаев²⁴, знак из трех дужек над силуэтным

изображением лошади, а чуть дальше – знак из двух дужек и тамгообразный знак имеются на скале в Ходжакенте (рис. 12). Знак представляет не просто тамгою, а письменным знаком типа рунического (ср. енисейский знак § на сердцевидной гальке из коллекции Минусинского краеведческого музея).

Несколько древних тамгообразных знаков с изображениями (рис. 13а-е) выбито на гранитных валунах близ с. Тегермень Уйгурского района Алматинской области²⁵.

Особого внимания заслуживает культовый знак (рис. 13ж) из ущелья Садыр хребта Кетмень²⁶ – нечто среднее между изображением горного козла и древнетюркским руническим знаком rt (ʔrt «горный перевал»).

Среди наскальных изображений Калбы²⁷ – западного отрога Алтая в Уланском районе Восточно-Казахстанской области нам уже встречался условный рунический знак-идеограмма rt=art «нагорье, гора; горный перевал». Примечательно, что этот древний знак высечен над схематическим изображением горного козла (рис. 146).

В Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области встретился тамгообразный знак над изображением горных козлов (рис. 15), но аналогий ему пока не найдено²⁸

На одной из скал у родника Кошер-бастау в Уланском районе Восточно-Казахстанской области²⁹ рядом с изображениями горных козлов, двугорбого верблюда, жилища и черепа животного нами в 1985 г. обнаружены тамгообразные условные знаки-идеограммы   и солярный знак (рис. 16). Эти петроглифы можно отнести к концу эпохи бронзы. Примечательно, что знак напротив изображения ревущего (разъяренного) двугорбого верблюда вероятно, послужил прототипом енисейского рунического знака *k = ʔk «животное в возрасте более четырех лет». Следовательно, данный знак-идеограмма или логограмма *OK*, судя по всему, принадлежит тюркоязычному коллективу и обозначает здесь двугорбого верблюда-производителя в возрасте более четырех лет.

В Чингизских горах, которые до Чингизхана назывались Найман-таг³⁰, при обследовании петроглифов эпохи бронзы (местность Копа) нам встретились древние солярные знаки-«колеса» и загадочные знаки-«лошадиные копыта»³¹, см. рис. 17.

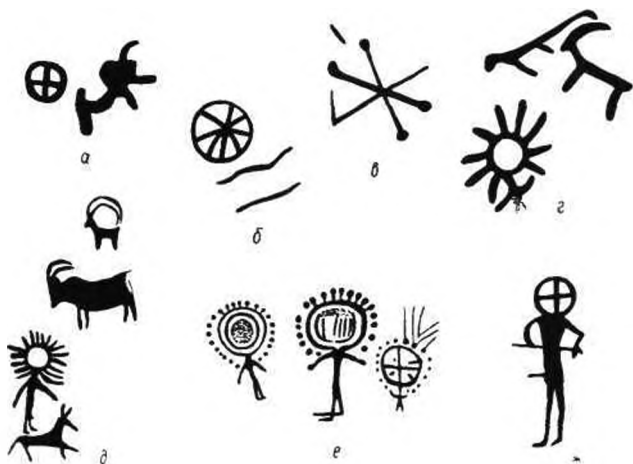

Рис. 9. Солярные знаки и солнцеликие божества ущелья Тамгалы в Чу-Илийских горах.

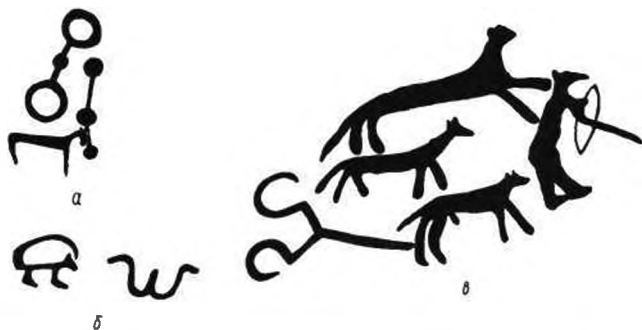

Рис. 10. Тамгообразные знаки-идеогаммы среди петроглифов ущелья Тамгалы (по А. Г. Максимовой).

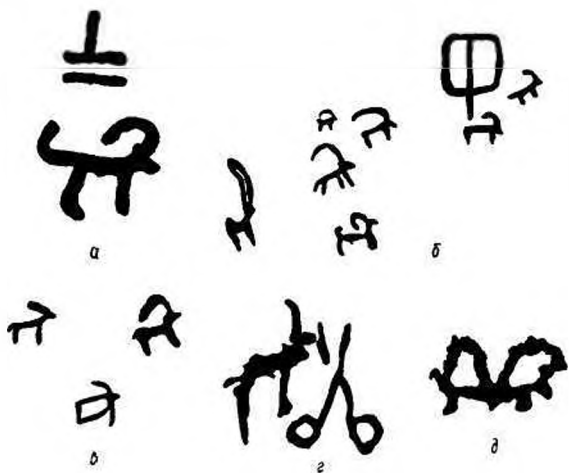

Рис. 11. Тамгообразные знаки-идеогаммы среди петроглифов ущелья Утеген в Чу-Илийских горах.

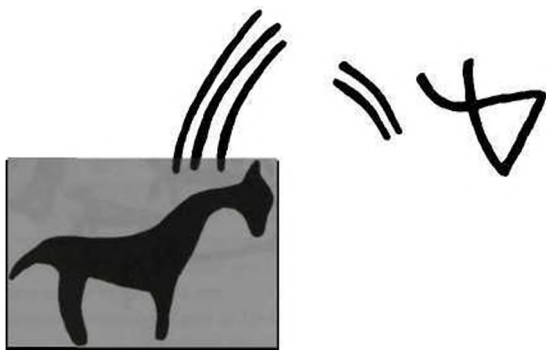

Рис. 12. Наскальные знаки Ходжакента (по Х. Алпысбаеву).

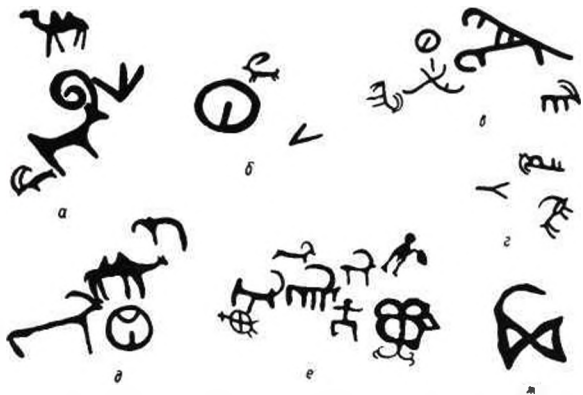

Рис. 13. Тамгообразные знаки-идеогаммы среди петроглифов хребта Кетмень.

Рис. 14. Петроглифы Калбы: а водопой, извилистая линия обозначает реку (р. Кос-уак); б тамгообразный знак-идеогамма над схематическим изображением горного козла (местность Тагай-кузы); в сцена охоты, идеогамма «ЛОВИТЬ» – фигура человека в звериной маске в позе лова (р. Сары-булак); г символические изображения магического характера (р. Сары-булак).

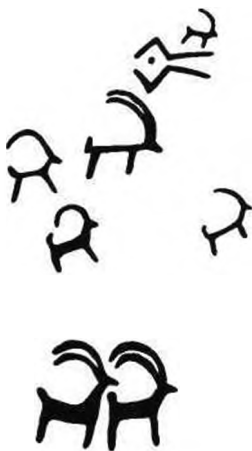

Рис. 15. Тамгообразный знак среди петроглифов Бугытас.

Среди петроглифов Центрального Казахстана, как сообщил видный археолог и этнолог А. Х. Маргулан¹², также обнаружены древнейшие солярные знаки — «знак восходящего солнца» в урочище Батпак-су и «знак солнечного колеса» в местности Кестели-тас.

Солнечный символ, характерный для тюркской цивилизации эпохи бронзы, засвидетельствован также литейной формой для отливки нагрудного украшения XV—XIII вв. до н. э. из Восточного Казахстана¹³. Предмет обнаружен Восточно-Казахстанской археологической экспедицией на поселении Канай (Больше-Нарымский район).

Вместе с тем, этот древнейший знак Солнца и одновременно божества Неба напоминает верхний остов казахской юрты (*шаңырақ*) и свидетельствует о глубине этнокультурной преемственности на территории Казахстана, где формировался древнетюркский этнос и складывалась казахская народность. Священный солнечный символ и одновременно символ домашнего очага объединяет тюркский мир в его стремлении к человеческому прогрессу. Недаром этот древнейший знак (древняя идеограмма «Небо, Божество») был принят по нашему предложению в качестве эмблемы Международной конференции

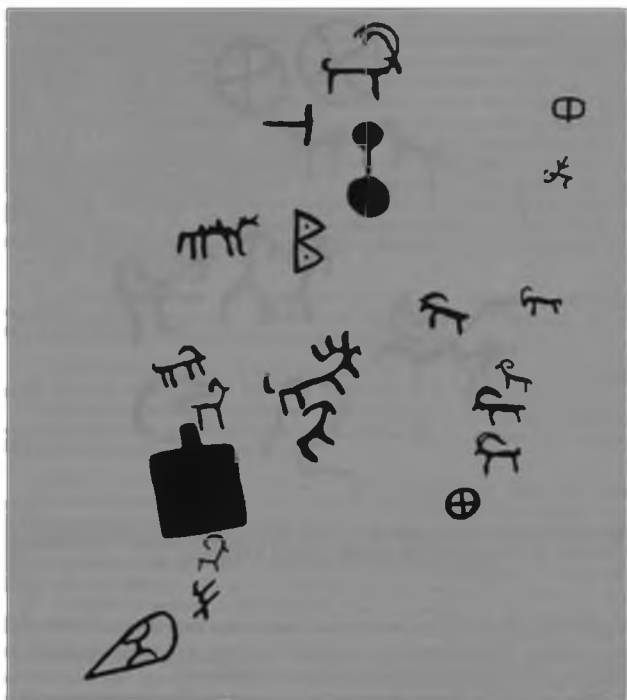

Рис. 16. Тамгообразные знаки-идеогаммы среди петроглифов Кошер-бастау (Западный Алтай).

«Тюркская цивилизация: история, настоящее и перспективы», первое заседание которой состоялось в мае 1998 года в Казахском национальном университете имени аль-Фараби²⁴.

Подводя итоги, приходится признать, что смысловое содержание большинства знаков иртышских красочных писаниц эпохи энеолита и ранней бронзы, по-существу, остается загадкой. Изучение же наскальных знаков-символов эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Казахстана, во всяком случае, создает необходимые предпосылки, во-первых, для объективного решения вопроса о происхождении и характере письма у ранних азиатских кочевников, вопреки предвзятому мнению об отсутствии у последних

Рис. 17. Солярные и тамгообразные знаки-идеогаммы среди петроглифов Чингизских гор (Восточный Казахстан).

какой-либо письменности¹⁴, и, во-вторых, для выявления материальной связи основных знаков древнетюркского рунического письма с изобразительными и условными идеогаммами прелестствующего времени¹⁵.

На территории Казахстана в эпоху бронзы (конец III тысячелетия до н. э. — начало I тысячелетия до н. э.) складывается основа тюркской цивилизации — расцвет древней металлургии и других ремесел, развитие раннегосударственных формирований и прототюркского этноса при неперемнной организующей роли языка и письменности, постепенный переход от пастушеского скотоводства и могожного земледелия к кочевому скотоводству. Не вызывает никаких сомнений этнокультурная связь ранних кочевников Казахстана (I тысячелетие до н. э.) с древними и современными тюркскими народами. Нельзя не согласиться со следующим признанием: «Сколько бы мы ни говорили о том, что этногенез и глоттогенез — процессы разные, все же данные языка остаются важнейшими при попытках перебросить мост между современными народами и их предками»¹⁷. Тюркская цивилизация за прошедшие тысячелетия тесно контактировала с другими цивилизациями и оказала огромное влияние на культурное, экономическое, политическое развитие человечества.

¹ Полный перечень публикаций по наскальным изображениям и другим археологическим объектам Казахстана вплоть до 1958 г. приводится в коллективном труде «Археологическая карта Казахстана» (Реестр. Составители: Е. И. Агеева, К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, А. Г. Максимова, Т. Н. Сенигова, изд. АН КазССР, Алма-Ата, 1960). Некоторые замечания относительно датировки петроглифов Казахстана см.: М а р и к о в с к и й П. И. Наскальные рисунки гор Кульджабасы. Сб. «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана». Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, Алма-Ата, 1961, с. 78–86; М е д о в А. Г. Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур. Сб. «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана», с. 72–77; С е н и г о в а Т. Н. Наскальные изображения у поселения Актобе. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау», Труды ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата, 1962, с. 87–97.

² Амирова Т. А., Аманжолов А. С. К истории изучения наиболее ранних этапов письменности. — Сборник научных трудов МГПИИЯ, вып. 275. «Актуальные проблемы истории и историографии лингвистики». М., 1986, с. 127.

³ Аманжолов С., Аманжолов А. С. Писаницы (петроглифы) на скалах Бугытас. «Вестник АН КазССР», 1956, № 4, с. 97–100. 25 лет спустя, в 1980 г. при повторном посещении данной местности я с досадой обнаружил, что на многих древних петроглифах появилась несмываемая белая краска, а рядом той же краской — автограф столичного ученого «Курдыев»

⁴ Ср. Потапов Л. П. Следы тотемистических представлений у алтайцев. «Советская этнография», № 4–5, 1935, с. 148: «Охотники алтайцы и теперь еще считают счастливыми, священными таких оленей или маралов, которые имеют белые полосы на шкуре или рогах. В одних случаях такое животное считают за признак, сулящий материальное обогащение, и мясо такого животного приносит духу-предку, в других местах полагают, что нельзя убивать таких животных (тубалары)»; Ч л е н о в а Н. Л. Скифский олень. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 115. Памятники скифо-сарматской культуры. М., 1962, с. 170, 182, 183, 192, 195.

⁵ Казахские родоплеменные тамги, высекавшиеся на скалах вместе с названиями соответствующих племён (на арабско-казахском алфавите), также представляют собой ценный письменный источник, хотя и поздний по времени. См.: К у з н е ц о в Л. О надписи на камне «Тамгалы-тас» в пустыне Бетпак-дала в Атбасарском уезде Акмолинской губернии. «Записки Семипалатинского отдела государственного Русского географического общества», вып. XVI, Семипалатинск, 1927, с. 122.

⁶ М а р г у л а н А. X. Архитектура древнего периода (в книге: «Архитектура Казахстана», Алма-Ата, 1959, с. 9–10, табл. I)

⁷ Ср. А д р и а н о в А. В. К археологии Западного Алтая (Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). «Известия Археологической комиссии», вып. 62, Петроград, 1916, с. 76, 79; Ч е р н и к о в С. С. Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 12, с. 64.

⁸ Аманжолов А. С. О древнейших наскальных знаках Казахстана. Сб. «Қазақ тілі мен әдебиеті» [«Казахский язык и литература»], вып. 4, Алма-Ата, 1974, с. 44–48.

⁹ С л а с с к и й Г. И. Записки о сибирских древностях. О древних сибирских начертаниях. «Сибирский вестник», СПб., 1818, ч. I, с. 82, табл. IV. S p a s s k y G. De

antiques quisbusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis, Petropoli, 1822, p. 2, Tab. II («Некоторые древние начертания и надписи, найденные в Сибири» — извлечение из вышеназванного сочинения, на латинском языке); С п а с с к и й Г. И. — О достопримечательных памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими, «Записки Русского географического общества», кн. XII, СПб., 1857, с. 159—161 (113—181), табл. VII.

¹⁰ С р. Ф о р м о з о в А. А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика. «Советская этнография», 1950, № 3, с. 175.

¹¹ Ф о р м о з о в А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966, с. 41, 42, рис. 15; Ф о р м о з о в А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 108, 240, рис. 76.

¹² С п а с с к и й Г. И. О достопримечательных памятниках сибирских древностей..., с. 161: «Сколько описанные мною теперь изображения ни рознятся между собою, по местности своей и самым очеркам фигур, но все они представляют некоторый общий характер. Заметное отчасти расположение их, как будто бы рядами, и сходство взятых порознь знаков, даже на отдельных скалах, могут вести к заключению о буквенном их значении».

¹³ Д р а в е р т П. Л. Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баяндаула. «Известия Западно-Сибирского географического общества», т. VII, Омск, 1930, с. 231—234 (на с. 232 приведен уникальный снимок писаницы, вскоре уничтоженной, как пишет П. Л. Драверт, «молодыми людьми из стоявшего там лагеря пионеров»).

¹⁴ Ф о р м о з о в А. А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика, с. 175: «Усть-Каменогорская писаница, вероятно, относится к андроновской культуре, джасыбайская — более ранняя, энеолитическая».

¹⁵ Ж а м а н б а е в К. Өлке танудагы кадамдарымыз. «Казакстан мугалімі» (Алматы), 1.07.1965.

¹⁶ Ч е р н и к о в С. С. Наскальные изображения верховий Иртыша. «Советская археология», IX, М.—Л., 1947, с. 280.

¹⁷ Б е р н ш т а м А. Н. Наскальные изображения Саймалы-таш. «Советская этнография», 1952, № 2, с. 62, 63, 65; Ф о р м о з о в А. А. Очерки по первобытному искусству, с. 80.

¹⁸ М а к с и м о в а А. Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. «Вестник АН КазССР», 1958, № 9(162), с. 109, рис. 16, 33—37, 40.

¹⁹ А м а н ж о л о в А. С. Илийские рунические надписи. «Вопросы языкознания», 1969, № 3, с. 147—151, рис. 3а, б.

²⁰ М а к с и м о в а А. Г. Указ. работа, с. 109, рис. 30 Охота с прирученными гепардами на антилоп, как известно, сохранилась в Индии.

²¹ М а л о в С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 57—59, 61—62.

²² А м а н ж о л о в А. С. Писаницы ущелья Утеген. «Вестник АН КазССР, 1959, № 10(175), с. 52—61, табл. Iв, II, IV, V

²¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. т. I, кн. I. М.—Л., 1952, с. 88, 90.

²⁴ Алпысбаев Х. А. Новые наскальные изображения Бостандыкского района. Труды ИИАЭ АН КазССР. т. I (Археология), Алма-Ата, 1956, с. 182—188, табл. II, рис. 13, 14.

²⁵ Аманжолов А. С. Древние надписи и петроглифы хребта Кетмень (Тянь-Шань). «Известия АН КазССР». серия общественная, 1966, № 5, с. 89, табл. Va.

²⁶ Там же, с. 82, табл. III, 8.

²⁷ Аманжолов А. Қалба бейнелері. «Лениншіл жас» (Алматы), 29.03.1968.

²⁸ Аманжолов С., Аманжолов А. С. Указ. работа, с. 100, рис. 4.

²⁹ Аманжолов А. Көненің көзіндеі [Древнее свидетельство]. «Мәдениет және түрмыс» (Алматы), 1986, № 1, с. 17.

³⁰ Маргулан А. Х. Мир казаха. Алматы, 1997, с. 36.

³¹ Аманжолов А. Тұғырдағы жазулар: Шынғыстау петроглифтері. «Жұлдыз» (Алматы), 1987, № 1, с. 205—208.

³² Доклад академика АН КазССР А. Х. Маргулана «Наскальные изображения Центрального Казахстана», прочитанный на расширенном заседании Отдела археологии ИИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова 30 марта 1970 г.

³³ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.—Л., 1960, с. 29—30: «На гладкой грани неглубоким желобком вырезана фигура в виде колеса с восемью спицами, заканчивающимися с внешней стороны круглым расширением. Литок прорезан на одной из длинных сторон формы. Изготовлена из светло-серой сланцевой породы. Размер ее — 11х8 см, толщина — 3 см. В этой форме после отливки должно было получиться большое, довольно массивное украшение, по-видимому, нагрудное».

³⁴ Аманжолов А. С. Древнейший символ тюркского мира — «Античность и общечеловеческие ценности», вып. 7. Алматы, 2000, с. 7—8.

³⁵ Ср. Полторацкая В. Н. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае. «Археологический сборник», вып. 5. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы, Южной Сибири и Средней Азии. Ленинград, 1962, с. 89: «Подводя некоторые итоги можно также высказать предложение, что около середины I тысячелетия до н. э. у населения Сибири, более отсталого по сравнению с передовыми странами того времени (Греция, Иран, Китай и др.), хотя и не существовало письменности, но счет как определение количества уже выработался, о чем говорят, например, зарубки на бревнах из курганов Парызыка».

³⁶ На следы древней добуковенной письменности указывает также надпись на глиняном сосуде из кыргызского кургана № 2 Уябатского чаатаса в Хакасии, см.: К и с е л е в С. В. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949, с. 321 (табл. LIII, рис. 11), 345.

³⁷ Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований). «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, с. 65.

«ШУМЕРО.-ТЮРКСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЛОГОГРАММЫ

Язык городских поселений южного Двуречья или Шумера на рубеже IV—III тысячелетий до н. э., язык создателей логографического письма (*Wortschrift* «письмо слов») и вавилонской клинописи — священный язык вавилонян, получивший название «шумерского»¹, принадлежит к числу древнейших письменно засвидетельствованных языков мира. Несмотря на многочисленные попытки выявить генетическую группу шумерского языка, его родство с каким-либо другим языком в настоящее время считается неустановленным².

Гипотеза Ф. Хоммеля³ о родстве шумерского с алтайскими языками (и даже с урало-алтайскими языками в целом) была поддержана советским историком С. П. Толстовым⁴, но все же остается недоказанной. Более того, случайные сопоставления у Ф. Хоммеля похоронили под собой «рациональное зерно» вроде соответствия шумерского *dingir* «Gott» древнетюркскому *tängri* «Himmel». Меня как тюрколога привлекла возможность заново проверить данную гипотезу, главным образом, в плане сравнения шумерской и исконно тюркской лексики⁵.

В результате удалось выявить более двадцати бесспорных лексических соответствий между шумерским и тюркскими языками, восходящих, таким образом, к прототюркскому языку или языковому состоянию еще до миграции «шумеров» в Двуречье (IV тысячелетие до н. э.):

DINGIR (*dinir, digir*) «бог» [древнейший изобразительный знак-символ «звезда — небо — бог»] — др.-тюрк. *tängri* «Небо; бог, божество», хакасск. *тигир* «небо», алтайск. *тенери* «небо, бог», якутск. *таңара* «небо, бог», казахск. *тәңір, тәңірі* «бог» или *зеңгір* «громадный, высокий, высочайший» (первоначальное *d — *δ* в анлауте⁶ закономерно давало *d*, *t* и *z*), уйгурск. *тәңри* «бог», чувашск. *турă* «бог, божество», ср. монгольск. *тэнгэр* «небо»;

DUMU «сын; дитя» — др.-тюрк. *tun* «первый» или *tun oçul* «первенец, первый ребенок», тувинск. *дун оол* «первенец», уйгурск., алтайск. и киргизск. *тун* «первенец», казахск. *түңғыш* «первый; первенец»;

UD «день; время» — др.-тюрк. *öd* — *oδ* «время», тувинск. *ви* «момент, время; сезон» (*j* и *d* > *t* — рефлексы первоначального *d — *δ* в ауслауте, характерные для тувинского языка; ср. др.-тюрк. *ed* — *eδ* «вещь, имущество, богатство» > тувинск. *эт* «1) имущество; 2) вещь (предмет) обихода; 3) выделка (кожи)» и каракалпакск. *ий* «1) дублирование, выделка (кожи); 2) закваска для дублирования кожи»);

DUG «хороший» — др.-тюрк. *idug* — *iδug* «священный, святой» (другое значение слова *iδug* — «отпущенный, вольный, предназначенный для жертвоприношения», отмечаемое Махмудом Кашгарским, позволяет видеть здесь отглагольное образование < *iδ* — «1) посылать; 2) пускать, 3) разносить, распространять»), тувинск. *ыдык* «1) уст. священный ошейник (надеваемый на

шею животного); 2) святыня; 3) *уст.* «священный», хакасск. *ызых* «1) миф духи рек, гор, долин; 2) *уст.* предмет преклонения, почитания (напр. гора, дерево, животное); 3) *уст.* «священный»⁸, киргизск. *мык* «1) священный, приносящий счастье; 2) *уст.* священное домашнее животное (пушенное в стадо с тем, чтобы его не резать и не употреблять в дело; местами лошадей из числа таких животных исключают); 3) лучшее из диких парнокопытных»⁹, чувашск. *ырă* «1) добрый, хороший, превосходный, здоровый; 2) добро, все доброе и хорошее; 3) хорошо, превосходно»¹⁰. Эти факты свидетельствуют о том, что *d, z, j* и *ɾ* в тюркских языках – частные рефлексы первоначального *d – *δ*, как это давно уже установлено в тюркологии¹¹. Некоторые звенья такой фонетической закономерности наблюдаются даже в пределах одного языка. ср. казахск. *сыдыр* – «сдирать, обдирать» и *сыдыр* – «1) снимать шкуру; сдирать (кору с дерева)» (др.-тюрк. *siδ ir-* «сдирать, снимать; облупливать»), *uzi* [iuzi] «добрый, полезный, благой» и *izgi* – *ezgi* «1) добрый, благой; 2) святой, священный, благочестивый» (др.-тюрк. *edgü* ~ *eδ gū* ~ *ejgū* «1) хороший, добрый; 2) хорошо; 3) в знач. сущ. добро, благо»);

UTU «солнце» (древнейшая шумерская идеограмма или, точнее, изобразительная логограмма¹², обозначающая это слово, ближайшим образом напоминает изображение солнечной лодки египетского бога Ра –) – отглагольное прилагательное *ūtū* с восстанавливаемым значением «палит, обжигает (жаром, зноем)» (исходная основа чувашск. *вѣтеле-* «1) палить, опалить, обжечь; 2) *перен.* пороть», турецк. *ütüle-* в значении «опалить (о животных)», но не турецк. *ütüle-* «утюжить, глазить утюгом» < турецк. *ütü* «утюг» < др.-тюрк. *ütük* «жаровой утюг» < др.-тюрк. *ütü-* «глазить», ср. турецк. *ütüte* «поджаренные зерна пшеницы») < *üt-* «палить, обжигать» («чагатайское» *üt-* «палить»¹³, чувашск. *вѣт-* «1) палить, опалить, обжигать, жарить (слегка); 2) *разг.* пороть, выпороть», башкирск. *от-* «палить, опаливать, опалить; обжигать, обжечь» > башкирск. *отөк* «1) гарь; 2) *перен.* заморыш») < **ū-* (ср. в чувашском языке непереходный глагол *ен-* «опалиться, пригорать, тлеть» > *енĕк* «паленый, горелый» – *енĕк* «диал. вечерняя заря» и, производный от него переходный глагол *ент-* «1) палить; 2) пороть, бить», ср. казахск., каракалпакск. *үйт-* «палить, опалить»¹⁴ – иначе говоря, древнейший глагольный корень **ū-* в прототюркском языке уже получил развитие в залоговых образованиях *ūt-*, *ūñ-* и *ūñt-*). Рассмотренное слово *ūtū*, возможно, непосредственно связано с монгольским *уд* «полдень»;

eden «степь» – казахск. *иен* [iien] «беспредельно обширный; плоский, ровный» и *еден* «пол» (< *ed ān), ср. тувинск., киргизск. *ээн* «пустынный, необитаемый, глухой, безлюдный», казахск. *ен* «широкий» (< *egan) Фонетическая закономерность *d – *δ* (*d, z, j*) – *g (*g* – нуль звука) нуждается в детальном изучении. Появление звука *g* в аналогичных случаях (например, др.-тюрк. *kidiz* – *kid iz* «кошма», тувинск. *кидис* «войлок; кошма», алтайск. *куйис* «кошма; вой-

лок» – узбекск., уйгурск. *кигиз* «кошма; войлок», хакасск. *киис* «кошма, войлок») К. Менгес¹⁵ трактует как «заполнение зияния», однако пересход $\delta >$ нуль звука без связующего звена *g* следует доказать. Существенным затруднением при этом может послужить то обстоятельство, что древнетюркскому *edür* – *eđar* «седло» соответствует не только уйгурское *eđar* «седло», узбекское *эдар* «седло», киргизск. *ээр* «седло» ($g >$ нуль звука), но и, по всей вероятности, шумерское *eger* «спина; зад» (см. ниже):

EGIR (*eger*) «спина; зад» (изобразительная логограмма – нижняя часть спины, седалище) – др.-тюрк. *edür* – *eđür* «седло», тувинск. *эзер* «седло», хакасск. *изер* «седло», турск. *eyer* «седло» и *egre* «потник (под седло)», «чагатайск.» *egär* «седло»¹⁶ > киргизск., алтайск. *ээр* «седло», казахск., каракалпакск. *ер* «седло» (значение «седло» возникло, очевидно, в результате «ассоциации по смежности» с первоначальным значением «седалище»);

IS «оруженосец» – др.-тюрк. *eš* – *iš* – *es* «друг, приятель, сподвижник» (в тех же фонетических вариантах представлено в современных тюркских языках);

U «сон» – др.-тюрк. *u* «сон»; якутск. *уу* «сон»;

üg ~ ukü «племя» – др.-тюрк. *uq* «род, потомство» (*on uq bodun* «народ десяти родовых подразделений, десятиплеменный народ» – название тюрков Семиречья в орхонских текстах)¹⁷, ср. монгольск. *уэ* «1) начало; возникновение; происхождение; 2) основание, корень; 3) суть, сущность; 2. главный, начальный, основной»¹⁸;

BARAG «святилище» – др.-тюрк. *barq* «1) здание, сооружение; 2) святилище, храм, жертвенное здание»¹⁹;

NIĠ «вещь» – др.-тюрк. *neġ* «1) вещь, предмет, дело; нечто; 2) вещи, имущество, богатство, средства существования; 3) какой-нибудь, любой; при отрицании никакой, какой бы то ни было»;

TAG «трогать» – др.-тюрк. *teg* «1) касаться, доходить, достигать; 2) настигать, поражать; 3) нападать», тувинск. *дег* «трогать, прикасаться; задевать», в сагайском диалекте хакасского языка *тиг* «задеть, коснуться», хакасск. *тең* «задеть, коснуться», киргизск., алтайск., казахск., каракалпакск. *тий* «1) касаться, прикасаться, трогать; 2) доставаться, перепадать; 3) нападать» (фонетическая закономерность $g \sim \eta \sim j$). Данный глагол, как обнаружил В. М. Иллич-Свитыч²⁰, имеет соответствия в дравидских и древних индоевропейских языках, перерастающие, следовательно, рамки шумеро-тюркских (алтайских) соответствий:

KUG «чистый» – др.-тюрк. *Quşeqin* (имя собственное)²¹, киргизск., алтайск. *куу* «белый; бледный, бледно-желтый (сухой, высохший)», каракалпакск., казахск. *куу* «1) белый; седой; бледный (напр. о лице); желтый (напр. о граве); 2) сухой, высохший» (*quw > quw > qiuw*);

SUG «болото, топь, трясина (вода)» — др.-тюрк. *suγ* ~ *sub* ~ *suw* «1) вода; 2) река», хакасск., тувинск. *суз* «вода», каракалпакск., казахск. *суу* «вода», киргизск., алтайск. *суу* «вода», уйгурск. *су* «вода», чувашск. *шыв* (*шу*) «вода, река» (*suγ* > *suw* > *suu*, причем в чувашском варианте отразилось древнее соответствие S - Š);

SAG (*saŋ, sag*) «голова; глава» (изобразительная логограмма — голова человека) — др.-тюрк. *saγun* «титул старших по возрасту у карлуков» или *ata saγun* «тигул тюркских знахарей»²², где к основе *saγ* наращен монгольский именной формант *-un*; киргизск. *saŋ* «(в эпосе) повелитель, хан» и казахск. *саңдақ*, (*саңлак*) «отборный, избранный, лучший». Термин *saγ* ~ *saŋ* «голова (глава)» восходит, вероятно, к алтайской общности: он лежит также в основе эвенкийских слов *сагдагу* «1) старший по возрасту; 2) староста; старейшина», *сагдаку* «старый (о животных)» и *сагдан-* «состариться»²³;

IL «зацеплять; запирать (?)» (изобразительная логограмма — левая нога зацеплена за правую) — др.-тюрк. *il-* «1) цеплять, подцеплять, зацеплять; 2) ловить», хакасск., казахск. *il-* «1) зацеплять, прицеплять; 2) подвешивать, вешать», уйгурск. *ил-* «1) зацеплять, зацепить; 2) вешать; 3) закрывать на крючок (дверь)», «чагатайск.» *il-* «запирать»²⁴;

GUD «бык» (изобразительная логограмма — символическое изображение головы быка или вола) — др.-тюрк. *ud* ~ *ud* «корова (в двенадцатилетнем животном цикле); бык», уйгурск. *уй* «вол, бык», киргизск. *уй* «корова; вол», алтайск. *уй* «корова (в двенадцатилетнем животном цикле)», сарыгюгурск. *уж* «бык (в двенадцатилетнем цикле)»²⁵. Последний пример указывает на малоизвестный рефлекс $\bar{z}$ первоначального *d - δ в ауслауте;

GIG «болезнь» — др.-тюрк. *ig* «болезнь»;

GAG «наконечник» (первичная изобразительная логограмма — клиновидный колышек или треугольник — превратилась в вавилонской клинописи в настоящую идеограмму или семантическую логограмму, т. е. знак ассоциирующихся понятий) — др.-тюрк. *γy* ~ *ay* «1) промежуток между бедрами в нижней части живота, пах; 2) промежуток между пальцами»²⁶, уйгурск. *ag* «клин (в брюках)», казахск. *ay* «клин у шаровар», каракалпакск. *агау* «челнок (в кустарном ткацком станке)». Отсюда видно, что первоначальное *g ~ γ (*g*) в ауслауте, как правило, дало в тюркских языках ноль звука, однако в случаях «вокализации» оно сохраняется (*γay* > *ay* - *ay* > *aw* или *ayay > *ayaw*);

GIS (*niš, giš*) «дерево» — др.-тюрк. *γyas* «дерево», туркменск. *агач*, казахск. *ағаш*, тувинск. *ыяш* (*ijaš* < *iyas* ~ *iγas*)²⁷, хакасск. *ағас*, в сагайском диалекте хакасского языка *ағыс*, (в результате процесса дифтонгизации) чувашск. *йывăç*,

уйгурск. *ягач*, киргизск. *жыгач* с одинаковым значением «дерево». Из анализа данных соответствий можно предположить прототюркский характер фонетических закономерностей $i - a$, $*g - \text{ʁ}(g) - \eta$ (в дальнейшем развились рефлексы j , w и v) и $s - \bar{s} - \bar{c}$. Совершенно ясно, что звук j в тувинском варианте не является первоначальным, вопреки предположению А. Г. Бнишева²⁸;

SAL «vulva; женщина» (изобразительная логограмма, соответствен-
но в хеттской клинописи идеограмма SAL) — чувашск. *шал* «внутренность; внутренний», тувинск. *шала* «пришивать пояс к верхней части юбки (штанов, брюк)» < *šal* (?), алтайск. *салаа* «1) приток (реки); разветвление (дерева, дороги); 2) промежуток между пальцами; перепонка между пальцами», киргизск. *салаа* «1) ложбина, ложбинка; 2) промежуток между пальцами; 3) палец» < *sal* + *ya*, ср. эвенкийск. *cālgā* «1) промежуток; 2) шаг, расстояние»²⁹;

ERĪN (*erēn*) «войско» — др.-тюрк. *erān* «муж, мужчина, воин»;

ER - IR (*ēr*) «membrum virile; мужчина» (изобразительная логограмма) —
др.-тюрк. *er* «1) мужчина; 2) муж, супруг; 3) муж, воин, герой», тувинск. *эр* «1) мужчина; 2) самец», алтайск. *эр* «1) муж; мужчина; 2) герой, храбрец», хакасск. *ир* «1) мужчина; 2) муж», чувашск. *ар* «мужчина; муж», ср. монгольск. *эр* «1) муж; мужчина; 2) самец»;

SILĀ «ягненок» (изобразительная логограмма — рожок барана — справедливо рассматривается А. А. Вайманом³⁰ в качестве прототипа раннего клинописного знака из архаического Ура) — хакасск. *сѣте* «холошенный баран», в кызыльском диалекте хакасского языка *сѣ* «чорт», тувинск. *шѣге* «баран (на втором году)» и др.

Вышеприведенные «шумеро»-тюркские соответствия, как мы попытались доказать, составляют определенную систему, объяснимую с позиций исторической фонетики тюркских языков. Принципиальные фонетические закономерности тюркских языков, благодаря этим соответствиям, предстают в исключительно сложной панораме развития от прототюркского языка или языкового состояния (некоторым образом письменные памятники рубежа IV—III тысячелетий до н. э. из Шумера, исключая памятники мертвого шумерского языка — священного языка семитов-вавилонян и ассирийцев вплоть до н. э.) — через древнетюркские диалекты — к современным тюркским языкам

Систематический характер древнейших шумерских совпадений позволяет предположить, что какая-то часть прототюрков Центральной Азии продвинулась в Двуречье³¹, обосновалась там и существенно повлияла на язык и, соответственно, на изобразительные логограммы протошумерских письменных памятников.

Данные наблюдения, изложенные в докладе на XII заседании Международной алтаистической конференции в Берлине, были опубликованы в 1974 г.²² Известный шумеролог А. А. Вайман (Отдел Востока Государственного Эрмитажа) еще в 1970 г. ознакомился с этим материалом и рекомендовал опубликовать его за рубежом в виде статьи, однако дружески отсоветовал включать шумеро-тюркские соответствия в докторскую диссертацию. В том же 1970 г. я неосторожно поделился своими предположениями с писателем и любителем истории Олжасом Сулейменовым. Затем появилась его нашумевшая книга «Азия» (Алма-Ата, 1975), где он заодно заявил: «Когда тебя за Шумер – в печень, ты стоишь за него, как за родину. Как за родину – отвечаешь» (с. 199). Однако вскоре ему пришлось выступить в партийной печати с публичным покаянием.

Запретная для советской тюркологии тематика тем временем успешно разрабатывалась за рубежом. В 1997 г. видный тюрколог О. Н. Туна опубликовал в Анкаре научное исследование под названием «Sümer ve Türk dillerinin târihiî ilgisî ile Türk dili'nin yaşı meselesi» [«Историческая связь шумерского и тюркского языков и проблема возраста тюркского языка»]. С автором названного труда, признанным историком языка, мы смогли встретиться и обменяться мнениями по данной проблеме на тюркологических конференциях в Алматы (1990 г.) и Анкаре (1993 г.). Новые факты неукоснительно свидетельствовали, что наш интерес к шумерскому материалу был закономерен и научно оправдан.

В результате многолетних изысканий, проведенных турецким коллегой (отчасти в ведущих университетах США), выявлено 16 звуковых соответствий между шумерским и древнетюркским языками с подтверждающими примерами для 165 шумерских слов. Фонетические соответствия типа начальный *g* - ноль звука, *d* - *d* > *j* в середине и конце слова, *g* - *γ* - *η* в середине и конце слова, прежде отмеченные нами, получили у него дальнейшее обоснование и объяснение. Например, *gi* «тростник»²³ - др.-тюрк. *i* «растение; заросли», *gaz* «давить, мять» - др.-тюрк. *ez* - «давить, мять», *gur* - *ur* «убирать урожай, жать» - др.-тюрк. *or* - «жать, косить», *gid* «удалять, устранять» - др.-тюрк. *id* - «посылать», *gišig* «дверь» - др.-тюрк. *ešik* «дверь», *gid* «дурной; вонючий, зловонный» - др.-тюрк. *id* - *jid* «запах», *udi* «спать» - др.-тюрк. *udi* - *uđi* - > *uju* - «спать», *sig* «превосходный, хороший» - *jeg* «хороший», *zag* «правая сторона» - *say* «правая сторона», *ağar* «свинец (металл)» - *aγr* «тяжелый, весомый», *bulug* «граница, предел, грань» - *buluη* «угол; страна света», *sig* «шерсть» - *jūη* «шерсть».

Между сравниваемыми языками заново выявлены, на наш взгляд, беспорные фонетические соответствия:

начальный *s* - *j* (*sar* «писать» - *jaz* - «писать», *sig* «превосходный, хороший» - *jeg* «хороший», *sulu* «дорога, путь» - *jol* «дорога, путь»).

начальный *n* - *j* (*na* - *nad* - «лежать» - *jat* - «лежать, ложиться», *nigin* «сумма» - *jūin* «куча, груда»):

начальный *d- ~ j-* (*dar* «колодь, раскалывать; рассекать; расщеплять» — *jar* «рассекать, расщеплять», *dip* «лента, тесьма» — *jip* «нить, тесьма; веревка»),
начальный *s- (š-)* — *š-* (*sag* «бить, ударять» — *šaq* «высекать (искру, огонь)»,
šab «разрезать, прорезать; перерезать» — *šap* «рубить; бить, хлестать, стегать»,
šulpaē «божество *Sulpaē*» — *šolpan* «утренняя звезда, планета Венера»),
š — *s* (*šid* «число, количество» — *san* «число количество», *eš* «дуть» — *es* «дуть»),

š — *l* (*uš* «основание, фундамент» — *ul* «основание, фундамент», *uš*, «мертвый; умирать» — *öl* «умирать», *aša(g)* «поле, большое пространство» — *alaṅ* «плоский, ровный (о местности)»),

r — *z* (*gur* «ломать, разбить» — *üz* «рвать, отрывать; отломить; ломать», *sur* «выжимать» — *süz* «очищать, процеживать», *har* «копать, рыть» — *qaz* «рыть, копать; выкапывать»),

начальный *d-* — *t-* (*dur* «сиденье, место» — *tör* «место против входа, почетное место», *dug* «разливать» — *tök* «лить, проливать; сыпать», *di* «говорить, разговаривать» — *te-* «говорить, сказать», *dingir* «бог» — *teṅri* — *täṅri* «Небо, бог, божество», *dag* «рассвет, утренняя заря» — *taṅ* «рассвет, заря»),

начальный *z-* — *s-* (*zag* «правая сторона» — *say* «правая сторона», *zae* «Вы» — *sen* «ты»),

начальный *z-* — *š-* (*zibin* «насекомое» — *šibin* — *šibin* «муха; комар»),

b — *m* (*tibira* «металл» — *temir* «железо»),

конечный *-n* — нуль звука (*mae* — *men* «я» — *ben* — *men* «я», *u* «десять» — *on* «десять»).

Ныне покойный О. Н. Туна пришел к исключительно важным выводам (приводятся в нашем переводе):

«1. Шумерский и тюркский языки в очень отдаленное время могли быть родственными или неродственными, этот вопрос нас здесь не интересует. Однако на основе данных 165 слов и необходимых пояснений доказано то обстоятельство, что в языковом аспекте между шумерами и тюрками обнаруживается историческая связь.

2. Установлено, что по меньшей мере в 3500 годах до н. э. тюрки обнаруживаются в восточной части Турции. Каковы были северные, восточные и западные границы этой (территории), я намерен осветить в другом исследовании.

3. Доказано существование тюркского языка как самостоятельного языка с двумя ветвями за 5500 лет до нашего времени. Если постоянно скорость распада от рождения до соприкосновения с шумерами, прототюркский или тюркский язык-основа, надо полагать, просуществовал огромный период прежде. Этот вывод можно сравнить с моим утверждением «его возраст, по минимальному подсчету, 8500 лет», выдвинутом в процессе исследований по тюркскому языку, археологии и глоттохронологии, в моей работе «Теория алтайских языков» («Altay Dilleri Teorisi», s. 52–55), завершенной в конце 1978 г. и опубликованной в августе 1983 г. Теперь эта цифра подтверждается. Ибо если принять в расчет предыдущий период от тюркского языка-основы до

его основных (отцветлений) – восточнотюркского и западнотюркского, минувшие с этого периода до нашего времени 5500 лет можно сложить вдвое.

4. Сегодня среди живых языков мира (именно) тюркский язык обладает древнейшими письменными свидетельствами. Это – заимствованные слова на шумерских клинописных табличках.

5. Одна из важнейших проблем теории алтайских языков – анахронизм в примерах, относящихся к l_2 , z , r_2 , $-z$, требует по этому вопросу внесения поправок в обратном направлении¹⁴.

¹ Falkenstein A. Das Sumerische. – Handbuch der Orientalistik Abt. I, Bd II, Absch. 1–2, Geschichte der Forschung, Sprache und Literatur, Leiden 1959, S. 9, 11, 14–15 (*sumeri* – искаженная аккадская передача собственно «шумерского» названия *kenger* или *keŋer*).

² Дьяконов И. М. О языках древней Передней Азии, «Вопросы языкознания», 1954, № 5, с. 47, 51, Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. Москва, 1967, с. 21, 83–84.

³ Hommel F. Ethnologie und Geographie des alten Orients. München, 1926, S. 19, 21–22.

⁴ Толстов С. П. Древний Хорезм Опыт историко-археологического исследования Москва, 1948, с. 76.

⁵ Шумерские слова, фонетический облик и значение которых, по-видимому, в достаточной степени установлены, рассматривались нами по уже названным исследованиям А. Фалькенштейна и И. М. Дьяконова, частично и по другим источникам (Deimel P. A. – Gössmann P. Sumerisches Lexikon I. Rom, 1947; Drüve G. R. Semitic Writing from Pictograph to Alphabet. London, 1948; Иванов В. В. Хеттский язык. Москва 1963). Тюркские слова из древнетюркских письменных памятников (твердо датируются начиная с VIII в. н. э., хотя некоторые недатированные тексты определенно тяготеют к более раннему времени) и современных тюркоязычных словарей, см.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, М – Л., 1951; Древнетюркский словарь. Л., 1969 и др.

⁶ Ср Иллич-Свитыч В. М. Алтайские дентальные: *ɬ*, *ɬ*, *ɬ* «Вопросы языкознания», 1963, № 6, с. 44.

⁷ Сат Ш. Ч. Тувинско-русский словарь. М. 1955, с. 563.

⁸ Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь. М., 1953, с. 330.

⁹ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1968, с. 925.

¹⁰ Егоров В. Г. Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1954, с. 288.

¹¹ Дмитриев Н. К. Соответствие *p//d//m//z//z//j//j*. – Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I, Фонетика», М. 1955, с. 326–328; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples (An Introduction to Turkic Studies). Wiesbaden, 1968, pp. 87–89.

¹² Относительно наиболее, на наш взгляд, обоснованной современной терминологии письма см.: Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965, с. 36, 39, 132.

¹³ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, I. СПб., 1893, с. 1863.

¹⁴ По-видимому, здесь отразилась фонетическая закономерность *h - j*. Заметим, что А. Габэн выдвигает основным критерием для классификации древнетюркских

диалектов именно различие звуков *л*, *л* и *ј* в анлауте и ауслaute некоторых основ, например: *alīy*, *alīy* и *ajūy* «дурной, злой: очень», *jal-* и *jaj-* «разогнать, рассеять; победить» (Gabaïn A. von, Altürkische Grammatik, Leipzig, 1950, SS. 3–8, 53).

¹¹ Menges K. H. Указ. соч. 90.

¹² Боровков А. К. «Бада'и' ал-дугат». Словарь Тали' Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961, с. 117.

¹³ Отождествление слов *иқ* «род, племя» и *оқ* «стрела» для древнетюркского языка орхон-енисейских текстов, по-видимому, противоположано, ср. тувинск. *ук* «род, порода, происхождение» и *ок* {*оык*} «пуля; стрела; снаряд», алтайск. *ук* «род, порода, племя, поколение, потомство» и *ок* «пуля, стрела, снаряд» (Н. А. Баскаков–Т. М. Тошаква, Ойротско-русский словарь, М., 1947, с. 166, 115).

¹⁴ Ринчинз А. Р. Краткий монгольско-русский словарь. М., 1947, с. 228.

¹⁵ Ср. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 28, 33, 35, 43, 368; Гумилев Л. Н. Древние турки. М., 1967, с. 329–330.

¹⁶ Иллич-Свитыч В. М. Соответствия смычных в ностратических языках. – Сб. «Этимология 1966», М., 1968, с. 331.

¹⁷ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959, с. 14, 18, 23, 98.

¹⁸ Махмуд Кашгарский. Диван лугат-ат-турк. I. Перевел (на узбекский язык) и подготовил к печати С. М. Муталлибов. Ташкент, 1960, с. 382.

¹⁹ Романова А. В., Мыреева А. Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка, Л., 1968, с. 134.

²⁰ Радлов В. В. Указ. соч., с. 1473.

²¹ Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 129.

²² Махмуд Кашгарский. Указ. соч., с. 109. Двойное написание этого слова *عَلُّ اُيُ* и *عَلُّ اُيُ* недвусмысленно указывает на «первичную» (т. е. необъясненную до сих пор) долготу в анлауте.

²³ Ср. др.-тюрк. *müñüz* – *miiñüz* – *miñüz* – *mijüz* «рог (животного)» и тувинск. мый-ыс «рог» {*ʃ < *g – ʃg*} – η|.

²⁴ Бишиев А. Г. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963, с. 68.

²⁵ Романова А. В., Мыреева А. Н. Указ. соч., с. 134.

²⁶ Вайман А. А. К расшифровке протошумерской письменности (предварительное сообщение). «Переднеазиатский сборник, II. Дешифровка и интерпретация письменностей древнего Востока», М., 1966, с. 12–13.

²⁷ Ср. Клима Й. Общество и культура древнего Двуречья. Прага, 1967, с. 27. «Начало шумерского проникновения в южное Двуречье можно отнести к концу IV и началу III тысячелетия до н. э.»

²⁸ Аманжолов А. С. «Шумеро-тюркские соответствия и изобразительные логogramмы». – «Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker», Protokollband der XII. Tagung der Permanent International Altaistic Conference 1969 in Berlin. Herausgegeben von G. Hazai und P. Zieme. Berlin, 1974, с. 65–71.

²⁹ Здесь и далее немецкий и английский переводы шумерских слов заменены нами на русский.

³⁰ Туна О. N. Sumer ve Turk dillerinin târihi ilgisi ile Turk dili'nin yaşı meselesi. Ankara, 1997, s. 49.

Главо X

ГЕНЕЗИС ТЮРКСКОГО
РУНИЧЕСКОГО
АЛФАВИТА

Происхождение тюркского рунического алфавита, несмотря на усилия нескольких поколений тюркологов, все еще остается проблематичным

Предположения о происхождении енисейских письмен, высказанные до их дешифровки, основывались лишь на зрительных, внешних совпадениях тюркских рун с готскими руническими (О. Г. Тихзен, Г. Роммель, Н. Попов) или с греческими, этрусскими и малоазийскими (Г. Спасский, Ю. Клапрот, О. Доннер) буквами¹. Когда Н. М. Ядринцев открыл орхонские рунические надписи, он также увидел в них «индоевропейский шрифт азбуки, давно напоминающей финикийское, готское, греческое и др. письма»².

Однако в XIX в. наука еще не накопила веских доказательств по данной проблеме. Поэтому В. Томсен имел свои основания заявить следующее: «Нало твердо помнить, что все подобные совпадения, таким образом, представляются как бы оптическим обманом. Только тогда, когда другими путями удастся определить значение письмен, подобные сопоставления с другими алфавитами представят интерес для происхождения этих письмен»³.

Предположение же А. Шифнера⁴ о самостоятельном происхождении неразгаданных енисейских письмен из тамг имела, по существу, характер уравнения с двумя неизвестными.

Дешифровщик тюркского рунического алфавита В. Томсен⁵ ориентировочно возводил орхонский алфавит к арамейскому, точнее к его разновидности — пехлевинскому (персидско-арамейскому) буквенному письму. Гипотеза В. Томсена об арамейской (арамейско-пехлевийской и арамейско-согдийской) основе тюркского рунического алфавита построена на весьма далеких аналогиях для некоторых (около половины) знаков орхонского алфавита. Заметим сразу, что тюркские руны обнаруживают гораздо большее сходство с древними финикийско-арамейскими буквами, отнюдь не с пехлевийскими и согдийскими. К сожалению, некритическое отношение к гипотезе В. Томсена наблюдается и поныне. Примером может служить ничем не подтверждаемое предположение С. Г. Кляшторного⁶ о том, что тюркское руническое письмо было заимствовано в V в. у согдийцев Ганьсу и Гаочана.

О. Доннер⁷ после дешифровки В. Томсена справедливо рассматривал различия между енисейскими и орхонскими знаками как показатель длительного периода развития тюркского рунического алфавита, но в то же время бездоказательно утверждал, что орхоно-енисейское письмо возникло у уйгуров, тюрков и кыргызов в IV в. на основе индобактрийского (иначе индоскифского, арийского, бактрийского) письма «кхарошти», известного тогда по надписям на скалах и монетах (III в. до н. э. — II в. н. э.). На поверку становится очевидным, что между тюркскими рунами и знаками письма кхарошти никаких близких соответствий нет⁸.

Наконец, догадка Ф. Альтхайма⁹ о том, что древнетюркские (и «прото-булгарские») руны происходят от армазского арамейского письма, которое тюркоязычные гунны, якобы, перенесли на Кавказе на рубеже III–IV вв. так-

же не подкреплена конкретными фактами¹⁰ и наглядными соответствиями письменных знаков.

В противовес гипотезе В. Томсена русский востоковед Н. А. Аристов¹¹ заново обосновал гипотезу А. Шифнера о местном тамговом источнике тюркских рун. Н. А. Аристов обнаружил внешнее сходство с тюркскими тамгами у 29 из 38 знаков орхонского алфавита. В дальнейшем эта гипотеза была поддержана Н. Маллицким¹² и А. Соколовым¹³. К мнению о происхождении орхоно-енисейского письма из «местных тамг и других идеограмм» в наше время склонялся И. А. Батманов¹⁴.

Как правило, каждая родоплеменная тамга у тюркоязычных народов имела свое наименование, соответствующее изобразительной форме знака (последняя часто связана с конкретными предметами). Например, у казахов тамга рода балталы или называется *балта* «топор», тамга рода баганалы   или — *бақан* «шест с раздвоенным концом», тамга племени конграт — *босага* «порог», тамга племени канглы — *көсеу* «кочерга» и т. д. Если удастся когда-нибудь установить первоначальные наименования, словесные значения древних тамговых знаков (изобразительных логограмм), гипотеза А. Шифнера — Н. А. Аристова может приобрести несколько большую правдоподобность. Случайные внешние сопоставления тюркских рун с тамгами и другими древними знаками малоубедительны.

Следует отметить, что В. Томсен¹⁵ и Е. Д. Поливанов¹⁶ допускали возможность идеографического происхождения некоторых тюркских рунических знаков, не возводимых к арамейскому алфавиту. Предлагая тюркские этимологии для рунических знаков j, ĵ (aj «луна, месяц»), q, q (oq «стрела») и b, 'b (eb «жилище, юрта»), В. Томсен одновременно считал весьма сомнительными подобные этимологии для рунических знаков l, l (el «кисть руки»), r, 'r (er «муж, мужчина»), n, 'n (en- «спускаться, сходить», ср. en «низ, спуск»), y, 'y (ay «силос, ловушка, рыболовная снасть»). t, 't (at «лошадь») и š, 'š (ešik «дверь»). Пока трудно сказать, в какой степени тюркские руны обязаны своим происхождением идеограммам (точнее, изобразительным логограммам), ибо их палеография все еще недостаточно изучена. Тем не менее, есть достаточные основания предполагать, что специфические рунические знаки m, ll, rll, ll, ll, ll непосредственно восходят к добуквенному письму

Турецкий ученый А. Дж. Эмре¹ попытался представить тюркский рунический алфавит как развитие идеографического письма, родственного шумерскому линейному: ↓ ↑ оq, 'q «стрела» – шумерск. ↓ СТРЕЛА. 𐎧𐎫 k', köz «глаз» – шумерск. 𐎧𐎫 ГЛАЗ. 𐎧𐎫 d. adaq «нога» – шумерск. 𐎧𐎫 НОГА. 𐎧𐎫 D j, ja(j) «лук» – шумерск. 𐎧𐎫 ЛУК. 𐎧𐎫 s. ešik «дверь» (турецк. eşik «порог») – шумерск. 𐎧𐎫 ЗАГОН. M lt - ld, alt «низ» – шумерск. 𐎧𐎫 НИЖНЯЯ ЧАСТЬ ТЕЛА (человека) и др. Внешнее сходство некоторых знаков различных идеографических (логографических) письменностей объясняется, как правило, сходством изображаемых предметов, поэтому подобные сравнения недостаточно убедительны.

Согласно гипотезе английского исследователя Дж. Клосона¹⁸, тюркский рунический алфавит был, якобы, изобретен в третьей четверти VI в. по распоряжению Истеми-кагана и составлен как своего рода тайнопись на основе произвольно измененных арамейских (пехлевийских, согдийских) и греческих (византийских, эфталитских) букв. Ссылка на вымышленного «изобретателя» свидетельствует о несерьезном подходе Дж. Клосона к нерешенной проблеме. В сущности, это – попытка отстраниться от изучения исторического развития и естественных генетических связей тюркского рунического алфавита, неоднородного в своих локальных разновидностях.

Генетические связи тюркских рун все еще не получили научного освещения. В. Томсен дал изменно дешифровку, а не интерпретацию тюркского рунического (орхоно-енисейского) алфавита, истинное происхождение которого осталось неизвестным. Наука пока не установила ни подлинного возраста тюркского рунического письма, ни его непосредственного источника.

Как отмечено выше, предположения о происхождении орхоно-енисейского письма не подкреплялись действительно близкими соответствиями сопоставляемых письменных знаков¹⁹.

Вместе с тем, выявились сторонники экзогенного происхождения тюркского рунического алфавита (В. Томсен, О. Доннер, Ф. Альтхайм, Дж. Клосон) и сторонники эндогенного происхождения этого письма (Н. А. Аристов, А. Дж. Эмре).

В качестве интерпретатора гипотезы В. Томсена сравнительно недавно выступил известный иранист В. А. Лившиц²⁰, по мнению которого основным источником («исходным материалом для рабочих прототипов») орхонского алфавита явилась довольно поздняя разновидность согдийского курсивного письма, адекватная древнеуйгурскому алфавиту. В. А. Лившиц производит тюркские (орхонские) руны от букв новосогдийского письма посредством «реконструкции графических прототипов в процессе создания рунического алфавита»²¹. Так, согдийская буква 𐰃𐰄 δ (δ, θ, L) посредством трех «ре-

конструкций $\text{Y} \rightarrow \text{X} \rightarrow \text{X}$, $\text{Y} \rightarrow \text{X} \rightarrow \text{Y}$, $\text{Y} \rightarrow \text{Y} \rightarrow \text{Y}$ превращается в тюркские рунические знаки X^d , Y^l , Y^r . Думается, что если вооружиться этим методом, то трудно будет избежать субъективности в решении вопроса. Во всяком случае, версия о согдийской основе тюркских рунических знаков нуждается в более веских доказательствах.

Углубленное изучение эпиграфических находок на территории Казахстана позволяет выявить древнейшие памятники письменной культуры далеких предков тюркоязычных народов. Существование алфавитной письменности у раннекочевых племен Южной Сибири и Казахстана подтверждается, по меньшей мере, двумя руническими или руноподобными надписями из захоронений V–IV вв. до н. э.²² Это – надпись на костяной бляхе из долины р. Иртыш и надпись на серебряной чашечке из долины р. Или. Названные надписи, судя по всему, сделаны на древнетюркском языке и относятся к довольно ранней разновидности тюркской руники, тесно связанной с алфавитными письменностями Средиземноморья середины I тысячелетия до н. э.

В долине р. Или были обнаружены две наскальные надписи на древнегреческом алфавите²³. Языковая принадлежность одной из них под сомнением, а другая является тюркоязычной. Обе надписи были составлены в I тысячелетии н. э. (арханческие начертания букв, направление письма справа налево). Невольно напрашивается аналогия с тюркским руническим алфавитом, на котором составлены таласские, енисейские и орхонские надписи. Палеографически эти надписи также могут быть отнесены к середине I тысячелетия до н. э., что указывает на относительную стабильность тюркского рунического письма. Незаурядная историческая судьба древнегреческого алфавита в Семиречье так или иначе свидетельствует о древнейшей письменной традиции тюркоязычных племен.

В настоящее время появилась возможность вплотную подойти к решению проблемы происхождения (генетических связей) тюркских рун, основываясь на систематическом изучении графики древнетюркских рунических надписей и новых данных тюркской эпиграфики. От правильного решения этой узловой проблемы во многом зависят перспективы развития тюркологии²⁴.

Ареалы распространения и хронологические рамки тюркской руники. в основном, соотносятся с древнетюркской государственностью VI–X вв., хотя отдельные надписи изредка обнаруживаются в курганах эпохи ранних кочевников (Иртыш, Или, Янк). В Центральной Азии к настоящему времени обнаружено около трехсот древнетюркских рунических надписей. Династийные орхонские эпитафии относятся к VIII в., енисейские и таласские надписи, как правило, не имеют надежной датировки. По традиции считается, что некоторые енисейские и таласские надписи значительно старше орхонских надписей. С. Е. Малов полагал, что енисейские надписи относятся к V–X (XI) вв., а таласские надписи к V–VIII вв.²⁵ Таласские надписи-эпитафии на валунах, как

показали археологические раскопки, появились уже в V в.²⁶, во всяком случае, задолго до X в.²⁷

Высказывания некоторых исследователей о том, что тюркское руническое письмо на Енисее и Таласе появилось позже, чем на Орхоне, представляются недостаточно обоснованными²⁸. Так, по мнению И. В. Кормушина, все без исключения енисейские памятники написаны не ранее середины X—XI вв.²⁹. Но поскольку выделяемые И. В. Кормушиным датирующие графические приметы не соответствуют эволюции тюркского рунического алфавита и весьма уязвимы с чисто палеографической стороны (монументальное письмо возводится к курсивному, хотя даже в рукописях тюркские руны не принимали подлинно курсивных форм), он вынужден признать, что эти «приметы иногда вступают в противоречие друг с другом»³⁰. Некоторые енисейские надписи-эпитафии, как свидетельствуют выражения *turk qan balbal* «балбал тюркского хана» (E 32₁₀), *ben oltim turgas el icinta* «я умер в тюркешском государстве» (E 37) и др., составлены не позже середины VIII в., до свержения тюркской и тюркешской династий. Кстати в этих памятниках многократно употребляется рунический знак t, который является для И. В. Кормушина основной датирующей приметой памятников не старше середины IX в.

Графика таласских, енисейских и орхонских надписей свидетельствует о том, что тюркский рунический алфавит, неоднородный в своих локальных разновидностях, имеет длительную историю развития и в общих чертах отражает звуковую систему древнетюркского языка³¹.

* * *

Для объективного решения вопроса о генезисе тюркского рунического алфавита, месте и времени его создания, требуется всесторонний анализ палеографии этого алфавита в тесной связи с историей культурных контактов древнего мира, с историей сложения тюркского этнического типа. Уместно привести следующее замечание С. Е. Малова: «В вопросах хронологии у нас, в тюркологии, еще много установившихся трафаретов, отчасти для известного времени и известных географических пространств вполне справедливых. [...] В своей классификации тюркских языков я, в итоге своих занятий, отодвинул появление тюркских языков в том самом виде, как мы их теперь встречаем, на две с половиной тысячи лет вглубь от нас»³².

В начале I тысячелетия до н. э., по данным археологии, пастушеско-земледельческие племена эпохи бронзы, населявшие степи Южной Сибири и Казахстана (так называемые «племена андроновской культуры»), переходят к более прогрессивному, кочевому скотоводству. В V—IV вв. до н. э. у ранних азиатских кочевников почти завершается переход к употреблению железа. Эти кочевые племена принадлежали к так называемому андроновскому антропологическому типу³³, легшему в основу антропологического типа казахов, каракалпаков, киргизов, алтайцев, отчасти узбеков и др. Усиление экономических связей и стремление защитить свои стада и пастбища вели к объединению

кочевых племен в военно-племенные союзы, в которых шел процесс сглаживания племенных различий и слияния племенных языков.

На территории Казахстана и Средней Азии в VII–IV вв. до н. э., как свидетельствуют древнегреческие историки (Геродот и др.) и персидские клинописные надписи Дария I, существовало несколько объединений скифо-сакских племен, которые различались своими особыми названиями, территориально, образом жизни (кочевые, охотничьи и оседлые племена), этнически и, вероятно, по языку. «Этническая проблема скифов, — констатировал А. Н. Бернштам, — не вышла за пределы гипотез. Спор о тюркизме или иранизме скифов столь же древен, как и самая ориенталистика. Решение этих проблем содержится в археологических материалах»³⁴. Нельзя не отметить, что применение термина «скифы» по отношению к автохтонам Алтая и Семиречья само по себе проблематично (это не регион «Скифии» Геродота) и отнюдь не служит доказательством их ираноязычности. Иногда тюркский этногенез непосредственно связывается с кочевым скотоводством, монгольский этногенез — с охотничьим хозяйством, иранский этногенез — с земледельческой культурой³⁵. Такой упрощенный подход мало оправдан. «У всех восточных племен, — писал К. Маркс, — можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»³⁶.

По свидетельству китайских исторических хроник, на месте сакских племенных объединений в III–I вв. до н. э. появляются кочевые племенные союзы усунь, кангюй и юэчжи. В Центральной Азии с конца III в. до н. э. по I в. н. э. существовало объединение 24-х кочевых племен гуннов (хунну, сюнну). Тюркоязычные гунны вытеснили племена юэчжи и усунь с востока на запад. Усуни в I в. до н. э. занимают область Тянь-Шаня и Семиречья. Юэчжи, которых Л. Н. Гумилев³⁷ отождествляет с носителями пазырыкской культуры на Алтае, основали в I в. н. э. на Амударье Кушанское государство. Племена кангюй, согласно китайским источникам, обитали в средней и нижней долинах Сырдарьи (II в. до н. э. — VII в. н. э.).

Тюркоязычность династийного племени усуньского союза доказывалась Ф. Хиртом³⁸, К. Сиратори³⁹, Н. А. Аристовым⁴⁰ и другими исследователями из анализа китайских транскрипций усуньских слов (kün beg, uluq, taqan и др.). «Наличие тюркских слов в языке древних усуней III–I вв. до н. э., — отметил Ю. А. Зуев, — ставит под сомнение общепринятую в советской исторической литературе точку зрения о так называемой «тюркизации» местного населения Казахстана и Средней Азии гуннами (китайское сюнну), начавшейся в I в. до н. э.»⁴¹.

Исследования археологов позволили установить, что между носителями локальных культур Южной Сибири и Ближнего Востока в I тысячелетии до н. э. существовали многообразные и глубокие культурные взаимосвязи⁴². Наиболее наглядно это проявилось в прикладном изобразительном искусстве скифских или сакских племен.

Палеографический анализ приводит к выводу о весьма ранней дате сложения тюркского рунического алфавита в Южной Сибири и Семиречье — не позже середины I тысячелетия до н. э. Этот алфавит обнаруживает близкую генетическую связь, во-первых с ранними типами древнегреческого алфавита (особенно с малоазийскими и италийскими) и, во-вторых, с северносемитско-финикийским (в том числе с ранним арамейским) и южносемитскими алфавитами⁴³. В какой-то мере это согласуется с археологическими данными о глубоких культурных связях ранних кочевников Южной Сибири и Семиречья с населением Передней Азии в I тысячелетии до н. э.

Арамейский алфавит как ответвление финикийского также имеет некоторое сходство с тюркским руническим алфавитом, хотя оба они, по-видимому, находятся лишь в косвенном родстве. Близость начертания готских (обшегерманских) и тюркских рунических знаков, дополняемая изредка и совпадением звукового значения, можно объяснить их связью с системой древнегреческого или еще более раннего буквенного письма.

Богатый арсенал графических знаков тюркской руники мог быть выработан только за длительный период развития. Эти буквенные знаки, конечно, не собирались по-отдельности из ранних алфавитов Средиземноморья. Вряд ли можно считать ранние семитские, древнегреческие, италийские и малоазийские аналоги в этом алфавите прямыми заимствованиями, ибо существовал, по-видимому, древнейший общий источник алфавитного письма. Тюркский рунический алфавит в целом не восходит ни к одному из известных нам ранних алфавитов Средиземноморья, несмотря на генетическую связь отдельных их букв.

Тюркский рунический алфавит выступает как очень богатая и вполне самостоятельно сложившаяся графическая система. Было бы в корне ошибочно считать его продуктом индивидуального творчества. Тесная генетическая связь тюркских рунических знаков с ранними семитскими, древнегреческими, италийскими (этрусскими, пизенскими, мессапскими, венецкими, ретскими) и малоазийскими (карийскими, ликийскими, лидийскими, сидетскими) буквами объясняется тем, что тюркский рунический алфавит, прошедший весьма длительный путь развития, по-видимому, непосредственно восходит к древнейшему общему источнику алфавитных письменностей. Таким источником могло быть какое-то раннее логографическое или алфавитное письмо III—II тысячелетии до н. э.

Следует особо заметить, что язык, будучи главным социальным фактором и важнейшим этническим признаком (в данном случае язык автохтонного населения), неизменно должен приниматься во внимание при изучении этнических и историко-культурных общностей Центральной Азии. Убежденным сторонником автохтонности тюркоязычного населения Центральной Азии (на основании четко прослеживаемой преемственности археологических культур эпохи неолита, бронзы и раннего железа на территории Южной Сибири и Казахстана) выступал А. Х. Маргулан⁴⁴. Языковые контакты в этом регионе

весьма глубоки и многообразны. Тюрки издавна общались не только с остальным алтайским языковым миром, но и с носителями различных индоевропейских языков.

Не исключено, что проблема тюркского алфавита так или иначе смыкается с гипотезой о древнейшей генетической общности тюркских языков с индоевропейскими, получающей все большее лингвистическое подтверждение⁴⁵, и имеет тенденцию перерасти в вопрос о происхождении алфавита вообще.

Опыт сравнения древнетюркских рун с родственными буквенными знаками ранних алфавитных письменностей Средиземноморья представлен в таблице III, которая может рассматриваться как рабочий план для будущих исследований⁴⁶. Тюркские рунические знаки (графемы) в этой таблице сгруппированы на основании намечаемых палеографических и фонологических связей, что позволяет проследить эволюцию тюркского рунического алфавита от первоначально немногих исходных знаков до исключительно богатой и целостной графической системы, своеобразно отразившей длительную историю развития фонетической системы древнетюркского языка и вместе с тем обнаруживающей генетическую (материнскую) близость с ранними алфавитами Средиземноморья.

Знаки для гласных в тюркском руническом алфавите, как известно, были полифонными. Одинаковыми знаками обозначались негубные широкие гласные фонемы а и ā, негубные узкие гласные фонемы і и і̄, губные твердые фонемы о и u, губные мягкие фонемы ö и ü. В древнейшей надписи на илийской чашечке, рассмотренной выше, губные гласные фонемы передавались одним знаком Ч. Следовательно, дифференциация знаков для твердых и мягких губных гласных не была изначальной.

На основании сравнительного анализа можно предположить, что тюркские рунические знаки для гласных восходят к общему прототипу , когда-то обозначавшему начальный шелевой согласный звук типа *h (вероятно, вариант фонемы *k) перед различными гласными. Этот начальный звук (по-видимому, восходит к общеалтайскому *p-) не зафиксирован в языке древнетюркских рунических надписей, однако его следы обнаруживаются в отдельных тюркских языках⁴⁷. Постепенная утрата согласного звука *h- в языке племен, унаследовавших древнюю письменную традицию, обусловила появление и последующее обособление звуков для гласных архифонем А (а, ā), І (і, і̄) и U (о, u, ö, ü) вероятно, под влиянием близких знаков для согласных , , . Вместе с тем, тюркские рунические знаки , , , , , (отсюда > о, u) обнаруживают близкую генетическую связь со знаками для согласных *(a), j, w в семитских алфавитах.

Буквенные обозначения твердых и мягких вариантов согласных фонем в тюркском руническом алфавите, как уже отмечалось, зачастую подвергались

нейтрализации (исключение представляют лишь знаки для *q* и *k'*). Более того, буквенные обозначения твердых и мягких вариантов согласных фонем обычно связаны и генетически. Например, рунический знак *b* развился из *b'*, рунический *D j* развился из *q p j'*, рунический знак *n* развился из *n'*. Поэтому в историческом плане целесообразно рассматривать тюркские рунические знаки для согласных как графические обозначения фонем, независимо от их звуковых реализаций в слове.

Тюркские рунические знаки, обозначающие согласные фонемы, можно разбить на три внутренние связанные палеографические группы: 1) знаки для губно-губных смычных согласных фонем *b*, *p*, *m*; 2) знаки для переднеязычных согласных фонем *d*, *t*, *z*, *s*, *š*, *č*, *n*, *l*, *g* и среднеязычной шелевой согласной фонемы *j*; 3) знаки для заднеязычных смычных согласных фонем *g*, *k*, *ŋ*.

Знаки первой группы восходят к своим прототипам *b'* (*-*p'*) и *m*. Близость начертаний этих прототипов, по-видимому, обусловлена древним фонетическим соответствием *b* (*p*)–*m*. Предполагаемый первоисточник – изобразительная логограмма *bel* «рыба», ср. тувинск. *bel* «таймень (рыба)», хакасск. *pil* «таймень (рыба)».

Нельзя не отметить, что финикийский знак *b* представляет собой более поздний графический вариант по сравнению с енисейским *b'*, орхонским *b'* и таласским *b'*.

Знаки второй группы включают в себя прототипы *d'* (*-*t'*), *d* (*-*t*), *z* (*-*s*), *s*, *č* (ср. знаки для *š*), *n'*, а также довольно архаичные знаки для *l'*, *g'* и *q p j'*.

Среди этих знаков иногда можно обнаружить древние изобразительные логограммы *tānri* (шумерск. *diŋir*) «Небо; бог, божество», ср. казахск. *тәңір*, *тәңірі* «бог» или *зеңгір* «громадный, высокий, высочайший», каракалпакск. *диң аспанда* «очень высоко, на самом небе» (фонетическое соответствие *t-d-z* в начале слова), *adaq* «нога (ноги); продовольствие, корм» (изображение подножного корма, листвы), *as-as* «еда, пища» (изображение хлебного колоса), ср. алтайск. *аш* «пища; хлеб (в колосьях)», киргизск. *аш* «пища; плод (диких растений)»; *šip*, *šibiq* «прут,

(сита, решетка)». Генетическая связь орхонского знака для $\bar{n}$ (nj) с орхон-енисейскими знаками для $\underline{n\check{c}}$ подтверждается древним фонетическим соответствием $\bar{n}$ (nj)– $\underline{n\check{c}}$.

Наконец, начертания знака словораздела в тюркских рунических надписях (обозначение границ между словами не было регулярным) обнаруживают большее разнообразие, чем соответствующие финикийские, древнегреческие, карийские и этрусские.

Палеографические и фонологические связи тюркских рунических знаков (графем) свидетельствуют о длительной эволюции тюркского рунического письма в процессе становления древнетюркской речи, завершившемся в общих чертах не позже IV–I тысячелетий до н. э. Следовательно, тюркский рунический алфавит, история и генетические связи которого получают принципиально новое освещение, может стать исключительно важным источником для исторической фонетики тюркских языков.

¹ T u c h s e n О. Н. Schreiben an Pallas 19 Febr. 1786 über alte unbekannte Steinschrift in Sibirien. «Neue nordische Beiträge», т. V, SPb., 1793, SS. 237–245; С п а с с к и й Г. И. Записки о сибирских древностях. О древних сибирских начертаниях, «Сибирский вестник», СПб., 1818, с. 13–14; В о с т о к о в А. О сходстве начертаний, найденных в Сибири на камнях, с таковыми же найденными в Германии. «Сибирский вестник», СПб., 1824, ч. I, с. 1–8 (перевод и комментарий рецензии Г. Роммеля из «Göttingische gelehrte Anzeigen», № 204, 1823 – «De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis», Petropoli, 1822); K l a p r o t h J. Memoires relatifs a l'Asie. (Sur quelques antiquités de la Sibirie). Paris, 1824, p. 159; П о п о в Н. О рунических письменах в Минусинском крае - «Известия Сибирского отдела Русского географического общества», т. V, № 2, Иркутск, 1874, с. 53–55; D o n n e r O. Inscriptions en caractères de l'Énissée. Systeme d'écriture. Langue. – «Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition Finnoise. 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne», Helsingfors, 1892, pp. XL–XLIV (XXXIX–XLIX).

² Я д р и н ц е в Н. М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. по поручению Восточно-Сибирского Отдела Императорского Географического общества (географический дневник). – Сборник трудов Орхонской экспедиции, I. СПб., 1892, с. 106.

³ Т о м с е н В. Дешифровка орхонских и енисейских надписей. «Записки Восточного отделения Русского археологического общества» (ЗВО РАО), т. VIII, вып. III–IV, СПб., 1894, с. 332 (перевод В. Р. Розена с французского – T h o m s e n V. Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Énissée. Notice préliminaire. Extraî du «Bulletin de l'Académie R. des Sciences et des Lettres de Danemark, 1893, N 3, Copenhagen, 1894).

⁴ S c h i f f n e r A. Über verschiedene sibirische Eigentums-Zeichen. «Mélanges russe», vol. . IV, 1858, p. 2.

⁵ Т о м с е н В. Дешифровка орхонских и енисейских надписей, с. 337: «Определенно говорить о происхождении нашего алфавита было бы преждевременно. Я пока позволяю себе только обратить внимание на сходство некоторых знаков со знаками

алфавита (семитско-)пехлевийского»; Thom sen V Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. «Memoires de la Société Finno-Ougrienne» (MSFOu), V, Helsingfors, 1894–1896, pp. 49–50; Thom sen V L'alphabet runiforme turc. Samlede Afhandlinger, III Bind, Kobenhavn, 1922, pp. 73–77.

¹ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 49.

² Д о н п е г О Sur l'origine de l'alphabet turc du nord de l'Asie. «Journal de la Société Finno-Ougrienne» (JSFOu), XIV, 1, Helsingfors, 1896, pp. 17, 21, 70.

³ J e n s e n Н Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, 2. neubearbeitete und erweiterte Auflage, Berlin 1958, SS 343–344, Abb. 343.

⁴ A l t h e i m F Geschichte der Hunnen, Bd I, Kapitel II («Hunnische und alttürkische Runen»), Berlin, 1959, SS. 284–286, 437.

⁵ В этом мы согласны с С. Г. Кляшторным, ср. Кляшторный С. Г. Древнетюркские памятники как источник по истории Средней Азии, с. 46.

⁶ А р и с т о в Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, в также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», вып. III–IV, СПб., 1894, с. 419–420; А р и с т о в Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III–IV, СПб., 1896, с. 418, 420.

⁷ М а л л и ц к и й Н. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», год III, Ташкент, 1897–1898, с. 43–47.

⁸ С о к о л о в А. От камня к печатному станку. «Культура и письменность Востока», Баку, 1928, II, с. 116, 118.

⁹ Б а т м а н о в И. А. и К у н а а А. Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. I Кызыл, 1963, с. 8.

¹⁰ Thom sen V L'alphabet runiforme turc, pp. 78–79.

¹¹ П о л и в а н о в Е. Д. Идеографический мотив в формации орхонского алфавита. Отд. оттиск из «Бюллетеня Среднеазиатского государственного университета» (Ташкент), № 9, 1925, с. 177–179. «Буквенные этимологии» (↓ оq, D аj), — писал там же Е. Д. Поливанов, — говорят только за то, что данные буквы созданы в турецкой среде, в расчете на турецкий язык письменности...»

¹² E m g e А. С. Eski türk yazisinin menşegi. Istanbul, 1938, s. 19, 48, 50–52.

¹³ C l a u s o n G. The origin of the Turkish «runic» alphabet. «Acta Orientalia» (Havniae), XXXII, 1970, pp. 55, 59–60.

¹⁴ Критический образ этих гипотез см. А м а н ж о л о в А. С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореферат докт. дисс., Алма-Ата, 1975, с. 54–57.

²⁰ Лившиц В. А. Происхождение древнетюркской рунической письменности. Сб. «Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тезисы докладов и сообщений. Всесоюзная тюркологическая конференция, 27–29 сентября 1976 г.», Алма-Ата, 1976, с. 64

²¹ Там же, с. 68–69 (таблица).

²² Аманжолов А. С. Еще раз об иртышской рунической надписи, «Вестник АН Казахской ССР», 1967, 9(269), с. 66–70; Аманжолов А. С. Рунолодобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты, «Вестник АН Казахской ССР», 1971, 12(320), с. 64–66; Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика, ч. III (наглядный материал — иртышские, илийские и сырдарьинские надписи). Алма-Ата, 1985, с. 5–16, 31–39.

²³ Amanzholov A. S. An «Ancient Greek» inscription from the region of Alma-Ata, «Archiv Orientalni» (Praha), 1967, 35/1, pp. 89–94; Amanzholov A. S. Forefather goat of ancient Turkic inscription in early Greek alphabet, «Archiv Orientalni» (Praha), 1974, 42/1, pp. 33–36.

²⁴ Основные положения принципиально новой разработки этой проблемы опубликованы, см.: Аманжолов А. С. К истории тюркского рунического алфавита. Сб. «Қазақ тілі мен әдебиеті» [«Казахский язык и литература»], вып. 5, Алма-Ата, 1974, с. 98–100; Аманжолов А. С. Проблема происхождения тюркского рунического алфавита. Сб. «Қазақ тілі мен әдебиеті» [«Казахский язык и литература»], вып. 8, Алма-Ата, 1976, с. 59–71; Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун. «Вопросы языкознания», 1978, № 2, с. 76–87.

²⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии М.–Л., 1959, с. 63, 74–75.

²⁶ Heikel H. J. Altertumer aus dem Tale des Talas in Turkestan. «Travaux ethnographiques de la Societe Finno-Ougrienne», VII, Helsinki, 1918, II I и II: 14.

²⁷ Вишник Д. Н., Кожемяко П. Н. Памятники древнетюркской письменности урочища Айрам-Ой. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)», Фрунзе, 1962, с. 9–10.

²⁸ Убедительную критику таких утверждений, идущих вразрез с очевидными фактами, см.: Батмапов И. А. О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности, «Ученые записки Тувинск. НИИЯЛИ», X, Кызыл, 1963, с. 294.

²⁹ Кормушин И. В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии, «Советская тюркология», 1975, 2, с. 38, 45, 47.

³⁰ Там же, с. 45.

³¹ Подробнее это освещено в главе I данной монографии, отчасти в прежних публикациях, см.: Аманжолов А. С. Графика таласских, енисейских и орхонских надписей, Сб. «Қазақ тілі мен әдебиеті», 3, Алма-Ата, 1973, с. 16–26; Аманжолов А. С. Интерпретация некоторых рунических знаков, «Ученые записки Тувинск. НИИЯЛИ», XVI, Кызыл, 1973, с. 163–168; Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика (методическая разработка). Алма-Ата, 1980 [ч. II].

¹⁰ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 74.

¹¹ Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I. Алма-Ата, 1956, с. 159, 170—171; Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения юго-восточного Казахстана. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959, с. 269; Исмагулов О. Антропологическая характеристика усуней Семиречья. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 16, Алма-Ата, 1962, с. 176, 187, 190—192; Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеантропологическое исследование). Алма-Ата, 1970, с. 4, 10, 19, 37—38.

¹² Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. «Советская этнография» (сборник статей), VI—VII, М.—Л., 1947, с. 148.

¹³ Там же, с. 148—149 и др.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1947, с. 73.

¹⁵ Гумилев Л. Н. Хунну. Средняя Азия в древние времена. М., 1960, с. 39—40.

¹⁶ Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. In: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. SPb., 1899, S. 49.

¹⁷ Shiratori K. Über die Wu-sun Stamm in Zentralasien «Keleti Szemle» (Budapest), 1902, 2—3. SS. 103—140.

¹⁸ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, с. 17.

¹⁹ Зуев Ю. А. К вопросу о языке древних усуней. «Вестник АН КазССР», № 5 (146), 1957, с. 73.

²⁰ Грязнов М. П. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э. «Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.—Л., 1959, с. 142; Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). М., 1961, с. 64; Маннай-оол М. Х. Новые материалы скифского времени в Туве (по материалам археологических исследований ТНИИЯЛИ), вып. IX, Кызыл, 1964, с. 278—284.

²¹ Материал для сопоставления, помимо тюркологического, привлекался по следующим исследованиям общего и частного характера: Шампольон Ж.—Ф. О египетском иероглифическом алфавите. Перевод, редакция и комментарии И. Г. Лившица. Изд. АН СССР, 1950; Видеман Ф. (Wiedemann F.). Начатки исторического греческого письма. Опыт исследования в области древнейшего греческого алфавита Leipzig, 1908 (1910); Thompson E. M. An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912; Driver G. R. Semitic Writing from Pictograph to Alphabet. London, 1948; Gelb I. J. A Study of Writing. The foundation of Grammatology. London, 1952; Dringer D. The Alphabet. A Key to the History of Mankind. London, 1953 [имеется русский перевод с издания 1949 г. Дрингер Д. Алфавит. М., 1963]; Moorhouse A. C. The Triumph of the Alphabet. A History of Writing. New

York, 1953; Friedrich J. Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen, Berlin, 1954 [имеется русский перевод: Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961]; Jensen H. Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. 2. neubearbeitete und erweiterte Auflage, Berlin, 1958; Cohen M. La grande invention de l'écriture et son évolution. Paris, 1958; Diringger D. Writing. London, 1962; Шифман И. Ш. Финикийский язык. М., 1963; Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965 (2-е доработанное и дополненное издание); Шеворошкин В. В. Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965; Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965; Friedrich J. Geschichte der Schrift. Unter besonderer Berücksichtigung ihrer geistigen Entwicklung. Heidelberg, 1966 [имеется русский перевод: Фридрих И. История письма. М., 1979]; Földes-Papp K. Vom Felsbild zum Alphabet. Die Geschichte der Schrift von ihren frühesten Vorstufen bis zur modernen lateinischen Schreibrift. Stuttgart, 1966; Бауэр Г. М. Язык южноаравийской письменности. М., 1966; Шеворошкин В. В. Лидийский язык. М., 1967; Ševoroškin V. V. Zur Entstehung und Entwicklung der kleinasiatischen Buchstabenschriften. «Kadmos» (Berlin), Bd. VII, 2, 1968, SS. 150–173.

⁴⁴ Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979, с. 21.

⁴⁵ Ramstedt C. J. The relation of the Altaic languages to other language groups. Extrait du «Journal de la Société Finno-Ougrienne», LIII, Helsinki, 1947, p. 23: «In my view equally good reasons could be found for attempting to link together the Altaic and Indo-European languages»; Emre A. C. Le problème de la parenté des langues turques et indo-européennes. Ankara, 1960; (А. Дж. Эмре отметил до 40 случаев древнейших индоевропейско-тюркских лексических соответствий); Дюльзон А. П. Гипотеза об отдаленном родстве урало-алтайских языков с индоевропейскими. Сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков» (Материалы межвузовской конференции 11–13 мая 1969 г.), Томск, 1969, с. 108–110; Петров К. И. Генетическое родство алтайских и индоевропейских языков. Там же, с. 110–112.

⁴⁶ В таблице III «Генетические связи тюркских рун» приняты следующие сокращения: араб — арамейский алфавит (ответвление финикийского), в.-греч. — восточная ветвь древнегреческого алфавита, вен. — венецкий алфавит (разновидность этрусского), греч. — древнегреческий алфавит, з.-греч. — западная ветвь древнегреческого алфавита, кар. — карийский алфавит, лид. — лидийский алфавит, лик. — ликийский алфавит, мес. — месопотамский алфавит, пид. — пиденский алфавит, рет. — ретский алфавит (разновидность этрусского), сид. — сидетский алфавит, финик. — финикийский (северосемитский) алфавит, этр. — этрусский алфавит, ю.-сем. — южносемитские алфавиты.

⁴⁷ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, с. 24–25; Баскаков Н. А. Тюркские языки (Общие сведения и типологическая характеристика). «Языки народов СССР». II — Тюркские языки, М., 1966, с. 17; Doerfer G. Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre. «Orientalistische Literaturzeitung», (Berlin), LXVI, 7/8, 1971, S. 335. Наглядное подтверждение существования прототюркского начального согласного типа *h (*k) на халаджском материале см. Дерфер Г. О состоянии исследования халаджской группы языков. Вопросы

языкознания, 1972, № 1 и другие работы. Ср. также др.-тюрк. ага «промежуток, середина» и чувашск. *хуша* «промежуток между предметами», др.-тюрк. *egri* «1) кривой, неровный, изогнутый; 2) *перен.* лживый, ложный, неправильный; 3) кривизна» и чувашск. *кукър* «1) кривой, согнутый, криво; 2) нечестный, нечестно; 3) кривизна, изгиб, угол, поворот, излучина», др.-тюрк. *ipê* «1) покой; спокойный; 3) спокойно» и чувашск. *канăç* «покой, спокойствие, отдых, удобство» (образовано от глагола *кан* «отдыхать, почивать»), др.-тюрк. *аџу* «1) кислый, горький; 2) *перен.* горький, обидный; 3) *в знач. сущ., перен.* горечь, горькое» и чувашск. *качи* «название для всего сильно острого, горького на вкус». др.-тюрк. *аџиқ* «лодыжка, лодыжечная кость» и хакасск. *хазых* «бабка, лодыжка», др.-тюрк. *иџг* «1) пещера, грот; 2) полость» и хакасск. *куньур* «1) пустота, пустое место; 2) дупло»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Древнетюркская руническая письменность (тюркская руника) тесно связана с историей общественного и культурного развития древних тюркоязычных племен Тянь-Шаня, Саяно-Алтайского нагорья и Хангая. Регионы распространения и хронологические рамки тюркской руники так или иначе соотносятся с древнетюркской государственностью VI–X вв. Вместе с тем, истоки этого процесса уходят значительно глубже. Языковые особенности древнетюркских рунических памятников так или иначе отражают пройденный этап развития всех живых тюркских языков. Язык тюркской руники, будучи языком письменно-литературным, складывался на основе близких диалектов древних племен, вошедших ныне в этнический состав многих тюркских народов.

Тюркская руника дает ценный материал по идеологии древних охотничье-скотоводческих племен Центральной Азии. Ранние представления тюркоязычных племен находили свое отражение в культах окружающей природы и предков-покровителей, в зоолатрии и тотемизме, которые тесно переплетались между собой. Во второй половине I тысячелетия н. э. на древних тюрков оказывали значительное влияние буддизм, манихейство и христианство несторианского толка, что нередко приводило к смене религиозных воззрений и, как правило, письменностей. Наконец, в Западном и Восточном Туркестане на рубеже I–II тысячелетий н. э. распространяются идеология ислама и арабский алфавит.

2. Графика таласских, енисейских и орхонских надписей свидетельствует о том, что тюркский рунический алфавит был неплохо приспособлен к звуковой системе древнетюркского языка. Гласные фонемы *a* и *ä*, *i* и *ï*, *o* и *u*, *ö* и *ü* передавались четырьмя полифонными буквами, употребление которых зачастую было факультативным (в зависимости от позиции гласной фонемы в слове). Согласные фонемы *b*, *p*, *d*, *t*, *z*, *s*, *š*, *č*, *m*, *n*, *l*, *r*, *j*, *g*, *k*, *ŋ* (и отчасти их варианты) передавались тридцатью одной буквой.

Под влиянием сингармонизма слога и слова в тюркском руническом письме получило развитие графическое противопоставление твердых и мягких вариантов согласных фонем *b*, *d*, *t*, *s*, *š*, *n*, *l*, *r*, *j*, *g* (*γ* – *g'*), *k* (*q* – *k'*). Тем не менее, «парные» согласные буквы нередко подвергались нейтрализации, т. е. обнаруживали частичную взаимозаменяемость. Исключение составляют «парные» буквы для звуковых разновидностей согласной фонемы *k* (*q* – *k'*), имевших иногда дополнительную графическую дифференциацию при губном слогаобразующем гласном (согласный звук *q* при негубном узком гласном также мог иметь особое обозначение). Согласные фонемы *p*, *z*, *č*, *m*, *ŋ* обозначались «одинарными» согласными буквами, т. е. независимо от позиционных произносительных вариантов.

Таким образом, в тюркском руническом (орхоно-енисейском) алфавите было 35 букв, представленных различными графическими вариантами. Кроме того, имелись особые знаки для сочетаний согласных ll, rl, pl, pl'. Некоторые тюркские рунические знаки потребовали новой интерпретации.

3. Графика таласских, енисейских и орхонских рунических надписей изучалась нами, в основном, по оригиналам (орхонские надписи — отчасти по фотоснимкам), что позволило уточнить прориси, транскрипцию и перевод некоторых из них. В монографии представлены уточненные эпиграфические материалы и, отчасти, исследования по таласской, енисейской и орхонской рунике. Например, подробно рассмотрены три опубликованные автором енисейские надписи (на китайской бронзовой монете 759 г., на сердцевидной гальке и на стеле, найденной А. Н. Липским), предложена дешифровка рунической надписи на таласской палочке, уточнено чтение некоторых таласских (и чуйских) рунических надписей, дано новое прочтение трех больших орхонских надписей (памятник в честь Кюль-тегина, Онгинский памятник, памятник Тоньюкука).

4. Новые эпиграфические находки на территории Казахстана (Иртыш, Или, Сырдарья, Янк) позволяют выявить древнейшие памятники письменной культуры далеких предков тюркоязычных народов. На костяной бляшке с изображением летящего оленя из кургана V—IV вв. до н. э. в долине р. Иртыш обнаружена и прочитана древнейшая тюркская (прототюркская) руническая надпись «Белый Олень». Эта сакральная надпись, судя по всему, была посвящена зооморфному солнечному божеству древних «скифов» Центральной Азии. Данная надпись — одна из двух самых ранних документально подтвержденных надписей в истории тюркского рунического алфавита. Вторая прототюркская надпись — это руноподобная надпись на серебряной чашечке из сакского кургана V—IV вв. до н. э. в долине р. Или. По времени к ним, вероятно, примыкают рунические надписи на скалах долины Или, надпись на глиняной печати с Сырдарьи, надпись на бронзовом зеркале с Яика-Урала, некоторые таласские надписи (особенно руническая надпись на деревянной палочке) и некоторые енисейские надписи на так называемых оленных камнях.

Основная масса тюркских рунических надписей с Енисея, Иртыша, Или, Сырдарьи и Таласа, как и надписи из Монголии, составлена во второй половине I тысячелетия н. э.

5. Как показывают эпиграфические находки в долине р. Или, древнетюркские племена Тянь-Шаня в I тысячелетии н. э. пользовались не только тюркским руническим, но и древнегреческим алфавитом (направление письма справа налево). По-видимому, последний был унаследован древними тюрками от саков и буддистов-тохаров. Наличие у древних тюрков древнегреческого алфавита, характерного для середины I тысячелетия до н. э., и тюркского рунического алфавита, возникшего, судя по всему, не позже середины I тысячелетия до н. э., недвусмысленно указывает на поразительное совпадение истори-

ческих судеб этих близкородственных алфавитов в долине Или и свидетельствует о древнейшей письменной традиции тюркоязычных племен.

6. Для истории письменности, на наш взгляд, немаловажное значение имеют пиктограммы, идеограммы и другие ранние письменные знаки Казахстана и Южной Сибири, относящиеся к эпохам неолита, бронзы и раннего железа (IV–I тысячелетия до н. э.). Ранние типы письма (пиктография, идеография), засвидетельствованные на территории Казахстана, отражают этапы развития прототюркской цивилизации при неперменной организующей роли языка и письменности.

Древнейшие наскальные знаки Казахстана эпохи поздней бронзы и раннего железа, выбитые точечной техникой, в отдельных случаях сближаются с исходными начертаниями некоторых древнетюркских рун.

Выявляемые через призму древнейших языковых контрастов загадочные «шумеро»-тюркские лексические соответствия и изобразительные логограммы находят убедительное подтверждение с позиций исторической фонетики тюркских языков.

7. Палеографический анализ древнетюркских рун, в свою очередь, приводит к выводу о весьма ранней дате сложения тюркского рунического алфавита в Южной Сибири и Семиречье – не позже середины I тысячелетия до н. э. Этот алфавит обнаруживает близкую генетическую связь, во-первых, с ранними типами древнегреческого алфавита (особенно с малоазийскими и италийскими), и во-вторых, с северносемитско-финикийским (в том числе с ранним арамейским) и южносемитскими алфавитами.

Вместе с тем, тюркский рунический алфавит выступает как очень богатая и вполне самостоятельно сложившаяся графическая система. Тесная генетическая связь тюркских рунических знаков с ранними семитскими, древнегреческими, италийскими и малоазийскими буквами объясняется тем, что тюркский рунический алфавит прошел долгий путь развития и, по-видимому, восходит к древнейшему общему источнику алфавитных письменностей. Предполагаемый первоисточник – самобытное логографическое (идеографическое) или алфавитное письмо III–II тысячелетий до н. э. Вполне вероятно, что некоторые прототипы древнетюркских рун происходят из исконно тюркских изобразительных логограмм – знаков для слов. Для решения проблемы происхождения тюркского рунического алфавита важное значение приобретает гипотеза о древнейшей генетической общности тюркских языков с индоевропейскими.

Палеографические и фонологические связи тюркских рунических знаков (графем) свидетельствуют о длительной эволюции тюркского рунического алфавита, своеобразно отразившей процесс становления звуковой системы древнетюркского языка. Следовательно, проблема происхождения (генезиса) тюркского рунического алфавита тесно переплетается не только с вопросами древнетюркского этногенеза и истории культуры древнетюркских племен, но и с проблемами исторической фонетики тюркских языков.

БИБЛИОГРАФИЯ

(использованная литература)

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I (А—К), М.—Л., 1958.
- Абрамзон С. М. К семантике киргизских этнонимов. «Советская этнография», 1946, № 6.
- Абрамзон С. М. Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье. «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, с. 287—305.
- Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990 (текст по первому изданию — Л., 1971).
- Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая (Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.), «Известия Археологической комиссии», вып. 62, Петроград, 1916.
- Айдаров Ф. Көне түркі жазулы сынтас. «Вестник АН КазССР», 1963, № 2, с. 77—79.
- Айдаров Г. Язык орхонского памятника Бильге-кагана. Алма-Ата, 1966.
- Айдаров Ф. Тоньюкүк ескерткішіндегі казак тіліне катысты материалдар. «Казак тілі тарихы мен диалектологиясынын мәселелері», 5-шығыуы, Алматы, 1966.
- Айдаров Г. Еще одна находка по орхоно-енисейской письменности. «Эпиграфика Востока», XIX, Л., 1969, с. 106—108.
- Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971.
- Айдаров Ф., Күрышжанов Э., Томанов М. Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі. Алматы, 1971.
- Айдаров Ф. Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі. Алматы, 1986.
- Айдаров Ш. С. О некоторых вопросах фонетики современного турецкого литературного языка. Сб. «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, с. 3—73.
- Акишев К. А., Кушаев Г. И. Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963.
- Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978.

Акчокраклы Л. Татарские тамги в Крыму. (Материалы научно-этнографической экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925 г.). Симферополь, 1927.

Алекторов А. Е. Из мира киргизских суеверий. (Баксы). Казань, 1899.

Алпысбаев Х. А. Новые наскальные изображения Бостандыкского района. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, (Археология), Алма-Ата, 1956, с. 182–188.

Аманжолов С. Новый алфавит и орфография казахского литературного языка. Алма-Ата, 1940.

Аманжолов С. Казактын әдеби тілі. Алматы, 1949.

Аманжолов С., Аманжолов А. С. Писаницы (петроглифы) на скалах Бугытас. «Вестник АН КазССР», 1956, № 4, с. 97–100.

Аманжолов С. А. Памятники древнетюркской письменности и их отношение к современным тюркским языкам. «Материалы Первой Всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4–11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958, с. 828–836.

Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959 (2-е, дополненное издание – Алматы, 1997).

Аманжолов А. С. Писаницы ушелья Утеген. «Вестник АН КазССР», 1959, № 10 (175), с. 52–61.

Аманжолов А. [С.] Жазу дәстүріміз. «Қазақ әдебиеті», № 51 (778), 17.12.1965.

Аманжолов А. С. Древние надписи и петроглифы хребта Кетмень (Тянь-Шань). «Известия АН КазССР. серия общественная», 1966, № 5, с. 79–96.

Аманжолов А. С. Еще раз об иртышской рунической надписи. «Вестник АН КазССР», 1967, № 9 (269), с. 66–70.

Аманжолов А. С. Две рунические надписи с Сыр-Дарьи. «Вестник АН КазССР», 1969, № 1 (285), с. 72–74.

Аманжолов А. С. Илийские рунические надписи, «Вопросы языкознания», 1969, № 3, с. 147–151.

Аманжолов А. С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969.

Аманжолов А. С. К вопросу о соответствии с//ш в древнетюркских диалектах. Сб. «Исследования по уйгурскому языку», 2. Алма-Ата, 1970, с. 167–169.

- Аманжолов А. С. Руническая надпись на бронзовом кольце (р. Или). «Вестник АН КазССР», 1971, № 1 (309), с. 64–66.
- Аманжолов А. С. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. «Вестник АН КазССР», 1971, № 12 (320), с. 64–66.
- Аманжолов А. С. Ранняя алфавитная письменность тюркоязычных племен. Сб. «Қазақ тілі мен әдебиеті мәселелері» [«Вопросы казахского языка и литературы»], VIII. Алма-Ата, 1971, с. 24–33.
- Аманжолов А. С. Интерпретация некоторых рунических знаков. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. XVI. Кызыл, 1973, с. 163–168.
- Аманжолов А. С. Графика таласских, енисейских и орхонских надписей. Сб. «Қазақ тілі мен әдебиеті» [«Казахский язык и литература»], вып. 3, Алма-Ата, 1973, с. 16–26.
- Аманжолов А. С. Две енисейские рунические надписи. «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XIX, серия историческая, № 5, Абакан, 1974, с. 137–140.
- Аманжолов А. С. О древнейших наскальных знаках Казахстана. Сб. «Қазақ тілі мен әдебиеті» [«Казахский язык и литература»], вып. 4, Алма-Ата, 1974, с. 44–48.
- Аманжолов А. С. К истории тюркского рунического алфавита. Сб. «Қазақ тілі мен әдебиеті» [«Казахский язык и литература»], вып. 5, Алма-Ата, 1974, с. 98–100.
- Аманжолов А. С. Уточненные енисейские надписи. Сб. «Қазақ тілі мен әдебиеті» [«Казахский язык и литература»], вып. 5, Алма-Ата, 1974, с. 100–104.
- Аманжолов А. С. «Шумеро»-тюркские соответствия и изобразительные логограммы – «Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker» (Protokollband der XII Tagung der Permanent International Altaistic Conference 1969 in Berlin). Berlin, 1974, с. 65–71.
- Аманжолов А. С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореферат докт. дисс., Алма-Ата, 1975.
- Аманжолов А. С. Проблема происхождения тюркского рунического алфавита. Сб. «Қазақ тілі мен әдебиеті» [«Казахский язык и литература»], вып. 8, Алма-Ата, 1976 (1977), с. 59–71.
- Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун. «Вопросы языкознания», 1978, № 2, с. 76–87.
- Аманжолов А. С. Конец түркі, араб, латын графикасы курсының программасы [Программа курса древнетюркской, арабской и латинской графики]. Алматы, 1980.

Аманжолов А. С. Тюркская руническая графика (методическая разработка). I—III. Алма-Ата, 1980 (ч. I), 1981 (ч. II), 1985 (ч. III).

Аманжолов А. С. О древнетюркских диалектах и тюркском письменном-литературном языке. «Вопросы восточной филологии», Алма-Ата, 1985, с. 60–76.

Аманжолов А. С. Введение в тюркскую филологию (методическая разработка и программа курса для казахского отделения филологического факультета). Алма-Ата, 1986.

Аманжолов А. С. К вопросу о диалектной классификации памятников древнетюркской письменности. «Вопросы языкознания», 1986, № 1, с. 75–81.

Аманжолов А. С. Кола айнадагы колтанба [Автограф на бронзовом зеркале]. «Білім және еңбек» (Алматы), 1986, № 2, с. 26–27.

Аманжолов А. С. Ертіс жазу ескерткіштері [Иртышские письменные памятники]. «Білім және еңбек», 1988, № 11, с. 36.

Аманжолов А. С. Следы культа оленя в тюркских языках. Сб. «Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана», Алма-Ата, 1990.

Аманжолов А. С. Древнетюркское письмо. — Казахская ССР. 4-томная краткая энциклопедия. Алма-Ата, 1991, с. 220.

Аманжолов А. С. Түркі филологиясы және жазу тарихы [Тюркская филология и история письма]. Алматы, 1996.

Аманжолов А. С. Древнетюркская письменность и памятники ранней государственности на территории Казахстана. «Казахстан и мировое сообщество» (Алматы), 1996, № 4, с. 13–15.

Аманжолов А. С. Историко-этимологические этюды (*турк, тургеш, Кеңерес*). «Вестник КазГУ», серия филологическая, № 30, Алматы, 1999, с. 9–13.

Аманжолов А. С. Көне түркі тілі (оқу пәнінің бағдарламасы) [Древнетюркский язык (программа учебной дисциплины)]. «КазМУ хабаршысы», филология сериясы, № 30, Алматы, 1999, с. 13–16.

Амирова Т. А. К истории и теории графемки. М., 1977.

Амирова Т. А. Общелингвистические основания графемки (теоретические проблемы графемки и гипотезы функциональной взаимосвязи письменного и звукового языка). Автореферат докт. дисс., М., 1981.

Амирова Т. А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М., 1985.

Амирова Т. А., Аманжолов А. С. К истории изучения наиболее ранних этапов письменности – Сб. научных трудов МГПИИЯ, вып. 275, «Актуальные проблемы истории и историографии лингвистики», М., 1986, с. 126–133.

Антонов Н. К. Лекции по тюркологии. Якутск, 1976.

Антонов Н. К. Лекции по тюркологии (Среднетюркская эпоха). Якутск, 1981.

Арагачи З. Б. Памятник с Элегеста. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. IX, Кызыл, 1961, с. 235–237.

Арагачи З. Б. Новые эпитафические находки в Туве. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. X, Кызыл, 1963, с. 247–256.

Арагачи З. Б., Насилов Д. М. Надписи на скале Хая-Ужу. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. X, Кызыл, 1963, с. 257–263.

Аранчын Ю. Л. Сайгынская плита с древнетюркской надписью. «Эпиграфика Востока», V, 1951, с. 76–77.

Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих данных и начинающихся антропологических исследований «Живая старина», вып. III–IV, СПб., 1894.

Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III–IV. СПб., 1896.

Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001.

Арсланова Ф. Х. Археологические памятники Среднего Прииртышья. Автореферат канд. дисс., Алма-Ата, 1964.

Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, с. 306–315.

Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. Сб. «Советская археология», XIX, М., 1954, с. 263–268.

Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. «Археологический сборник», вып. 2. Скифо-сарматское время. Л., 1961.

Археологическая карта Казахстана (реестр). Составители: Е. И.

Агеева, К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, А. Г. Максимова, Т. Н. Сенигова. Изд-во АН КазССР. Алма-Ата, 1960.

А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

А х м е т о в М. А. О значении слова «эринч» в языке орхон-енисейских памятников. «Вестник АН КазССР», 1970, № 9 (305).

Б а й ч о р о в С. Надписи Хумаринского городища. «Советская тюркология», 1974, № 4, с. 89–93.

Б а й ч о р о в С. Я. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности. Автореферат канд. дисс., М., 1977.

Б а й ч о р о в С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Отношение северокавказского ареала древнетюркской письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989.

Б а й ч о р о в С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы (отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам). Автореферат докт. дисс., Алма-Ата, 1999.

Балакаев М., Жанпейсов Е., Томанов М. Казак әдеби тілінің мәселелері. Алматы, 1961.

Балтин П. И. К семантике древнетюркского sig. Сборник трудов Карачаево-Черкесского педагогического института, вып. 3, Нальчик, 1960.

Бартольд В. В. Новые исследования об Орхонских надписях. «Журнал Министерства народного просвещения» (СПб.), 1902, с. 231–325.

Бартольд В. В. Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток. «Известия Академии наук» (Петроград), VI серия, 1916, № 10.

Бартольд В. В. К вопросу о языках согдийском и тохарском. «Иран», т. 1, Л., 1927, с. 29–41.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928.

Баруздин Ю. Д. Находки на юге Киргизии. Сб. «Новые этнографические находки в Киргизии» (1961 г.), Фрунзе, 1962, с. 11–13.

Баскаков Н. А., Насилов В. М. Уйгурско-русский словарь, М., 1939.

Баскаков Н. А., Тошакова Т. М. Ойротско-русский словарь, М., 1947.

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, II Фонетика и морфология, ч. I, М., 1952.

Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков. «Известия АН СССР». ОЛЯ, 1952, № 2.

Баскаков Н. А. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. — Труды Института языкознания АН СССР, 1952, т. I

Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул. Хакасско-русский словарь. М., 1953.

Баскаков Н. А. Структура слога в тюркских языках. Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. I, Фонетика». М., 1955, с. 333—334.

Баскаков Н. А. О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков. М., 1959.

Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1961.

Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1966.

Баскаков Н. А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области. «Советская этнография». 1966, № 6, с. 79—83.

Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966.

Баскаков Н. А. Тюркские языки (Общие сведения и типологическая характеристика). — «Языки народов СССР», т. II, Тюркские языки». М., 1966, с. 7—42.

Баскаков Н. А. О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавитов тюркских языков народов СССР. Сб. «Вопросы совершенствования тюркских языков СССР», М., 1972.

Баскаков Н. А. Из опыта разработки латинизированных алфавитов тюркских языков народов СССР. Сб. «Вопросы совершенствования тюркских языков СССР», М., 1972.

Баскаков Н. А. Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков. «Тюркологический сборник — 1977», М., 1981.

Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.

Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

Батманов И. А. Новые тексты. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)», Фрунзе, 1962.

Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962.

Батманов И. А. Еще о надписи на скале Хая-Ужу. «Труды Кызыльского пединститута», III, 1963, с. 239–242.

Батманов И. А. О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности. «Ученые записки Тувиинского НИИЯЛИ», вып. X. Кызыл, 1963, с. 291–302.

Батманов И. А., Кунаа А. Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. I, Кызыл, 1963.

Батманов И. А., Кунаа А. Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. II, Кызыл, 1963.

Батманов И. А., Кунаа А. Ч. Памятник из Ийме. Сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, с. 92–94.

Батманов И. А. Тюркологические заметки (для дальнейших поисков). Сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, с. 3–11.

Батманов И. А. Следы говоров в языке памятников орхон-енисейской письменности. Сб. «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964.

Батманов И. А., Кунаа А. Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. III, Кызыл, 1965.

Батманов И. А. Источники формирования тюркских языков Южной Сибири и Средней Азии. Сб. «Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири», Фрунзе, 1966, с. 5–22.

Батманов И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.

Батманов И. А. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Сб. «Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках», Фрунзе, 1971, с. 3–26.

Бауэр Г. М. Язык южноаравийской письменности. М., 1966.

Бегалиев Г. Б., Гаврилов М. Ф. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1936.

Бернштам А. Н. Происхождение турок. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5–6.

Бернштам А. Н. Одревнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии. Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра (1864–1934)», М.–Л., 1938.

- Бернштам А. Н. Тюркешские монеты. «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. II, 1940, с. 105–111.
- Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII веков. М.–Л., 1946.
- Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. «Советская этнография», т. VI–VII, М.–Л., 1947, с. 148–158.
- Бернштам А. Н. Новые работы по тохарской проблеме. «Вестник древней истории», 1947, № 2, с. 134–138.
- Бернштам А. Н. К вопросу об усунь//кушан и тохарах. (Из истории Центральной Азии). «Советская этнография», 1947, № 3, с. 41–47.
- Бернштам А. Н. Древнетюркское письмо на р. Лене. «Эпиграфика Востока», IV, М.–Л., 1951, с. 76–86.
- Бернштам А. Н. Древнетюркский документ из Согда (Предварительное сообщение). «Эпиграфика Востока», V, 1951, с. 65–75.
- Бернштам А. Н. Наскальные изображения Саймалы Таш. «Советская этнография», 1952, № 2.
- Бернштам А. Н. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. «Эпиграфика Востока», XI, 1956, с. 55–58.
- Бернштам А. Н. Новые древнетюркские и китайские эпиграфические находки. «Эпиграфика Востока», XII, 1958, с. 67–68.
- Биишев А. Г. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1968.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. т. I–III, М.–Л., 1950–1953 (первое издание – СПб., 1851).
- Благова Г. Ф. Проблемы изучения средневековых тюркских текстов. «Туркологический сборник – 1977», М., 1981.
- Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е (исправленное и дополненное). Казань, 1953.
- Боровков А. К. «Бада'и ал-лугат». Словарь Тали' Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961.
- Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тевфсира XII–XIII вв. М., 1963.
- Боровков А. К. Енисейские надписи на сосудах. Сб. «Туркологические исследования», М.–Л., 1963, с. 190–196.

Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II, СПб., 1869—1871.

Бутанаев В. Я. Новая уйбатская сабра. «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XVIII, серия филологическая, № 2. Абакан, 1973 (руническая надпись на стеле, осмотренная нами в 1972 г. и недостаточно точно воспроизведенная В. Я. Бутанаевым).

Быков А. А. Монеты Китая. Л., 1969.

Вайнштейн С. И. Курганы и стела с древнетюркской рунической надписью в урочище Хербис-Баары. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. X, Кызыл, 1963, с. 264—267.

Валиханов Ч. Ч. Сочинения. «Записки ИРГО по Отделению этнографии», т. XXIX, СПб., 1904.

Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. т. I, Алма-Ата, 1961.

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.

Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

Василевич Г. М. Ранние представления о мире у эвенков (Материалы). Сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», М., 1959.

Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне — Сборник трудов Орхонской экспедиции, III. СПб., 1897, с. 1—36.

Васильев Д. Д., Кляшторный С. Г. Руническая надпись Йир-Сайир. «Советская тюркология», 1973, № 2, с. 105—110.

Васильев Д. Д. Графические особенности памятников Хойто-Тамира. Сб. «Вопросы восточного литературоведения и текстологии», М., 1976, с. 100—109.

Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. «Советская тюркология», 1976, № 1, с. 71—81.

Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала, II. «Советская тюркология», 1978, № 5, с. 92—95.

Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. «Тюркологический сборник. 1975», М., 1978, с. 92—101.

Васильев Д. Д. Тюркская руника на металлических зеркалах из Минусинской коллекции. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», вып. 14, ч. 1, М., 1979, с. 27—33.

Васильев Д. Д. Новая древнетюркская надпись из Тувы. «Археологические открытия – 1979». М., 1980, с. 193.

Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири II. «Тюркологический сборник. 1977», М., 1981, с. 51–62.

Васильев Д. Д., Чадамба З. Б. Древнетюркские эпиграфические памятники из долины р. Уюк. «Тюркологический сборник. 1977», М., 1981, с. 63–75.

Васильев Д. Д., Насилов Д. М. К прочтению Абаканского памятника. Сб. «Средневековый Восток: история, культура, источниковедение. М., 1980, с. 60–66.

Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. (Опыт систематизации). М., 1983.

Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.

Веселовский Н. И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях. «Известия Археологической комиссии», вып. 63. Петроград. 1917.

Видеман Ф. Начатки исторического греческого письма. Опыт исследования в области древнейшего греческого алфавита. Лейпциг. 1908 (1910).

Винник Д. Ф., Кожемяко П. Н. Памятники древнетюркской письменности из урочища Айртан-Ой. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)», Фрунзе, 1962, с. 3–10.

Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Стенограмма координационного совещания по вопросам методов изучения истории тюркских языков, состоявшегося в Ашхабаде 19–22 октября 1959 г. Ашхабад. 1961.

Вопросы развития литературных языков народов СССР (Материалы Всесоюзной конференции, 20–24 ноября 1962 г.). Алма-Ата, 1964.

Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М., 1972.

Востоков А. О сходстве начертаний, найденных в Сибири, с таковыми же, найденными в Германии. «Сибирский вестник», СПб., 1824, ч. I, с. 1–8 (перевод и комментарий рецензии Г. Роммеля из «Gottingische gelehrte Anzeigen», № 204, 1823).

Вяткина К. В. Кентейская руническая надпись. Сб. «Филология и история монгольских народов», М., 1958, с. 217–218.

Гаджиева Н. З. Глухое начало слова в тюркском языке. «Советская тюркология», 1973, № 4, с. 3–10.

Гаджиева Н. З., Серебrenников Б. А. Был ли начальный J в тюркских языках первичным? «Советская тюркология», 1974, № 3, с. 75–82.

Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.

Гаффаров М. А. Полный персидско-русский словарь. тт. I–II, М., 1914.

Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. I, Археология, Алма-Ата, 1956, с. 159, 170–171.

Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения юго-восточного Казахстана. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 7, Археология, Алма-Ата, 1959.

Грач А. Д. Петроглифы Тувы, I. Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. XVII, М.–Л., 1957, с. 385–428, табл. I–XXXII.

Грач А. Д. Петроглифы Тувы, II. Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. XVIII, М.–Л., 1958, с. 339–384, табл. I–LXIV.

Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

Грач А. Д. Хронологические и этно-культурные границы древнетюркского времени. «Тюркологический сборник», М., 1966.

Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла. «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, с. 316–333.

Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940.

Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении (К истории культуры древних саков). «Известия АН КазССР», серия археологическая, вып. I, Алма-Ата, 1948, с. 47–78.

Грозный Б. Доисторические судьбы Передней Азии. «Вестник древней истории», 1940. № 3–4, (12–13)

Грязнов М. П. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э. «Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.–Л., 1959.

Грязнов М. П., Кляшторный С. Г. Надпись или олень? (По поводу одной публикации). «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, с. 131–133.

Гумилев Л. Н. Хунну. Средняя Азия в древние времена. М., 1960.

Гумилев Л. Н. По поводу интерпретации Уланкомской надписи. «Советская археология», 1963, № 1, с. 295–298.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.

Дальский А. Н. Наскальные изображения Таджикистана. «Известия Всесоюзного Географического общества», 1949, т. 81, вып. 2, с. 183–197.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь, тт. I–II, М., 1958.

Дерфер Г. О состоянии исследования халаджской группы языков. «Вопросы языкознания», 1972, № 1.

Джумагулов Ч. Второй таласский памятник. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)», Фрунзе, 1962.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. I–III. Фрунзе, 1963, 1982, 1989.

Джумагулов Ч., Карагулова Г. Новый таласский древнетюркский памятник. «Известия АН КирССР», 1978, № 1, с. 86–88.

Дирингер Д. Алфавит, М., 1963 (перевод с английского издания 1949 г.)

Дмитриев Н. К. Труды русских ученых в области тюркологии «Ученые записки МГУ», 1946, т. III, кн. 2, вып. 107, с. 63–70.

Дмитриев Н. К. Соответствие р/д/т/з/з/й. Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I, Фонетика», М., 1955, с. 326–328.

Дмитриев Н. К. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова. Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I. Фонетика», М., 1955, с. 265–273.

Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.

Дмитриева Л. В. Хуастуанифт (введение, текст, перевод). «Тюркологические исследования», М.–Л., 1963.

Добродомов И. Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних енисейских тюрков. — Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 94–97.

Драверт П. Л. Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баян-аула. «Известия Западно-Сибирского Географического общества», т. VII, Омск, 1930, с. 231–234.

Древнетюркская цивилизация: памятники письменности. (Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной 10-

летию независимости Республики Казахстан, г. Астана, 18–19 мая 2001 г.). Алматы, 2001.

Древнетюркский словарь. Редакторы: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969.

Дульзон А. П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причумылья. «Ученые записки Томского педагогического института», т. XI, Томск, 1954.

Дульзон А. П. О признаках определения отдаленного языкового родства. Сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков» (Материалы межвузовской конференции 11–13 мая 1969 г.), Томск, 1969, с. 5–8.

Дульзон А. П. Гипотеза об отдаленном родстве урало-алтайских языков с индоевропейскими. Сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1969, с. 108–110.

Дульзон А. П. Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков. «Советская тюркология», 1971, № 2, с. 17–20.

Дульзон А. П. Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернатив. «Советская тюркология», 1973, № 5, с. 93–104.

Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Евтюхова Л., Киселев С. Чаа-тас у села Копсны. «Труды Гос. Исторического Музея», вып. XI, М., 1940, с. 21–54.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. «Труды Гос. Исторического Музея», вып. XVI, М., 1941.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», III, 1940, с. 39–42.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXVI, 1949, с. 120–127.

Егоров В. Г. Чавашла – выросла словарь (Чувашско-русский словарь). Чебоксары, 1954.

Жаманбаев К. Өлке танудағы кадамдарымыз. «Қазақстан мұғалімі» (Алма-Ата), 1 июля 1965 г.

Заднепровский Ю. А. Тюркские памятники в Фергане. «Советская археология», 1967, № 1.

Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. (Внутриструктурное развитие старописьменных языков) М., 1973.

Золотарев А. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934.

Зуев Ю. А. К вопросу о языке древних усуней. «Вестник АН КазССР», 1957. № 5 (146).

Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе. «Известия АН КазССР», серия истории, археологии и этнографии, вып. 3 (14). Алма-Ата, 1960.

Зуев Ю. А. «Тамги лошадей из вассальных княжеств» (Перевод из китайского сочинения VIII—X вв. «Танхуйяо», т. III, цзюань 72, с. 1305—1308). Сб. «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», Алма-Ата, 1960.

Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореферат канд. дисс. Алма-Ата, 1967.

Иванов В. В. Хеттский язык, М., 1963.

Иллич-Свитыч В. М. Алтайские дентальные: т, д, б. «Вопросы языкознания», 1963, № 6, с. 37—56.

Иллич-Свитыч В. М. Алтаинские гуттуральные: *k', *k, *g. Сб. «Этимология. 1964», М., 1965, с. 338—343.

Иллич-Свитыч В. М. Соответствия смычных в ностратических языках. Сб. «Этимология. 1966», М., 1968, с. 304—355.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). М., 1971.

Иностранцев К. Хунну и гунны. Л., 1926.

Исмагулов О. Антропологическая характеристика усуней Семиречья. «Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова», т. 16, Алма-Ата, 1962.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата, 1970.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I—IV. М., 1955, 1956, 1961, 1962.

Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957.

Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965 (2-е переработанное и дополненное издание).

Исхаков Ф. Х. Некоторые предположения о происхождении конечных *-т* и *-д* в словах *аст*, *уст*, *алд*, *арт* и т. п. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию», (Сборник статей), М., 1953, с. 124–136.

Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

Итс Р. Цветок лотоса. Рассказы этнографа. Географгиз, М., 1962.

Казак тілінің түсіндірме сөздігі, I–II. Алматы, 1959–1961.

Казак тілінің түсіндірме сөздігі, I–X. Алматы, 1974–1986.

Каллаур В. А. Камень с древнетюркской надписью из Аулиеатинского уезда. «Записки Восточного Отделения Русского археологического общества» [ЗВО РАО], т. XI. СПб., 1899.

Кастанье И. А. Отчет о раскопках 6 курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1908, вып. 19, с. 102–116.

Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 22. Оренбург, 1910.

Киселев С. В. Неизданные надписи енисейских киргизов. «Вестник древней истории», № 3 (8), 1939, с. 124–134.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.–Л., 1949, (2-е издание – М., 1951).

Киселев С. В. Письменность енисейских кыргызов. «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXV, М.–Л., 1949, с. 33–41.

Киселев С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951.

Кляшторный С. Г. Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах. «Советская этнография», 1951, № 3.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный С. Г. Тоньюкук – Ашидэ Юаньчжень. «Тюркологический сборник», М., 1966, с. 202–205.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Сэврэйский камень. «Советская тюркология», 1971, № 3, с. 106–112.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута. – Сб. «Страны и народы Востока», X, М., 1971, с. 121–146.

Кляшторный С. Г., Самбу И. У. Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. XV, Кызыл, 1971, с. 245–249.

Кляшторный С. Г. Рунические надписи Саянского каньона Енисея. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. XVI, Кызыл, 1973, с. 228–231.

Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.). «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, с. 254–264.

Кляшторный С. Г. Монета с рунической надписью из Монголии. «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, с. 334–338.

Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников). – *Turcologica*. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976.

Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи). «Тюркологический сборник. 1974», М., 1978, с. 238–255.

Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии. «Тюркологический сборник – 1975», М., 1978, с. 151–158.

Кляшторный С. Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрена. – Страны и народы Востока, вып. 22. М., 1980, с. 90–102.

Кляшторный С. Г. Терхинская надпись. «Советская тюркология», 1980, № 3, с. 82–95.

Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках. «Тюркологический сборник. 1977», М., 1981, с. 117–138.

Кляшторный С. Г. О датировке рунических памятников Таласа. – Бартольдские чтения. 1980. Год пятый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1981.

Кляшторный С. Г. Тэсинская стела (предварительная публикация). «Советская тюркология», 1983, № 6, с. 80–88.

Кляшторный С. Г. Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии. – Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987, с. 19–37.

Кляшторный С. Г. Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии. – Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб., 1999, с. 30–33.

Кляшторный С. Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане. «Известия НАН КР» (Бишкек), 2001. № 1–2, с. 73–75.

Кляшторный С. Г. Древние рунические надписи на Центральном Тянь-Шане. «Известия МОН РК, НАН РК», серия общественных наук, 2001, № 1, с. 83–87.

Кляшторный С. Г. Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии. «Известия МОН РК, НАН РК», серия общественных наук, 2001, № 1, с. 88–91.

Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И. П. Минаева. Редакция и вступительная статья И. П. Магидовича. Географгиз. М., 1955.

Кобешавидзе И. Н. К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей «Советская тюркология» (Баку). 1972, № 2, с. 40–46.

Комаров П. А. Оборолдайских письменах. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, год X., Ташкент, 1905.

Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.

Кондратьев В. Г. К восьмидесятилетию дешифровки тюркской рунической письменности. «Советская тюркология», 1974, № 1, с. 58–62.

Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. Л., 1981.

Кононов А. Н. Опыт анализа термина *türk*. «Советская этнография», 1949, № 1, с. 40–47.

Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.–Л., 1956.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.–Л., 1958.

Кононов А. Н. Тюркская филология в СССР. 1917–1967. М., 1968.

Кононов А. Н. Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917–1967. «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970, с. 5–28.

Кононов А. Н. В. В. Радлов и отечественная тюркология. «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972, с. 7–15.

Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972. 1982.

Кононов А. Н. Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов. «Советская тюркология», 1974, № 2, с. 3–12.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.

Кормушин И. В. Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам I. «Тюркологический сборник 1977», М., 1981, с. 139–149.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.

Кормушин И. В., Насилов Д. М. За научное, глубокое изучение древнетюркских памятников. «Советская тюркология», 1972, № 5, с. 139–142.

Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.

Котвич В. Исследование по алтайским языкам. ИИЛ, М., 1962 (перевод с польского).

Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища. «Советская археология», 1963, № 1, с. 298–305.

Кузнецов Л. О надписи на камне «Тамгалы-Тас» в пустыне Бетпак-Дала в Атбасарском уезде Акмолинской губернии. «Записки Семипалатинского отдела государственного Русского Географического общества», вып. XVI, Семипалатинск, 1927, с. 122.

Курбатов Х. Об унификации алфавитов тюркских языков. «Советское востоковедение», 1957, № 6.

Курьшжанов Ә., Гоманов М. Орхон-енисей жазуы ескерткіштерінің зерттеу тарихы мен грамматикалық очерктері. Алматы, 1964.

Кызласов Л. Р. Тува в составе уйгурского каганата (VIII–IX вв.). «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VIII, Кызыл, 1960.

Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. «Советская археология», 1960, № 3, с. 93–120.

Кызласов Л. Р. Новый памятник енисейской письменности. «Советская этнография», 1965, № 2, с. 104–113.

Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности. «Советская археология», 1965, № 3, с. 38–49.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

Кызласов И. Л. Рунические письменности степной зоны Евразии. Проблемы источниковедения. Автореферат докт. дисс. М., 1990.

Кызласов И. Л. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов. «Советская археология» (Москва), 1991, № 4.

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

К ю н е р Н . В . Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Л у б о - Л е с н и ч е н к о Е . И . Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.

М а г а з а н и к Д . А . Турецко-русский словарь. Изд. 2-е, М., 1945.

М а д ж и А . Е . Наскальные рисунки в горах Моголтау. «Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР», 1957, вып. 14

М а к а е в Э . А . Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965.

М а к а р е н к о Н . Е . Археологические исследования 1907—1909 гг. «Известия Археологической комиссии», вып. 43, 1911, с. 21—22.

М а к с и м о в а А . Г . Наскальные изображения ущелья Тамгалы. «Вестник АН КазССР», 1958, № 9 (162), с. 108—110, рис 1—42

М а л и ц к и й Н . О связи тюркских тамг с орхонскими письменами «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», год III. Ташкент, 1897—1898, с. 43—47.

М а л о в С . Е . Болгарская золотая чаша с турецкой надписью. «Казанский музейный вестник», 1921, № 1—2.

М а л о в С . Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. «Известия АН СССР», Отделение гуманитарных наук, 1929, № 10.

М а л о в С . Е . Новые памятники с турецкими рунами. «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936, с. 251—279.

М а л о в С . Е . Таласские эпитафические памятники «Материалы Узкомстариса», вып. 6—7, М.—Л., 1936.

М а л о в С . Е . Памятники древнетюркской письменности М.—Л., 1951.

М а л о в С . Е . Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.

М а л о в С . Е . Древние и новые тюркские языки. «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1952, вып. 2.

М а л о в С . Е . Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алмата, 1957.

М а л о в С . Е . Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

М а н н а й - О о л М . Х . Новые материалы скифского времени в Туве (По материалам археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1962—1963 гг.). «Ученые записки ТНИИЯЛИ», вып. IX, Кызыл, 1964, с. 278—284.

- Маннай - Оол М. Х. Древнее изображение горного козла в Туве. «Советская археология», 1967, № 1, с. 140—146.
- Маннай - Оол М. Х. Оленные Камни Тувы. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. XIII, Кызыл, 1968, с. 138—149.
- Маннай - Оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура), М., 1970.
- Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане (Отчет экспедиции 1948 г.). «Известия АН КазССР», серия археологическая, № 108, вып. 3, Алма-Ата, 1951.
- Маргулан А. Х. Архитектура древнего периода (в книге «Архитектура Казахстана», Алма-Ата, 1959).
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев М. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1977.
- Мариковский П. И. Способы и объекты охоты по мотивам наскальных рисунков Чулакских гор (Казахская ССР). «Зоологический журнал», 1953, т. XXXII, вып. 6, с. 1064—1073.
- Мариковский П. И. Наскальные рисунки гор Кульджабасы. Сб. «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана», Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, Алма-Ата, 1961, с. 78—86.
- Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. Госполитиздат, 1947.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. ИИЛ, М., 1960.
- Маслов Ю. С. Заметки по теории графики. — Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского, Л., 1973, с. 220—226.
- Массон В. М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. «Эпиграфика Востока», XI, 1956.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1968).
- Махмуд ал-Кашгарий. Китаб диван лугат ат-турк, тт. I—III. Издал Килисли Ахмед Рифат Абдулькерим. Стамбул, 1915—1917 (на арабском языке).
- Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-турк (Махмуд Кошгарий Девону луготит турк), тт. I—III, Перевод (на узбекский язык) и подготовил к печати С. М. Муталлибов, Ташкент, 1960, 1961, 1963.

Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954.

Махмудов А. Как возник древнетюркский алфавит? Сб. «Исследования по тюркологии», Алма-Ата, 1969, с. 141–147.

Медоев А. Г. Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур. Сб. «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана», Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, Алма-Ата, 1961, с. 72–77.

Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВО РАО, т. XII, вып. II и III, СПб., 1899, с. 1–144.

Мелиоранский П. М. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. ЗВО РАО, 1902, т. XIV, с. 017–022.

Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. «Журнал Министерства народного просвещения» (СПБ.), 1898, т. XXXVII, июнь, отд. 2, с. 263–292.

Мелиоранский П. М. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея. ЗВО РАО, 1904, т. XV, с. 034–036.

Мершиев М. С. Раскопки цитадели городища Ак-тобе I «Вестник АН КазССР», 1964, № 12 (237).

Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья. «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», вып. 62, Л., 1933.

Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований). «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, с. 53–76.

Монгольско-русский словарь под общей редакцией А. Лувсандэндова. М., 1957.

Мусабаев Г. Г., Айдаров Г. Сыр-Дарьинская надпись. «Вестник АН КазССР», 1966, № 6 (254), с. 85–86.

Мусабаев Г. Г. Кегенская надпись. «Вестник АН КазССР», 1967, № 3 (263), с. 83–85.

Мусабаев Г., Махмудов А., Айдаров Г. Казакстан эпиграфикасы, I шығуы. Алматы, 1971.

Наделяев В. М. Чтение орхоно-енисейского знака и этимология имени Топьукука. Сб. «Тюркологические исследования», М.–Л., 1963.

Наджип Э. Н. Уйгурско-русский словарь. М., 1969.

Наджип Э. Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в., М., 1965.

- Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
- Насилов В. М. Древнеуйгурский язык. М., 1963.
- Насилов В. М. Ономастика охотничьего быта тувинцев, уйгуров и казахов. «Советская тюркология», 1970, № 3, с. 71–78.
- Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М., 1974.
- Насилов Д. М. К вопросу о модальных словах *аринч*, *арки* и *аркан* в древнетюркских языках. «Труды Самаркандского госуниверситета. Новая серия, вып. 102, Самарканд, 1960, с. 129–130.
- Насилов Д. М. О некоторых памятниках Минусинского музея «Народы Азии и Африки» 1963, № 6, с. 124–129.
- Насилов Д. М. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников. «Письменные памятники Востока», Историко-филологические исследования. Ежегодник 1971. М., 1974, с. 204–214.
- Насилов Д. М. Памятники древнетюркской письменности (Орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (обзор лингвистических публикаций 1969–1974 гг.). «Советская тюркология», 1976, № 1, с. 87–89.
- Насилов Д. М. Об алтайской языковой общности (к истории проблемы). «Тюркологический сборник – 1974», М., 1977, с. 90–108.
- Насилов Д. М. Из истории алтаистики. «Советская тюркология», 1979, № 4.
- Насилов Д. М. Алтаистика XIX в. «Тюркологический сборник – 1977», М., 1981, с. 150–155.
- Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей). «Тюркологический сборник – 1977», М., 1981, с. 183–202.
- Насыров С. Д., Убайдуллаев К. У. и др. Каракалпакско-русский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958.
- Никольский Н. М. Культура древней Вавилонии. Минск, 1959.
- Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). Сб. статей, Фрунзе, 1962.
- Номинханов Ц. Д. О чередовании некоторых согласных в тюрко-монгольских языках. «Ученые записки Казахского университета», т. XIX, 1955.
- Номинханов Ц. Д. Исследования по тюркским и монгольским языкам. Алма-Ата, 1966.

- Окладников А. П. История Якутской ССР, т. I, М.—Л., 1955.
- Окладников А. П. Олень Золотые Рога. Л.—М., 1964.
- Оралбаева Н. Казак графикасы мен орфографиясынын негиздери. Алматы, 1968.
- Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.
- Оранский И. М. Иранские языки. М., 1963.
- Орфографии тюркских литературных языков СССР. М., 1972.
- Орхонские надписи. Кюль-тегин. Бильге-каган. Тоньюкук. Составитель и научный редактор А. Аманжолов. Семипалатинск (Семей), 2001.
- Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта. Изд. АН СССР, М., 1956.
- Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Л., 1928.
- Пантусов Н. Н. Аир-кезень и Тайгак (Копальского уезда). «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», год IV (11 декабря 1898 г. — 11 декабря 1899 г.). Ташкент, 1899, с. 59—63.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М., 1959 (напечатано фотомеханическим способом с 1-го издания).
- Петров К. И. Генетическое родство алтайских и индоевропейских языков. Сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», Томск, 1969, с. 110—112.
- Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. (Труды ИВ АН СССР, т. XLI), М.—Л., 1941.
- Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л., 1951.
- Пигулевская Н. В. Производства шелка в Византии и Иране в IV веке. «Византийский временник», X, 1956.
- Поливанов Е. Д. Идеографический мотив в формации орхонского алфавита. Отд. оттиск из «Бюллетеня САГУ», № 9, Ташкент, 1925.
- Поливанов Е. Д. Проект латинизации турецких письменностей. Ташкент, 1926.
- Поливанов Е. Д. «Ту-кюэ» китайской транскрипции. турецкое «*tyuklasg*». «Известия АН СССР», 1927, № 7—8, с. 691—698.
- Поливанов Е. Д. Введение в языковедение для востоковедческих вузов. Л., 1928.

Полторацкая В. Н. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае. «Археологический сборник», вып. 5. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы, Южной Сибири и Средней Азии. Л., 1962.

Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

Попов Н. О рунических письменах в Минусинском крае. «Известия Сибирского отдела Русского Географического общества», т. V, № 2. Иркутск, 1874, с. 53–55.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. вып. IV, СПб., 1883.

Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. «Живая старина», т. XXV, вып. II–III (1916). Петроград, 1917.

Потапов Л. П. Следы тотемистических представлений у алтайцев. «Советская этнография», № 4–5, 1935.

Потапов Л. П. Культ гор на Алтае. «Советская этнография», 1946, № 2.

Потапов Л. П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. «Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая», Новая серия, т. I, М.–Л., 1947, с. 157–182.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.–Л., 1953.

Потапов Л. П. Тюльберы енисейских рунических надписей. «Тюркологический сборник – 1971». М., 1972, с. 145–166.

Потапов Л. П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных. «Тюркологический сборник – 1972», М., 1973, с. 265–286.

Потапов Л. П. Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов. – Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 50–64.

Поляков Ф. Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегам Иссык-Куля. «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1898 год», т. II, Верный. 1898.

Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1980.

Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Пубаев Р. Е. Задачи научно-атеистической пропаганды по преодолению пережитков ламаизма и шаманизма. Сб. «Критика идеологии ламаизма и шаманизма». Улан-Удэ, 1965.

Раджабов А. А. Об Онгинском памятнике. «Советская тюркология», 1970, № 2, с. 33–43.

Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. Труды Орхонской экспедиции, I–IV. СПб., 1892, 1893, 1896, 1899.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Приложение к LXXII тому «Записок Академии наук», № 2, СПб., 1893.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I–IV. СПб., 1893–1911.

Радлов В. В., Мелниоранский П. М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. – Сборник трудов Орхонской экспедиции, IV. СПб., 1897.

Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957 (перевод с немецкого).

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. I, 2. М.–Л., 1952.

Рерих Ю. Н. Тохарская проблема. «Народы Азии и Африки», 1963, № 6, с. 118–123.

Ринчинэ А. Р. Краткий монгольско-русский словарь. М., 1947.

Романова А. В., Мырсева А. Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Л., 1968.

Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? (К проблеме родства алтайских языков), «Вопросы языкознания», 1974, № 2.

Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). М., 1961.

Русско-туркменский словарь. Под общей редакцией Н. А. Баскакова и М. Я. Хамзаева. М., 1956.

Рыгдылон Э. Р. О знаках на плитах с руническими надписями. «Эпиграфика Востока», IX, 1954, с. 63–72.

Рыгдылон Э. Р. Новые рунические надписи Минусинского края «Эпиграфика Востока», 1951, с. 87–93.

Рыгдылон Э. Р. Заметки о наскальных изображениях у деревни Маткечика на Абакане «Известия Всесоюзного географического общества», 1955, т. 87, вып. 6.

Рыгдылон Э. Р. Подкунинская руническая надпись. «Эпиграфика Востока», XI, 1956, с. 59–62.

Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955 (перевод с немецкого).

Самойлович А. Н. Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности. «Труды Троицкосавско-Кяхтинского подотдела Амурского отдела Русского географического общества», т. XV (1912), вып. I, СПб., 1914. с. 55–80.

Самойлович А. [Н.] Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград, 1922.

Самойлович А. Н. Вильгельм Томсен и тюркология. Сб. «Памяти В. Томсена» (К годовщине со дня смерти). Л., 1928.

Самойлович А. Н. Новые тюркские руны из Монголии (I). «Известия АН СССР», Отд. общественных наук, 1934, с. 631–634.

Самойлович А. Н. Новые тюркские руны из Монголии. II «Известия АН СССР», Отд. общественных наук, 1935, № 7, с. 657–659.

Сат Ш. Ч. Тувинско-русский словарь Под редакцией А. А. Пальм-баха, М., 1955.

Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.

Севортян Э. В. О содержании термина «общетюркский». «Советская тюркология», 1971, № 2, с. 3–12.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. [I–IV]. М., 1974–1989.

Сейдакматов К. Древнетюркские надписи в Горном Алтае. Сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, с. 95–101.

Семенов–Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. Мемуары, т. II. Географгиз. М., 1946.

Сенигова Т. Н. Наскальные изображения у поселения Актобе. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1962, с. 87–97.

Серебренников Б. А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков. «Вопросы языкознания», 1960, № 4.

Серебрянников Б. А. Что было первичным г или z? «Советская тюркология», 1971, № 1, с. 13–19.

Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979 (2-е издание – М., 1986).

Слудский С. С. О тюркской надписи на каменной бабе. «Восточные древности», Труды Восточной Комиссии Московского Археологического общества», II, I, № 18. М., 1896, с. 68–89.

Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909.

Смирнова О. И. Согдийские монеты собрания Нумизматического Отдела Государственного Эрмитажа. «Эпиграфика Востока», IV, М.—Л., 1951.

Соколов А. От камня к печатному станку. «Культура и письменность Востока». II, Баку, 1928.

Спасский Г. И. Записки о Сибирских древностях. О древних сибирских начертаниях. «Сибирский вестник», СПб., 1818, ч. I.

Спасский Г. И. О достопримечательных памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. «Записки Русского Географического общества», кн. XII, СПб., 1857, с. 113—181.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984. Морфология. М., 1988.

Ставиский Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период). «Индия в древности» (Сборник статей), М., 1964, с. 166—187.

Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1965.

Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.

Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. «Туркологический сборник — 1971», М., 1972, с. 213—226.

Стратанович Г. Г. Древние народные верования в буддизме. Сб. «Критика идеологии ламаизма и шаманизма», Улан-Удэ, 1965.

Субракова О. В., Батманов И. А. Древние письмены Хакасии, вып. I, Абакан, 1970.

Суник О. П. Проблема общности алтайских языков. Сб. «Проблемы общности алтайских языков», Л., 1971.

Сыдыков С. Древние надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай. Сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, с. 102—106.

Сыдыков С., Конкобаев К. Байыркы түрк жазуусу (VII—X кылымдар. Окуу китеби. Бишкек, 2001)

Табалдиев К. Ш., Солгобаев О. А. Рунические надписи в Кочкорской долине. Журнал «Мээрим» (Бишкек), 1998, № 2, с. 36—37.

Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. А. Рунические надписи Кочкорской долины. «Известия НАН КР» (Бишкек), 2001, № 1—2.

- Тенишев Э. Р. Руническая надпись на утесе р. Чарыша (Алтай). «Эпиграфика Востока», XII, 1958, с. 62–66.
- Тенишев Э. Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая. «Тюркологический сборник», М., 1966, с. 262–265.
- Тенишев Э. Р. К понятию «общетюркское состояние». «Советская тюркология», 1971, № 2, с. 13–16.
- Тенишев Э. Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников. «Советская тюркология», 1973, № 2, с. 40–45.
- Тенишев Э. Р. Тюркская историческая диалектология и Махмуд Кашгарский. «Советская тюркология», 1973, № 6, с. 54–61.
- Тенишев Э. Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских надписях. «Советская тюркология», 1976, № 1.
- Тенишев Э. Р. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников – Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976.
- Тенишев Э. Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте. «Вопросы языкознания», 1979, № 2.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948.
- Толстов С. П. Огузы, печенеги, море Даукара. «Советская этнография», 1950, № 4.
- Толстов С. П. Работы Хорезмийской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV–III вв. до н. э. – Кой-Крылган. «Вестник древней истории», 1953, № 1, с. 163, 169.
- Томсен В. Дешифровка орхонских и енисейских надписей. «Записки Восточного отделения Русского археологического общества» (ЗВО РАО), т. VIII, вып. III–IV, СПб., 1894.
- Топоров В. Н. К реконструкции некоторых мифологических представлений (на материалах буддийского изобразительного искусства). «Народы Азии и Африки», 1964, № 3, с. 101–110.
- Тохарские языки. Сб. статей. Под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова. ИИЛ, М., 1959.
- Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.–Л., 1940.
- Тувинско-русский словарь. Под редакцией А. А. Пальмбах, М., 1955.

- Тувинско-русский словарь. Под редакцией Э. Р. Тенишева. М., 1968.
- Тугушева Л. Ю. Орхоно-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие. «Туркологический сборник – 1974», М., 1978.
- Тураев Б. А. История Древнего Востока. г. I–II, Л., 1935.
- Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.
- Тілеукабыдұлы Ө. Шипагерлік баян. Алматы, 1996.
- Туркологические исследования. М.–Л., 1963.
- Туркологический сборник, I, М.–Л., 1951.
- Туркологический сборник (К 60-летию А. Н. Кононова). М., 1966.
- Туркологический сборник. 1970, М., 1970.
- Туркологический сборник. 1971, М., 1972.
- Туркологический сборник. 1972, М., 1973.
- Туркологический сборник. 1974, М., 1978.
- Туркологический сборник. 1975, М., 1978.
- Туркологический сборник. 1977, М., 1981.
- Узбекско-русский словарь. Под редакцией А. К. Боровкова. М., 1959.
- Уйгурско-русский словарь. Под редакцией Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961.
- Умняков И. И. Тохарская проблема. «Вестник древней истории». 1940, № 3–4 (12–13), с. 181–193.
- Умняков И. И. Тохары и тохарский вопрос. «Труды УзГУ», Новая серия, № 31, Серия ист.-филолог. наук, вып. I, Самарканд, 1946, с. 15–22.
- Унгвицкая М. А. Памятники енисейской письменности и песенный фольклор хакасов. «Советская тюркология», 1971, № 5, с. 61–72.
- Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980 (ч. I), 1983 (ч. II), 1986 (ч. III).
- Феофилакт Симокатта. История. Перевод С. П. Кондратьева. М., 1957.
- Формозов А. А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика. «Советская этнография», 1950, № 3.
- Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР, М., 1966.

- Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
- Фрейман А. А. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке. «Ученые записки ЛГУ», № 128, серия востоковедческих наук, вып. 3, Л., 1952, с. 123–135.
- Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961 (перевод с немецкого).
- Фридрих И. История письма. М., 1979 (перевод с немецкого).
- Фэн Цзя-шэн. Руническая надпись из Восточной Монголии. (Опыт расшифровки). «Советская этнография», 1959, № 1, с. 3–6.
- Хабичев М. А. Одревнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах. «Советская тюркология», 1970, № 2, с. 64–69.
- Хабичев М. А. О рунах и тамгах. «Филологические этюды», Серия «Языкознание», вып. I, Изд. Ростовского университета. Ростов-на-Дону, 1972, с. 131–143.
- Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.
- Цинцинус В. И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков. Л., 1979.
- Черемисов К. М., Румянцев Г. Н. Монгольско-русский словарь, Л., 1937.
- Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.
- Черников С. С. Наскальные изображения верховий Иртыша. «Советская археология», IX, М.—Л., 1947.
- Черников С. С. Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 12.
- Членова Н. Л. Скифский олень. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 115, Памятники скифо-сарматской культуры. М., 1962.
- Чувашско-русский словарь. Под редакцией М. И. Скворцова. М., 1982.
- Шайхулов А. Г. Введение в изучение алтайских языков. Уфа, 1984.
- Шараф Г. К вопросу о принятии для тюркских народностей латинского шрифта. Казань, 1926.
- Шацкий Г. В. Рисунки на камне. Ташкент, 1973.
- Шеворошкин В. В. Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965.
- Шеворошкин В. В. Лидийский язык. М., 1967.

Ш и ф м а н И . Ш . Финикийский язык. М., 1963.

Ш е р б а к А . М . Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. Сб. «Советская археология», XIX, М., 1954, с. 269—282.

Ш е р б а к А . М . Знаки на керамике и кирпичях из Саркела Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 75, Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II, М.—Л., 1959.

Ш е р б а к А . М . Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска. «Вестник древней истории», 1960, № 2, с. 139—141.

Ш е р б а к А . М . Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, с. 82—172.

Ш е р б а к А . М . Новая руническая надпись на камне. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. IX, 1961, с. 238—241.

Ш е р б а к А . М . Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII веков из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961.

Ш е р б а к А . М . Памятники рунического письма енисейских тюрок. «Народы Азии и Африки», 1964, № 4, с. 141—148.

Ш е р б а к А . М . Тюркские гласные в количественном отношении. «Тюркологический сборник», М., 1966, с. 146—162.

Ш е р б а к А . М . Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Ш е р б а к А . М . Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. «Тюркологический сборник 1970», М., 1970, с. 111—134.

Ш е р б а к А . М . О рунической письменности в юго-восточной Европе. «Советская тюркология», 1971, № 4, с. 76—82.

Ш е р б а к А . М . В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности. «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972, с. 54—63.

Ш е р б а к А . М . П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности. «Тюркологический сборник — 1972», М., 1973, с. 24—35.

Ш е р б а к А . М . Еще раз к вопросу о реконструкции тюркского архетипа анлаутных j~...~z~š~c~s ... «Советская тюркология», 1974, № 4, с. 80—84

Ю д а х и н К . К . Киргизско-русский словарь. М., 1940.

Ю д а х и н К . К . Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Ю с у п о в Г . В . Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.

Ядринцев Н. М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. по поручению Восточно-Сибирского Отдела Императорского Географического общества (географический дневник). — Сборник трудов Орхонской экспедиции, I, СПб., 1892, с. 51–113.

Ядринцев Н. М. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 г. — Сборник трудов Орхонской экспедиции, V, СПб., 1901.

Языки народов СССР, т. II. Тюркские языки. М., 1966.

Яковлев Н. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов. «Революция и письменность», 1936, № 2.

Ямпольский З. Древнейшие сведения о тюрках в зоне Азербайджана. «Ученые записки АзГУ» (Баку), серия языка и литературы, 1966, № 2, с. 62–64.

Althelm F. Hunnische Runen. — Hallische Monographien, Nr. 1. Halle (Saale), 1948.

Althelm F. Geschichte der Hunnen. Bd. I, Kapitel 11 («Hunnische und alttürkische Runen»), Berlin, 1959.

Amanžolov A. An «Ancient Greek» inscription from the region of Alma-Ata. «Archiv Orientální», vol. 35, Praha, 1967, pp. 89–94.

Amanžolov A. S. Forefather Goat or the Ancient Turkic Inscription in Early Greek Alphabet. «Archiv Orientální», vol. 42, Praha, 1974, pp. 33–36.

Amanžolov A. S. Kazakistan'da bulunan Çın aynası ile Sasani tabagındaki runik Türk yazıları. «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı», Bülöten — 1993, Ankara, 1995, s. 115–119.

Anciens caractères, trouvés sur des pierres de taille et des monuments au bord de l'Orkhon dans la Mongolie orientale par l'expédition de M. N. Jadrientseff en 1899. Spb., 1890.

Arat R. R. Kutadgu bilig, I. Metin. Istanbul, 1947.

Aspelin J. R. Fels- und Stein-Inschriften am oberen Jenissei, «Zeitschrift für Ethnologie», XIX, Berlin, 1887, SS. 529–531.

Aspelin J. Die Jenisei-Inschriften, «Zeitschrift für Ethnologie», XXI, Berlin, 1889, SS. 744–746.

Babinger Fr. Ein schriftgeschichtliche Ratsel. «Revue Orientale pur les Etudes Oural-Altaiques», XIV, Paris, 1913, pp. 4–19.

Bailey H. W. Taugara. «Bulletin of the School of Oriental Studies» (BSOS), vol. VIII (1936), part 4.

Bailey H. W. Recent Work in «Tokharian». Transactions of the Philological Society, 1948, pp. 126–153.

B a i l e y H . W The Stael-Holstein Miscellany. «Asia Major», New Series, vol. II (1951), part I.

B a i l e y H . W The Date of the Staël-Holstein Roll. «Asia Major», New Series, vol. IV (1954), part I.

B a i l e y H . W Languages of the Saka. «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd. IV, Absch. 1. Linguistik. Leiden-Köln, 1958.

B a n g W Zu den koktürkischen Inschriften. «T'oung Pao» (Leiden), IX, 1898, SS. 117–141.

B a n g W. Zu den koktürkischen Inschriften und den türkischen Turfan-Fragmenten. «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», XXIII, 1909, SS. 415–419.

B a n g W. Turcica. «Mitteilungen der Vorderasiatische Gesellschaft», Jahrgang 1916, Leipzig, 1917.

B a r t h o l o m a e C h . Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränderte Auflage. Berlin, 1961.

B a z i n L . Un text prototurk du IV siècle: le distique Hioung-nu Tsin chou. «Oriens», vol. I, n. 2.

B a z i n L . Notes sur les mots 'oguz' et 'türk'. «Oriens», 6/2, 1953, pp. 315–322.

B a z i n L . L'inscription d'Uyug-Tarliq. «Acta Orientalia», XXII, Kopenhagen, 1957, pp. 1–7.

B a z i n L . La turcologie: bilan provisoire. «Diogene», N 24, Gallimard, 1958.

B a z i n L . La littérature épigraphique turque ancienne. – Philologiae turcaicae fundamenta, t. 2. Wiesbaden, 1965, pp. 192–211.

B l o c h e t E . Les inscriptions turques de l'Orkhon. «Revue archéologique» (Paris), t. XXXII, 1898, pp. 356–382; t. XXXIII, 1898, pp. 352–365.

B o o d b e r g P . A . Two Notes on History of the Chinese Frontier, 2. «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. I, Numbers 3–4, Harvard-Yenching Institute, 1936, pp. 290–291.

B r o c k e l m a n n C . Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kašgaris Divan Lugat at-turk. Budapest-Leipzig, 1928.

B r o c k e l m a n n C . Zu den alttürkischen Inschriften aus dem Ienissei-Gebiet. «Ural-altaische Jahrbücher», XXIV, Wiesbaden, 1952, SS. 137–142.

C a f e r o g l u A . Türk dili tarihi, I–II. 3. baski. Istanbul, 1984.

C l a u s o n G . The Geographical Names in the Stael-Holstein Scroll. «Journal of the Royal Asiatic Society» (JRAS), 1931.

C l a u s o n G . The Ongin inscription. «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London, 1957, parts 3–4.

- Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962.
- Clauson G. The diffusion of writing in the Altaic world. – In: «Aspects of Altaic civilization», Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, vol. 23. Bloomington, 1963, pp. 139–144.
- Clauson G. The origin of the Turkish «runic» alphabet. «Acta Orientalia» (Havniae), XXXII, 1970, pp. 51–76.
- Clauson G. Some notes on the inscription of Toñuquq. «Studia Turcica», Budapest, 1971, pp. 125–132.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Cohen M. La grande invention de l'écriture et son évolution. Paris, 1958.
- Diringer D. The Alphabet. A Key to the History of Mankind. London, 1953.
- Diringer D. Writing. London, 1962.
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.
- Doerfer G. Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre. «Orientalistische Literaturzeitung» (Berlin), LXVI, 7–8, 1971, S. 325–344.
- Doerfer G. Bemerkungen zu Talât Tekins «Orhon Yazıtları». «Türk Dilleri Araştırmaları 1992», Ankara, 1992, ss. 5–17.
- Donner K. und Räsänen M. Zwei neue türkische Runeninschriften. JSFOu, LXV, 2. Helsingfors, 1931.
- Donner O. Wörterverzeichnis zu den Inscriptions de l'Iénisseï, MSFOu, IV, Helsingfors, 1892.
- Donner O. Inscriptions en caracteres de l'Iénisseï. Système d'écriture. Langue. – «Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition Finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne», Helsingfors, 1892, pp. XL–XLIV (XXXIX–XLIX).
- Donner O. Sur l'origine de l'alphabet turc du nord de l'Asie. JSFOu, XIV, 1, Helsingfors, 1896, pp. 1–71.
- Driver G. K. Semitic Writing from Pictograph to Alphabet. London, 1948.
- Drouin E. Sur quelques monnaies turco-chinoises. «Revue numismatique», IX, Paris, 1891, p. 466.
- Drouin E. La monnaie bilingue de Minoussinsk – «Bulletin de Numismatique», VIII, Paris, 1892, pp. 133–135.
- Dubs H. H. A Roman city in ancient China. The China Society. London, 1957.

[Emre] Ahmet Cevat. Alfabenin menşei. En eski türk yazısıdır. İstanbul, 1933.

Emre A. C. Eski Türk yazısının menşegi. (Sur l'origine de l'Alphabet vicux-turc). İstanbul, 1938.

Emre A. C. Türk dilbilgisi. İstanbul, 1945 (1946).

Emre A. C. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri. I. Phonetik. İstanbul, 1949

Emre A. C. Le probleme de la parenté des langues turques et indoeuropéennes. Ankara, 1960.

Erdberg Consten E. von. The deer in early Chinese art. «Artibus Asiae», vol. XXVI, 3-4, Ascona, 1963.

Ergin M. Orhun âbideleri. İstanbul, 1975 (üçüncü baskı).

Falkenstein A. Das Sumerische. «Handbuch der Orientalistik», Abt. I. Bd. II, Absch. 1-2, Geschichte der Forschung, Sprache und Literatur. Leiden, 1959.

Foldes-Papp K. Vom Felsbild zum Alphabet. Die Geschichte der Schrift von ihren frühesten Vorstufen bis zur modernen Lateinischen Schreibrift. Stuttgart, 1966.

Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, 1957, 1961.

Friedrich J. Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen. Berlin, 1954.

Friedrich J. Geschichte des Schrift. Unter besonderer Berücksichtigung ihrer geistigen Entwicklung. Heidelberg, 1966.

Gabain A. von. Altürkische Grammatik. 2. verbesserte Auflage. Leipzig, 1950; 3. Auflage. Wiesbaden, 1974.

Gabain A. von. Altürkisches Schrifttum. «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin». Philosophisch-historische Klasse, Jahrgang 1948, Nr. III, Berlin, 1950.

Gabain A. von. Inhalt und magische Bedeutung der altürkischen Inschriften. «Antropos» (Revue internationale d'Ethnologie et de Linguistique). Vol. 48, Fasc. 3-4, Freiburg, 1953.

Gabain A. von. und Winter W. Türkische Turfantexte IX. «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin». Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jahrgang, 1956, Nr. 2. Berlin, 1958.

Gabain A. von. Das altürkische. – Philologiae turcicae fundamenta, t. I. Wiesbaden, 1959.

Gabain A. von. Altürkische Schreibkultur und Druckerei. – Philologiae turcicae fundamenta, t. 2. Wiesbaden, 1965, SS. 172-210.

- Gabain A. von. Die alttürkische Literatur. – *Philologiae turcicae fundamenta*, t. 2. Wiesbaden, 1965, SS. 211–242.
- Gabain A. von. Eski Türkçenin Grameri. Çeviren: M. Akalin. Ankara, 1995.
- Gauthiot R. De l'alphabet sogdien. «*Journal Asiatique*», 10 série, t. XVIII. Paris, 1911. Janv.–Févr., pp. 81–95.
- Ghirshman R. Bégam. Recherches archeologiques et historiques sur le Kouchans. Le Caire, 1946.
- Ghirshman R. Le Chionites-hephtalites. Le Caire, 1948.
- Giraud R. L'inscription de Bain-Tsokto. Edition critique. Paris, 1961.
- Harmatta J. Cusanica. «*Acta Orientalia Hungaricae*», t. XI, fasc. 1–3, Budapest, 1960.
- Harva U. Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. Porvoo-Helsinki, 1938.
- Heikel H. J. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. «*Travaux ethnographique*», VII, Helsinki, 1918.
- Henning W. B. Argi and the «Tokharians». *BSOS*, vol. IX (1938), part 3, pp. 545–571.
- Henning W. B. The date of the Sogdian ancient letters. *BSOAS*, vol. XII (1948), part 3–4.
- Hirth F. Nachwort zur Inschrift des Tonjukuk, Zeit des Ku-tu-lu (Ilteres Khan). – Die alttürkischen Inschriften in der Mongolei, Zweite Folge. Spb., 1899. SS. 1–140.
- Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890, et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892.
- Inscriptions de l'énisseï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie. Helsingfors, 1889.
- Jensen H. Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, 2. neubearbeitete und erweiterte Auflage, Berlin, 1958.
- Klaproth J. Mémoires relatifs à l'Asie (Sur quelques antiquités de la Sibérie). Paris, 1824.
- Konow St. Vedic «dasyu», Toxri «dahü». – Festschrift Wilhelm Thomsen (zur Vollendung des siebenzigsten Lebensjahres am 25. Januar 1912). Von Freunden und Schülern. Leipzig, 1912, SS. 96–97.
- Kotwicz W. et Samoilovitsch A. Le monument turc d'Ikhe-khochotu en Mongolie centrale. «*Rocznik Orientalistyczny*», t. IV (1926), Lwow, 1928, pp. 60–107.

K o t w i c z W Contributions à l'histoire de l'Asie Centrale. «Rocznik Orientalistyczny», t. XV, 1949.

K r ä m s k ý I. Über der Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den ural-altaischen Sprachen. «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», CVI, I, Leipzig-Wiesbaden, 1956.

K r a u s e W Tocharisch. «Handbuch der Orientalistik», Bd. IV, Abschnitt 3, Leiden, 1955.

K u r a t A. H. Peçenek tarihi. Istanbul, 1937.

L e C O Q A. von. Koptürkisches aus Turfan. «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Classe, Berlin, 1909, XI.

L e C O Q A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho, I–III. «Abhandlungen der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften», Philosophisch-historische Klasse, Berlin, 1911, 1919, 1922.

M a h m u d K a ş g a r l i. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay, cilt I–III, Ankara, 1939, 1940, 1941.

M a r q u a r t J. Die chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.

M e s s e r s c h m i d t D. G. Forschungsreise durch Sibirien, 1720–1727, t. I, Berlin, 1962.

M a t s u d a H. The Geo-historical studies on the ancient Tien-Shan region. Tokyo, 1955.

M o o r h o u s e A. C. The Triumph of the Alphabet. A History of Writing. New-York, 1953.

M u l l e r F. W. K. Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nördlichen Mongolei. SPAW, 1909, XXVII.

M u n k a c s i B. Die Bedeutung des Namens der Türken. «Korösi Csoma-Archivum», I, I, 1921.

M e n g e s K. H. The Turkic languages and peoples. (An introduction to Turkic Studies). Wiesbaden, 1968.

N e b e s k y - W o j k o w i t z R. M. de. Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Oxford University Press, London, 1956.

N é m e t h J. Zur Kenntnis der Petschenegen. «Korösi Csoma-Archivum», I, 3, 1922.

N é m e t h J. Der Volksname Türk. «Korösi Csoma-Archivum», II, 4, 1926.

N é m e t h J. Die köktürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas in Turkestan. «Korösi Csoma-Archivum», 1–2. Budapest, 1926, SS. 137–138.

- N é m e t h J. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Bibliotheka Orientalis Hungarica, II. Budapest-Leipzig, 1932.
- N é m e t h J. The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the runiform scripts of Eastern Europe. «Acta Linguistica Scientiarum Hungaricae», t. XXI, 1–2, Budapest, 1971, pp. 1–52.
- O r k u n H. N. Eski türk yazitlari, I–IV. Istanbul, 1936, 1939, 1940, 1941, 2. baski. Ankara, 1987.
- P e l l i o t P. A propos du «Tokharien». – «T'oung Pao», XXXII, 1936.
- P h i l o l o g i a e t u r c i c a e f u n d a m e n t a, t. 1. Wiesbaden, 1959.
- P h i l o l o g i a e t u r c i c a e f u n d a m e n t a, t. 2. Wiesbaden, 1965.
- P o p p e N. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen, I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
- P o p p e N. N. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.
- P o u c h a P. Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A. Praha, 1955.
- P r i t s a k O. Das Alttürkische. – «Handbuch der Orientalistik», Bd. V, Altaistik, Abschnitt 1, Turkologie. Leiden-Köln, 1963.
- P u l l e y b l a n k E. G. The background of the rebellion of An Lu-Shan. London, 1955.
- P u l l e y b l a n k E. G. The Chinese name for the Turks. «Journal of the American Oriental Society», 85/2, 1965.
- R a d l o f f W. Atlas der Alterthümer der Mongolei. Arbeiten der Orchon-Expedition. I–IV. SPb., 1892, 1893, 1896, 1899.
- R a d l o f f W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin. SPb., 1894.
- R a d l o f f W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, SPb., 1895.
- R a d l o f f W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. St. – Petersburg, 1897.
- R a d l o f f W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. Die Inschrift des Tonjukuk. SPb., 1899.
- R a d l o f f W. Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems. – «Известия Академии Наук», XIV, № 4, СПб., 1901, с. 425–462.
- R a d l o f f W. Die vorislamischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben. – «Известия Академии Наук», VI серия, 1908, № 10, с. 835–856.

R a d l o f f W. Alttürkische Studien, I–VI – «Известия Академии Наук», СПб., 1909–1912.

R a d l o f f W. Tišastvustik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddistisches Sūtra. «Bibliotheca Buddhica», XII, SPb., 1910.

R a m s t e d t G. J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. «Journal de la Société Finno-Ougrienne» [JSFOu], XXX, 3, Helsingfors, 1913.

R a m s t e d t G. J. The relations of the Altaic languages to other language groups. JSFOu, t. LIII, 1, Helsinki, 1946/47.

R a m s t e d t G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. Bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto. Helsinki, 1957.

R a m s t e d t G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. Formenlehre. Bearbeitet und herausgegeben von Pentti Aalto. Helsinki, 1952.

R a m s t e d t G. J., G r a n ö J. G. und P e n t t i A a l t o. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. JSFOu, t. LX, 7, Helsinki, 1958, SS. 30–61.

R ä s ä n e n M. Beiträge zu den türkischen Runeninschriften. «Studia Orientalia», XVII, 6, Helsinki, 1952.

R a s a n e n M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.

R ä s ä n e n M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.

S c h i f n e r A. Über verschiedene sibirische Eigenthums-Zeichen. «Mélanges russes», vol. IV. 1858, p. 2.

S e r t k a y a O. F. The first line of the Tonyukuk monument. «Central Asiatic Journal», vol. XXIII, 3–4, 1979, pp. 288–291.

S e r t k a y a O. F. Gök Türk tarihinin meseleleri. Ankara, 1995.

S h i r a t o r i K. Über die Wu-sun Stamm in Zentralasien. «Keleti Szemle» (Revue Orientale), 1902, 2–3, SS. 103–140.

S p a s s k y G. De antiquis quisbusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis, Petropoli, 1822.

S t r a h l e n b e r g P h. v o n. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

Š ě r b a k A. M. L'inscription runique d'Oust-Elégueste (Touva). «Ural-altaische Jahrbucher», XXXV, Wiesbaden, 1964, pp. 145–149.

- T a r n W W** The Greeks in Baktria and India. Cambridge, 1951 (first edition 1938).
- T c h l e n o v a N. L.** Le cerf scythe. «Artibus Asiae», vol. XXVI, I, Ascona, 1963.
- T e k i n T.** On Kok Turkic büntägi. «Central Asiatic Journal», vol. VIII, No. 3, The Hague–Wiesbaden, 1963. pp. 196–198.
- T e k i n T.** On a misinterpreted word in the Old Turkic inscriptions. «Ural- altaische Jahrbücher», XXXV, Wiesbaden, 1964. pp. 134–144.
- T e k i n T.** Bir «runik» harfin fonetik degeri hakkında. «Türk Kulturünü Araştırma Enstitüsü yayınları», 19, Seri I, Sayı A 2. Ankara, 1966, S. 412–417.
- T e k i n T.** A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968.
- T e k i n T.** Orhon yazıtları. Ankara, 1988.
- T e k i n T.** Tonyukuk yazıtı. Ankara, 1994.
- T e z c a n S.** Tonyukuk yazıtında birkaç düzeltme. «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı – Belleten 1975–1976, Ankara, 1976, ss. 173–181.
- T h o m p s o n E. M.** An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912.
- T h o m s e n V.** Dechiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénisseï. Notice préliminaire. Extrait du «Bulletin de l'Académie R. des Sciences et des Lettres de Danemark», 1893, N 3, Copenhague, 1894.
- T h o m s e n V.** Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne» [MSFOu], V, Helsingfors, 1984–1896.
- T h o m s e n V.** Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure. «Keleti Szemle», II, Budapest, 1901.
- T h o m s e n V.** Ein Blatt in Türkischer «Runenschrift» aus Turfan. SPAW, Phil.-hist Classe, 1910, XV.
- T h o m s e n V.** Dr. M. A. Stein's Manuscripts in Turkish «runic» script from Miran and Tun-Huang. «The Journal of the Royal Asiatic Society» /JRAS/, London, 1912, January, pp. 181–227.
- T h o m s e n V.** Turcica. Etudes concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie. MSFOu, XXXVII, 1916.
- T h o m s e n V.** Une lettre méconnue des inscriptions de l'Iénisseï. JSFOu, XXX, 1916, pp. 1–9.

Thomson V. L'alphabet runiforme turc. Samlede Afhandlinge, III Bind, Kobenhavn, 1922.

Thomson V. Une inscription de la trouvaille d'or der Nagy-Szent-Miklos. Samlede Afhandlinge, III, Kobenhavn, 1922.

Thomson V. Altürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung. «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 78, Leipzig, 1924–1925.

Thomson V. Orhon ve Yenisey yazıtlarının çözümü. Çözölmüş Orhon yazıtları. Çeviren: V. Koken. Ankara, 1993.

Thomas F. W., Konow S. I. Two Medieval Documents from Tunhuang. «Oslo Ethnografiske Museums Skifter», Bind III (1929), Hefte 3.

Tryjarski E. L'inscription turque runiforme d'Arkhanen en Mongolie. «Ural-Altäische Jahrbücher», XXXVI, 3–4, Wiesbaden, 1965, pp. 423–428.

Tychsen O. H. Schreiben an Pallas 19 Febr. 1786 über alte unbekannte Steinschrift in Sibirien. – «Neue nördliche Beiträge», t. V, SPb., 1793, SS. 237–245.

Tuna O. N. On the phonetic values of the symbols used in some of the text in Kok-Turkish script. «Central Asiatic Journal», vol. XI, No. 4, The Hague–Wiesbaden, 1966.

Tuna O. N. Sümer ve Türk dillerinin tarihi ilgisi ile Türk dilinin yaşı meselesi. Ankara, 1997.

Vary H. Altürkische Felszeichnungen in Nordost-Anatolien. «Ural-Altäische Jahrbücher», Band 40, Heft 1–2, Wiesbaden, 1968, SS. 50–78.

Windkens V. Les noms des Saces et des Scythes. «Beiträge zur Namenforschung», I, 1949, pp. 98–102.

Winter W. Tocharians and Turks. – In: «Aspects of Altaic civilization». Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 23. Bloomington, 1963.

SUMMARY

Ancient Turkic runic writing is closely connected with history of social and cultural development of Turkic tribes in Tian-Shan, Sayan-Altay and Khangay mountains. Regions of spreading and chronological frames correlate with Ancient Turkic states of 6th-10th centuries A.D. At the same time, sources of this process are lying considerably deeper. Language of Turkic runic monuments in any way reflects a previous stage of all existed Turkic languages' development. Language of Turkic runics was formed on a basis of dialects of ancient tribes, presented in ethnic structure of many Turkic people nowadays.

The Turkic runic writing gives a valuable material on ideology of hunting and cattle-breeding tribes in Central Asia. Early beliefs of Turks were reflected in cults of surrounding nature and ancestry forefathers, as well as in zoolatry and totemism. Buddhism, Manikheinity and Nestorian Christianity made a significant influence on ancient Turkic tribes at the second half of the I millennium A.D. and these religions had an influence on change of writing as a rule. Finally, the ideology of Islam and the Arabian alphabet were spread in Western and Eastern Turkestan on the boundary of I-II millennium A.D.

2. Graphics of Talas, Yenisey and Orkhon inscriptions informs that the Turkic runic alphabet was well adapted to the sound system of the Ancient Turkic language. Vowel phonemes a and a, ı and i, o and u, ö and u were represented by four polyphonic letters. Consonant phonemes b, p, d, t, z, s, š, č, m, n, l, r, j, g, k, η (and, partly, their variants) were represented by thirty one letters.

The graphic contrast hard and soft consonant phonemes b, d, t, s, š, n, l, r, j, g (γ-g), k (q-k) were developed under the influence of syllable and words synharmonism in Turkic runic writing. Nevertheless, "paired" consonant letters sometimes were undergone to neutralisation, i.e. became partly mutually replaceable. Consonant phonemes p, z, č, m, η were represented by "single" consonant letters. Thus, there were thirty five letters represented in Turkic runic alphabet. Apart of this, there were four specific symbols for consonant-combinations lt, rt, nt, nč.

3. Talas, Yenisey and Orkhon runic inscriptions were researched by us on the whole in originals (Orkhon inscriptions – partly according to photos), which allow to define more precisely their letters, transcription and translations. The epigraphic materials and partly investigations on Talas, Yenisey and Orkhon runic inscriptions are presented in this monograph. Particularly, some Yenisey inscriptions, decoding of Talas runic inscription of a wood stick, the reading of some runic inscriptions from Talas and Chu, three Orkhon inscriptions (Kül-Tegin, Ongin and Tonyukuk).

4. The new epigraphic findings show the existence of the alphabetic writing of the early nomadic tribes in Kazakhstan. This is proved by at least two Turkic runic inscriptions that were found in the burial-mounds of 5th-4th centuries B.C. in the valleys of Irtysh and Ili rivers. It can be seen that the Turkic runic inscriptions comprise the period almost in 1,5 millennium (the middle of the I millennium B.C. – the end of the I millennium A.D.).

5. Epigraphic findings in the Ili valley show us that in the I millennium B.C. ancient

Turkic tribes of Tian-Shan used not only Turkic runics but ancient Greek alphabet (towards on the rights to the left). Apparently, latter was inherited by ancient Turks from Sakas and Buddhist Tokhars. Coexistence of both alphabets among Turkic tribes-ancient Greek alphabet and Turkic runic alphabet which were raised not later than in the middle of the first millennium B.C., show directly on striking coincidence historical destinies of these close related alphabets in Ili valley.

6. For the history of writing the pictograms, ideograms and other early writing signs of Kazakhstan and South Siberia treaded to the eras of neolith, bronze and early iron (IV-I millennium B.C.) are of great importance.

Early types of writing (pictography, ideography) on the territory of Kazakhstan illustrate the development of Prototurkic civilisation with organisation role of language and writing. Earliest rock signs of Kazakhstan related to the age of late bronze and early iron in some cases connected with prototypes of some Turkic runic signs.

Reveled through prism of earliest language contacts enigmatic "Sumerian"-Turkic lexical coincidences and pictured logograms are of importance for historical phonetics of Turkic languages.

7. Palaeographic analysis in its turn leads us to the conclusion of early formation of the Turkic runic alphabet – not later than the middle of the I millennium B.C. This alphabet reveals its close genetic connection in the first place with early types of ancient Greek alphabet (with its Asia-Minor and Italic modifications in particular) and in the second place with North Semitic-Phoenician (the early Aramaic included) and South Semitic alphabets.

The Turkic runic alphabet shows itself as a very rich and rather independently-formed graphical system. The Turkic runic signs have close genetic connections with early Semitic, ancient Greek, Italic and Asia-Minor letters, because the Turkic runic alphabet had a long history of its development and apparently it goes back to the earliest common source of the alphabetic writing. Some early logographic or alphabetic writing of III-II millennium B.C. could be taken as its source.

Palaeographic and phonological connections of the Turkic runic signs (graphemes) are the evidence of the Turkic runic alphabet's long evolution that originally reflected an ancient phonetic processes.

(Altay S. Amanzholov. Ancient Turkic Writing, its history and theory. Almaty, 2002)

О Т З Ы В Ы

Статья А. С. Аманжолова содержит два раздела и три сюжета, между которыми есть тематическая связь.

Первый раздел (стр. 1–5) посвящен археологической интерпретации костяной бляхи из погребения скифского времени, где автор усматривает древнетюркскую надпись. Первая интерпретация резов на этой бляхе, как тюркских рун, вызвала возражения со стороны М. П. Грязнова и С. Г. Кляшторного.

Автор учел критику и предполагает новую интерпретацию, о правильности которой рецензент судить не может, но которая заслуживает обсуждения в печати с участием лиц, занимающихся специально тюркской палеографией.

Наиболее острым сюжетом является протест автора против общепринятого мнения о дате происхождения древнетюркского рунического алфавита — ок. V–VI вв. н.э. А. С. Аманжолов относит эту дату на 1000 лет назад, в эпоху, предшествовавшую образованию хуннской державы. Собственно, ради этого он и интерпретирует резы на бляхе как руны. Прав ли он? — сказать трудно, но пересмотр рабочих гипотез XIX в., укоренившихся в научной традиции на основании привычки, производить время от времени необходимо, иначе развитие науки остановится. В пользу мнения А. С. Аманжолова можно добавить, что у хуннов бытовала алфавитная письменность, которая до нас не дошла, так как хунны писали на нестойких материалах (коже, бересте и т.п.). Но судить каков был характер алфавита: прототюркский или какой-либо другой пока трудно. Во всяком случае гипотеза А. С. Аманжолова заслуживает внимания.

Наконец, в третьем сюжете работа А. С. Аманжолова наиболее убедительна. Зоолатрия у центральноазиатских народов безусловно была развитой идеологической системой до проникновения мировых религий: буддизма, христианства и ислама. То, что А. С. Аманжолов заостряет на этом внимание и обобщает материал, включая археологию и лингвистику, ново и, как будто, верно. Именно эта часть статьи представляется наиболее ценной и даже несущественно, окажется ли автор прав в споре о костяной бляхе и даже начала рунического письма. Зоолатрия как мировоззрение — это тезис, который позволяет, наконец, разделить древнеязыческие культы предков от мистического шаманства (тенденция смешивать их, к сожалению, общепринята в этнографической литературе), уяснить значение скифского «звериного стиля» и заново поставить некоторые вопросы этногенеза, приняв к рассмотрению материал мифов и легенд.

Будучи опубликованной, статья, наверняка, вызовет дискуссию, но даже если не все соображения А. С. Аманжолова подтвердятся, все равно для науки откроется новый путь обобщений. Поэтому опубликование статьи А. С. Аманжолова в «ВДИ» желательно и целесообразно.

Доктор исторических наук Л. Н. ГУМИЛЕВ

Работа Аманжолова представляет очень значительный интерес в двух отношениях: она содержит крайне важные теоретические выводы (напр., благодаря его исследованиям датировка тюркских рун отодвигается вглубь времени на целое тысячелетие, а сами руны связываются с древним семитским письмом); в ней собран новейший эпиграфический материал, эти выводы подкрепляющий (Аманжолов хорошо известен эпиграфистам своими публикациями новонайденных надписей; в монографии собраны эти надписи и даются репродукции и интерпретации ранее не опубликованных надписей).

Работа Аманжолова выполнена на хорошей теоретической основе и подкреплена богатым фактическим материалом. Она представляет большой интерес не только для советских и зарубежных тюркологов, но и для эпиграфистов и лингвистов других специальностей (в монографии содержится важный лингвистический материал). Монография Аманжолова, безусловно, может быть представлена к защите в качестве докторской диссертации.

Доктор филологических наук В. В. ШЕВОРОШКИН

Учитывая, что на протяжении двухсот лет идет познавательная работа над тюркскими руническими письменами и высказаны различные гипотезы о их генезисе, не ставшие до сих пор археологически и исторически обоснованными, мы считаем, что открытия А. С. Аманжолова и высказываемые им предположения вызывают научный интерес.

Самое основное в положениях А. С. Аманжолова относительно наскальных надписей — это мысль о их магическом значении. Нам представляется это вполне оправданным. Мы, занимаясь ономастикой охотничьего быта у тюркских народов, о чем мы в 1966 г. делали специальный доклад на конференции РИАС в Равелло (Италия), на тему «L'onomastique de la vie et des coutumes des chasseurs touviens, kazakhs et ouïgours» (Доклад принят к печати), констатировали, какое большое ритуальное значение имеют многочисленные магические формулы, приметы, знаки и аксессуары охоты. Какое огромное значение для охотника имеют «все объекты охоты, которые являются дарами хозяев природы, материальными дарами окружающего мира». Это «Oran kezii» — «Oran» окружающий мир, природа, «kezik» — дар, добро, материальная ценность. Иногда это «tañdı kezii», т.е. дар тайги, и не простой тайги, но мифологического существа, божественной тайги, почти что таñı «Небо и земля священны, священна и личь» (añ); «священны и творения воды и земли» (der-su süvesi). Ритуалы, совершавшиеся перед охотой обряды, действия, заклинательные знаки — все составляло (да и теперь составляет) необходимое предварение охоты, вплоть до окуривания дымом можжевельника, горящего на специальном камне перед жильем охотника (artış-ardag) всего охотничьего снаряжения вместе с почтительным обращением к живым объектам охоты.

Можно было бы привести многочисленные конкретные данные по всему комплексу охотничьего ритуала и целиком оправдать диагнозы по содержа-

нию надписей, приводимых А. С. Аманжоловым, вплоть до выявления и темной сути наскальных изображений. Все это ставит задачу новых научных исследований, и может быть, основными страницами их станут искания и диагнозы А. С. Аманжолова.

Наблюдения над формами буквенных знаков, лексикологическая расшифровка надписей, будем надеяться, — прольют со временем свет и на генезис тюркских рунических знаков и расширится ареал их распространения и белые пятна археологии и истории в этом русле исчезнут... Во всех случаях работу Алтая Аманжолова можно считать импульсом к новым сторонам познания тюркских рун, а потому его материалы достойны для напечатания в столь уважаемом научном журнале, как «Вопросы языкознания».

*Зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА при МГУ,
заслуженный деятель науки РСФСР, профессор Вл. НАСИЛОВ*

Докторская диссертация А. С. Аманжолова представляет собой фундаментальное исследование, посвященное кардинальным вопросам истории древнетюркской письменности. В диссертации проблемы тюркской эпиграфики рассматриваются в широком контексте истории древних тюркоязычных племен, их общественных отношений и форм общественного сознания, в тесной связи с историей тюркских языков.

В качестве основного направления исследования автор выдвигает рассмотрение общего процесса становления и распространения древнетюркской письменности, ее графической системы. На основе детального изучения указанных вопросов А. С. Аманжолов определяет свой подход к решению сложной проблемы происхождения тюркского рунического алфавита.

Известно, что для исследования вопросов тюркской эпиграфики исследователь должен обладать широкой тюркологической эрудицией, обширными знаниями в области истории тюркских языков, истории тюркоязычных народов, их культурно-исторических контактов и взаимодействий с другими языковыми коллективами, а также общих проблем палеографии. В своей работе А. С. Аманжолов убедительно показывает, что он обладает этими научными данными, превосходно владеет методологией и методикой исследования тюркской эпиграфики. Именно это позволяет ему так глубоко анализировать и решать или находить подход к решению сложнейших вопросов истории древнетюркской письменности.

А. С. Аманжолов строит свое исследование на основе работ таких выдающихся языковедов, которые занимались проблемами древнетюркской письменности, как В. В. Радлов, В. Томсен, С. Е. Малов, В. М. Насилов, И. А. Батманов, А. К. Боровков и др., с учетом всех работ известных советских и зарубежных тюркологов, которые вносят свой вклад в изучение тюркской эпиграфики. Вместе с тем А. С. Аманжолов предлагает свое решение ряда существенных проблем истории древнетюркской письменности, в частности,

такого важнейшего вопроса, как происхождение тюркского рунического алфавита, который, как показывает диссертант, связан с древними алфавитами восточного Средиземноморья.

А. С. Аманжолов вводит в круг своего исследования новые эпиграфические находки на территории Казахстана, что позволяет ему по-новому поставить вопрос о хронологических рамках становления и распространения тюркского рунического алфавита, а также о взаимоотношениях его с другими системами письма.

Творческий характер исследовательского подхода к рассматриваемым проблемам, стремление ввести в круг исследования новые материалы, найти, опираясь на выводы своих предшественников, новый подход к ряду не решенных еще окончательно проблем представляются значительным достоинством рецензируемой работы. Последовательно проводимая линия на расширение рамок исследования, внимание к установлению — пусть и гипотетически — взаимоотношений с другими системами письменности также существенным образом обогащают работу А. С. Аманжолова.

В целом фундаментальное исследование А. С. Аманжолова является ценным вкладом в тюркскую эпиграфику, отличается творческой оригинальностью и является результатом многолетней плодотворной работы автора над избранной темой.

На основе всего сказанного выше можно с уверенностью сделать вывод о том, что исследование А. С. Аманжолова «Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности» удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а его автор вполне заслуживает ученой степени доктора филологических наук.

Данный отзыв является коллективным, обсужден на заседании кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ и представляется в качестве внешнего отзыва.

*Зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА при МГУ,
доцент С. А. СОКОЛОВ*

Проблемы, связанные с ранними этапами развития письменности у далеких предков тюркоязычных народов, представляют огромный интерес как для историков языка, так и для историков культуры. Новизна и актуальность данной работы проявляется уже в том, что она выполнена на стыке смежных дисциплин — лингвистики, археологии и этнографии. Глубокое знание источников и соответствующей литературы позволило автору создать оригинальную и вполне аргументированную концепцию по узловому вопросу о происхождении тюркского рунического письма.

Сущность этой историко-лингвистической концепции сводится к следующему: 1) тюркский рунический алфавит прошел длительный самостоятельный путь развития и своеобразно отразил в себе процесс становления звуко-

вой системы древнетюркского языка; 2) тюркский рунический алфавит, как свидетельствуют археологические находки в погребениях V—IV вв. до н.э. на территории Казахстана, сложился не позже середины I тысячелетия до н.э.; 3) тюркский рунический алфавит обнаруживает тесную генетическую связь с ранними алфавитными письменностями Средиземноморья и, по-видимому, восходит к древнейшему общему источнику алфавитных письменностей. Отсюда следует совершенно правильный вывод: «Проблема происхождения тюркского рунического алфавита, надо полагать, тесным образом связана как с вопросами этногенеза и истории культуры древнетюркских племен, так и с нерешенными проблемами исторической фонетики тюркских языков» (стр. 273).

Исследование А. С. Аманжолова, подкрепляемое новейшим эпиграфическим материалом, объективно направлено против старой «арийской» (индоиранской) теории, отрицавшей автохтонность тюркоязычного населения Южной Сибири и Казахстана и всячески принижавшей культурные достижения древних тюркоязычных племен. Принципиальный спор А. С. Аманжолова с кандидатом исторических наук С. Г. Кляшторным, который по традиции считает тюркский рунический алфавит потомком согдийского алфавита, теперь определенно разрешается не в пользу С. Г. Кляшторного.

В вопросах древнетюркской этнонимии, этногенеза и ранних представлений тюркоязычных племен Южной Сибири и Казахстана, затронутых автором монографии в связи с интерпретацией новых находок, все же остается немало неясного и спорного, нуждающегося в дальнейшем изучении. Во всяком случае, наблюдения автора (тюрколога-лингвиста по специальности) обнаруживают его обширные познания и в частных вопросах культурно-исторического развития древних тюркоязычных племен.

Работа А. С. Аманжолова выполнена на высоком теоретическом уровне, содержит оригинальные выводы и богатый фактический материал, подкрепляющий эти выводы. Работа является образцом непредубежденного и творческого подхода к решению проблем истории древнетюркской письменности.

Заведующий отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова, академик АН КазССР А. Х. МАРГУЛАН

Отечественная ориенталистика едино в своем стремлении фронтально изучить памятники старописьменной культуры народов Советского Союза, в том числе тюркских. Способность оценить и хранить культурные достижения давно минувших эпох — это показатель и современного уровня развития цивилизации.

Другая особенность переживаемого момента — это превращение многих народов тюркоязычного Востока из объекта в субъект науки, когда тюркологи высшей квалификации выдвигаются из среды самих тюрков. В этом смысле Казахстан, как и другие наши республики, довольно долго представлял собой

своего рода «целинный край» на текстологической карте мировой тюркологии. Сегодня отрадно отметить, что одну из заметных глубоких борозд по этой недавней эпиграфической целине проложила ныне обсуждаемая монография Алтая Сарсеновича Аманжолова, посвященная всестороннему историко-лингвистическому анализу древнетюркской письменности, включая новооткрытые автором надписи с территории Казахстана, и подробному исследованию проблем генезиса графемики тюркских рун.

Докторская диссертация А. С. Аманжолова, будучи комплексным трудом языковедческого, этноисторического и культурологического плана, почти не имеет прецедентов в ареальной тюркологии. Новизна сюжета, свежесть привлекаемого материала, определенная целеустремленность в постановке актуальных вопросов эпиграфики (заметим в скобках, что часть из них во многом дискуссионна, а другая и вовсе не разработана текстологами — к примеру, сложно уяснить характер соотношенности руники с разговорной речью древнетюркских племен и связи ее с современными языками) — все это позволяет признать попытку диссертанта восполнить пробел в изучении древней истории тюркских языков на территории Казахстана и смежных регионов в целом удачной.

Трудно не солидаризироваться и с генерализующими выводами автора, усматривающего единую линию эволюции буквенного тюркского письма независимо от систем графики.

Обращает на себя внимание весьма солидная и разносторонняя филологическая эрудиция исследователя, которая проявляется как в квалифицированном рассмотрении языковых фактов, так и в умелом сопоставлении последних с соответственными явлениями из сферы социогенеза.

Читателю диссертация не может не imponировать обширная источниковедческая база, на которой А. С. Аманжолов строит свои суждения: наряду со множеством ранее известных впервые вводится в научный оборот до десятка труднодоступных и еще труднее однозначно трактуемых рунических и рунopodobных текстов, лично обнаруженных, прочитанных, описанных и опубликованных соискателем.

Автор творчески проработал широкий круг литературных первоисточников (свыше 550!) на русском и других языках народов СССР, многих иностранных языках. Большинство работ предшественников получило со стороны диссертанта исчерпывающие характеристики, начиная с гениального озарения 25 ноября 1893 г., когда датский языковед Вильгельм Томсен, избранный впоследствии иностранным членом-корреспондентом АН СССР, сумел разгадать тайны древнетюркских письмен. Однако известно, что Томсен не смог прочитать ряда слов, написанных знаками открытой им письменности и вынужден был обратиться за консультацией к В. В. Радлову. Вот что писал В. Томсен спустя 4 дня после своего открытия В. В. Радлову: «Что касается собственно значения и перевода надписей, то я сожалею, что не являюсь Радловым» (из сборника статей АН СССР «Памяти Томсена», М., 1928).

Машинопись (местами ксерокопия) исследования, схемы и фотопрорисы полностью свободны от обычных технических недочетов и погрешностей в оформлении, что производит впечатление труда, окончательно отредактированного и подготовленного к печати.

Все предварительно изложенное, равно и как и то, что основные разделы диссертации опубликованы в авторитетных научных изданиях Москвы, Алматы, Абакана, Кызыла и Праги, а главные теоретические положения отражены в реферате, дает право составителю настоящего отзыва рекомендовать работу А. С. Аманжолова Ученому совету филологического факультета Казахского государственного университета для вынесения положительного решения о присуждении ее автору искомой степени доктора филологических наук.

Наша частные замечания, которые диссертант вправе использовать в будущем по своему усмотрению, носят преимущественно характер беглых помет на полях, риторических вопросов или же сомнений и раздумий, которые, возникнув у одного читателя, имеют тенденцию многократно повторяться и у других специалистов.

Например, на стр. 20 диссертации и стр. 4 АДД высказывается верное суждение о принципиальной несводимости руники к истории одного какого-либо «избранного» тюркского языка. Но нельзя не учитывать и общепризнанный относительно большей или меньшей типологической близости к руническим текстам отдельных классификационных групп тюркской общности (огузской, сибирской, среднеазиатской и др.) хотя бы на правах междиалектного койне.

Со стр. 23, 25, 27 и далее предстает система уточненной записи извлечений из рунических стел, названная автором транслитерацией. Все же, учитывая надстрочные знаки для большинства отсутствующих в оригинале гласных, такой способ воспроизведения звучания рун уместнее именовать транскрипцией или в крайнем случае трансграфией (ср. ДТС, Л., 1969, стр. 14). К транслитерации же (с последующим озвучиванием графем) скорее относится подача побуквенного материала (без дискритик!) в рунологических изданиях АН Киргизской ССР...

Основательный труд казахского ученого заслуживает, на наш взгляд, не только высшего квалификационного признания, но и скорейшего опубликования.

*Профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания
Башкирского государственного университета,
старший научный сотрудник АН СССР,
доктор филологических наук Т. М. ГАРИПОВ*

Язык древнейших памятников тюркской письменности имеет многолетнюю историю изучения: достигнуты значительные результаты. Но древнетюркская эпиграфика, в частности, вопросы возникновения и становления тюркского рунического алфавита, если не считать пробных заметок первых тюр-

кологов и нескольких статей, оставались забытыми. Изучение данной проблемы, как известно, тесно связано с развитием общей культуры и языка тюркских племен. Поэтому решение этой проблемы являлось для тюркологии долгожданной и чрезвычайно важной. А. С. Аманжолов сделал большое дело, избрав для обобщающей работы эту сложную и злободневную тему.

Причиной отставания изучения тюркской эпиграфики была, кажется, нехватка материалов. Новые находки древнетюркских рун на территории Казахстана и Средней Азии расширили представление о рунике и дали возможность наметить пути зарождения и становления древнейшего тюркского алфавита. Над выявлением и чтением этих новых памятников в течение последних десятилетий активно работал автор рецензируемой работы. Поэтому смело можно сказать, что данная проблема входит в число основных научных направлений А. С. Аманжолова и является результатом долгих исканий и исследований.

Весьма скрупулезно изучены в работе палеографические и орфографические особенности тюркской рунической письменности, на что также в последнее время обращалось мало внимания. Автором выявлены начертания многих букв и уточнены их значения. Значения ряда букв определяются в связи с особенностями исторического развития тюркских языков, что говорит о большой эрудиции А. Аманжолова в области исторической фонетики и грамматики, данная работа имеет несомненную значимость и для истории тюркских языков.

Материалы и исследования по новонайденным памятникам Казахстана, Средней Азии и долины Енисея, составляющие II–IV главы работы, представляются материалом, на которых основано решение вопросов происхождения тюркской руники. Поэтому взгляды и выводы автора на возникновение и становление рунической письменности кажутся обоснованными и естественными. Настораживает лишь то, что решение проблемы происхождения древнетюркского алфавита связывается с гипотезой о древнейшей генетической общности тюркских языков с индоевропейскими, для чего, как нам кажется, пока явно недостаточно материала, и если даже будет доказана, эта общность может быть намного древней, чем возникновение письма на земле.

В заключение хочется сказать, что рецензируемая работа намного расширила наши знания о развитии общей культуры и письменности тюркских народов, она открывает новую эпоху в изучении тюркской рунической письменности. Диссертация А. С. Аманжолова «Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности» отвечает всем требованиям, предъявляемым к подобному рода работам, и автор ее несомненно заслуживает признание ему ученой степени доктора филологических наук.

Отзыв утвержден на заседании кафедры башкирского языкознания от 8 декабря 1975 г.

*Зав. кафедрой, доктор филологических наук,
профессор Г. САИТБАТТАЛОВ*

Диссертация А. С. Аманжолова посвящена одной из актуальнейших проблем истории письма. Значение ее, без сомнения, выходит за рамки тюркологии и будет с интересом после ее опубликования прочитана каждым, кто работает в области теории графики и истории графических систем.

Широкий подход к теме потребовал от автора экскурсов в историю, в этнографию, в общие проблемы лингвистики и в этимологию (тюркскую и индоевропейскую). Во всех этих сферах А. С. Аманжолов выступает как сведущий специалист, и в оценке добытых им результатов не требуется никаких ссылок на недостаточную подготовку.

Будучи специалистом в области общего языкознания и индоевроепестики, я могу, разумеется, возразить против ряда этимологий и сближений, по это частности. Главное в том, что А. С. Аманжолов, написав капитальную работу в сфере истории письма, выдвинув несколько интересных и плодотворных гипотез, уточнив множество неясных чтений, открыв для науки ряд неизвестных памятников письменности, подытожив все, что было сделано до него в области тюркской руники, в частности, и эпиграфики в целом, проявил себя как достойный воспитанник московской тюркологической школы, широко эрудированный специалист, обладающий исследовательским даром и без всякого сомнения достойный ученой степени доктора филологических наук.

*Зав. кафедрой общего и русского языкознания
Алма-Атинского педагогического института иностранных языков,
доктор филологических наук, профессор М. М. КОПЫЛЕНКО*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алтай Сарсенович Аманжолов родился 2 июня 1934 года в г. Алматы. В 1952 году после окончания с медалью русской средней школы № 33 г. Алматы, поступил на восточное отделение филологического факультета МГУ.

А.С. Аманжолов в 1957 году окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Институт восточных языков при МГУ) по специальности "Тюркская филология", там же он прошел аспирантуру и в 1963 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему "Глагольное управление в языке памятников древнетюркской письменности" (научный руководитель – профессор В.М. Насилов). В 1957-1960 гг., а также с 1964 года работал младшим научным сотрудником в АН Казахской ССР. В июне 1966 года он был направлен Министерством высшего и среднего специального образования Казахской ССР в Казахский государственный женский педагогический институт на кафедру казахского языка, где работал старшим преподавателем, доцентом, профессором, заведующим кафедрой до сентября 1979 года.

А.С. Аманжолов – один из ведущих профессоров Казахского национального университета имени аль-Фараби, в 1979–1995 годах заведовал кафедрой общего языкознания, а с апреля 1995 года по настоящее время работает в должности профессора кафедры общего языкознания.

В университете разработал и читает ряд теоретических курсов – "Введение в тюркскую филологию", "Древнетюркский язык", "Сравнительная грамматика тюркских языков", "Общее языкознание", "Грамматическая лингвистика". Эти курсы отличаются современной научной проблематикой, ясностью изложения материала, убедительной аргументацией.

А.С. Аманжолов – крупный языковед, признанный специалист в области сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, истории древнетюркской письменности. Имеет около двухсот опубликованных работ по тюркской филологии и языкознанию, в том числе 5 монографий на русском и казахском языках, несколько зарубежных публикаций на английском и турецком языках. Основные работы: Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. Москва: Наука, 1969, 104 с.; Тюркская руническая графика. Алматы: КазГУ, 1980 (ч. I, 56 с.), 1981 (ч. II, 56 с.), 1985 (ч. III, 48 с.); *Babalar sozi*. Пекин: Улттар баспасы, 1988, 70 с. (на казахском языке, на арабской графике); *Ortak asil miras*. – Ортак асыл мирас. Трабзон, 1994, 38 с. (на турецком и казахском языках); *Türkî filologiyası және жазу тарихы*. Алматы: Санат, 1996, 128 с. (на казахском языке); *Қазақша-орысша лингвистикалық терминология сөздігі*. – Казахско-русский словарь лингвистической терминологии. Алматы: Казак университеті, 1997, 86 с. (2-е издание, исправленное и дополненное – 1999, 75 с.)

Получила высокую оценку специалистов его монография "Глагольное управление в языке древнетюркских памятников" (1969 г.). Докторская диссертация А.С. Аманжолова "Материалы и исследования по истории древне-

тюркской письменности", защищенная в 1975 году, является фундаментальным научным трудом, результатом многолетних изысканий.

В 1980 году окончил ФПК при Ленинградском государственном университете по специальности «Общее языкознание». Проходил научную стажировку в КНР при Пекинском университете (сентябрь 1986 г. - март 1987 г.). В 1988 году в Пекине издана его книга «Слово предков» (на казахском языке), посвященная вопросам изучения древнетюркской письменности.

В 1993-1994 учебном году находился в научной командировке в Турции, читал лекции по современному казахскому языку и сравнительной грамматике тюркских языков в Черноморском техническом университете (Трабзон). В 1994 году в Трабзоне издана его книга «Общее драгоценное наследство» (на турецком и казахском языках).

Выступал с докладами на международных научных конференциях, подготовил 16 кандидатов филологических наук. С 1978 г. профессор, с 1990 г. почетный член Казахского общества охраны памятников истории и культуры, с 1995 г. действительный член (академик) Академии гуманитарных наук Казахстана.

Награжден медалью "Ветеран труда" (1988 г.), орденом "Күрмет" (1999 г.), международной премией Организации Экономического Сотрудничества (2000 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Древняя алфавитная письменность тюркского мира	9
Диалектная классификация памятников древнетюркской письменности	27
К этимологии терминов <i>türk</i> , <i>türgeš</i> , <i>Keçer</i> в орхонских надписях	37
Глава I. ТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ ГРАФИКА	45
Графическая система языка древнетюркских рунических надписей	47
Таблица I. Звуковая система языка древнетюркских рунических надписей	49
Таблица II а, б. Тюркский рунический алфавит	58–59
Правила чтения таласских, енисейских и орхонских надписей (пояснения к тюркскому руническому алфавиту)	60
Глава II. УТОЧНЕННЫЕ ТАЛАССКИЕ И ЧУЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ	85
Т 1	87
Т 2	88
Т 4	90
Т 8	91
Т 10	92
Т 13	93
Наскальная руническая надпись под изображениями горного козла и снежных барсов	94
Две таласские рунические надписи из городища Атлах	96
Чуйские рунические надписи	97
К дешифровке рунической надписи на таласской палочке	102
Глава III. УТОЧНЕННЫЕ ЕНИСЕЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ	107
Е 1	110
Е 2	112
Е 3	113
Е 6	115
Е 7	117
Е 11	119
Е 13	122
Е 20	124
Е 43	125
Е 45	127
Е 46	129
Е 49	131
Е 50	133
Е 51	134

Е 53	136
Е 59	139
Е 69	141
Е 79	142
Е 86	144
Е 98	145
Глава IV. УТОЧНЕННЫЕ ОРХОНСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ	151
Памятник в честь Кюль-тегина	153
Транслитерация	154
Перевод	160
Онгинский памятник	171
Транслитерация	172
Перевод	173
Памятник Тоньюкука	175
Транслитерация	176
Перевод	180
Глава V. ИРТЫШСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ	189
Прототюркская руническая надпись на костяной бляхе	191
Руническая надпись на китайском бронзовом зеркале (Восточный Казахстан)	199
Руническая надпись на бронзовом зеркале местного производства (Восточный Казахстан)	201
Две наскальные рунические надписи в долине Иртыша	203
Иртышские рунические надписи на серебряном браслете и на каменной печати	205
Глава VI. ИЛИЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ И ГРЕКОГРАФИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ..	207
Три наскальные рунические надписи в долине Или	209
Тюркская руническая надпись на бронзовом перстне	214
Прототюркская руноподобная надпись на серебряной чашечке	217
Опыт историко-культурной интерпретации одной «древнегреческой» наскальной надписи	223
Дрениотюркская наскальная надпись древнегреческим письмом	231
Руническая и грекографическая надписи на каменном пряслице с Талгарского городища	235
Глава VII. СЫРДАРЬИНСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ	237
Руническая надпись на керамическом амулете	239
Руническая надпись на сыровом кирпиче	242
Две рунические надписи на керамических сосудах	244
Глава VIII. ЯИКСКИЕ (УРАЛЬСКИЕ) РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ	245
Руническая надпись на бронзовом зеркале (Западный Казахстан)	247
Руническая надпись на сасанидском серебряном блюде (Западный Казахстан)	249

Глава IX. РАЗВИТИЕ ПИСЬМА ОТ ПИКТОГРАФИИ К ИДЕОГРАФИИ (ЛОГОГРАФИИ)	251
К семантике пиктографических композиций эпохи неолита (Восточный Казахстан)	253
Изобразительные и условные знаки-символы эпохи энеолита, бронзы 261 и раннего железа (по археологическим материалам Казахстана)	261
«Шумеро»-тюркские соответствия и изобразительные логограммы	278
Глава X. ГЕНЕЗИС ТЮРКСКОГО РУНИЧЕСКОГО АЛФАВИТА	287
Таблица III. Генетические связи тюркских рун	296
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	306
БИБЛИОГРАФИЯ (использованная литература)	309
SUMMARY	351
ОТЗЫВЫ	353

Научное издание

Алтай Сарсенович Аманжолов

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПИСЬМА

Утверждено к печати Ученым советом филологического факультета
Казахского национального университета им. аль-Фараби

Редактор *И. Кротов*

Художественный редактор *Э. Жаксылыкова*

Технический редактор *М. Оразбекова*

Компьютерная верстка *Наталья Развинавичене*

Компьютерный набор *Казнагуль Алимжанова*

ИБ № 8531

Сдано в набор 10.07.2002. Подписано в печать 28.11.2002. Формат 60x90^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 29,67.
Уч.-изд. л. 21,53. Тираж 2000. Заказ 709.

ЗАО «Издательство «Мектеп», 480009, г. Алматы, пр. Абля, 143.

Полиграфкомбинат корпорации «Атамұра» Республики Казахстан,
480002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.